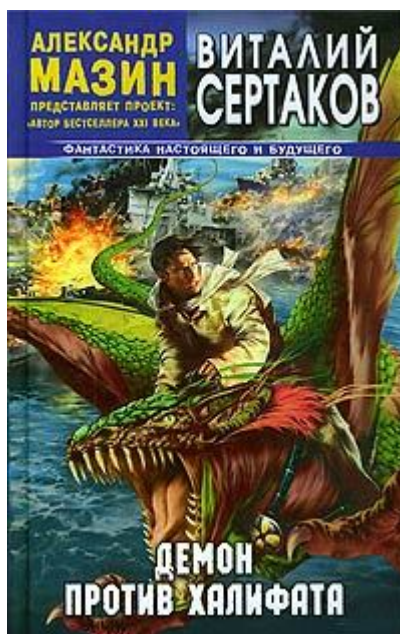

Виталий Сертаков Демон против Халифата

Проснувшийся Демон – 4

Зеленое знамя Пророка — на мачте американского авианосца. Скоро восстановленные боевые корабли США двинутся к берегам России. И сокрушат ее ударами баллистических ракет и безумием тысяч фанатиков джихада. Только одно может спасти страну. Упреждающий удар. И возглавит штурмовую бригаду лично Президент России Артур Коваль, Проснувшийся Демон...

Вместо предисловия ОСКАЛ ДОХЛОГО ЗАЙЦА

...С юга, сквозь буран, долетал запах падали.

Хранительница Книги понимала, что это невозможно, что сквозь сотни километров засыпанных снегом дорог никакой запах не долетит, но ничего не могла с собой поделать.

Те двое, что сейчас мчались к зимовью, несли дурную весть. Наперекор стихии, охраняемые стаей волков, гнали они сквозь ночь черных жеребцов...

Хранительница обмакнула перо в чернила и тщательно вывела на чистом листе:

«Сей день, девятнадцатого января две тысячи сто сорок третьего года, Проснувшийся демон по прозвищу Кузнец начал великую битву за два моря, с войском Карамаз-паши...»

2143 год... На заснеженном северном пределе, вдали от фермерских делянок, в тысячах километров от бурлящего Петербурга, пишется священная Книга народа Качальщиков. Так называют себя лесные колдуны, потомки тех, кто пережил эпидемии двадцать первого века в самых горячих местах. Они способны и сами раскатать матушку-землю, эти люди, привыкшие жить по законам буйных лесов и мертвых городов. Прирастает Книга как со слов пришлых, случайных странников, так и по указаниям Хранителей памяти, что умеют видеть вперед, умеют раскрутить нить судьбы отдельного человека. Полнится Книга рассказами Качальщиков, приводящих караваны со степного славянского юга, пухнет предсказаниями чужих колдунов с дальних восточных рубежей. Много страниц вписано норвежскими

моряками и оленеводами страны Суоми, далекими китайскими и казахскими братьями, пастырями польского народа, торговцами Литвы и Эсти...

К зиме сорок третьего года Книга состояла из десятков тетрадей, обернутых кожей, пересыпанных в сундуках снадобьями от насекомых. Грызунов тетради не боялись, поскольку ни одна теплокровная тварь не осмелится полакомиться имуществом Качальщиков и без приглашения близко не подойдет к лесным деревьям. Тетради старательно дублировали, размножали, а Главы Родов развозили их под охраной и бережно прятали в тайных скитах, в своих родовых хуторах...

Но девушки-помощницы только переписывают, а вести чистовую запись доверено лишь одному человеку — Маме северного рода, Хранительнице Книги. Должность Хранительницы не переходит от матери к дочери; для передачи ее собираются Главы родов со всей России, стольничают несколько дней, обстоятельно судачат об охоте, рыбалке, о видах на урожай. Считается дурным тоном затевать болтовню о Слабых метках, что губят землю на территориях древних заводов, или о наступлении Вечных пожарищ на добрые леса. В такие дни старейшины не рассуждают о Звнящих узлах, с которыми боролись их деды и прадеды, не обменивают пленных шептунов и уродов на стада коров...

Потому что Книга важнее всего. Так заведено первыми Качальщиками, теми, кто еще помнил, как миллионы обезумевших горожан сбегали в леса под угрозой СПИДа и как зараза догоняла их по воздуху, настигала в дачных поселках и удаленных поместьях...

Качальщики слушают уходящую на покой Хранительницу, обсуждают, кто из молодых женщин острее прочих видит и трактует будущее, кто способен ловчее поймать ускользающее кружево фраз, кто смотрит на фразы не сквозь, а сверху... Ответственность на преемнице огромная, ведь Книга несет ответы, за которыми колдуны всех мастей и старейшины едут с самых дальних окраин... Так задумали прадеды, когда стало ясно, что предыдущая Книга, написанная учениками Погибшего на кресте, перестала отвечать на вопросы.

Но прежняя Книга оказалась живуча, и жизнь в ней раздул не кто иной, как президент Кузнец, Странно это и неприятно сознавать молодой Хранительнице Анне Третьей, которая помнит президента России, еще когда он был совсем пацаном, а тупые городские насекомые, начисто лишённые дара чародейства, плевали ему вслед и втихаря обзывали Проснувшимся демоном. Помнит Мама Анна, как молодого несмышлениша, действительно уснувшего в древней машине задолго до Большой смерти, выкрали ее братья у питерских после его векового сна. Человека из прошлого отдали на попечение к брату Бердеру, Хранителю силы и воспитателю молодых Клинков... Так надо было сделать, потому что велела Книга. Так надо было сделать, чтобы позже вернулся обученный Клинок в Петербург, собрал по всей Европе Братство Креста и повернул полки против воинства оборотня-паши...

Книга не всегда отвечает, но никогда не врет, это знает каждый Качальщик. Книга не врет, в отличие от всех прочих документов на планете и в отличие от старой Книги погибшего бога. Прежние святые письма обманывали, они обещали совсем не такой конец... А новая пишется не раз и навсегда, ежедневно. И впредь...

Качальщики получили от матушки-земли силу, невиданную силу, забытую со времен былинных богатырей. Подобной мощью одаривала русская земля сынов и дочерей своих лишь в периоды лихолетья, когда нуждалась остро в защитниках. Пока не сгнуло племя Хранителей, пока нуждается русская земля в обороне от затаившейся фабричной химии, будут скрипеть перья, будут усердно склоняться головы писцов, будут бормотать свои видения пришлые старцы, страшно закатывая глаза...

Именно так, слегка пугая девушек-помощниц, вел себя отшельник Валдис, один из мудрейших Хранителей памяти. Щуплый, маленький, он прилетел на змее три дня назад и уютно устроился на мягких шкурах, у натопленной печи. Нынче он лежал на широкой лавке, в чистом белом платье, периодически макал усы в хмельной травяной чай и гневно бормотал, вздрагивая кадыком. Его многочисленные седые косички подметали дощатый пол; звякали амулеты на запястьях, рокотал воздух в перебитом, по молодости, носу.

Напротив старца, раскуривая длинную трубку, шурилась на огонь Мама — остролицая хмурая женщина с повадками рыси. Две девушки и служка, из клейменных шептунов, почтительно держались педаль. Хранительница Книги слушала Валдиса вполуха, она знала, что помощники исправно сделают свою работу, а разбираться в пророчествах придется позже. Поскольку перебивать гостя не положено, а книга не терпит вопросов...

Валдис утомился и задремал. Остролицая суровая женщина перевернула хрусткую страницу и на чистом листе вывела: «...Собрав войска российского достойное число, в шестьдесят тысяч штыков пешими, а также пятнадцать тысяч сабель, выставил Кузнец кордоны промеж Каспия и Черного, в предгорьях южных. Кинул клич по всему Братству Креста, собрал союз правителей иноземных, а сам с малым флотом достиг тайной бухты, где скрывали янычары древние корабли, с огненными грибами на борту...»

Анна Третья подержала перо над бумагой, но так и не поставила точку. Книга не закончилась. Книга не заканчивалась никогда. Хранительница ждала гостей, прирученным нервным умом она заранее угадывала, что верные братья мчатся сквозь буран с дурными вестями. Сегодняшние гости несли тяжкие вопросы, на которые Книга ответить пока не могла...

«...И снарядил флот военный, из древних кораблей составленный, и грязью покрыв воздух и воду, обошел континент европейский... Имел на борту, в клетях железных, змеев летучих, китайскими братьями пожалованных, для победы над воинством Карамаз-паши и аравийским Халифатом...»

Старик на лавке встрепенулся, втянул ноздрями смолистую жару избы.

— Чаю, Валдис? — Анна почтительно подвинула пиалу с вареньем.

— Исмаил с незнакомым отроком скачут... — Валдис приложился к горячему напитку. — Волки их устали, лапы сбили по насту...

— Недобрые вести слышишь, Хранитель?

— Нет, Мама. Недобрых вестей не бывает, сама знаешь. Каждая весть — как зеркальце: как взглянешь — так и отразится. Зато мысли недобрые коптят небо над Россией, черно небо от гнуса...

Анна Третья невольно поежилась. Пустынники порой не желали изъясняться внятно. Однако именно они предрекли России бурю последних пятнадцати лет. Отшельники предсказали пробуждение Кузнеца в древней машине, которую сам он называл «капсулой анабиоза». И чем это закончилось? Разве стало безопаснее жить в лесах? Кому польза оттого, что освобожденное, смазанное, смердящее оружие прошлых веков вновь царапает матушку-землю?..

«...Собирались трижды в лето и осень сорок второго года Хранители памяти и Хранители меток, во имя равновесия молили духов ниспослать верное решение. Однако чистыми легли страницы Книги, и не сумели в эту осень решить, следует Качальщикам русским поддержать президента Кузнеца в тяжелой войне или предоставить на волю высших духов...»

Визгливая поземка шваркнула в обледеневшие окошки, проскользнула в избу вместе с вошедшими, закутанными до бровей, мужчинами, рванула огоньки свечей. За притолокой заворковали почтовые голубицы, в корзине заволновались, раздулись под сквозняком спавшие прозрачные жабы, доставленные из ракетных могильников Северодвинска и назначенные заменять свечи в случаях крайних. Гости в прихожей стряхивали с сапог снег, девушки принимали у них шубы. За окошком конюх подхватил под уздцы черных разогретых жеребцов, повел отшагать по узкой протоптанной тропке. Белоголовые ушастые волки из личной охраны караванщиков забирались нижним лазом в специально для них отведенный сарайчик, граничащий с горячими печными кирпичами.

Прежде чем выйти в переднюю, Анна перелистнула страницу. Она прекрасно помнила все, о чем там сказано, но сейчас дорога была каждая мелочь. С тех пор как до Беломорья докатились слухи о гибели в подмосковных чащобах Хранителя силы, брата Бердера, взрослое население деревень бурлило. Никто толком не знал, зачем Хранитель силы

подхватил верных отроков, взнуздal дракона и ринулся в самый центр раскачавшейся стихии, на явную гибель и себя, и учеников обрекая. Не поделился Хранитель с братьями, но подозревали многое. Якобы отважился президент Кузнец на дело непотребное — отрыть в московской земле саму Большую Смерть, ядовитую вакцину, прикосаться к которой нельзя, иначе вновь пойдет гулять эпидемия. Якобы Бердер его упредить хотел, да не сумел, сгинул в чашах. И вроде бы не обвинить впрямую президента Кузнеца в гибели троих замечательных уральских Клинков, однако забурлили лесные поселки...

От алтайской тайги до Чудского озера рождались самые невероятные предположения; находились даже такие, кто всерьез подозревал президента Кузнеца в желании распылить Большую Смерть над миром. Анна Третья, по своей должности, не вмешивалась в споры, Хранительнице Книги положено быть беспристрастной и одинаково строгой ко всем. Но это внешне... А внутри... Анна ждала гостей и в десятый раз перечитывала последние страницы, посвященные атаке русских армий на страну Двух башен. Вроде бы Проснувшийся демон все сделал правильно, но...

«...Монахи храма Девяти сердец подвергли Проснувшегося демона смертельным испытаниям, в сладчайшие искушения ввергли его, но Демон избрал путь служения, не сошел с пути. Китайские братья утверждают, что президент отказался вернуть молодость себе и своей женщине, так велика была его тяга стать послушником, и заполучить священных Красных драконов для войны с иноверцами. Кузнец получил Красных драконов, выкормил их своей кровью, привез в страну Двух морей, где древние корабли неприятеля готовились плюнуть огненными грибами и бочками с заразой...»

Анна Третья повела плечом. Подскочили две девушки, набросили на Хранительницу Книги меховую выворотку, предварительно разогретую в предбаннике. Поднесли свежий чай в берестяной чашке. Хранительница хоть и молода была, но не жаловала посуду из мертвого дерева, а из металла — так вообще, боже упаси поднести. Заклюет, шибко вредная; люто блюла Анна обряды, предписанные старцами. Потому и выбрали Качальщики ее новой Хранительницей Книги.

Пока девушки накрывали стол гостям, Анна перевернула еще несколько страниц. Ее не покидало ощущение, что сегодняшним вечером произойдет нечто непоправимое, в Книге появятся сразу несколько новых записей, противоречащих друг другу, способных перевернуть мысли прежние... Она никогда не жаловала президента Кузнеца, не разделяла идеи старейшин о целовании креста, о возвращении Качальщиков к мертвой вере. И не радовалась тому, что мамочки снова начали массово рожать детей. Больше ста лет держалось хрупкое равновесие между могучим волшебством обиженной матушки-земли, темным чародейством Озерных колдунов и слабыми наскоками цивилизации. Больше ста лет мамочки, да и отцы, способные к продлению рода, ценились в городах дороже золота, численность населения оставалась низкой, и вдруг, в одночасье все изменилось.

Плохо это или хорошо, что снова задымили трубы, в тысячный раз спрашивала себя Анна Третья. Хорошо ли, что люди перестали жить покойно и размеренно? А главное... Несмотря на то, что Книга предрекла его пробуждение заранее...

Хорошо ли, что Демона не убили шестнадцать лет назад?..

Равновесие качнулось как раз тогда, когда власть в Петербурге захватил Артур Кузнец. Книга предупреждала об этом, но пророчества ведунов порой смутны. Книга предупреждала, что «насекомые» начнут размножаться в десять раз быстрее, чем раньше, что снова закружат шестерни заводов, отравляя воздух и воду, но в Книге не было указано, как с этим бороться...

Анна Третья непроизвольно скрипнула зубами. Наедине с собой она могла быть честной. Последние годы она все сильнее подозревала, что старейшины разделяют ее страхи, только никто не говорит о них вслух. Качальщики сто двадцать лет спасали континент, но явился этот безумный ученый, и вот...

Равновесие нарушено.

— Мир дням твоим, Мама, — хором произнесли двое мужчин, оправляя косицы. В их

бородах звенели сосульки.

— Мир дням, тепла вам, — приветливо кивнула Хранительница. — Лошади здоровы? Волки целы?

Хранительница нервничала, потому что один из мужчин показался ей незнакомым. В деревню крайне редко наезжали чужаки, а на аудиенцию к Хранительнице Книги их мог привести лишь человек приближенный. Впрочем, вошедший первым был одним из близких братьев...

— Благодарение заступникам, все целы, — привычно проговорил старший из мужчин, седой и высохший, похожий на шуструю ожившую мумию. Он повернулся, отыскивая икону, но, не обнаружив искомого, перекрестился на пустой угол.

Мама Анна насмешливо хмыкнула. Пришлый остро глянул из-под седых бровей, но Хранительница уже закрыла лицо широкой дымящейся чашкой. Она задышала свободнее, поскольку узнала, наконец, второго посетителя. Впрочем, удивление все равно осталось; этот человек с плоским невыразительным лицом, с черными щелочками глаз, только казался молодым...

— Приятно видеть тебя другом, брат Цырен, — улыбнулась Анна.

— Приятно думать, что мы всегда остаемся друзьями, — с легким акцентом произнес бурят. Разоблачившись, он остался в желтой накидке; бритую голову покрывали непонятные письмена.

— Разве нет, Мама, в обители твоей иконы? — ровно любопытствовал седой старик.

— Я просила тебя, Исмаил, не поминать мертвых богов...

— Разве ты сама хоронила бога, что считаешь его мертвым? — все так же, не повышая голоса, откликнулся Исмаил.

Юные прислужницы затаили дыхание.

— Я тебя поздравить хотела, — сменила тему Анна. — Валдис сказывал, избрал тебя Урал старшим Хранителем меток. Так ли?

— Избрали, сестра, благодарствую...

— Высока честь, брат. Скажи теперь, тебе старейшины поручили следить, что мне надлежит в избе держать? — нанесла удар Анна.

— Но, сестра! Качальщики признали Того, кто умер на кресте, да святится имя его, — беззвучно добавил Исмаил и снова перекрестился. — Ты не можешь отменить общее слово...

Анна Третья поморщилась.

— Я ваших сходов не касаюсь. Неудобна стану Совету родов — так уйду в скиты, Книгу передам. А насильно поклоны бить не заставите! Поклонились Кузнецу, теперь и богам его поклоняетесь...

Исмаил крикнул, незаметно придержал за локоть своего молчаливого приятеля. Тот дипломатично поклонился, сел поодаль на лавку, занялся едой в своей чашке.

— Не забыла ли ты, сестра, что Кузнец внуков наших в Петербург, в учебу взял, что охраняет их, да каждый год оброк по всем лесным поселкам рассылает? Разве не обещались мы, что взамен примем веру прежнюю, лишь бы братоубийство сдержать?

Под пристальным взглядом Исмаила Анна Третья смутилась. Вместо того чтобы продолжать спор на скользкую тему, она отодвинула полог и вынесла гостям последнюю из кожаных тетрадей.

Ее не оставляло чувство, что гости таят дурную весть.

— Вот оно, что ты просил... Это поважнее крестов ваших будет...

— Так Валдис уже тут? — привстал Исмаил, заведя в щель лежащего у печи отшельника.

— Притомился. Почитай, двое суток без продыху вещал... — Анна махнула девкам, чтобы ставили горячее, мясное. — Аль будить?

— Нет уж, пусть его, — Исмаил распустил веревку, стягивающую на затылке косички. На волосах его до сих пор играл иней. — Все едино, сам не разберет, чего натолковал...

— Это точно, дед Валдис мудрено говорит, — неожиданно мелодично рассмеялся Цырен. Он принял у девок вторую свечу и вместе с наставником склонился над Книгой.

Анна перечитывала эти строки уже трижды, но все равно затаила дыхание.

«...В ночь на шестнадцатое января Хранитель памяти Валдис, сын Хранителя меток Ивара и почтенной Оксаны Второй, имел видение ясное... Бежит от северных болот седой волк светлоглазый, на заливке у него заяц дохлый скалится, а следом за ним волчонок спешит, подвывает. В глазах того волка — холодный огонь буйный, никакая преграда его не удержит. Как ударит зверь лапищей, стонет матушка-земля, сосны на корню засыхают, а вместо мягкого мха железом земля оборачивается... Поспешает зверь северный, но как не торопиться, по сторонам от железной тропы два аспида гонятся. Гнилью они плюют, не дают волку оторваться. Слева аспид желтый, как зрачок тигра, плюет гнилью желтой; смердит от яда того земляца, мрут черви в ней, пчелы на летудохнут... Аспид правый, напротив, темен и лохмат, по тени скользит, мрак души человеческой его питает, а поперек дорожки волку светлоглазому летит слюна ядовитая. Глаза и уши волку аспид лохматый выгрызти хочет, все ближе подбирается. Бесится волк, на сторону метнуться бы рад, да заяц дохлый на плечах к земле давит, держит цепко...

За хвостом волка бегут стаи послушные, рвутся сквозь буреломы северные, грудями льды ломают, рвутся на восток, к глубокой теплой воде. Мерзости в той восточной воде так много намешано, что дыхание зловонное на два дня вперед от нее летит, но волку северному сладостно его вдыхать... Оглядывается порой зверь, да роняет в землю клык, кровью облитый, со звездой ясной на гребне, и там, где он клык уронит, спотыкаются несколько псов его, да навечно остаются, стеречь пропажу... Широко бегут стаей, ан не пролезть стае в игольное ушко, в щелочку малую, меж валунов медвежьих, только один волк, прижав уши, проползет, а за ним — остальные. Пахнет железом меж валунов сырых, да не ждут псы ярости от железа, лижут пятки волоку, ведь ему металлы послушны. Не ждут вреда, да в щели узкой затаилась злоба великая, против нее ворожба бессильна...

— А дальше? — разом выдохнули мужчины.

— Дальше — ничего... Уснул Валдис, затем уж о рыбном промысле заговорил...

— Как всегда! — стукнул кулаком старик. — Устал, уснул, нету точных пророчеств...

— Точнее некуда, однако... — Бурят Цырен полотенцем промокнул испарину с голого темечка, придвинул тарелку с блинами. — Жив будет ваш президент, дойдет до Байкала...

— А потом, после Байкала?

— Потом — неведомо.

— Пошто ж не подмогнете ему? — недобро усмехнулась Анна, осторожно обернулась на дверь в покой, где спал Валдис. — Коли не напутал отшельник, стало быть, болота Желтые всю тайгу жрут...

Привлеченный запахом жаркого, под потолком захлопал крыльями мурманский летун, огромный, седой, с перебитым клювом. Мама Анна, не глядя, взяла из чашки кусок мяса, кинула в темноту. Вампир чавкнул, снова выжидательно затих.

— Против болот Кузнецу китайские братья помогут, об том уж давно промеж ними решено, — уклонился Исмаил.

— Вот только, как помогут? — сердито встрепенулась Анна. — Вакциной помогут? Хороша помощь будет, болото точно вымрет. А вместе с болотами и нам конец...

— Обещался Кузнец, что Большую смерть близко к деревням Качальщиков подпускать не станет, — возразил Исмаил. — Тута для нас выбору нету, Желтая зараза всю тайгу до Урала пожрет... Меня иное печалит, Мама. За тем и братья послали...

— Выходит, не сам-один пожаловал? — насторожилась Анна. — Никак, старейшины совет держали втихую?

— Это все Валдис наболтал? — хрипло осведомился Исмаил, еще раз перечитав лист. — А сам-то, хорош, туману напустил... Вот ведь, словно дразнится, не хочет открыть правду...

— Ты ведь тоже знаешь больше, чем говоришь? — выждав, пока гости отведают

блинов, полуутвердительно спросила Анна. Ее острые скулы пылали. — Пошто коней загонял, неужто сказок послушать?

— То не сказки, Мама. Все прочли мы, нет более?

— Много чего, да про того, за кем ты спрашивал, нету боле, — кивнула Анна. — Я тебе болючее самое показала.

— Дядюшка Исмаил, довольно ли тебе сказаний? Все ясно тут, однако... — заметил младший гость.

— Все тут ясно, — Исмаил принял из рук Хранительницы раскуренную трубочку. — И правда, самое болючее. Кузнец на восток идти собрался, слышала?

— Как далеко?.. — Мама сглотнула. — Дальше Байкала?

— Дальше, до самых краев земли, — Исмаил подергал бороду, отпил чая. — На самый, что ни есть, дальний восток собрался. Волк, стало быть, мох в железо лапой обращает... Э-хе-хе, и то верно! Железный путь до Владивостока он по новой отстроить собрался и паровики по нему запустить. А вдоль пути клыки роняет со звездами, тоже понятно. Я с народом в Тамбове да Катеринбурге помолвился... Будет станции древние и да поселки фабричные заселять, лихоимцев из острогов выдаст, кто справно срок тянул, да с семьями вдоль чугулки расселить хочет.

— Снова грязь поползет... — застонала Мама Анна. — Да как же? — внезапно спохватилась она. — Про волчонка-то упомянуто? Это к чему? Сына, Федьку, что ли, с собой хочет таскать?

— Старшего сына-то убили у Кузнеца, — Исмаил почесал в затылке, осушил кружку. — Стало быть, Федьку приучать к седлу собрался... Нда, не потерял жилу старый Валдис! Толкует то, о чем еще нигде и не болтают!

— А что такое за два аспиды, Исмаил? — недоуменно потерла переносицу Анна. — Ежели целое воинство псов за президентом бегит, что ж за страх перед змеями? У его самого змеев хватает, да тигры приручены к тому же, любую пакость порвут...

— Желтый аспид — это как раз не диво, — Исмаил переглянулся с бурятом, тот задумчиво кивнул. — Супротив Желтых болот Артур потраву ищет, напугал нас здорово, когда дрянь эту в котле в Питер привез. То не аспид, толкование слушать иначе надобно.

— А темный аспид — что за напасть? — настороженно замерла Анна.

— Это... вот, брат Цырен к тому и прилетел... — передал бразды разговора Исмаил.

— Меня досточтимый геше Содбо послал, — бурят кротко сложил руки. — Один почтенный боболама из горного дацана был в гостях в Храме Девяти сердец, у китайских братьев. Там две новости удивительные услышал, одну добрую, другую — недобрую, однако. Добрая новость, что китайские монахи обещали послушнику Клинку помощь, до восточного моря по суше добраться, до древнего города Шанхай. Обещали вакцину смертельную найти, чтобы Желтые болота травить...

Лысый монах подул на веточки, плавающие на поверхности чая.

— Ну а дурная весть? — не утерпела Хранительница.

— Не пропустят шаманы его паровики через бурятские земли, — коротко обронил Цырен. — Ваш колдун Валдис верно слышит завтрашнее, однако... Монахам китайским и нам в дацане дела нет, но мандарины с шестью самыми сильными бурятскими улусами по рукам ударили. Не нужны им русские города в тайге, не нужна им старая граница по Амуру, которая до Большой смерти Россию и Китай делила... Все свое колдовство, всю силу военную пошлют улусы, нападать будут в узких местах, под камнями... Им мандарины земель навечно обещали выделить, а русскими пугают. Там такие места есть, железная дорога прямо в горе, внутри металл течет, однако...

— Это называется «тоннель», — важно оттопырил губу Исмаил. — Я в книге инженерной сам читал!

— Но буряты лее... — Мама в растерянности потерла нос. — Ты сам бурят, брат Цырен! Никогда же не дрались наши парни промеж...

— Мы в дацане священному Сиддхартхе, мудрому учителю поклоняемся, — торопливо

уточнил гость. — Не может у учеников святейшего ламы быть ненависти к русским братьям. Против президента выйдут шаманские улусы с Алааг Хана, сильные воины, нет им равных. Они внуками Чингисхана себя называют, однако, но не только в стрелах и огне опасность для паровиков...

Цырен вежливо оторвал кусочек блина, обмакнул в бруснику. Мама Анна боялась громко вздохнуть.

— У настоятелей храма Девяти сердец много ушей и глаз. Боболама слышал в монастыре, что шаманы против русских призвать эзэна подземного царства собираются, самого Эрлиг-хана...

— Это что за пакость? — удивилась Анна. — Чай, Кузнец отобьется, не впервой... Исмаил, это ж вы ему, братья, позволили пушки древние из хранилищ повынимать. Супротив пушек да бомб древних кто в тайге устоит?

— Я так мыслю, что геше не послал бы к нам брата Цырен а, кабы пушки тута помогли, — грустно улыбнулся Исмаил.

— Тепла вам! — раздалось из-за мехового полога. — Эх, Мама, такие гости! Почто не будишь? — В дверях улыбался заспанный Валдис. — Кого я вижу! Никак сын досточтимого Буянто, почтенный монах Цырен! Тепло ли в Улане?

Мужчины обнялись. Висящий вниз головой летун оживился и заклокотал, когда прислужница внесла Длинное блюдо с горячей олениной.

— Я слышал... — прошамкал Валдис. — Слышал ваши речи... Ты прав, Исмаил, но вдвойне прав будет тот, кто скажет, что настоятели храма Девяти сердец просто так воздух речами не колышут. Они намекнули боболаме на опасность для русского президента, потому что хотели, чтобы до нас это дошло. Не хотели бы — не дошло бы...

— Это верно, — кивнул монах. — Приязнь явную своему послушнику орден проявил.

— Ну, хорошо... А заяц? — Анна пытливо переводила взгляд с одного собеседника на другого. — Прочее мне ишо растолмачат, ишо посидим, повертим вместе. Главное, что супостатов муслиских Клинок прижмет, это в радость, не подпалят русскую землю... Я про зайца вот, и так и эдак кидала, не пойму, что за зайчишка заодно с аспидом...

— А Валдиса спытать не решилась? — Исмаил скупой улыбнулся, бурят подмигнул. Они выглядели точно заговорщики.

— А то ты не знаешь, что Валдис ни черта не помнит? — озлилась Мама.

Старик виновато развел руками. Все засмеялись, но невесело.

— Про зайца есть мыслишка... — Исмаил полез в печь за угольком. — Нюх у тебя не потерялся, Мама. Про зайца дохлого самая мыслишка главная и есть...

Цырен развязал кожаный мешочек и вытряхнул содержимое на лавку. Вампир под потолком тревожно заверещал, забурчали в корзине светящиеся жабы. Анна Третья невольно отпрянула, мигом почуяв вонь Вечного пожарища. Так вот откуда несло темной падалью сквозь снега!

На лавке лежала заячья шкурка, но не совсем обычно выделанная, и не совсем заячья. Зверек был очень крупный, невероятно крупный. Кроме того, зайцу оставили череп, умело обработав его, сохранив шерсть и зубы.

— Это тварь с пожарища? — безгласно спросила Хранительница.

— Это онгон, Мама... Не прикасайся! Онгон темных духов, его перехватили монахи, близкие друзья нашего брата Цырена. Догадайся, где нашли? В Екатеринбурге, в вагоне паровика, что для президента готовят...

Валдис хлопнул себя по колену, смачно выругался.

— Прости уж, брат, не все я увидеть способен...

— Разве тебя винит кто? — отмахнулся Исмаил. — Вагоны для бронепоезда там готовят, на заводе; канцелярия президента заказ уже оплатила. Дело-то, навроде, секретное, и мы об том не слыхивали, что с Урала вагоны в Питер погонят. Навострился Клинок секреты городить, ничего не скажешь, навоострился! Однако ж, пронюхали бесы клятые, пролезли как-то на завод...

— Сболтнул кто, купился, — коротко заметил Валдис. — Повезло Кузнецу, что заметили...

— Не повезло! — резко вступил в разговор бурят. — Президент Кузнец еще два года назад последователям ламы деньги выделил, землю выделил, каторжан пригнал, на строительство дацанов и школ. В Екатеринбурге, в Миассе, в Челябинске построили, однако. От злых людей монахов огородил, грамоты заступные выделил, чтобы три года с земли налог не платить, охрану даже прислал... Как можно говорить, что повезло? Среди монахов есть Двое, деды их шаманы были сильные, а дар такой, сами знаете, по крови к внукам переходит. Почуяли темных духов, сами вышли к заводу, затем уж губернатор приехал... Доски оторвали от пола, как раз там, где спальню президенту украшали, а под полом...

— Но... брат Цырен, ты же не веришь шаманским сказкам, ты же...

— Мы верим тому, что завещал Гаутама, но это не мешает нам убивать тех, кто несет хаос.

— Чудно как-то, — поежилась Анна. — Заяц... Проще яду подсыпать или стрельнуть издалече...

— Не проще, — Исмаил глянул на Хранительницу искоса и угрюмо. — Давно не проще. Стерегут президента теперь десятки булей, коты, тигры, я уж о чингисах не говорю. Веселый он человек. На юге сам-один дерется, а в родной земле за частоколом прячется... Так что, отравить не получится, — подытожил Исмаил, как будто с ним всерьез обсуждали эту идею. — И ножом не достать, только темной силой...

— Изловили шаманов?

— Как сгинули... До наших-то поздно докатилось. Шибко гордый Артур стал, о помощи не просит...

— Значит... Эта вот пакость вонючая могла Кузнеца погубить?

— Мы ж к тебе спешили, сестра, чтобы Книгу спросить, — тихо произнес Цырен. — Раз ваша Книга молчит...

— Когда Книга на важный вопрос ответить не может... — Хранительница замаялась.

Все присутствующие и так прекрасно понимали, что означает молчание рукописных страниц, хотя вопрос стоял наиважнейший. Хозяин страны частенько подвергал себя опасности. Качальщики выпрашивали оракулов, и Книга всякий раз, тем или иным способом, отвечала, что президент и дальше будет жить.

На сей раз Книга молчала. За последние месяцы в ней не появилось даже малейшего упоминания о дальнейшей судьбе президента.

— Если улусы на курултае так порешили, то не отступятся, — тяжело вздохнул монах. — Кузнеца убивать будут, однако.

— Его уже пятнадцать лет убивают, — фыркнул Валдис, — И так, и эдак убивают, а он только румянее и толще...

— За что твои родняки его так ненавидят? — Анна Хранительница Книги бесцеремонно вперилась в бурята.

— А ты его разве любишь, Хранительница? — В черных щелочках глаз Цырена отразились искорки свечей. — Проснувшийся Демон не молод, но похож на молодого тигра. Знаешь, как ведет себя молодой тигр? Он расширяет охотничьи угодья.

— Не всем это по нраву, — подхватил Исмаил. — На юге, у Каспия большая буча зреет, и донские племена под питерским налогом не хотят жить, кавказники ножи точат. Их только дивизии бешеного Абашидзе и сдерживают. Неизвестно еще, чью бы сторону кавказники взяли, за Россию бы встали или за Карамаз-пашу, ежели бы Кузнец первым пушки не подвез...

— Погодь, брат! — оборвала Мама. — Что решили Главы родов? Вокруг да около ходишь, брат, да истины не слышу! Неужто впервые покинули вы Клинка своего? Неужто не пойдут Хранители с Кузнецом в Сибирь?

— Разве Кузнец — дитя малое? — уклонился от ответа Исмаил.

— Ах вот как, хитрецы! Поняла я! — ахнула Мама. — Вы Книгу почитать торопились;

вдруг в ней, как и прежде, сказано, что выживет президент и дальше править будет? А коль молчит Книга, можно его бросить, так? Мне наплевать, кто он там среди насекомых, президент али сам бог, вы же Клинка своего на погибель отпускаете...

Исмаил открыл было рот, да осекся, подергал себя за бороду. Слово опять взял бурят.

— Не так все складно, Мама Анна. Хранители долго думали, однако детей своих по следу Большой смерти посылать не станут. Просил Кузнец три десятка лучших Хранителей меток, но не получит...

— А ты пойдешь с ним, брат Цырен?

— Брат Исмаил меня вызвал. Я поеду с президентом. Мои деды родились не на пожарище, я не боюсь вакцины, однако.

Анна уставилась на Исмаила, тот был абсолютно серьезен, Валдис тоже погрузился.

Улыбался только мертвый заяц, всеми восемью клыками и двумя рядами мелких зубов.

Часть первая БИТВА ЗА ДВА МОРЯ

1

ГИБЕЛЬ ШЕСТОГО ФЛОТА

...Первые два красных дракона ворвались в чрево «Рональда Рейгана» через распахнутое жерло авиационного лифта. Коваль отправил их туда, чтобы стимулировать массовую панику на борту и дать возможность еще двоим беспрепятственно зайти с другой стороны, для атаки на бортовую авиацию. Диверсионной «двойке» предназначалось самое ответственное задание, на первый взгляд, абсолютно невозможное. Им предстояло прогрызть корабль внутри, добраться до кормы и напроочь вывести из строя ходовую часть.

Артур толком не представлял, как устроена эта самая ходовая часть, но мысленно постарался транслировать «маленьким друзьям» очертания турбины и то, что им предстояло с нею сотворить. Черви были Достаточно сообразительны, чтобы без подсказки найти слабое звено, и по очереди, сменяя друг друга, искалечить авианосцу внутренности.

Они проносились по затемненным коридорам плавучего гиганта, в мгновение ока перекусывая возникающие на пути препятствия, вскрывая стальные крышки люков, как консервные банки, растирая в кашу не успевших убежать матросов. Даже в тесном пространстве красные монстры двигались с такой ужасающей скоростью, что, не готовые к появлению противника, янычары просто не успевали понять, что же они видят в последние мгновения своей жизни.

Питомцы храма Девяти сердец не плевались огнем, как их русские собратья, но обладали колоссальной пробивной мощностью. Со всего маха вонзившись костистой мордой в узкое окошко иллюминатора или в отверстие воздуховода, червь в считанные секунды прогрызал любой материал, расширяя дыру, куда тут же пропихивалось многометровое чешуйчатое тело.

Там, где проползали летучие гады, оставалась череда рваных отверстий метрового диаметра, свисающие, оборванные провода, непоправимо изувеченные механизмы и десятки трупов...

Кто-то стрелял вослед, кто-то отважно погибал, бросаясь на ящеров с багром и саблей, офицеры пытались организовать сопротивление, но животный страх перед визжащей неистовой смертью оказывался сильнее дисциплины. Внутри гигантского корабля покатилась волна паники. Сотни грузчиков, рабочих, механиков бросали дела, не подчиняясь приказам командиров, стремились наверх, любой ценой — только к солнцу.

А там их встречали еще две стремительные кровожадные молнии. Перепуганным корабелям открывалось зрелище, после которого лучшим выходом казалось ринуться вниз, с высоты тридцати метров. Одним ударом круглых спаренных челюстей, ящеры перекусывали фюзеляжи самолетов, отдирали «с мясом» крылья и, не останавливаясь, не замечая шлепков

пуль, бросались на следующее препятствие.

Вой и визг разрывал барабанные перепонки, наслаиваясь на уханье тяжелых орудий...

Миноносец «Клинок» продолжал продвигаться к порту, не получив пока серьезных повреждений. Технический гений адмирала Орlando раскрылся во всей красе. Корабль ошестинился сотней дополнительных пушек, снятых с сухопутной российской техники. Практически весь верхний ряд иллюминаторов превратился в линию крепостных бойниц, в которых дымили орудийные жерла. Вместо офицерских кают за укрепленной броней был проложен сплошной настил, по рельсам вдоль него перемещались вагонетки со снарядами, расчеты стреляли поочередно, создавая ощущение непрерывного огня. Благодаря хитрости Орlando, один «Клинок» оказался вооружен лучше пяти неприятельских кораблей. Единственный минус состоял в том, что тяжелые танковые пушки пришлось намертво приварить к станинам, и стрелять они могли только прямой наводкой.

...Ближайший американский эсминец горел, капитан не додумался или не успел отдать команду к развороту, и разрывы от попаданий «Клинка» выстроились кошмарным пунктиром, от носа до кормы, превращая глянцевито выкрашенные надстройки в дымящуюся, горящую кашу. При такой плотности стрельбы не выдерживала никакая броня, особенно учитывая, что адмирал запасся преимущественно фугасными снарядами.

В считанные минуты чужой эсминец превратился в пылающий факел, дал крен на правый борт и, потеряв Управление, начал опасный дрейф к грузившемуся по соседству крейсеру. Уцелевшие орудия эсминца еще продолжали огрызаться, но в пробоины хлынула вода, крен усилился, и корабль со страшным треском воткнулся в борт своего собрата.

Командование крейсера, если оно вообще находилось на борту, могло лишь страдальчески взирать на происходящее. Могучее судно находилось на плаву, но, судя по окружавшему его сплошному настилу из плотов и вспомогательных механизмов, в ближайшие дни сниматься с якоря не собиралось. При виде надвигающегося перекошенного борта эсминца обитатели плавучего городка бросились врассыпную, но мало кто успел скрыться.

Продолжая заваливаться на бок, горящий эсминец с протяжным гулом подмял под себя домики на понтонах, барахтающихся людей и ударил в борт линкора «Тикондерога». Там немедленно что-то взорвалось: вначале слабо, а затем словно бы началась цепная реакция, и взрывы слились в сплошной рев. Над морем, широкими огненными параболами, разлетались пылающие лохмотья, падали в воду, продолжая гореть даже там и калечить улетающих на лодках матросов. Гибнущий эсминец практически лег на правый борт, ломая мачты и ржавые локаторы; над сцепившимися кораблями выросло жирное облако черного дыма, а вопль обезумевших матросов на секунду перекрыл мерное грохотание боя.

— Спасайся, братва!..

— Иль алла...

«Клинок» начал забираться вправо, перенеся ураганный огонь на следующего противника. Черви на палубе «Рейгана» покончили с самолетами, загнали людей в трюмы и сами рванули вслед за ними, помогать своим товарищам. Как раз в этот момент «Клинок» пережил первое серьезное попадание, это пристрелялся другой крейсер, стоящий у самого пирса, а Артур ощутил болезненный укол в сердце. Один из «маленьких друзей» погиб от потери крови. Он упал, простреленный сотней пуль, в дебрях машинного отделения «Рейгана». Буквально напигованный свинцом, до последней секунды он не знал пощады к врагам. Коваль и сам был потрясен тем, сколько злобы скрывали его подопечные. И с каждой минутой боя они становились все менее управляемыми...

— Ай, навались, ребята!

— Огонь, огонь, черти дубовые!

— Не зевай, латай дыру!

Орудия правого борта поливали металлом флотилию вражеских вспомогательных судов, опрометчиво кинувшихся наперерез. Сверху было видно, как сплошная стена водяных смерчей приблизилась и накрыла пограничные катера, прогулочные теплоходы и увешанные

оружием спортивные яхты. Там где артиллерия «Клинка» неторопливо проутюжила море, на поверхности остался лишь слой мусора и масляные пятна. Кто из экипажей противника успел сообразить, те направляли шлюпки обратно в море. Но там их уже поджидали черви.

Которые получили приказ уничтожать все живое в воде.

Коваль не верил, что доморощенным механикам Карамазы удастся запустить атомный реактор авианосца. Обладая супруги Дробиченко хоть восемью пядями во лбу, такой научный кряж им было не одолеть. Но еще меньше он верил, что колоссальный корабль собирались таскать против течения на буксирах...

— Вали их, ребята!!

— Ты глянь, как змей беснуется!

— Исчадие адово, чур вас, чур!

— Да не тронет своих, не дрейфь, они у Кузнеца заговоренные...

Он спросил себя, что сделал бы сам в такой ситуации. И сумел найти только одно решение: если у «Рейгана» не имелось альтернативной силовой установки, оставалось демонтировать и перенести дизельный двигатель с другого корабля. Крайне сложно, но вполне осуществимо. Им достаточно набрать хотя бы тридцать процентов мощности, чтобы подняться до Балтики и оттуда угрожать всем союзникам сразу...

Авианосец требовалось утопить, чем раньше, тем лучше. И желательно, на виду у всего остального флота. Три уцелевших дракона продолжали свое дело, выворачивая наизнанку внутренности вражеского флагмана.

Тем временем, в непосредственной близости от «Клинка», события развивались с бешеной скоростью. Мирная пепельная рябь, покрывавшая гавань, превратилась в бурлящий бульон. С покрытого ракушками днища перевернувшегося эсминца с воплями кидались в воду сотни крошечных фигурок. Люди хватались за доски и гребли в сторону берега. Встречная толпа спасающихся вплавь моряков двигалась со стороны авианосца. На ходу, подбирая пловцов, русский корабль преследовали служебные транспорты противника. С них даже не пытались стрелять, но вполне возможно, что собирались ринуться на абордаж. Между спасательными шлюпами и пловцами резвились два посланника Храма. Они выскакивали из воды, перекусывали очередную добычу и снова проваливались в бездну, распространяя вокруг себя целое озеро крови. Плотная завеса дыма окутала акваторию, мешая нормально вдохнуть. Артур был вынужден подняться выше, чтобы не слезились глаза.

Следующая «двойка» червей прорвалась внутрь стоящего на приколе крейсера, но его пушки продолжали палить, нанося «Клинку» ощутимый урон. После нескольких попаданий вышли из строя сразу шесть или семь дополнительных орудий; в борту образовалась рваная дыра, а расчеты, видимо, были полностью уничтожены.

Внезапно из дымной завесы, под прикрытием горящего крейсера, выскочили два заградителя и открыли пальбу из зениток. Орудовавшие в воде десятиметровые живодеры оказались под перекрестным огнем. Коваль ощутил крайне болезненный укол в сердце, когда один из драконов всплыл, разрезанный на несколько частей. С ближайшего заградителя послышался ликующий рев. Там, на носу, возле зениток, приплясывала от возбуждения разношерстно одетая публика.

Второй дракон, раненый, успел уйти в глубину.

Впрочем, на заградителе радовались не долго. Забыв вовремя сменить курс, они попали под обстрел кормовых орудий «Клинка». Орландо, видимо, тоже не зевал, оперативно перенес огонь с удаленных целей на ближние и начал бить прямой наводкой. Не прошло и минуты, как оба заградителя превратились в пылающие, бесцельно дрейфующие консервные банки.

— Не давай уйти супостатам!

— В море хотят уйти, отсекай гадов!

...Два взрыва, один за другим, у самого борта «Клинка». Столб воды взметнулся на двадцать метров, окатив палубу. У Ковалю похолодело в груди от явившихся взору

повреждений. Значительный кусок обшивки взлетел на воздух, обнажилось пространство под верхней палубой. Там гуляли языки пламени и металась фигурки в синем, люди тащили шланги насосов и вытаскивали раненых. Вода потоком хлестала сквозь пробойну в борту.

Но канониры «Клинка» не прекратили стрельбу. Маломерный флот врага уверенно сомкнул объятия вокруг эсминца, поливая его из пулеметов. Артуру было видно, как одного за другим расстреливали отчаянных наводчиков на башнях, как вылетели стекла на капитанском мостике, как загорелись спасательные шлюпки. Плотность огня была такая, что маленькие немецкие канониры даже не могли выбраться наружу, чтобы забрать раненых.

«Клинок» неумолимо пер прямо навстречу стволам пришвартованных крейсеров.

Один из драконов вновь выскочил на палубу «Рейгана». Артуру было очень непросто уследить за происходящим, поскольку, в отличие от любимой Катунки, бородатый ящер под ним не умел зависать на одном месте, он беспрестанно вопил и кружил. В бинокль президент видел, как на палубе суперкорабля завалился на крыло один из «Хористов», затем перевернулся второй, третий, опрокинулась радиомачта. С борта снова посыпались в воду крошечные фигурки...

Два других ящера стремительно атаквали идущий наперерез фрегат бывших итальянских ВМС. На верхней палубе корабля сотни матросов и грузчиков, не замечая опасности с неба, столпились поглазеть на «Клинок», другие разглядывали горящий авианосец. Первый дракон упал на толпу и проделал в людской массе широкую брешь. Там, где он бился неуловимым упругим телом, заблестела жуткая кровавая дорога, усеянная десятками искалеченных трупов. Его собрат, тем временем, проломил башкой окно рубки и проник внутрь.

Орландо разворачивал «Клинок». Теперь заговорили орудия правого борта, а башня главного калибра продолжала размеренно превращать в труху все, что попадалось на берегу, — портовые краны, склады, скопище многоместных палаток, обезумевших лошадей вместе с телегами, залежи продовольствия и боеприпасов, ряды катеров, не успевших отчалить. В порту царил настоящий ад, горела полоса земли шириной метров сто, дальше за плотным одеялом дыма Коваль не мог рассмотреть.

Артур тревожно обшаривал взглядом колышущуюся у берега полосу жирного пепла. Оставалась опасность, что бойцам Карамазы удалось вернуть в строй субмарины, но Коваль надеялся, что турки не станут запускать торпеды вблизи собственных кораблей.

Тем временем канониры «Клинка» пристрелялись и подожгли второй вражеский крейсер, но чтобы потопить такую махину, требовалось время. На крейсере открыли шквальный огонь. Буквально в течение минуты «Клинок» лишился ракетных установок левого борта, затем было повреждено электропитание, образовались еще две опасные бреши...

— Насосы давай!

— Задраить люки, мешки тащи!

— Ааааааааа!

Вражеский эсминец пошел ко дну, подняв маленькое цунами, и сразу вслед за его, почти беззвучным Погружением по ушам ударил немыслимый грохот. Подожженный собратом, но чуть было не спасшийся, крейсер ахнул и начал разваливаться пополам, извергая ревущие языки пламени. Канониры ухитрились попасть в пусковые шахты, и на крейсере, одна за другой, начали рваться ракеты.

Неясный гул и треск все отчетливее заполнял паузы между уханьем снарядов и отрывистым лаем пулеметов. Коваль знал, что будет громко, но что будет так громко, не ожидал. Он крикнул, и не услышал собственного голоса, барабанные перепонки словно залило густым сиропом. Морской соленый воздух, казалось, превратился в громадную перину, которую рвали на части абордажными крючьями.

Фактор внезапности свое действие закончил. В гавани пришло в движение все, что могло двигаться. Слева, наперерез «Клинку», тяжело набирал ход второй итальянский фрегат, за ним разворачивал нос уцелевший эсминец. С эсминца стреляли непрерывно, судя

по всему, на цель наводили практически наугад: снаряды поднимали столбы воды за кормой и потопили несколько собственных лодок, опрометчиво ворвавшихся на линию огня. Справа, пытаясь заслонить незащищенный борт авианосца, маневрировали тральщик и целая армада мелюзги, сверху похожая на косяк оголодавшей рыбы. Первым напирал десантный катамаран, с носа которого броню «Клинка» весело поливали огнем две скорострельные пушки. Пулеметчики действовали до обидного умело; Коваль с досадой следил, как вдребезги разлетаются осколки иллюминаторов и окон палубной надстройки. На палубе «Клинка» начался пожар, но спасательные команды не могли и носа высунуть под шквальным огнем турок. Третий укол...

Ковалю показалось, будто шершавая холодная лапа передавила ему аорту. Первый, ближайший к «Клинку» фрегат потерял управление, но в недрах его погиб еще один червь. Он погиб не зря. Пока враги поливали его горящим маслом и рубили на части, Он успел проделать в днище корабля огромную дыру, и теперь стальная машина, со скрипом и утробным бурчанием, погружалась в пучину. Из всех щелей выскакивали члены команды и кидались в воду, стремясь успеть отплыть подальше. Артур кружил выше и, как замороженный, следил за гибелью очередного красавца-корабля. Некоторое время в пепельной гуще, брюхом кверху, плавал вертолет...

На «Клинке» вопили «ура!!».

С радостным удивлением Артур отметил, что большая часть неприятельского флота сию минуту сняться с якоря совершенно не готова. Он увидел бесконечные мостки, перекинутае через понтоны, по которым с берегов на корабли раньше сновали тысячи полуголых носильщиков с грузами, а теперь все они разбежались и попрятались; увидел ряды плотов, пришвартованных к полуразобраным, вскрытым бортам крейсеров. На плотам, сколоченных из неохватных стволов, совсем недавно работали краны, загружали в подсвеченные прожекторами внутренности «Тикондерог» вереницы мешков и ящиков.

Флот Кармаза собирался в дальний поход.

Ковалья передернуло от мысли, что случилось бы, опоздай он на пару недель. Против трех крейсеров у одного недоделанного эсминца не было ни малейшего шанса продержаться и полчаса. Максимум, на что они смогли бы рассчитывать в такой ситуации, — это геройская гибель с занесением в Книгу.

Праздник, да и только...

— Ааа-аррра! — то ли «ура» вопили, то ли «спасите!», сверху не разобрать.

Похоже, его заметили. Где-то невдалеке, сквозь клубы пороховых газов, посвистывали пули. Били из тяжелого пулемета, но почти сразу перенесли огонь вниз. Видимо, враг еще не осознал, с кем имеет дело. Человечка на драконе приняли всего лишь за воздушного лазутчика; никому и в голову не пришло, что перед ними самая важная цель.

С неимоверным трудом удерживая дракона на высоте, Артур приложил к глазам бинокль. Их вспомогательная маленькая флотилия, к чести адмирала, действовала почти безукоризненно. На полных парах, не приближаясь к месту схватки, не привлекая к себе внимания, «группа поддержки» по широкому кольцу огибала порт, готовясь высадить десант на берег или на один из зазевавшихся кораблей противника — и внести сумятицу в ряды врага.

На «Рейгане» полыхнула яркая вспышка. Оторвалась с тросов и тяжело грохнулась на железный понтон «люлька» со сварщиками, погасли прожектора, еще несколько самолетов покатились за борт.

Несмотря на валивший из всех щелей дым, «Клинок» уверенно продвигался к берегу. Турецкий эсминец потерял возможность стрелять, застряв в понтонах. Теперь между ним и «Клинком» остался только шустрый итальянский фрегат. Его нос уже находился в четверти кабельтова, когда мощным залпом с правого борта русские канониры разнесли одно из вражеских орудий в клочья. И почти сразу в чреве фрегата взорвался орудийный погреб. Носовая часть откололась, обнажив багрово пылающие потроха, фрегат зачерпнул воды и рассыпался на части.

Корма еще секунд десять держалась на плаву, кружась на месте, превратившись в огромный ревуший факел, но скоро отправилась вслед за носовой частью. Сила взрыва была такова, что от корабля практически ничего не осталось, а тысячи осколков накрыли воду в радиусе нескольких кабельтовых.

На «Рейгане» тоже полыхали пожары. Авиакрыло было практически уничтожено, но на опустевшей, залитой кровью палубе издыхал дракон. Он еще огрызался, щелкал челюстями, а осмелевшие солдаты смыкали вокруг него кольцо, не жалея пуль.

Коваль сосредоточился на уцелевших червях. Оставшихся он разделил на три двойки, каждой определил ближайшую цель, и... очень скоро понял, что с этой минуты о стратегическом планировании можно забыть. До того кружившие на большой высоте, клыкастые дьяволы, едва почуяв долгожданную свободу, буквально сорвались с цепи. Пока еще они чувствовали власть человека и отличали запахи «родного» корабля, но в запале драки могли увлечься.

Эсминец, набирая обороты, скользил в сторону порта, но его носовая часть все глубже погружалась в воду. Пока еще это не мешало канонирам, орудия главного калибра лупили, не переставая, и, к счастью, ни один вражеский снаряд не попал в башню «Клинка». Экипаж яростно боролся за живучесть; изнутри на пробоины накладывали пластырь, всюду качали насосы, полуголые матросы затыкали пробоины всеми подручными средствами, но не могли предотвратить крен.

Коваль скомандовал дракону опуститься и, с риском для жизни, облетел «Клинок» почти вплотную к волнам. Миноносец покрылся копотью, он совсем не походил на тот бравый, сияющий корабль, который совсем недавно провожал восторженный Петербург. Из люков кормового отделения, где обитали черви, валил густой дым, торпедные аппараты превратились в лохмотья, сквозь дыры виднелись внутренности, озаренные светом пожаров, и трупы моряков, обнявших свои покореженные орудия. Половина расчетов левого борта, куда непрерывно попадали снаряды крейсера, погибла, но правый борт продолжал громить вражескую эскадру.

Десантная группа обогнула авианосец и, не вступая в бои с вооруженными шлюпками, начала высадку в порту. У пирса стоял крейсер и сажал по «Клинку» стальными болванками. У командира русских десантников возник страшный соблазн ворваться по сходням на вражеский корабль и захватить его, но существовал однозначный приказ президента — захватить порт, обнаружить и взять в плен всех командиров.

Внести панику. Поджечь все, что горит. Поднять над Сигонеллой российский флаг.

Очередной снаряд угодил в броню чуть выше ватерлинии. Корабль содрогнулся и взвыл, почти как живое существо; к великому счастью, взрыва не последовало. Артур лишний раз убедился, что противник стреляет болванками. Разворачиваясь над чадающим пороховым облаком, президент зафиксировал второй удар, сменившийся жадным пламенем.

...Жжж-жахх! Попадание.

Турецкие бомбардиры в ключья разнесли ракетную установку правого борта, а третий снаряд, сквозь проделанную брешь, ворвался внутрь надстройки и там взорвался, учинив сильный пожар. Артур мысленно попрощался с адмиралом и попросил у Орlando прощения.

Конечно, итальянец знал, что ему предстоит. Конечно, он сознательно принял на себя ответственность и возглавил поход, желая оказаться ближе к родной земле. И вероятно, в глубине души он рассчитывал когда-нибудь сюда вернуться из северной неприветливой России, но...

Но Артур слишком хорошо помнил, сколько парней полегло среди зараженных пустошей Европы, чтобы извлечь спящего инженера Орlando из капсулы анабиоза. Тогда президент убедил себя, что жизнь двоих французов, сотню лет пролежавших под землей, важнее, чем жизни преданных ему людей.

Потому что на карте стояло развитие промышленности. На карте стояла наука, точнее то, что еще можно было из нее спасти.

Но вот прошел год, и президент самолично отправил ценнейшего специалиста на

смерть. Не особенно задумываясь о науке и о будущем технических университетов, он уравнивал ведущего инженера государства с темными, кое-как обученными крестьянами, составлявшими костяк морской команды. Их жалеть было нельзя, это Коваль повторял себе непрестанно.

Нельзя жалеть, потому что иначе следует сложить с себя полномочия и удалиться удить рыбу на Урал. А еще лучше — забрать жену, детей и укатить в Храм, к китайским братьям. Те, по крайней мере, не станут помогать, как и почему погиб лучший друг президента, Качальщик Бердер...

Артур повторял себе, что нельзя жалеть, потому что без этой победы не будет в России ни университетов, ни школ, вообще ничего не останется...

...Тем временем флотилия мелких, но вооруженных до зубов суденышек насаждала полукругом, отрезая миноносцу пути к отступлению. Сверху Коваль разглядел, что их намного больше, чем ему показалось вначале. Капитаны вражеского флота были слишком увлечены маневрами и погоней; кроме того, за бортом эсминца они просто не разглядели старта драконьей стаи. А если бы и разглядели, то проследить против солнца за россыпью игольчатых блесков было почти невозможно...

Два красных дьявола бесшумно нырнули и всплыли буквально в трех метрах от носа катера береговой охраны. Люди у пулемета не успели даже вскрикнуть, когда многотонная чешуйчатая лиана пробила насквозь палубную надстройку, с хрустом проломила несколько переборок и вырвалась наружу где-то внизу, почти не замедлив своего убийственного полета. Фонтан воды пополам с паром от пробитого дизеля рванулся вверх, вскрывая полы, отшвыривая части тел мотористов, и катер затонул в течение нескольких секунд.

А обжегшийся о двигатель, и оттого еще более злобный, червь уже трепал в зубах следующее плавсредство. С соседней фелуги пытались открыть огонь, неловко развернули пушечку, но тут... Кораблик подбросило, и находившаяся на палубе часть экипажа разом полетела в воду. Вместо крепких досок рулевой вдруг почувствовал под ногами пустоту, успел уловить жаркую вонь огромной глотки, но не успел заметить мгновения, когда остался без ног. А спустя миг мутная от мазута и крови вода сомкнулась над его головой.

Катамаран встал на дыбы, винты бессильно молотили по воздуху, пока червяк рвал на части полые цилиндры понтонов. Убедившись, что враг тонет, бородастый дьявол немедленно накинулся на рыбацью шхуну, переделанную в военное судно, двумя движениями челюстей перегрыз мачту, она повалилась, утопив несколько шлюпок, накрыв парусами пулеметчиков на палубе...

...Шшша-тапп!!!

Тряхнуло так, что даже в воздухе Коваль ощутил неслабый толчок в барабанные перепонки. И сразу же — укол в сердце. У пирса взорвался последний неповрежденный крейсер. Что-то сверкнуло, охнуло протяжно, и в укутанную мелкими перьями лазурь покатился нестерпимо яркий шар, оставляя за собой пушистый раскидистый хвост.

...Мать твою за ногу, ракеты!..

Неизвестно, какую цепь внутри крейсера сумел замкнуть ящер-камикадзе, но еще три или четыре «Томагавка» стартовали один за другим, по совершенно хаотическим, немислимым траекториям. Одна ракета пронеслась параллельно поверхности земли, подняв бурю вулканической пыли, и взорвалась далеко в поле. Однако, судя по слабому хлопку, рвануло только ракетное топливо, боеголовка благополучно свалилась в овраг.

Орудия крейсера замолчали. Получившие передышку артиллеристы «Клинка» немедленно перенесли всю тяжесть атаки на авианосец. Непонятно было, кто из старших офицеров на «Клинке» еще жив и отдает команды, поскольку палубная надстройка превратилась в руины, а пробоины уже некому стало заделывать. Крен на нос стал чересчур заметен, судно стремительно теряло плавучесть, но приказы кто-то явно отдавал, и они выполнялись! Эсминец замедлил скорость, машина работала задним ходом, изо всех сил гася инерцию, орудия правого борта плевались огнем.

...Шшша-тапп!!!

На сей раз взорвалось что-то большое слева, но в мутной пелене, покрывшей бухту, Артур не смог разглядеть источник шума. Чтобы увидеть, как продвигается бой, пришлось бы спуститься слишком низко, туда, где воздух буквально звенел от массы смертоносного свинца. Минуту спустя взлетел на воздух запас топлива на третьем крейсере, и червь под Ковалем свечкой взмыл в небо, фантастическим образом предотвратив столкновение с тоннами кипящего огня. Артур только охнул; секундой позже от человека и от ящера остался бы мелко нарубленный салат. Этому дракону предстояло непременно уцелеть, чтобы, в крайнем случае, перевезти президента домой, а беспомощный президент только что чуть не угробил обоим.

...Смрадная жаркая волна от горящей солянки небрежной пощечиной хлестнула по лицу, опалила волосы и брови, грохочущий фонтан поднялся над морем, над прекрасным островом, над уютными бухтами, огненными переливами затмевая солнце, и тут же обрушился вниз, чтобы расплескаться смертельными брызгами по головам спасавшихся моряков.

Погибающий у пирсов крейсер лег на дно, но у берега оказалось слишком мелко, и палуба осталась в метре под поверхностью моря. Еще один «Томагавк» взорвался внутри, превратив в пар тонны воды. Сотни фигурок выбирались из люков, как муравьи, ползли по накренившемуся борту, жадно хватали воздух, прыгивали на рваные мостки и вплавь пускались к берегу, где их уже ждали пулеметы русского десанта. Матросы и грузчики оказались зажаты между надвигающейся волной жидкого огня с моря и полчищем свинцовых мух, пикирующих на них сверху, с разгромленных пирсов. Многие застревали в сотне метров от берега, уцепившись за доски, и не знали, куда им податься.

...Опять болезненный щипок в левой стороне груди, после которого слабеют руки — и благодаришь бога и того китайца, кто придумал седельные штаны.

На пару секунд пелена гари рассеялась, внизу показались две баржи, подожженные артиллерией «Клинка», и масса светлых продолговатых лепестков на фоне сиреневого пламени. Коваль даже не сразу понял, что именно он видит. То, что он принял за лепестки, были днища перевернутых лодок. За кормой «Клинка», на гребне расходящейся пены, кружились и тонули остатки турецкого малотоннажного флота. На бортах гроздьями висели обезумевшие от ужаса матросы, многие молились, воздевали руки к небу, не видя возможности спастись. Море вокруг них было покрыто слоем жидкого огня, колоссальное нефтяное пятно окружало место побоища, а из горячей воды периодически выскакивали бородастые исчадия ада и добивали тех, кто еще был жив...

...Резкая боль в груди, снова и снова. Похоже, что в живых осталось всего два змея, включая того, на котором летал Артур. Но это было уже неважно, маленькая армия отважных самоубийц сделала свое дело. Далеко на берегу, на круглой башне, похожей на диспетчерский пункт аэропорта, затрепетал трехцветный российский флаг.

Это еще не означало полную победу, но моряки увидели, что кусок порта контролируется российским десантом. Всего с русских кораблей сопровождения в Сигонелле высадилось больше четырех тысяч человек. На эсминце все это время оставалась лишь одна вахта машинистов и артиллеристы, Коваль снял с флагмана даже поваров и мастеровых из слесарного отделения. Сейчас повара и слесаря вместе с десантниками зачищали территорию порта и всеми силами удерживали оборону против промокших вражеских солдат и матросов, рвущихся на берег. Те, кто поумнее, уже поняли, что порт захвачен неприятелем, и направляли свои лодки в сторону, собираясь пристать за городом, многие спасались вплавь, вся акватория была покрыта мелкими точками человеческих голов. Трупы тонули в приливной волне, тут же барахтались живые, из последних сил цеплялись за обломки пристаней, а русские методично строчили по ним сверху из пулеметов. Артур разглядел в бинокль не меньше дюжины сохранившихся военных судов, резво удиравших под прикрытием дымовой завесы...

Российский флаг еще не означал окончательной победы, но враг был сломлен.

В бинокль Коваль видел, как по дорогам, в горы, устремляются машины и всадники, и

их совсем немало. Хуже всего, что неповрежденными удирали два десантных корабля и длинный пассажирский пароход, наверняка получившие инструкции в случае опасности немедленно спасаться. Неизвестно, сколько неприятельских солдат и матросов они спасли, но пускаться в погоню было некому. «Клинок» тонул. Эсминец медленно разворачивало кормой вперед, очевидно, рулевое управление было полностью разбито, на верхнюю палубу выносили и рядами укладывали раненых. Пока миноносец не затонул окончательно, следовало немедленно отправить с берега спасателей.

Самое потрясающее заключалось в том, что пивовары продолжали. Выстрелы звучали все реже и реже, очевидно, лишились электропитания лифты орудийного погреба или заклинило направляющие.

Коваль представил себе, как маленькие немцы, чумадые и мокрые, волокут на ремнях очередной тяжеленный снаряд, сообщая поднимают его, ворочают тяжелый затвор, а потом пригибаются, черными пальцами зажимая уши...

Артур направил червя в сторону берега. Над портовыми сооружениями продолжали бушевать пожары, но между двумя линиями железных пакгаузов обнаружилась свободная от огня взлетная полоса, на которой даже сохранилась разметка. Сейчас на краю полосы взвод вооруженных чингисов держал на прицеле толпу измученных пленных, сидящих на корточках. Пленные все прибывали, их гнали прямо из моря, мокрых и обалдевших, не давая опомниться, и усаживали на потрескавшийся бетон. Коваль невольно вглядывался в угрюмые лица, хотя понимал, что Карамазы среди них быть не может. Главный затейник находился где-то далеко, скорее всего — в средней Азии. Коваль уже видел, что турки тут вовсе не составляют большинство, среди флотского люда было полно наемников самых разных национальностей.

Теперь, после скоротечного захвата гавани, предстояло решить, что же с ними делать. А еще — как поступить с местными горожанами и с остатками гарнизона, рассеявшегося по окрестным холмам. И что делать, если сбежавшие десантные боты привезут подмогу. Надлежало похоронить своих погибших и немедленно начать починку корабля, чтобы защитить порт от возможных посягательств.

Поверх отдаленного гула огня слышались пулеметные. Это русские десантники расправлялись с береговыми охранниками, не пожелавшими сдаться. Смерд и копоть повисли над Катанией, над пашнями и виноградниками, отравы растекалась по чистому морю и заражала береговую линию на много километров вокруг. Мать-земля продолжала расплачиваться за военные забавы своих детей.

Прежде чем опустить дракона на бетонную полосу аэродрома, Артур в последний раз окинул взглядом картину сражения. Среди сотен пылающих обломков с низким гудением разливалось озеро нефтепродуктов. Голубые языки плясали по воде, догоняли и с хрустом пожирали нерасторопные спасательные шлюпки. А в самом центре этой раскаленной преисподней, задрав к небесам обрубок взлетной полосы, величественно погружался на дно авианосец «Рональд Рейган».

Шестого флота больше не существовало.

2

О ПОЛЬЗЕ ИНКВИЗИЦИИ

— Изловили, господин, извольте поглядеть!

У Ковалья екнуло сердце. На такую удачу он не рассчитывал. Все еще не веря своим ушам, он выскочил из-за походного стола, распахнул полог палатки.

Перед ним, связанные и порядком помятые, стояли на коленях супруги Дробиченко. В ярких, расшитых халатах, в шелковых шароварах, увешанные золотом, на фоне запыленных вояк они походили на артистов цирка.

— Демонов повязали, господин!

— Толмач говорит — этого толстого сам паша недавно визирем назначил, головным

старшиной, по-нашему...

— Пузырь воздушный снаряжали, демоны, сбежать хотели!

— Допрос вели без пыток — не признаются джинны проклятые! — зашептал офицер Полевого суда. — Ни про войска, ни про корабли в море, ничего не говорят, ваше высокопревосходительство!

— Дозвольте доложить — врут они! Других-то, морских начальничков похватали, все на них указуют. Мол, самые близкие к паше людишки, лично с ими за ручку здоровкался Карамаз!

— В Тайный трибунал их! Кол в жопу, как они с нашими делали, — живо защебечут!

— Изволите толмача кликнуть, господин?

Артур мысленно сосчитал до десяти, безотрывно глядя на покрытые потом залысины главного колдуна и визиря турецкой империи.

— Молчат, господин, не признаются! Можя, и впрямь по-нашему не разумеют?

— Не нужен нам толмач... — сказал президент. — В Тайный трибунал обоих! И без меня не допрашивать...

Перед наспех растянутой палаткой собралась порядочная толпа. Среди моряков мгновенно разнесся слух о том, что в плен захватили тех самых джиннов, о которых ходило столько жутких историй. Всякий мальчишка в русской армии, даже близко не представлявший, как выглядят турки и турецкий паша Карамаз, мог часами рассказывать байки о таинственных волшебниках с кожаными головами и стеклянными глазами. О том, как они мучают православных рабов, иглами колют, кровушку высасывают, а затем ворожкой черной оживляют. О том, как крестьянам тишайшим порошок подносят, и после того порошка в лютых волков крестьяне оборачиваются, за секиры хватаются и своих же детей, на потеху Карамазу, режут. О мертвой воде, что посланцы джиннов в колодцы сливают, и воды той — наперсток, а язва черная никого не щадит, ни людей, ни скот, на три дня пути мертвая земля стоном стонет...

О джиннах расплодилось столько историй, что Коваль порой, в минуту душевного расположения, начинал слегка завидовать супругам Дробиченко.

Действительно, получалось обидно! Кто их разбудил в московском Центре крионики, кто вернул к жизни после анабиоза? Почему он сто тысяч раз рисковал, в буквальном смысле шел по трупам, добивался власти, обрел столько врагов, что можно собрать из них целое войско, потерял ребенка, в конце концов, а эти белоручки, эти жлобы от науки разом получили все!..

— Маги дивные, братва, вот они!

— У, хари жирные!

— Глянь, баба-то напрудила со страху...

— А бородатый-то, ужась! Гля, взамест креста, на шее чо таскает!

— Слыхали, бают, мол, в горах они чудищ страшенных на цепи держат! И как цепи порушат, так пожрут чудища эти всю землю христианскую...

— Враки все, наш Кузнец и не таких скручивал!

— И никаких кожаных голов...

— Вишь как, господин, их свои же выдали, пленные из болгар, не дали пузырю взлететь!

«Кожаные головы, — мысленно усмехнулся Артур. — И правда, вместо креста обломок микросхемы на грудь повесил! Театралы хреновы! Какую же отраву синтезировали эти подонки, раз им понадобились противогазы? Им ставили задачу создать Большую смерть, хотя бы подобие вакцины...»

Толпа росла, на лжедемонов показывали пальцами. Многие из пленных моряков и рабочих порта, только что сдавшихся на милость русского десанта, тряслись от ужаса, но не желали пропустить такое зрелище.

Супруги Дробиченко дергались, словно через них пропустили ток, но выглядели на удивление неплохо. Оба заметно раздавшиеся, в пестрых шелках, увешанные камнями,

разукрашенные, как новогодние елки, с лоснящимися щеками, заплывшими глазками, они совсем не производили впечатления подневольных работников, и уж точно не походили на лаборантов, надыхавшихся вредных химикатов.

Дышать отравой они предоставляли другим.

Некоторое время Артур не мог прийти в себя. Ему неоднократно доносили, что славных оружейников Дробиченко видели в Катании, наверняка им нашлось немало работы с таким богатым арсеналом... Но почему они не сбежали в самом начале боя?

— Не признали, москвичи?

Сергей Дробиченко открыл рот, промычал невнятно и опустил голову. Под глазом у него наливался здоровенный фингал, полосатый рукав был распорот, с пальцев капала кровь. Людмила шептала беззвучно, заламывала побелевшие пальцы.

— Что рожу воротить, сукин сын? Русский запомню — так я тебе напомню!

— Господин президент, разрешите доложить — шестнадцать ихних офицеров сдались без боя, наемные все, видать, жить хотят... — подбежал запыхавшийся лейтенант из Тайного трибунала, отвечавший за распределение пленных. — В одну харю бают, шо у Карамаза крупных войск под Катанией нема, в местечке полк квартирует, но зараз уж верняк разбежались... А вот армии, под погрузку на корабли, спустя неделю ждут. Не меньше сорока тыщ штыков и конных сипахов...

— Сорок тысяч? — невольно вырвалось у президента. Мысленно он обругал шпионов последними словами, хотя понимал, что в отсутствие электронных средств разведки точных данных ему никто принести не мог. Но сорок тысяч десанта — это было уж чересчур! Если только пропаганда имама сознательно не раздувала численность войск... — Не многовато ли?

— Бают, шо сорок тыщ морем, да ишо стока ж посуху, через болгар на севера повинны итить. Янычары все, из молодых, кто от креста отрекся, почитай насильно набраны... — охотно подтвердил вояка. — Верняк-то никому не ведомо, вот кивают на джиннов; те повинны на пузырях летучих сюды технику перевезть. Тож для погрузки... Дозвольте, ваше высокопревосходительство, маленько джиннов поджарить? Поглядим, яка така внутрях у них сила колдовская!

Артур поманил его пальцем поближе.

— Этих двоих — раздеть догола, проверить во рту и в жопе, везде, понял? Выдай им такие тряпки, чтобы повеситься не могли, охранять поставь лучших, но не трогать до моего прихода!

— Будет исполнено, господин! — лейтенант свистнул подчиненных.

— Теперь скажи, где их взяли?

Лейтенант и старшины наперебой принялись объяснять, как укрытый маскировочной сеткой, за домиками, чуть было не взлетел пузырь с винтами. Видать, взлететь хотели раньше, да болгары подневольные, из obsługi, диверсию устроили...

Коваль велел привести болгар. По-русски они изъяснялись неважно, но общий смысл сразу стал понятен. Парни служили при мобильной лаборатории Дробиченко, сбежать не смели, поскольку их семьи немедленно бы вырезали. Ввиду секретности, весь штат, подчиненный визирю Дробиченко, имел минимум контактов с внешним миром. Болгары были искренне уверены, что страшные маги способны убить одним движением пальца. Но сегодня, когда началась заваруха, высокие хозяева впали в панику. Охрана лаборатории, состоявшая из турок, разбежалась, а когда стал тонуть «Рейган», пустились в бега и русские бандиты, из личной гвардии Карамаза. Дробиченко орал на подчиненных, требовал, чтобы укладывали в корзину дирижабля самое ценное из оборудования, грозил револьвером, но его никто не слушал. Все молились, каждый — своему богу, и, замерев, наблюдали за вакханалией бородатых красных драконов.

Тогда болгарские подмастерья проткнули надувавшийся баллон и перерезали топливные шланги, а для верности сломали один из четырех двигателей. Больше просто не успели, во двор поместья, где располагалась лаборатория, ворвались русские десантники и

повязали всех без разбору...

— Шестерых еще допросили, толку мало, господин, — шелестел в ухо толмач. — Одно только у них сходится — бормочут, будто джинны Карамаза великую силу против неверных нашли, и скоро войска не понадобятся...

— Что за «великая сила»?

— Не можем допытаться, — виновато понурился лейтенант. — Вроде как, в горах, в пещерах, далеко на востоке, чудовища спят... Может, снова сказки, для нашего устрашения?

— Может, и сказки... — задумался президент. — Ладно, с джинами я сам поболтаю, не душите их пока... Коваль проследил, чтобы порт надежно оцепили, отправил в город батальон для зачистки, дождался, пока к причалу притянут полузатопленный «Клинок». Только после того как пивовары при свете прожекторов развернули в доках ремонтные работы, президент направился к пленным москвичам.

«Самое простое, и самое глупое, — прилюдно повесить, — рассуждал он, обходя лабораторию, спрятанную в патио заброшенного поместья. — Построим пленных, прилюдно повесим драгоценных джинов, и что это даст? По их канонам, слуги Карамаза примут мученическую смерть, а мы лишимся парочки дурных, но чертовски талантливых голов...»

Он долго изучал приборы, удивляясь потрясающей смекалке Дробиченко. Практически из ничего, из замшелых обломков измерительной техники, наборов старинных реторт и пробирок, горелок, треснувших колб, с помощью самодельных термометров, испарителей и штативов, бывшие научные сотрудники творили взрывчатые, а может и отравляющие... Артур увидел хроматограф, газоанализаторы, датчики кислорода, муфельные печи, узнал кое-как собранный кали-аппарат Гислера, и даже самодельный холодильник Карре. В хорошем состоянии была передвижная электростанция, любовно собранные ветряки, центрифуга... А в проулке, между двумя ослепительно-белыми каменными стенами, укрытый маскировочной сетью, под охраной русских матросов, действительно лежал наполовину надутый дирижабль.

Этот был гораздо крупнее и мощнее воздушных шаров, нагнавших караван Коваль после посещения Москвы. Он походил на настоящую воздушную крепость. Алюминиевый жесткий корпус, четыре винта по бокам, плюс два на хвосте, гондола человек на пятнадцать, гнезда под пушки и пулеметы.

Из гондолы дирижабля свешивался труп мужчины в зеленом кафтане и чалме. Коваль подошел ближе, сдернул с мертвого сипаха головной убор. Сомнений не было — перед ним лежал славянин. Сильно загоревший, седой, отпустивший усы и бороду, один из бывших «безликих», сопровождавших Карина еще со времен московского исхода и получивших в Турции значительные ленные наделы. За все время турецкой кампании ни одного из бывших русских карателей в плен взять не удалось. Звери хорошо понимали, что лучше умереть в бою...

— Бомбы и пушки тут! — Только что назначенный начальник караула приоткрыл калитку во двор ближайшего белого домика. — Разрешите доложить, господин президент? Пулеметы, с клеймами мериканскими да китайскими, ишо китайские же пушки скорострельные, к им снарядов прорва, а туточки мины, посчитать покамест не можем, для погрузки на суда сложены, тыщи две наберется...

«Нда, не зря Карамаз в Поднебесную за вакциной летал, — улынулся про себя Артур. — Не удивлюсь, если покойный Председатель госсвета туркам сторговал атомную бомбу...»

— Господин президент! С «Клинка» лекари передали — их превосходительство, адмирал Орландо Жив, крови только потерял! Порадовать вас велели!

— Порадовал, матрос. Спасибо! Адъютант, найди мне капитана конной сотни!

— Уже здесь, господин! Готовы к разведке! — щелкнул каблуками кудрявый усач в кубанке и шароварах с лампасами.

«Молодцы, — про себя порадовался Коваль. — И лошадок в трюмах сохранили, и не ждут, пока их позовут. Выдрессировал офицеров Бердер, царство ему небесное!»

Чтобы не расплыться в улыбке, он нарочито внимательно рассматривал панораму дымящего, охваченного пожарами, порта. Сапоги проваливались в пепел, далекий вулкан покуривал лениво, загонял в небеса тонкую серную струйку.

— Капитан, в штабной палатке получите карту местности. Ни с кем не общаться, чтобы не было утечек. Оцепление вас пропустит, я распоряжусь. Рассыпьтесь вдоль побережья, там несколько дорог. В бой не вступать ни под каким предлогом, в деревни не заходить, ясно?

— Так точно, ваше!..

— Двигаетесь на север, оставляя посты, пока не заметите неприятеля. Я имею в виду не роту и не полк, а гораздо больше, ясно? Если заметите небольшие группы или подозрительных одиночек, что будут стремиться вас обогнать, — скручивайте и отправляйте сюда на дознание!

— Ясно, так точно!

— Внимательно следить за морем, возможна высадка. Полагаю, мимо не пройдет... Обнаружите — организованно отступать, оставив следящих. Задача ясна? Выполнять!

«Акция практически бесполезная, — рассуждал Коваль, наблюдая, как на мощеной площади, перед аккуратным беленьким зданием со шпилем, строится конная сотня. — Наверняка из порта уже телеграфировали о нашей атаке. Весь вопрос в том, как поступит командующий десантом? Если сам Карин в Италии, то нас не тронут. Старикан достаточно хитер, сначала он прозондирует почву и нападет лишь после того, как наверняка узнает, что нас впятеро меньше, чем турок. Хотя... Даже в этом случае он не нападет без поддержки авиации. Хуже того, наверняка подонки Дробиченко успели одарить босса какой-нибудь гадостью массового поражения. Если же Карин умотал в Сирию, как докладывали шпионы, то очень может быть, что его янычары совершат глупость и сунутся отбивать порт...»

На посту у временной тюрьмы стояли караульные из роты Тайного трибунала. Даже здесь, на жарком юге, они носили маски, скрывающие лица, стальные каски и перчатки, чтобы никто не сумел опознать «особистов» по волосам или ладоням. Солдаты Тайного трибунала не принимали участия в боевых действиях, они переждали морское сражение на отдельном судне, затем высадились за линией порта и слаженно приступили к привычным обязанностям. Быстро подобрали нужные помещения, разделили их на тюрьму для пленных обычных и добровольных, отдельно обозначили гауптвахту для штрафников из собственной армии, весело зазвенели молотами, готовя пыточную камеру... Коваль прекрасно знал, что Тайный трибунал недолюбливают в регулярной армии, не любят и боятся. Посему и требовал неукоснительно, чтобы в походах оставались подчиненные герра Борка неузнаваемыми.

Чем страшнее, чем таинственнее спецслужба, тем эффективнее ее работа.

Караульный потянул цепь, приподнялась крышка люка. Из подвальной темноты испуганно моргали глазки Сергея Дробиченко.

— Где моя жена? Разве трудно было поместить нас вместе? Что вы с ней сделали?! Вы должны понять — никаких военных тайн мы не знаем, рассказать нам все равно не о чем! Что вы молчите? Мне бояться нечего, страху и без того натерпелись! Что вам нужно?!..

Артур, не отвечая на истеричные выкрики, спустился вслед за лейтенантом по шаткой лесенке. Под временную темницу приспособили бывший крестьянский подвал. Сквозь паутину поблескивали сотни бутылочных донышек, мокрые доски давно развалились от влаги и древоточцев, с почерневших сводов капала вода. Бывший джинн Дробиченко уже не казался вальяжным сановником; вместо дорогих одежд рыхлое тело покрывали лохмотья. Пока сановника волокли, вымазали его в грязи, разбили губы, сдернули с пальцев и шеи украшения. Но он пока еще не мог примириться с внезапной потерей статуса, отчаянно цеплялся за былые привычки, словно запутался, где сон, а где новая, ужасающая реальность.

— Где Кармаз? — с ходу спросил Коваль.

— Он мне не докладывается... Пойми же, я тут — никто, просто лаборант...

— Куда вы собирались лететь?

— Никуда... Просто испугались, решили на всякий случай...

— Ты врешь. В гондоле жратва, химикаты и запас горючего. Где находится база? Только не говори, что она в Стамбуле.

— Какая еще база? — изобразил искреннее удивление Сергей.

Артур вздохнул.

— Я спрашиваю снова — где Карамаз? Где база дирижаблей, которые построили под твоим вонючим руководством? Где десант должен сесть на корабли? Честные ответы на три вопроса отодвинут твою смерть.

— Понятия не имею! Артур, это нелепость. Ну хорошо, мы поступили тогда в Москве не совсем красиво, но... не было выбора. Уснули с женой в столице, а проснулись среди варваров. Мы просто испугались, не знали кому верить, а Карин нам предоставил защиту...

— Выбор есть всегда, приятель! Вы не знали, кому верить? Разве Карин вас разбудил? Впрочем, это дела минувшие, я давно не в обиде...

— Но Карин не нападал на Россию!

— Пока не нападал. Напал на наших союзников.

— Артур, какие же они союзники? Ты говоришь о дикарях? О болгарах, греках, румынах?! Там даже власти толковой нет, каждый хутор сам по себе! Эти дикие племена даже письменность потеряли...

— С каких пор ты присвоил себе право решать, кому жить, а кого — в расход?

— Нет, я погорячился, всего лишь болтовня! Я никого не убивал, клянусь! За что ты меня так ненавидишь?..

— За измену родине.

— Что?! Родине? — У Дробиченко округлились глаза. — О какой родине ты говоришь? Давно нет ни страны, ни границ, ни русского народа...

— Все есть, приятель. Ты не туда смотрел, ты лизал сапоги своему хозяину, потому и не видел.

— Черт подери... — Сергей дернулся на грязном полу, но веревки держали крепко. — Ведь есть понятие эмиграции, его никто не отменял. Человек ищет, где лучше, разве это не естественно? Почему моя жена должна прозябать среди крыс и тараканов, среди подлого вора и инфекций, когда мне предложили должность и сносные условия на юге?

— Если бы ты лечил солдат, или даже строил для них дома. Тогда живи хоть среди папуасов. Но ты убивал русских людей. Ты пошел за выродком, для которого нет святого. Мне скучно с тобой спорить, — подытожил Артур. — Ты скажешь мне, где Карамаз?

— Спроси военных, им виднее. Честно, я не вру...

— Куда ты собирался вылететь на дирижабле?

— Дирижабль не для меня, — после небольшой заминки извернулся Дробиченко. — Это для военных, для русских сипахов, вы их, кажется, всех убили. Мы просто испугались, когда началась стрельба. Мы же не знали, что встретим тебя!

— А твои подмастерья уверяют, что дирижабль предназначен исключительно для джиннов, вы сами его построили, только вы им умеете управлять, мало того... Они утверждают, что не далее как вчера, ты отправил депешу нашему общему приятелю. Ты инспектировал авианосец и написал в отчете, что через две недели «Рейган» будет готов к отплытию.

— Артур, неправда! — Сергей пополз на коленях, растрепанные жидкие волосы прилипли к трясущимся жирным щекам, веревки до крови врезались в запястья. — Артур, это плебс, они рады оболгать нас, из-за наркоты... Ты пойми, они почти все наркоманы, имам приказал синтезировать для них драг. Они наркоманы и ненавидят нас из-за своей зависимости. Мы никогда не держим запас, потому им нечего украсть, остается только ненавидеть... Артур, я никого не убивал, Людмила тоже, я клянусь чем угодно...

— Куда ты собирался вылететь? Где базируется воздушный флот? Где пещеры? Последний раз я даю тебе возможность вспомнить правду.

— Я не знаю, пилота убили... — упрямо затаил прежнюю песню «джинн».

Президент махнул рукой. В подвал, светя фонарями, спустились четверо «мастеров»

Тайного трибунала. Спустились не с пустыми руками, инструментами для полевых допросов был готов к применению.

— Привяжите его, — распорядился президент.

— Для скорого следствия, господин? — радостно ощерился старшина дознавателей.

— Для очень скорого следствия.

Глаза Дробиченко понемногу привыкли к свету, он рассмотрел квадратные фигуры заплочных дел мастеров. Зубы его застучали. Коваль присел на подстеленную адъютантом подушку, вполголоса отдал несколько приказаний. Штабные вполне могли обойтись без командующего, но то и дело засылали посыльных, советовались, как поступить с вражескими плавсредствами и сооружениями. Формально на суше бразды правления экспедиционным корпусом от адмирала Орландо перешли к полковнику Даляру, но старый служака, прекрасно управляясь с солдатами, терялся перед древней техникой.

Из подвала аккуратного соседнего домика раздавались визгливые крики; там, по указанию Коваля, легонько щипали и кололи Людмилу Дробиченко.

— Нет, не надо, ну, пожалуйста! — запричитал Сергей. — Ну можно же так поговорить, мне нет смысла ничего скрывать! Артур, к чему это варварство, ведь ты грамотный человек, не уподобляйся, ведь мы же...

Хрясь! Хлесткий удар кольчужной перчатки выбил «джинну» сразу два зуба, кровь закапала на прогнившую труху.

— Ты, говно, — человек в кожаной маске взял пленника за щеки каменной рукой, сжал так, что слезы сами брызнули, сделав мир расплывчатым, неясным. — Ты, говно, к господину президенту и Главному командующему обращаться можешь на «вы», и только по его разрешению. Господин президент тебе милость великую оказывает, что лично допрос ведет. Внял, сучье племя? Следует говорить «ваше высокопревосходительство», ясно? — И, не дождавшись внятного ответа, снова наотмашь засадил по скуле, — Тебе ясно, говно?

Заскрипел ворот, пленнику вывернуло плечи, потащило вверх, пальцы ног едва доставали до пола.

— Ясно мне, ясно! — захныкал Сергей, не в силах отвести взгляда от щипцов и крючьев, которые деловито раскладывал помощник следователя.

— Некогда мне ждать, пока ты «так просто» заговоришь, — устало заметил президент. — По уму, тебя вообще в клетке следует в Питер отправить и там в зоопарке показывать. Среди шакалов... — Артур кивнул стоявшим наготове палачам.

Те живо сорвали с арестованного одежду, поймали его отчаянно брыкающиеся ноги, затащили в кожаные петли, развели в стороны.

— Нет, нет... — захрипел распятый пленник, завидев жаровню с раскаленными углями. — Ты же... Ой! То есть вы! Нет, не надо, я что угодно!..

Но короткий кнут со свинцовым грузилом уже смачно обвился поперек живота.

— Боже, нет... Ваше... Ваше высоко-ко-прево-сходи-тельство... — извиваясь от боли, закричал Дробиченко. — Ты... Все же знают, вы без суда никого не убиваете! Ведь никого же русский президент без суда не вешает, верно? — Визирь заискивающе заглядывал в прорези кожаных масок.

— Для тебя сделаем исключение, — утешил следователь. — Господин президент, прикажете запись допроса вести?

Сверху, из засыпанного вулканическим пеплом, увитого виноградом дворика снова донесся истошный женский вопль. Дробиченко в ответ тоненько завыл.

— Пожалуйста, не трогайте ее! Не трогайте Люду, она не виновата! Я клянусь, я все... ничего не утаю, позвольте служить вам, умоляю!

Шшш-варк! Профессионально выверенный удар кнутом может сломать кость, может содрать с человека кожу по окружности тела, а может только разодрать ее до крови и дернуть с такой силой, что синяки не сойдут месяц. Дробиченко повис, хватая воздух, не в силах даже крикнуть.

— Да зачем ты нам нужен? — удивился следователь, захватывая в горсть мужское

достоинство пленника. — Экая хилость, братцы! Так я мыслю, она тебе уж ни к чему, а собачки голодные! Хе-хе!

«Джинн» заверещал тонко, как попавший в капкан зверек. Помощники сыскаря заржали басовито, от них несло чесноком и машинным маслом. Обалдевшие от безделья в трюмах, радовались парни сухой земле и привычной работенке.

Шшвва-арк! Кнут оставил на рыхлой спине «джинна» второй поперечный рубец. Колесо дыбы еще немного повернулось, до хруста натягивая изнеженные сухожилия.

Президент же как будто не видел мук своего бывшего Проснувшегося собрата, отвернувшись, отдавал распоряжения подбежавшим к люку офицерам, говорил по полемому телефону. Главнокомандующий занимался текущими делами, не особо интересуясь, что его молодчики, его кошмарные садисты собирались сотворить с одним из первых лиц в администрации Карамаз-паши. Дробиченко пытался окликнуть президента, но от боли забыл, как его следует называть. Тем временем колесо дыбы крутанулось, плечи пленника свела судорога, в распахнутый рот ему затолкали вонючую тряпку. Один из юношей в коже поплевал на раскалившийся металл, нацепил толстую перчатку, поднес багровый крюк к промежности бывшего «джинна». Дробиченко потерял контроль над кишечником.

— Вот паскуда, обделался! — сплюнул старший палач. — Самого бы заставить убирать, неча кабинет-то нам портить!

— Ты хочешь что-то сказать? — Коваль повелел стражнику выдернуть из рта пленника кляп. — Говори быстрее, мне некогда!

— Я скажу, только отпусти...те! Я скажу, я знаю, где Карамаз! Он у эмира, в Аравии! Там большая армия, настоящая армия, слышите? Не толпа наркоманов, как у Карамаз, а настоящая армия...

— Мне это неинтересно, — пожал плечами Артур. — Расскажешь следователю. Я пойду посмотрю, что ребята делают с твоей женой. Ей, конечно, далеко до наших обозных красавиц, но мои чингисы месяц с лишком не видели женщин, так что сгодится. Кстати, Сергей, чингисы переняли у желтых дикарей несколько забавных обычаев. Знаешь, что они делают с пленными женами врага? Не просто пленными, а именно с вражескими женщинами? О, их пользуют весьма оригинальным способом. Правда, после этого женщины уже ни на что не годны...

«...Этого сукиного сына надо не просто сломить морально, надо из него мочало сделать, — рассуждал Коваль, изображая самый кровожадный вид. — Кроме Дробиченки, запустить дирижабль некому. Тут что-то зарыто... Уцелевших командиров допросили с пристрастием; они выложили все, что знают, но про планы начальства — ни гугу! И все как один кивают на начальника русской стражи при джиннах и на самих джиннов. Карийских последышей всех, как назло, замочили; а может, они сбежать успели. Так что любезный Дробиченко — пока наша единственная ниточка, чтоб сократить путь к хозяину...»

— Я скажу... — На запястьях пленника ослабили веревки, он с размаху плюхнулся в грязь, задергался на сыром полу. — Я скажу, только не убивайте, пожалуйста... Карин в Аравии, он там уже две недели гостит у эмира, но должен скоро вернуться. Его ждут в Стамбуле, а затем — в Фергане. Там комплектуется пятнадцать дивизий. Ты... — Дробиченко сжался в комок, завидев нависший над ним здоровенный кулак. — Вы, вы, вы, прошу прощения, о, господи! Вы знаете, что происходит на полуострове? Там не было...

— Помолчи-ка! — быстро приказал Коваль. — Так, ребята, выйдите покурите, я позову! Это записывать не надо.

Бойцы полезли в люк, громяхая сапогами.

— Итак, ты хотел сказать, приятель, что на Аравийском полуострове не было Большой смерти? Да, как видишь, мы наслышаны о великом чуде, — сухо рассмеялся президент. — Попытайся найти другую причину, чтобы я не приказал отдать твою жену матросам!

— Да, тайны давно нет, — лихорадочно закивал пленник. — Лет десять назад Саудовский халифат и эмиры приняли решение разрешить внешнюю торговлю. Они поняли, что снаружи нет заразы, но через свои границы по-прежнему никого не пускают. Карамаз

удостоился большой чести...

В соседнем подвале пронзительно завизжала Людмила Дробиченко. Коваль подумал, что следователи в запале могли и перестараться, запугивая «джинна в юбке» раскаленными клещами.

— Отпустите ее, я сделаю все, что скажете! — заскулил толстяк.

— Даже не представляю, чем ты можешь меня порадовать? — задумчиво почесал висок президент. — Химических бомб у тебя нет, дирижаблем управлять не умеешь и где ловить Карина — толком не знаешь, Наркотики нам ни к чему, а опыты с сибирской язвой я пока не планирую. В одном ты прав, без суда тебя не прикончат. Суд будет, обещаю, минут через двадцать. Кстати, судей ты уже видел, приятные парни в масках. Скорее всего, приговорят к медленному вырыванию ногтей и к горячему колу в задницу... Впрочем, они такие затейники, могут и похлеще выдумать... — Коваль повернулся к выходу.

«Если я в нем не ошибся, то сейчас мы перескочим сразу через пару уровней, — загадал Артур. — Если не выскочим тайным ходом к тронному залу, то оружейный подвал нам обеспечен...»

— погоди, пожалуйста! Я отвезу вас!.. — изо всех сил рванулся посеревший арестант. — Я скажу, где должны собраться полки для десантирования... Это в Греции, «Рейган» должен был забрать их всех на борт... Правда, клянусь! Я не могу сам найти Карина, но зато я могу провести дирижабль к пещерам...

«Вот оно!»

— К пещерам? Награбленное золото меня не занимает, как и наскальная живопись, — без интереса откликнулся Артур.

— Пожалуйста, не уходи! Ты просто не знаешь, тебе даже не представить! — Дробиченко выплюнул кровь, языком ощупал десны. — Артур, кроме нас с Людмилой и Карамаза, о пещерах известно только троим...

— Это здесь, в Италии?

— Нет, далеко, в Греции... Только я могу показать. Туда можно добраться по воздуху, но без меня вас расстреляют зенитки... Я проведу, но отпустите Людмилу. Без нее мне все равно не жить!

— Ну и что там у вас в пещерах? — небрежно спросил Коваль. — Вы там дирижабли строите?

Спросил, и тут же понял, что совершил ошибку.

— Ди-ри-жабли! — затрясся малость осмелевший «джинн». — Все эти пузыри, вместе с ракетами, можно смело затопить. И вашу консервную банку тоже. Как ты думаешь, почему мы так и не занялись вплотную штаммами чумы и язвы? Почему за время войны мы так и не создали оружия массового поражения? А как ты думаешь, почему халифы и эмир Сайд согласились воевать на стороне Стамбула? Ведь, если честно, им глубоко наплевать на северные притязания Карамаза.

— И почему же?

— Потому что халифы нас боятся, — с оттенком самодовольства сообщил голый арестант.

— Боятся? — уточнил Коваль. — А мне наговорили про бронетехнику, вертолеты и катамараны с обученным спецназом. Мне стоит сослать своих шпионов на уборку капусты?

Дробиченко гаденько захихикал. Его смех отразился от кирпичных стен подвала, как задушенное журчание воды в стояке. Коваль терпеливо ждал. Чутье подсказывало ему, что в русле привычного трусливого торга, когда предатель пытается всеми способами выкупить жизнь и свободу, может прозвучать нечто весьма важное, важное по-настоящему, по-крупному...

— Меня тут спрашивали про химию, про болячки, — ловко увернувшись от обращения на «вы», заговорил арестант. — Вы ж там уверены, что Дробиченки — изверги. Якобы колодцы по всей Украине травим, ядовитых пауков разводим, клещей с дирижаблями разбрасываем... Пропаганда все это, чушь собачья. Ну да, кое-что замутили, парочку

неплохих психических атак провели, берсерков для Карина научились клепать. Кстати, вам крупно повезло, что их не было в Катании, все дерутся где-то на востоке с армянами. Достаточно взвода, страшное дело, с отрубленными руками на врага кидаются... Нда, вот только живут недолго, сердце нагрузок не выдерживает...

— Сукин сын! — не выдержал Артур. — Вивисектор хренов! Так вы запугали арабов своими зомби?

Он вспомнил неоднократные донесения разведки, которым в Военном совете никто не мог дать внятного объяснения. О том, как в опасных, узких ущельях, на переправах передовые отряды наталкиваются порой на совершенно обезумевших, полуголых людей, с виду тощих, слабосильных, но вооруженных двумя саблями, дерущихся злобно, неумоимо, наносящих страшный урон. Ни одного из берсерков не удавалось взять живьем, скорость реакции у них была бешеная, они арканы рубили в воздухе и продолжали махать саблями, даже получив три арбалетные стрелы в живот и в голову...

— Берсерками эмира не напугать, и уж точно в союзники не заманить, — неприятно усмехнулся Дробиченко. Затем сплюнул кровью, облизал распухшие губы. — Слушай, я решил. Если ты меня убьешь, война затянется надолго. Если выпустишь Люду и возьмешь меня в команду... Мы доберемся до пещер за два дня. Там охрана, все фанатики, смертники, им невдомек, что они стерегут. Это похлеще ядерной ракеты. Ракета — раз, и все, готово, и земля встанет дыбом... Карин же не идиот, он тоже не хочет новых пожаров... Только отпусти Люду, ладно? Об этом месте, кроме Карамаза и меня, знают еще три человека. Никаких химических бомб у нас нет. Они нам просто не нужны. Теперь нас боятся халифы, они выделяют войска...

— И чего ж такого в вас страшного?

— Мы разбудили настоящих джиннов.

— Что? Джинны? — Хотя Артур ожидал нечто в таком духе, явный бред захватил его врасплох. — Что ты имеешь в виду? Массовые глюки? Или вы нашли кладбище изотопов?

— Мы нашли тех, кто ждал тысячи лет. Это не сказки, черт подери, хотя, конечно, все вышло случайно! Ты можешь не верить, но они ждали, пока нас станет меньше. Там раскололась целая гора, посреди Вечного пожара; такое могло случиться только после падения цивилизации. Понимаешь? Нас стало мало, и они проснулись... И мечтают они только об одном — стереть людей в порошок.

3

ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ

Дирижабль неспешно плыл на восток. Двое угрюмых пилотов и моторист суматошно выполняли команды пленного визиря, сигналы от борта к борту, закачивали ручными насосами топливо, наматывали тали, с мушиной ловкостью лазили в нагретое чрево воздушного гиганта. Вначале подневольные члены экипажа упрямылись и огрызались, но после того, как Митя Карапуз, на глазах у недовольных, начал отрывать одному из них пальцы, все стали очень покладистыми.

Двигатели изрядно дымили, порой работали не согласованно, тяга левого борта явно пересиливала, отчего судно порой шло несколько боком, и рулевому приходилось корректировать курс. Но для президента все эти мелочи с лихвой компенсировались удобством салона. Напряжение последних дней чуточку спало, Коваль едва не мурлыкал от удовольствия. Не надо было держаться за вожжи, натирать зад в седельных штанах, в лицо не летели градины, красота! В верхнем этаже гондолы Дробиченко обустроили воистину правительственный люкс — бархатные диваны, подушки, отопление, холодильник с фруктами и напитками, патефон...

Столпившиеся у окошек нижнего этажа суровые вояки, испытанные в передрягах, сентиментальные, как дубовая кора, восторгались панорамой. Больше всего их, естественно, привлекали не лазурный прилив и поляны бирюзовых водорослей, а последствия морского

сражения. Вулкан ослабил активность, словно задумался, разглядывая следы недавнего побоища, не залить ли раз и навсегда горячей лавой вечно дерущихся человечков. Масляное пятно колыхалось на воде залива, угрожая всему живому в округе. Коваль подумал, что если в ближайший день не соберется Слабая метка, то все они родились под счастливой звездой. В Сицилии отыскать Качальщиков, способных справиться со Звенящим узлом, просто негде...

Небо расчистилось, вдали пронеслась гроза, породив радугу, расплавив, растоптав пепельные наносы поверх заросших сорняками плантаций; заброшенные виноградники, изумрудные холмы, белые скелеты деревень засияли, будто их окатили из шланга. Стали видны дымки костров на зубчатой, синеватой границе лесов, у подножий дремучих гор, наезженные тропки вдоль одичавших оливковых рощиц, крошечные россыпи пасущихся овец и резко, как лезвие ножа, — рыжая граница Вечного пожарища на севере. Даже разбитые корабли, притянутые к причалам, смотрелись под солнцем гораздо веселее. Там, внизу, кипела работа, вокруг бывшей военной базы возводились укрепления, ремонтные бригады наспех заклеивали бока поврежденным катерам, десятки лодок рассекали акваторию порта, собирая все, что всплывало и раскачивалось на мелкой волне. С полузатопленных итальянских фрегатов снимали пушки, водолазная команда готовилась к погружению на авианосец. Сверху было заметно, что гигант лежит совсем неглубоко, над его рубкой уже закрепили одну из плавучих рембаз...

Воздушный корабль взял курс на греческий берег. Поскрипывали снасти, прерывисто шипели газовые горелки, стонал ветер в щелях, заглушая рокот винтов. Позолоченный полумесяц на боку дирижабля отражал косые вечерние лучи солнца. Было так славно, так покойно и мирно, что Артуру вновь, как уже много раз до этого, мучительно захотелось зажмуриться и не открывать глаз, пока не пройдет наваждение.

Порой он сбивался со счета, путаясь, сколько же лет провел в «новом» мире, семнадцать? Деятнадцать? Казалось бы, все давно должно стать родным и понятным, здесь — семья и любовь, здесь — кипение и буря, такая служба и такие горизонты, что и присниться не могли скромному кафедральному трудяге, а вот, поди ж ты! Зажмуривался в тихие минуты, и словно воду из ушей вытряхивал — налетало шкворчание и почти осязаемый аромат маминых пирожков, рев футбольного матча, бормотание телевизора, цокот женских каблучков по весеннему асфальту, рекламные заставки про пиво и подгузники, обрывки «Пинк Флойд» и «Дорз», визги детворы в Петергофских фонтанах...

Усилием воли он вернулся в реальность, и тут же, в глубинах подсознания, сработала сигнальная система. Когда слишком уж ярко и отчетливо набегали воспоминания, это могло означать предстоящее соперничество на эмоциональном уровне. Коваль уже много лет не удивлялся, что организм заранее предупреждает о ментальных опасностях, и мозг ненадолго словно бы укутывается слоем ваты. Видимо, чтобы в минуту наивысшего риска заработать на пике сил... Он чувствовал нечто большее, чем угрозу жизни. Такая угроза существовала ежечасно. Опасность могла исходить от людей, от зверья, от ловушек, расставленных людьми; в конце концов, от порождений Вечных пожарищ либо от Желтых болот. Каждая из этих опасностей имела свой оттенок вкуса, свой внутренний цвет и звук, их можно было классифицировать и легко распознать на расстоянии. По крайней мере, обученный Клинок опознавал их без труда.

На греческих скалах маленькую экспедицию ждало что-то абсолютно новое и чуждое.

Годы непрерывной борьбы за существование нарастили вокруг души президента подобие коросты, не допускавшей жалости, излишнего милосердия и мягкости к подчиненным. Тем не менее, будущие потери среди близких людей он ощущал необычайно остро, и с возрастом острота не притуплялась...

Он точно знал, что завтра их станет меньше.

Кто-то погибнет, вероятно, многие, и изменить ничего нельзя, потому что идет война. Пусть голоса блаженные на каждом углу, что гибель принес именно он, Проснувшийся, пусть науськивают темную паству соборники, пусть шепчут по деревьям кликуши, что

Кузнец продался колдунам, это неважно. Он покончит с Карамазом, вернется и раздавит их всех.

Сегодня важно то, что загадка Дробиченко обойдется в несколько молодых жизней...

Бравые спутники президента тыкали пальцами, наперебой показывая друг другу следы морского боя, хвастались успехами, узнавали внизу оставленных друзей. Коваль не мешал им радоваться, не так уж часто в суматошных буднях этих людей возникали окошки отдыха. Президент не мог взять с собой много людей, гондола была рассчитана максимум на дюжину, плюс груз оружия и боеприпасов.

Затем берег удалился, и под мерное тарахтенье моторов, маленькая команда завалилась спать. Коваль приказал отдыхать всем, предчувствуя, что очень скоро сон снова станет большим дефицитом. Он спрашивал себя, все ли сделал правильно, стоило ли покидать твердую землю и армию. Кроме армии, на берегу остался последний выживший дракон, которому свиные туши подталкивали длинными шестами...

Как и прежде, пришлось взять с собой здоровяка Митю Карапуза. Незадолго до отхода флота Митя получил из рук президента орден и майорские погоны, за усмирение восстания в Лужских каторжных лагерях. Радея на службе, Карапуз героически разрывался между полком преданных, бешеных чингисов, оставленных на берегу, и обязанностью сопровождать патрона в опасных передрыгах. Майор дремал с полуоткрытыми глазами, не изменяя дикарским привычкам, привычно сжимая коленями шестиствольный пулемет...

Рядом с огромным Карапузом прел в кольчуге щуплый смуглый узбек, Расул Махмудов, личный осведомитель Малого круга власти в Ташкенте и, по совместительству, редкий знаток арабского языка. О том, что в Ташкенте, Самарканде и Фергане Махмудов пользовался совсем другим именем, считался богатым купцом, держателем нескольких лавок и караванов, в российской столице знали, помимо Коваля, всего два человека. Расула не стоило отвлекать от бизнеса, но у Артура не было выхода; на весь Питер не нашлось достойного доверия переводчика, а арабист очень скоро мог пригодиться. По официальной версии, как раз сейчас Махмудов организовывал торговое представительство в Финляндии. Но щуплый узбек обладал и несколькими скрытыми талантами.

Коваль ощутил тайну еще при первой встрече с Расулом, шесть или семь лет назад. Потертого незаметного гостя привел Старшина книжников Лева Свирский; у бывшего библиотекаря Зимнего дворца имелись, как ни странно, удивительные связи и знакомства. Лева представил Расула и намекнул, что если парню подсобить серебром на обустройство торговли, то в дальнейшем вложения вернутся золотом, и вдвойне. Так оно и вышло, Махмудов первый проторил караванные тропы через прикаспийские болота, до Оренбурга и Астрахани...

А тогда Артур сразу спросил у простоватого с виду, замусоленного сына степей, чем от него разит. Гость как бы удивился, захлопал глазами, вывернул карманы. Тогда Коваль, к изумлению книжника, назвал и нарисовал узбеку четыре травы, истолченные в порошок, которые тот прятал в потайных местах одежды. Коваль назвал узбеку всего четыре травы, потому что различать их научила его еще Анна Первая в уральской тайге; другие травы и готовые смеси, припрятанные за обшлагами халата, Артуру оказались незнакомы, но, по крайней мере, две из них несли смертельную угрозу.

Слишком серьезную угрозу, чтобы находиться рядом с азиатом в закрытом помещении. Артур даже подумал, что Старшину книжников обманули, подсунув вместо правильного кандидата в шпионы наемного убийцу. Он повидал к тому времени немало убийц, однако травника встретил впервые.

Травники — мирные люди. Обычно это так.

Артур вспомнил наставления Бердера и переместил взгляд на руки узбека, и особенно на кончики пальцев. Ногти длинные, чуть загнутые, аккуратно подстрижены, но сверху словно темным лаком покрыты. Артур отодвинулся на шаг, готовый выхватить нож, и потребовал от загорелого гостя, чтобы тот положил руки на стол, ладонями вверх. Бедный Лева Свирский крутил головой, ничего не понимая, зато Расул прекратил придуриваться и

выказывал впредь хозяину Петербурга явное уважение.

Он уже без лишних просьб предъявил остро заточенные ногти, под которыми можно было легко спрятать крупницы ядовитого порошка, он показал хитрые зашитые кармашки на халате и шароварах, поведал названия незнакомых растений. От мельчайших крупниц одного порошка взрослый человек мог впасть в кататонию на несколько дней, от гранул другого, невзначай брошенного в глаза, — мог ослепнуть, испытав страшные боли, от третьего — впадал в бешенство, а затем — навсегда оставался слабоумным...

Многое умеют травники. Иным не нужен ни кинжал, ни верный пес, ни арбалет, чтобы защитить жизнь. Достаточно царапнуть противника ногтем.

Впрочем, в тонкости Ковалья так и не посвятили, Расул вообще болтал мало, зато много успел сделать. Раскрутил торговый бизнес, построил свое представительство в Астрахани, участвовал в посольствах и снабжал Петербург информацией о событиях в Средней Азии. И дальше бы катилась неспешная, дремотная жизнь уважаемого купца, если бы не Карамаз, затеявший вербовку нищих для войны с Россией. Карамаз-паша набирал глупых бедняков в янычары, обещая им золото и победы, земли у прохладных родников и диковинных женщин. Карамаз жег книги, закрывал школы и безжалостно сек отступников веры... Спрятав семью, Расул Махмудов успел снарядить последний караван хлопка в Россию. Его мирная шпионская миссия подошла к концу. Завершив хозяйственные операции в Астрахани, Нижнем и Петербурге, выступив в русской Думе, Расул собрался на родину, но вовремя одумался. Друзья с юга предупредили, что в Ташкенте свирепствуют конные банды с плетями...

Русский имам позвал на корабль, предполагая возможные контакты с арабами. Махмудов погоревал и согласился.

У борта, привычно контролируя спину патрона, застыл новый телохранитель Ковалья. Как и прочие, особо приближенные к президенту, пивовар фон Богль был обязан Артуру жизнью. Приставленный Тайным трибуналом, коротышка фон Богль днем и ночью находился в задумчивом, полусонном состоянии. Глаза он прятал за толстыми стеклами темных очков, стриженный череп укрывал пробковым шлемом. Его белый, в прожилках вен, лоб блестел под толстым слоем защитного крема, а туловище привычно парилось под пятнистым брезентом. Коротышка-немец совсем не выглядел грозным бодигардом, в рыхлом балахоне и тяжелых ботинках, он, скорее, напоминал неуклюжего гнома. Из всей компании, собравшейся в гондоле дирижабля, только Артур и Митя Карапуз видели племянника герра Борка в деле. Точнее на тренировке.

Рекомендуя шефу сутулого, коренастого родственника, герр Борк посоветовал не пожалеть дюжину лысых псов. Артур заинтересовался. Заперлись вчетвером в пустом цехе Балтийского завода, переделанном специально для тренировок военной академии. Заранее изловили в верховьях Невы диких собак, не кормили несколько дней. Псов выпустили из клеток, расставленных кругом. Наблюдатели расположились в застекленной кабине крана под потолком; внизу остался маленький альбинос Богль, в капюшоне и черных очках.

— Я бы ножами бился, — пропыхтел на ухо президенту Карапуз.

Артур рассеянно кивнул. Он тоже прикинул, что против зверья вначале стоило бы швырнуть пару-тройку клинков, сколько успеешь, а затем не помешали бы два длинных ножа, а лучше — обоюдоострые сабли... Во всяком случае, именно так его учил в молодости Хранитель Бердер.

Фон Богль поступил иначе.

Как только откинулись решетки клеток, лысые молнией кинулись в атаку. Они не стали проводить гипноподготовку, поскольку изголодались и чувствовали силу стаи. Немец так и не вынул рук из-под широкой мешковины. Грохнуло сразу несколько выстрелов, не автоматных, но впечатление было такое, словно стреляли очередями. Ковалю показалось, что в пивовара попало с десятков пуль, брезент летел во все стороны рваными ошметками. Первые четыре буля погибли в полете, от точных попаданий в головы, еще два пса успели подскочить к Боглю вплотную, а Артур так и не заметил, когда же пивовар успел

выстрелить. За долю секунды до того как крокодилы челюсти сомкнулись, немец скинул на врагов свой тяжелый балахон, подпрыгнул, ввинчиваясь в воздух, почти как киношный ниндзя, и демонстрируя укрепленный на теле арсенал. При этом он непрерывно стрелял, и ни один патрон не пропадал даром. На животе и на спине крест-накрест были приторочены обрезы многозарядных карабинов; таким образом, легкого поворота торса Боглю хватало, чтобы вести ураганный огонь по кругу. Широкие патронташи удерживали на бедрах ремень, с которого свисали на лямках два короткоствольных револьвера. Еще два «бульдога» крепились к запястьям весьма остроумным способом; достаточно было сильно дернуть средним пальцем, с обернутой вокруг него петлей, чтобы револьвер выскочил в подставленную ладонь. Коваль потом специально озаботил мастеров из оружейного цеха, чтобы срисовали схему.

Фон Богль даже не запыхался. Одиннадцать мертвых булей валялись вокруг него в разных позах, а эхо выстрелов еще гуляло среди бетонных перекрытий цеха.

Митя Карапуз восхищенно присвистнул. Коваль подумал, что такого стрелка он еще не встречал.

— Неплохо, так? — удовлетворенно покивал начальник трибунала. — Можете выпустить котов, герр президент, или даже ваших белых тигров, результат останется тот же, пока у герра Богля останутся патроны. Он лучший охотник на ахаров, убил четыреста штук...

Карапуз крикнул и почесал в затылке. Артуру тоже памятли были стремительные подводные пауки, контролировавшие болота на юге Германии. Он и сам, помнится, пристрелил и прирезал парочку тварей, но четыреста!..

Фон Богля немедленно поставили на довольствие и зачислили в особое подразделение личной стражи. Фон Богль имел маленькую смешную слабость, по всем краям, куда забрасывала судьба квадратного пивовара, он таскал за собой обломок ржавого герба, спиленного якобы с ворот фамильной усадьбы фон Боглей в затопленной Баварии. Других смешных, и не смешных тоже, слабостей у телохранителя не было. Никто не видел, чтобы его тонкие, в двух местах изрезанные шрамами губы растягивались в улыбке. Он выполнял свои новые обязанности с тем же рвением, что и на сторожевой башне в родном германском городке, у самой границы Мертвых земель.

Фон Богль никогда не доставал сразу две руки из складок широкого балахона.

И, наконец, на заднем сиденье, будто отделенный от остальных невидимой стеной, безучастно щурился на солнце Озерный колдун, Сын Прохор. Являлся ли он в действительности сыном Деда Саввы, или всего лишь носил титул, оставалось для Коваля загадкой. Ходили слухи, что Озерники в семью берут не по родству, а тех, кто особо предан, по аналогии с древней мафией. Но не просто берут в семью, а что-то такое делают с человеком в ранней юности, после чего неопит уже не может по своей воле покинуть Отцов и Дедов. Простонародье шепотом называло эту процедуру «лизать посох», но Ковалю доносили, что в реальности церемония гораздо сложнее и опаснее...

Озерные колдуны без уговоров приняли приглашение президента отправиться в морской поход, и так же без уговоров согласились разделить, с тем, чтобы Прохор полетел на дирижабле, а Дед остался с драконом. Казалось, колдунов не беспокоила ни возможность утонуть во время баталии, ни открытая неприязнь экипажа. Они вообще ни с кем во время долгого пути не разговаривали, изредка выходили подышать воздухом, живо интересовались Красными червями. Пожалуй, Дед Савва был единственным человеком на «Клинке», кто не боялся вместе с Артуром подходить к китайским драконам. Драконы старика не трогали; не то чтобы засыпали, но словно успокаивались под гипнотическим взглядом чернокнижника. Савва ухмылялся в бороду и ласково называл двенадцатиметровых тварей «зверушками». Озерник не умел находить с ними общий язык, как это делали лесные Хранители, и не отважился бы оседлать червя. Наблюдая за Дедом, Артур засек, как тот, едва заметным движением, рассыпает впереди себя какой-то порошок. Озерник укрощал червей не словом и не волей, а тайными снадобьями, без вкуса и запаха. Обговаривая финансовую сторону

похода, Сын Прохор от имени Деда выставил лишь одно неясное требование — позволить чудским Озерникам привезти из каменных бутылей двоих мальчиков малолетних, буде найдут подходящих...

Коваль не постеснялся спросить — что значит «из каменных бутылей». Дед Савва остался верен себе, не отвечал, когда не считал нужным, только улыбнулся половинкой рта. Подходящих мальчиков, брезгливо повторял про себя Коваль. Подходящих — это значит сыновей Красной луны, детей, изначально способных к восприятию черной магии, к перевоплощениям. Коваль согласился, скрепя сердце, хорошо представляя, какие разговоры поползут в команде. С другой стороны, его зацепила уверенность Озерников, что поход завершится успехом; иначе не уповали бы колдунчиков разыскать...

Под присмотром командира нового гарнизона, полковника Даляра, старшему Озернику соорудили палатку на пирсе, рядом с закованным в колодки драконом, собрали туда весь скарб с эсминца и приставили, на всякий пожарный, стражу, защищать неведомо от чего. Хотя перепуганным караульным было очевидно, что к бешеному чудовищу и нелюдиму волхву только чокнутый решится подойти.

Внутри, у входа в палатку, Дед Савва велел положить тяжелую кувалду. В случае если Внук Прохор призовет из далекой Греции, можно будет двумя ударами выбить заслонку, сковывающую шею дракона...

Своей способностью общаться на расстоянии Озерники не кичились, но от услуг президенту, в качестве живого радио, не отказывались. Пока каторжане строили световые телеграфы, тянули телефонные провода и сколачивали из огромных бревен временные радиовышки, Деды и Сыны прибирали слабоумных и болезных детишек и мастерили из них ходячие ретрансляторы...

По договору, чудские Озерники получили от новой власти все, что требовали, — земли вдоль Псковского и Чудского озер, налоговые льготы на рыбную ловлю в Нарве, Плюссе и притоках, право на порубки и право откупаться от службы в армии золотом и натурой. Государство получило несколько тонн ценнейшей вакцины, получило доступ к «нехорошим», гнилым местам на пепелищах бывших вредных предприятий, куда категорически отказывались заходить Качальщики. Благодаря Озерникам, особые команды, отряженные Министерством промышленности, проникли в заводские корпуса Череповца и Вологды, добрались сквозь восставшие чащобы почти до центра Москвы, Волгограда и других, раскачанных Хранителями равновесия, городов. На месте многих промышленных гигантов прошлого шумели дикие леса, Хранители равновесия пока молчали, не препятствовали Озерникам явно, понимая, что накличут открытую войну с президентскими дивизиями. И катились на подводах, на платформах и паровиках открытые из-под слоя восставшей зелени станки и цеховые краны, трансформаторы и двигатели, разобранные электростанции и котельные...

Однажды Озерники удерживали Зеленую столицу целых два дня, и за это время грузовые караваны успели вытащить с московских военных складов два десятка грузовиков, редкую спецтехнику для наведения понтонов, траншеекопатели, путепрокладчики, мостостроительные установки и штук сорок полевых кухонь, бань, радиостанций в вагончиках на колесах. Слабые метки выли и стонали, колдовские деревья угрожающе трясли почву корнями, но колдуны справились, удержали узкий проход. Сколько недоразвитых больных детишек принесли они в жертву лесу, Коваль так и не узнал. Но после возвращения каравана Дума проголосовала за передачу ордену Озерников пятисот гектаров земли на южном берегу Псковского озера. Правда, для исполнения указа пришлось переселить три рыбацкие деревушки, но кто заметил их недовольство, когда республика получила столь щедрый подарок?..

Вновь созданное подразделение при Министерстве транспорта начало брать подряды по всей стране и за ее пределами на строительство переправ и мостов, а в Академии появился новый соответствующий факультет. Думские финансисты, вошедшие во вкус управления, ворчали, что совершенно незачем вбивать такие средства в развитие мало кому понятной

инженерной науки, что целые волости голодают, не хватает сил для усмирения бунтов и сдерживания эпидемий, но Коваль был непреклонен. Прямо президенту возражать не решились, отдали деньги наукоемкому сектору. После того памятного заседания Артур вернулся в Зимний измочаленный и впервые потребовал от адъютантов разыскать сбежавшего книжника Леву Свирского.

Тяжко было одному биться с невежеством. Свирский бы его понял, он умел говорить убедительно, умел смягчать твердолобых ковбоев. Ведь именно Свирский сумел запустить первые массовые школы вне Эрмитажа и заставил недоверчивых, запуганных горожан привести туда детей. Свирский бы поддержал...

Но Левушка отказался возвращаться в столицу.

Пока что Артуру удавалось лавировать между старыми и новыми приятелями, хотя Озерников приятелями-то назвать было сложно. В глубине души Коваль понимал, что Деда Савву согласиться на участие в опасной экспедиции подтолкнули не стада коров, не серебро, и даже не авторитет президента. Дед Савва преследовал какие-то свои цели, и ухо с ним следовало держать остро. Долговязый, длиннорукий Сын Прохор чем-то неуловимо походил на Франкенштейна из первого, черно-белого фильма, но Коваль хорошо помнил, чем способна обернуться кажущаяся нескоординированность и замедленность движений. Он помнил, как в тоннеле московского метро Внук, за несколько минут, обернулся волкообразным чудищем, и это чудище одолело лучшего бойца Хранителей...

И совсем немногие были в курсе того, что, помимо общеизвестных льгот, президент позволил волхвам выбирать себе детей в интернатах, среди умственно отсталых и безнадежно больных. Интернаты специально учредил Большой круг, в целях обуздания беспризорности в большом Петербурге. Бегущих из голодных краев малышей вылавливали, мыли, кормили и надежно запирали. Бездетные Озерники втихомолку, через доверенных лиц президента, получали больных детей, делали из них физически здоровых, даже чересчур здоровых, а про здоровье умственное можно было лишь догадываться. Внуки о себе не распространялись и в городах появлялись лишь по крайней нужде...

К Артуру не поступало сведений о том, что чудские Озерники творят непотребства, как творили их уничтоженные ладожские приятели. Ни разу шпионы не замечали на озере ночных свадеб с ритуальными убийствами девушек; никто из редких торговцев, забредавших на обманчивые огоньки колдовских деревень, не рассказывал об отроках с козлиными ногами и зубами в полпальца длиной. Вроде бы чудские вели себя прилично. Простой люд обходил их стороной, в поселках плевали им вслед, а если Озерник касался, например, на рынке, кочана капусты, но не покупал, то после эту капусту не просто выбрасывали, а сжигали...

Озерников ненавидели, памятуя о сотнях исчезнувших девушек. Давно уже девушки не исчезали, напротив, многие матери, про себя бранясь, привозили дочерей Дедам на воспитание издалека, иногда за тысячу километров. Но Деда брали в обучение далеко не всех, руководствуясь только им известными приметами и тестами. Нищие матери видели сытное житье на берегу, копильни, полные рыбы, жирную скотину, опрятных тихих подростков мужского пола, из которых позже получились бы приличные мужья для их дочерей. Они шепотом передавали друг другу, что сам президент Кузнец благоволит к Озерникам, но...

Колдуны вовсе не стремились удвоить свои общины. Отказывали, и вызывали новый виток недовольства. Их тихо ненавидели, но с кольями выступать боялись. Рассказывали, как однажды в Гдове к одному из Внуков пристали трое пьяных, с местной ситуацией незнакомых. Это были гайдуки, сопровождавшие караван из Харькова. Внука избили, отняли деньги, потом их заметил кто-то из жителей, и не успели хулиганы пересчитать скудную свою добычу, как их уже окружили плотным молчаливым кольцом. В ужасе прибежал начальник харьковского каравана, примчался на паровике губернатор Гдова, подняли на ноги почивавшего епископа, полицмейстера, членов суда.

Протрезевшие и обалдевшие, мужики тупо крутили головами, никак не в состоянии

взять в толк, отчего такая кутерьма. Ну, подумаешь, надавали по шее сосунку, чтоб под ногами не путался!..

Тут в толпе с шуршанием образовался проход, и появился верхом Дед Савва. У губернатора едва не случился инфаркт, начальник полиции твердо решил подать в отставку, но хуже всех пришлось епископу. В силу служебного положения ему полагалось всячески обличать еретиков или не замечать их, а вместо этого пришлось вместе с отцами города умолять этого страшного Деда не устраивать кровопролития. В харьковском караване, тем временем, схватились за оружие, конфликт мог раскрутиться нешуточный, с поножовщиной, стрельбой, вызовом дежурной роты, непременно дошло бы до Кузнеца...

Дед отступил, пошел навстречу общественности.

— Пушай себе, — усмехнулся он в бороду, недобро буравя глазками храбровшихся хохлов. — Пушай в волости тихо будет, как порешили... Тока штоб седни их слизнуло до утра...

Повернулся и ушел сквозь расступившуюся толпу. Губернатор умолял караванщиков собрать товары и покинуть Гдов. Но те уперлись, мотивируя вялой торговлей, незакрытыми сделками, некормленными лошадьми. В результате, до утра караван в Петербург не ушел, спаковались лишь к следующему вечеру.

Трое обидчиков юного Внука почувствовали себя плохо уже на трассе. Агония длилась недолго; у каждого изо рта, фонтаном, хлынула кровь, распухли лица, затем вытекли глаза, и спустя пару минут все было кончено. Делались самые разные предположения; кто-то вспоминал о смуглой девушке, якобы целовавшейся со всеми тремя приятелями в харчевне, или о маленьком мальчике, продававшем семечки. Предлагали вернуться, запалить лес на берегу озера, выкурить клятых чернокнижников из нор, и тут...

Схватился за глаза атаман, возглавлявший караван. Накануне вечером он проявил беспечность, поднял на смех гдовского голову, а теперь катался в пыли, тщетно пытаясь совладать с давлением, распирающим череп. В следующий миг захрипел и сполз с седла тот самый, горячий, отчаянный купчина, что предлагал вернуться и сжечь лес. Сосуды его полезли наружу, вспухли под кожей, разрываясь один за другим, превращая лицо в сплошной синяк, из ушей хлынула кровь, перепонки лопнули, глазные яблоки пульсировали. Друзья попрыгали с коней, окликнули его растерянно, попытались поднять, а купец полз по дороге, подвывая, разваливаясь изнутри на части, но никак не умирал. И кто-то крикнул в истерике:

— Да убейте же его, не мучайте!

Кто-то выстрелил.

Без лишних слов подхватили харьковчане трупы товарищей, подстегнули коней, запустили моторы и помчали, спасая свои жизни.

Естественно, подобные истории в пересказе обрастали красочными подробностями, что никак не добавляло любви народа к Озерникам...

Тем не менее, интуиция подсказывала Артуру, что решение нанять колдунов на временную службу было принято верное. Особенно сейчас, когда они летели навстречу неизвестности, каждый из членов команды стоил нескольких обычных бойцов. За исключением, разумеется, угрюмого Дробиченко. Бывший визирь изображал старание и преданность новой власти, ежеминутно памятуя о несчастной своей супруге, запертой в сыром трюме «Клинка».

В Грецию...

Артур сомневался, не поспешил ли он в очередной раз, не забежал ли вперед паровоза. Следовало отрядить один из военных кораблей, переплыть море с мощным, тяжеловооруженным отрядом и тогда уж разыскивать «рабов лампы».

Чем ниже опускался солнечный диск, золотя упругие бока дирижабля, тем острее кололо сердце плохое предчувствие.

Артур пока не хотел думать о том, что за пакость обнаружили в развалившейся скале люди Карамаза.

Интуиция коварно молчала. Президент вдыхал колючий морской ветер и щурился на туманный горизонт. Где-то там, курсом на Кавказ, шла на подмогу своим окопникам сорокатысячная турецкая армия, и задержать ее пока было некому. Остановить армию могли бы разгромные новости из Стамбула...

Русские дивизии под командой Абашидзе вытесняли врага из Приднестровья, из Болгарии, но сил явно не хватало. Коваль с нарастающим раздражением думал о войсках западной коалиции, застрявших где-то в Альпах, и о том, что мерзавец Карин не так уж был не прав, когда насмеялся над доверчивостью русского президента.

«Никогда они не будут с нами, все эти французы, немцы и англичане, никогда... Как и прежде, к русскому медведю отношение двойственное — и писаются от страха перед ним, и тут же плюют свысока. Черти аккуратные! Если до конца недели вестей не будет, прикажу старшему Абашидзе развернуть резервные дивизии на запад. Поглядим, как тогда запоете, господа союзнички!..»

Вероятнее всего, он зря себя накручивал, но тягостное ощущение не проходило. Позади, в Катании, все складывалось как нельзя лучше. Если информация о разгроме древнего флота не просочится вовне, то спустя пару дней «Клинок» выйдет в сопровождении вспомогательных судов к берегам Греции вместо ожидаемого там «Рейгана». Обман быстро разоблачат, но пока это произойдет, корабельная артиллерия уничтожит половину десанта...

«Очень скоро о поражении станет известно Карину и его новым могучим друзьям... В провинциях Турции он поставил править халифов, те поддержат любую войну, а вот эмир, скорее всего, поосторожничает, прознав о такой прыти русских, а Карин, как пить дать, взбесится и совершит какую-нибудь нелепость... Не сдержится, это точно. Но если он не идиот, сразу поймет, что мы целимся на Стамбул. Тут уж не до наступления на Кавказе... Однако неужели, правда, союзнички снова озаботились спасением Ватикана и забили болт на наши договоры?..»

Артур допускал предательство любой из сторон, но в одном из своих соратников не усомнился ни разу. Немногие были в курсе тайной экспедиции старшего пивовара Борка на склады бундесвера. В свое время герр Борк пообещал русскому президенту помочь с древним оружием, о котором понятия не имели бургомистры вольных германских городов. Естественно, про арсеналы знали те, кто часто пересекал Песочную стену, красноглазые пивовары, приглашенные президентом России в новую столицу.

По расчетам Артура, как раз сейчас, когда он пересекал Ионическое море в гондоле под дребезжающим винтом, глава Тайного трибунала, во главе автоколонны с горячим, со взводом проверенных механиков и тремя сотнями конницы, пересекал Рейн. Труднее всего им придется у подножия Ползущих гор. Герр Борк уже побывал в прошлом году на родине, и с преданными людьми обследовал ближайшие склады бронетанковой дивизии бундесвера. Пивовары сумели запустить моторы четырнадцати танков, но удалились, за неимением горючего. Теперь секретная экспедиция возвращалась к Песочной стене с солидным запасом солянки.

Коваль кусал ногти. Вроде все по плану.

Шалило сердечко у президента, будто напоминало, что главное, узловое-то он и упустил...

4

САПФИРОВЫЙ ДОЖДЬ

Коваль захлопнул иллюминатор, вернулся в рубку к Дробиченко. Тот, вместе с вахтенным, ползал пальцами по карте. У бывшего визиря отобрали золото, но костюмчик подобрали еще богаче прежнего, чтобы при швартовке выглядел как хозяин положения, а не как пленник.

— Расскажи мне о Халифате.

— Мало кто бывал на территории Объединенного халифата, — почесал в затылке

Сергей. — Они не хотят знаться с окружающим миром, они патрулируют побережье на джипах, на бронетранспортерах и расстреливают всех, кто приблизится к берегам. У них сохранились города, сохранились газеты, магазины, даже деньги прежние. Карамаз положил золото в банк...

— Мне плевать на их деньги. Рассказывай про армию и промышленность.

Дробиченко сглотнул слюну, поудобнее устроился на жестком табурете.

— Конечно, преемственность они обеспечить не смогли, столько лет изоляции... Я же сам не ездил, это все со слов парней из охраны Карина. Не все разговорчивые... Но кое-кто рассказывал так, что слюнки текли. Хотя сами-то дикари, не находят нужных слов, просто не видели никогда такого... Эти арабы, они большие хитрецы. Там сгладились прежние границы Эмиратов, Аравии, и Омана. Халифы и шейхи иногда конфликтуют, но потом снова мирятся. Государства крепкие, Карамаз вернулся потрясенный. Это нам с тобой, видевшим прежнюю Европу, смешно слышать о «крепких государствах». Естественно, от высоких технологий не осталось и следов. Все что было — завозилось раньше с Запада, из Японии, из Штатов. Однако у них прет нефть, до сих пор на ходу автомобили, классные дороги, сады, а бабы закутаны от пяток до макушки... Халифы сожгли все книги, кроме своего Корана и трудов богословов, и жутко гордятся, что победили вакцину...

— Там есть Хранители? — перебил Коваль.

— Ха-ха, откуда? — напряженно рассмеялся Дробиченко. — Ребята видели столбы на площадях. Если заподозрят в колдовстве — насмерть забьют камнями! Да кому там придет шальная идея колдовать? Почвы нет, ну никакой почвы. Там дремучим ребятам, Озерникам, или тем же Качальщикам просто нечего делать! Никакой почвы. Нет заразы, понятно? Нет взбесившихся котов, шальных лесов, как в Подмосковье, нет желтых дикарей, плевков Сатаны, ничего подобного... — Дробиченко увлекся, на минуту забыв о собственном бедственном положении, о разбитой губе и синяках. Артуру вдруг ясно представились мечты бывшего московского химика; несомненно, тот обсасывал с женой идею бегства в райские кущи аравийского полуострова...

— Там бьют фонтаны на площадях, люди катаются под парусами по каналам, вечерами собираются в кафе, с кальянами, все как раньше... Там на улицах дежурит полиция в форме, но она практически не востребована, и тюрьмы почти всегда пустые. Там нет воровства, бандитизма, пьяных. Вообще нет, понятно?

Это тяжело представить после Москвы... Я помню безумные дни в столице, когда пришлось бежать, когда лес напирал на город, каждая кошка норовила вцепиться в глотку! Мы скакали, останавливались в деревнях и не могли встретить трезвого кузнеца, чтобы подковал лошадей... А после Аравии ребята жаловались мне, что за три недели не нашли и капли вина, не говоря уж о водке. Карамаз запретил им даже намекать на спиртное, в лучшем случае всю делегацию вышвырнули бы вон! Их сразу предупредили, что со славянской внешностью, даже в столице, в некоторые районы лучше не забредать. И не потому, что славяне, а как раз напротив, могли принять за англосаксов, исконных врагов. Никто, понятное дело, живых саксов там не видал, но очень красочно детям преподносят. Существует четкое правило, не допускающее толкований — всякого светлогожего, говорящего на языке иблиса, то есть английском, следует немедленно прикончить. Это святая обязанность правоверного. Впрочем, не всегда с европейцами обращаются столь сурово. Говорят, достаточно вырвать англосаксу язык, чтобы не мог проповедовать ересь, и вдобавок ослепить его, чтобы не мог эту ересь писать...

— Круто...

— Зато наших поселили во дворцах с электричеством и канализацией... Артур, я забыл, что такое канализация, я забыл, как шумит вода в унитазе, черт подери! Там чистое белье, цветут розы на клумбах, там никто ни в кого не стреляет. Встречные желают друг другу здоровья, уступают дорогу и не запирают дома... Ребята видели свадьбу на лимузине, видели охоту... Когда в гости к эмиру приехал нынешний правитель Кувейта, шейх Насрулла, Карамаза позвали за компанию. Это не охота, а вечный праздник! Ребят поселили в

высотном доме, в котором действуют лифты. Я так смеялся, Артур, но внешне, конечно, не показал... Они чуть не померли со страху, когда лифт повез их на двенадцатый этаж. Целые стекла в окнах, музыка по радио, шведский стол... С ума можно сойти! Видимо, их поселили в одном из отелей, до сих пор действует туристический бизнес, парни никак не могли поверить, что можно бесконечно наполнять тарелки едой! А вечерами, когда становится прохладнее, зажигаются фонари на набережных, открываются лавки. Ребята боялись зайти, они застывали в дверях, хотя Карин снабдил их местными динарами. Там рестораны, а не загаженные харчевни, как в России, парни постеснялись заглянуть внутрь... Дробиченко закашлялся.

— Если все так замечательно, — усмехнулся Коваль, — не вижу смысла эмиру Сайду ввязываться в войну. У него что, солдаты лишние?

— У эмира не просто боеготовая армия. Все мужское население тренируется воевать. Карин видел, и охранники видели... Мальчикам с детства внушают, что за морями точат ножи полчища неверных, готовых разорить и развеять по ветру их сытую праведную жизнь. Они маршируют, носятся по полосам препятствий, стреляют ежедневно из арбалетов, но не как наши горе-воины... Они тренируются, как положено кадровой армии, там действуют военные училища... Кстати, на ком тренироваться, тоже имеется. Не дают спокойно жить постоянные набеги дикарских племен с севера и с моря. Бывали случаи, когда номады прорывались во внутренние области, тогда за оружие брались даже женщины... Осталось полно огнестрельного оружия, его берегут и чистят, в свое время, видимо, накопили немерено. Карин видел вылизанные ангарты с бронетехникой, зенитные комплексы еще советского производства... На севере, по слухам, возведена настоящая «китайская стена», а со стороны Персидского залива — двойная линия дзотов... На тысячу километров, можешь себе представить?!...

— Будем считать, что ты меня здорово напугал. Я прямо-таки трясусь от страха, — вздохнул Артур. — Было очень интересно. Теперь скажи, чего нам ждать от Ферганы?

— А вот этого я точно не знаю... Честно, клянусь! — Дробиченко приложил пухлые ладони к груди. — Карамаз на них очень надеялся, это правда. Там масса людей, они готовы поверить во что угодно, и пойдут воевать за лепешку, но дело в том...

Договорить он не успел. Из рубки гортанно выкрикнул вахтенный:

— Горы слева по курсу, ваше превосходительство!

— Земля, — встрепнулся Расул. Артур вскочил на ноги.

— Ребята, приготовились, собрали барахло, сели на пол!

Из пенных барашков, из сонного застоя выплывала корявая спина базальтового великана. Это бы/ еще не материк, а один из множества скалистых островков из плеяды южных греческих шхер. Овальная тень небесного тихохода скользила по волнам, по колониям чаек, по косякам солнечных зайчиков, скалы разворачивались, морщинились, заполняли горизонт.

— Вахта, курс держим?

— Так точно! — вытянулся русский штурман, нарочно снятый президентом с «Клинка», в целях контроля действий команды. — Как этот вот... визирь указал.

Артур оглядел своих командос. Он прекрасно понимал, что опять нарушил сто первую клятву, данную супруге, и сам поперся в очередное горнило, но данное приключение никак нельзя было перепоручить. На земле Даляр и Орландо справятся, а здесь никто, кроме него, не разберется. Меньше всего Коваль верил рассказам Дробиченко про запертых в скале джиннов. Однако, по мере приближения, вынужден был признать — аура у местности складывалась весьма своеобразная, если не сказать хуже. Здесь пахло чем-то таким, что нельзя было поручить самым толковым сподвижникам.

Здесь веяло колдовством.

— Не этот остров, — подкручивая верньеры бинокля, констатировал Дробиченко. — Левее, вон там, у самого берега... Узкий пролив разделяет.

Пока что бывший «джинн» не врал. Сквозь розовеющую мглу Артур различал полосу

косоного прибою, тысячи облизанных голышей, потеки птичьего помета на взметнувшихся в небо каменных «пальцах». За грядой ближних островков проступали охряные, салатные пятна полей и рощиц; изъеденный миллионами волн, благословенный берег Эллады. Вот каким неожиданным образом довелось увидеть Грецию! Правее по курсу, километрах в десяти, маячили в сизой дымке улочки прибрежного городка, утопающие в цветах, домики с короткими торчащими трубами. Огни не горели, размеры городка пока было не оценить, и непонятно, имелись ли жители. Обладатель самых зорких глаз, чингис, заявил, что заметил маковки христианского храма.

Моторист заглушил четыре мотора из шести, скорость сразу упала. Море на востоке прорезала тонкая огненная полоса. Смурно на душе было, тревожно, но сердце, не угадывало беду. Ныло только слегка, из-за красного червяка, в колодках, на пирсе брошенного. Один, привязанный у воды, китайский дракон скучал и плакал по кровному отцу, однако взять его с собой Артур никак не мог. Дед Савва пока присмотрит, а там и выпустит, ежели крайность какая приключится, не дай нам бог... Не дай нам бог тут встретить засаду...

— Дробиченко, смотри у меня, продашь — скорой смерти не жди!

Бывший визирь сморщил рожу, словно жевал лимон. Подрабатывая винтами, судно разворачивалось. Ветер словно спохватился, мягко провел влажной салфеткой по лицам, забрался за воротники, заставил всех окончательно проснуться и задрожать. Теперь уже все члены экспедиции вскочили с мест, откинули шторы на окнах и свесились за борт. Остров наплывал, приближался, словно неведомая планета навстречу звездолету. Солоноватый ветер здесь имел другой вкус, свежий, слегка приправленный йодом морских растений, запахом рыбы, далекими, тончайшими наносами незнакомых лесов. Сама вода пахла иначе, нежели у берегов Сицилии. На серой туше дирижабля кривой улыбкой вспыхнул золотой полумесяц, солнце вспыхнуло над Эгейским архипелагом. Дробиченко махнул пилоту, тот сбросил обороты двигателей до предела, стало слышно, как скрипят деревянные шпангоуты в чреве корабля.

Остров был гораздо больше, чем показалось вначале. Коваль сначала думал, что Дробиченко ищет площадку для швартовки, однако минутой спустя прямо по курсу забрезжила глубокая лощина. Лощина. Щель.

Ковалю почудилось вдруг, что перед кабиной пронеслась большая птица, так близко махнув крылом, что перья щеkotно провели по щеке, по ресницам.

Расколотый остров. Никакой птицы, попавшей крылом в глаз, просто внезапно стала ясна причина волнения. Артур вспомнил, откуда так знакомо это словосочетание, хотя последний раз его произнесли при нем лет восемь назад. Старый отшельник Кристиан, он называл так место, где закопаны в землю Малахитовые врата. Да, кажется, Малахитовые врата в рай. Подвыпивший Хранитель, икая, толковал свои сновидения, Артуру же было смешно, как бывает смешно трезвым в компании дурачка, которого нарочно угостили спиртным. Хранитель не врал, когда касалось настоящего, и ближайшее будущее порой угадывал точно, но по поводу дальнего, очень дальнего прошлого, нес удивительные небылицы. В частности, про Малахитовые врата, за которыми скрывается место, где каждому воздастся.

Помнится, от колдуна не удалось добиться внятного ответа, что же он видел за вратами в своих ночных астральных странствиях. Рай, нервно отшучивался Кристиан, истинный рай. Не как по библейским книгам, а лучше. Только вот одна заковыка, негоже за Малахитовые врата насекомых пускать, то есть горожан, никчемных, глупых людишек, не способных жить в мире с матушкой-землей. Не оттого, что погибнут, а как раз наоборот, могут вдруг назад вернуться, и совсем не теми, кем были раньше. Мол, случалось уже такое на планете, и не дай бог повторить...

Да что случалось-то? Откуда Кристиан черпал такую нелепую информацию? Да все оттуда же, откуда и остальное, — из дремотных своих прозрений, из видений после дрем-травы лесной, валдайской...

— Сорок лет назад здесь развалилась гора, — Сергей показал на отколовшиеся,

упавшие в море куски, над которыми закручивались мелкие водовороты, — Здесь действительно что-то произошло, хотя раньше не наблюдалось сейсмической активности. Мы застали лишь последствия. Ваши Качальщики непременно связали бы раскол коры с падением численности населения...

— Это как? — встрепнулся Коваль. — В Турции тоже бытуют такие взгляды?

— Бытуют... неофициально, — криво усмехнулся Дробиченко. — Я встречал старичков в горах... Когда ездил на электростанции. Занятные старички, и чем-то Качальщиков напоминают. Гонора тоже выше крыши, и плевать огнем умеют... Умели, Нда. Вот они талдычили, что люди ушли и непременно вернутся другие, те, кто был раньше, до людей. Короче, вроде секты у них. Местный халиф потом всех перебил...

— Те, кто раньше, до людей? — Коваль потер виски. Начинало противно покалывать, как бывало уже не раз, вблизи Звонящих узлов. Он мельком подумал, что впервые встречает Звонящий узел, взорвавшийся под водой. Внешне это могло выглядеть как раскрошившаяся скала или как цунами, но истинную причину катаклизма установить было сложно. Возможно, затонувший корабль с химией или продуктами распада на борту. Или еще похлеще — атомная субмарина. Все имеет рациональное объяснение, повторял он себе. Должно иметь объяснение.

— Ты мне скажешь внятно, что вы там нашли? — Этот вопрос Артур задавал уже четырежды, но так и не получил внятного ответа. И на сей раз Дробиченко надул щеки, помялся с ноги на ногу и нехотя пробурчал:

— Это надо видеть... Ты пойми, каждый видит свое...

— Глюки? Прет какой-то газ, а вы его приняли за послание свыше?

— Это не послание, — поджал губы Дробиченко. — А если и послание, то не свыше. Видишь ли, я сказал, что каждый видит свое. И слышит каждый свое. Я не спускался... Там, внизу, оставались надолго пять человек. Двоих мы вынули уже мертвыми, после чего испытания прекратили... — Дробиченко хмыкнул, потер щетину, сплюнул в иллюминатор. — Это я посоветовал Карамазу завалить вход в нижнюю пещеру и поставить охрану. Там надо долго заниматься, очень долго, а не с наскока...

Ущелье распахнулось, точно хищная улыбка, прорезанная титаническим резцом скульптора в нагромождении гранитных торосов.

Расколотый остров, мать его так...

— Где же охрана? — вполголоса спросил президент у бывшего визиря.

— Нас уже видят, мне надо встать на носу, — Дробиченко отдал следующую команду. Тут же смолкло шипение газовых горелок, на приборной доске поползли вниз стрелки на манометрах.

— Всем залечь! — приказал Артур. — Господин майор, не могли бы вы заменить турецкого пилота в верхней кабине? Не хотелось бы, чтобы парнишка случайно подал какой-нибудь знак... И пушку свою прихватите, мало ли...

Карапуз коротко кивнул, согласно новому российскому уставу, и шустро полез по лесенке в чрево дирижабля. Минуту спустя раздались звуки борьбы, хрипы, и в люк вниз головой был спущен связанный пилот.

— Рыпался, сволочь, — пробасил из горячего мрака Карапуз. — Как пить дать, хотел своим, собака, лампой поморгать.

— Я тебя предупреждал? — Артур потянул Дробиченко за ворот.

— Клянусь, все не так... — позеленел «джинн», — Никаких сигналов, это его работа! Там внутри корпуса мостки, проходы к четырем фонарям. Я сам вводил правила, при посадке обозначить габариты судна...

— Смотри, как бы я твои габариты не уменьшил, — пообещал президент. — Начну с лишнего отростка между ног. Герр Богль, проследите, чтобы тот парнишка на руле не выкинул фортель. Желательно, тихо...

Немец кивнул, встал вплотную к мотористу, передвинул руку под балахоном. Турок задергался у штурвала, покрылся потом, что-то залопотал умоляюще, обращаясь к визирю.

— Азиз просит не убивать его, — спешно перевел Дробиченко. — Он не скажет ни слова, будет служить честно. У Азиза в Стамбуле четверо детей...

Солнце осторожно выглянуло из-за влажных скал. Дирижабль плыл метрах в тридцати над расщелиной, похожей на пересохшее устье ручья. Внизу не наблюдалось следов человеческой деятельности, остров представлялся совершенно заброшенным, недружелюбным складом булыжников. Кое-где ветер натаскал земли, в узких проломах желтели чахлые травинки, тянулся по уступам выюн, пробовал свои силы дикий виноград. Ни катышков козьего помета, ни обломков рыбацких хижин, ни останков высоковольтных столбов. Очевидно, Господь встал не с той ноги или пребывал в глубокой ипохондрии, создавая этот клочок суши. В подобном унылом месте в древние времена могли бы держать каторжан или заключенных. Волны с разбегу налетали на отвесные берега, рассыпались, передавая острову легкую дрожь, обтекали его с двух сторон, закручиваясь водовороты в узких стремнинах проливов. Воздушный корабль на фоне циклопического пейзажа казался беспомощной пылинкой. Тревога не проходила.

Будто бы непременно следовало ждать утрату. Лица товарищей самую малость тускнели, как происходило не единожды, перед разлуками вечными. Волшебных качеств за собой президент не наблюдал, но кое-каких премудростей у Качальщиков, в свое время, нахватался. Когда вот так лицо близкого человека смазано, черты чуть менее четкие, нежели обычно, хочется сморгнуть или протереть глаза, — не к добру это. Почти незаметно, не всякий способен в себе развить дар такого узнавания, его и предвидением не назовешь. Старый Прохор, помнится, говаривал Артуру, что в каждом человеке предвидение заложено, и каждый печать смерти будущей несет. Звери домашние чувствуют, подсказать порой хозяину пытаются, чтобы не бросался куда не следует, не вылезал вечером, лучше отсиделся бы... Ковалю хотелось протереть глаза. Он не видел близкую смерть ребят, но вполне ясно предугадывал разлуку. Разлука на уровне тонких ощущений воспринималась как расширяющаяся бездонная пропасть...

Артур вновь, и вновь ловил себя на том, что так и тянет его растереть онемевшую кожу на висках, на затылке. Безусловно, поблизости рванул мощнейший Звонящий узел, примерно такой же, как в Оренбургских степях, где наступали Желтые болота, или такой, как в Германии, в районе Песочной стены. Побережье Греции наверняка пострадало, но главное острие удара пришлось в глубину моря...

Пилот виртуозно подрабатывал двигателями, кидал румпель с борта на борт, протискивая громадный баллон среди нагромождений острых камней. У Коваля кровь колотилась в висках. Он уже заметил, для чего пилоты идут на риск, едва не царапая днищем гондолы гальку.

Расколовшийся зуб заканчивался тупиком. Впереди, в предрассветной мгле, вырастала серая, с блестками стена; по мере приближения в ней обозначился разлом. Он начинался не у самого дна ущелья, заваленного камнями, а гораздо выше. До нижнего края трещины тянулось метров пятнадцать отполированного гранита. Преодолеть голую, выщербленную оползнями гору можно было либо резко набрав высоту, либо...

Либо протиснувшись в щель. Что пилот и собирался сделать.

— Снижаемся, ваше превосходительство, — тревожно заметил штурман. — Как бы об землю не шваркнуться, больно скоро валимся...

— Не упадем, — успокоил Дробиченко. Он выбрался на самый нос гондолы, распахнул оконце и начал размахивать фонариком. — Азиз свое дело знает, четвертый раз тут проходим. Это я предложил по воздуху, раньше лазили по камням, побилось народу...

Четвертый раз, отметил про себя Коваль. Проторили тропку — стало быть, и, правда, отыскивали нечто из ряда вон...

Артур сел на пол прямо за спиной Дробиченко, проверил метательные клинки. Сергей продолжал плавно размахивать фонарем.

— Сюда много лет никто не заплывал, — словно расслышав мысли Ковалю, сообщил визирь, — Местные греческие рыбаки считали остров дурным местом, по слухам, еще в те

годы, когда мы с тобой науку делали. Здесь таких островков сотни, никто серьезно не изучал... Ну, дурное и дурное, мало ли? Зачем изучать, если для туризма интересов ноль, ни угля, ни нефти, ферму не поставишь... Мы с Людой внимание обратили, когда слухи о сапфировом дожде начались...

— Сапфировый дождь? — Коваль с трудом оторвал взгляд от нависающей скальной громады. Дирижабль подлетел вплотную к разлому, и оказалось, что между неровных стен могли бы разминуться три таких судна. Артур отметил, что по земле добраться до нижней границы разлома могли бы только альпинисты высокого класса. Без специального снаряжения преодолеть завалы было нереально.

Впереди, в глубине скалы, блеснул огонек, затем еще один, затем на пузатых бортах дирижабля скрестились лучи прожекторов.

— Командир, с двух сторон обложили, — громким шепотом доложил из верхней кабинки Карапуз. — С пулеметами, за баррикадами прячутся!

Луч поймал гондолу, полоснул по глазам, а секунду спустя Артур и сам разглядел блокпосты в изломах проплывающих мимо стен. Грубо сцементированные обломки камней, бойницы, веревочные лестницы. Настоящие «гнезда», подвешенные над пропастью. Пока что по дирижаблю не стреляли.

Артур обернулся к Сыну Прохору. Колдун коротко прикрыл глаза, давая понять, что задачу понял. Действительно, кроме озерного оборотня, никто не сумел бы подобраться к вмурованным на высоте каменным «гнездам», а перспектива занять в тылу вражеские огневые точки президента совсем не прельщала.

— ...Сапфировый дождь — это правда, — как ни в чем не бывало, продолжал Дробиченко, помахав кому-то в темноту. Однако Артур слышал, как колотится сердце у предателя, тот тоже ожидал пулеметную очередь. — Карамаз прошел маршем по Пелопоннесу, почти не замедляясь. Впереди войска мы высылали небольшие отряды, они предлагали местным племенам принять власть паши и истинную веру. Карамаз, что бы ты о нем ни думал, отличный тактик. Я ни черта не волоку в военном деле, но это было круто... Когда встали лагерем на берегу моря, километров семь к западу отсюда, ребята купались и вытащили со дна камни. Сапфиры, были и рубины, и мелюзга всякая...

— Командир, там вроде поляны впереди, причал... До взвода их точно будет, возле пушки ждут. Ну, этих я зараз положу, — кровожадно добавил Карапуз.

Дробиченко осекся.

— Ты продолжай, продолжай, мне интересно, — подбодрил его Коваль.

Моторист снова повернул вентиль, горячий газ хлынул в брюхо корабля. Подрабатывая левым винтом, Азиз разворачивал нос в сторону света. Узкий пролом здесь резко раздавался в стороны, превращая трещину в громадную пещеру, разукрашенную природными блестками, алыми прожилками, изящными узорами слюды, и окаменевшими потеками лавы. Свет попадал сюда сверху, из нескольких рваных отверстий, каждое из которых не пропустило бы дирижабль. Стены пещеры вздымались вокруг гондолы на сотню метров, чем-то напоминая внутренность тюльпана, сомкнувшего лепестки. Расколовшийся зуб. Расколовшийся остров...

— Ну вот, притащили парни камешки, — вполголоса продолжал Сергей. — А после кто-то из местных рассказал совсем уж немыслимую историю, будто лет сорок назад треснула гора на одном из островов, и оттуда забил фонтан. Они рыбачили как раз, на лодке далеко отошли, чуть не поубивало всех. Одному глаз выбило. Думали, град пошел, а это не град, драгоценности. Несколько минут поливало, рыбаки в воду попрыгали, чтобы хоть как-то укрыться. После дым три дня валил, море бурлило, разогрелось. Я так прикидываю, подводный вулкан где-то поблизости вскрылся. Нашли они остров, откуда фонтан бил. Вот из этого самого места...

— Фонтан из драгоценностей? — задумчиво переспросил Махмудов. — Что-то я слышал о таком... Но не о здешних местах.

— Мое изображение такое — под этой горой было нечто вроде банковского

хранилища, — Дробиченко показал вниз, на неровный пол пещеры. — Когда рванул вулкан, камни выстрелили вверх, как пробка из бутылки...

— Чье хранилище? Пиратов?

— Ну уж нет! — нервно хихикнул бывший визирь. — Против местных собирателей сокровищ все наши средневековые флибустьеры — это горстка детишек...

Артур проследил за направлением, куда указывал Дробиченко. Дирижабль завис над самым центром пещеры, над относительно ровной площадкой, образованной массой мелких камней. Видимо, они осыпались сюда с внутренних склонов после подводного землетрясения. Артур глядел вниз, на маленькие фигурки встречающих, и вдруг его посетило странное, крайне неприятное ощущение. Такое случается иногда с каждым, когда ныряешь в темноте и теряешь ориентацию, не можешь определить, где низ, а где верх.

Коваль смотрел на костры в углах пещеры, на собранные наспех палатки, сколоченные кое-как настилы и неровное дно, на усатых парней в фесках и чалмах, бегущих с канатами и крючьями, а видел совсем другое. Он видел, что осыпавшаяся каменная крошка едва прикрывает отверстие над бездной. Она заткнула горловину, и достаточно одного направленного взрыва, чтобы крошево пришло в движение, посыпалось куда-то в глубину, после чего, скорее всего, опять сместятся слои породы, и пещеру может завалить навсегда... Но проблема заключалась не только в неустойчивости «пола». Помимо воли включилась интуиция Клинки, воспитанная Хранителями силы в уральских лесах. Коваль зажмурился, задержал дыхание, так было легче войти в нужное состояние.

Не только Звонящий узел. Слабые метки давно отработали свое, ослабли и рассыпались вместе с отработавшими вредными веществами. Мать-земля успокоилась, зализала раны, нанесенные людишками.

Что-то другое, непонятное, незнакомое. Ниже уровня условного пола словно бы текла медленная пульсирующая река. Или что-то дышало, очень большое. Настолько большое, что один выдох длился несколько минут, превращаясь в несильный ураган.

Гондола качалась, внизу выкрикивали команды, притягивали баллон к бревнам, забитым в щели между валунами. Фон Богль быстро щелкнул выключателем, для окруживших двухэтажную гондолу людей ее окна стали темными и непрозрачными. Карапуз спустился с верхотуры, мокрый и потный; он теребил пулемет, спрашивая, когда начинать пальбу. Расул тихонько молился, сжимая «Калашников», Дробиченко покрикивал на янычар, тон его голоса резко изменился. Это уже не был тон забитого пленника, с солдатами говорил всесильный владыка. Снизу подобострастно отвечали, двое подкатили тележку с лесенкой, импровизированный трап.

Гондола шваркнула днищем по камням, Снаружи было гораздо холоднее, чем в открытом море, и запах... Запах совсем не морской, и не такой, который ожидаешь в каменном мешке. Запах, как будто поблизости функционирует плавильный цех. Кисловатый аромат разогретого металла.

Непонятное явление, но Артуру некогда было обдумывать. Оставались считанные секунды, затем озарение сбежит, как молочная пенка, и долго не вернется. Ведь президент не рождался под Красной луной и не умел так тонко чувствовать ауру вещей, как ее чувствовал каждый ребенок Качальщиков...

Что-то тут было не так.

Дурное место.

Дробиченко обернулся, кивнул, давая понять, что обман сошел с рук. Его лоб блестел от выступивших капель пота, капли висели даже на верхней губе, руки дрожали.

— Охраны сейчас двадцать четыре человека, — быстро отчитался он. — Два тяжелых пулемета с катеров, они наверху, при входе, и здесь еще два. И одна пушка. Нам повезло, последний груз им доставляли сюда три дня назад. Парням еще не донесли, что «Рейган» потоплен...

Артур хотел его прервать, хотел сказать, чтоб тот заткнулся, не мешал, потому что оно снова подступило, ощущение касания к чему-то неподвластному человеческой воле,

одновременно живому и неживому. Артуру вспомнилась подземная семья Чжан, миллионы хищных насекомых в дебрях китайского ракетного комплекса. Затем ему вспомнился сволочный рой из железных стрекоз, разрезавший Людовика; ощущения похожие, но не идентичные. Озарение так и не пришло.

В самый последний момент, когда уже подкатали трап и надо было выходить, и Дробиченко, мокрый от ужаса, начал спускаться первым, навстречу прожекторам и факелам, поклонам и рапорту, к Артуру в сумраке неслышно приблизился Озерник Прохор. Обдавая нечистым дыханием, глумливо, как будто заигрывая, прошептал:

— Что, мил человек, корячит? Меня тож корячит, хех... Стало быть, верно Дед подгадал, мир ему. Туточки они, дожидаясь...

— Кто дожидается? — похолодел Артур. — Кого ты чуешь, Озерник?

— Мальцы стенают, медом исходят в бутылках, — Прохор запахнул плащ. Казалось, его совершенно не интересуют вооруженные люди за окнами. Озерник улыбался плавающей, ускользающей улыбкой. — Нас они ждут, мальцы в бутылках. Торопись, покудова не проснулись. Скорлупа, слышь, треснула, того и гляди, вылупятся. А как наружу полезут...

— Что тогда? — не утерпел Митя.

— Тогда всем конец, — широко улыбнулся Сын и шагнул вслед за Дробиченко в темноту.

5

СЫН ПЬЕТ КРОВЬ

Сценарий десантирования Коваль подробно разработал еще накануне. Приходилось полагаться на Дробиченко, по памяти которого составили план главной пещеры.

Согласно плану, визирь выбрался на трап, неторопливо спустился на «летное поле» и тут же распластался среди острых камней, чтобы не мешать работе профессионалов.

По следу визиря, непрерывно кланяясь, размахивая руками, семенил в длинном халате Расул Махмудов. Его, естественно, не узнавали, но, поскольку встретили в компании с главным «джинном», не зарубили сразу. Махмудов неловко поскользнулся, взмахнул тонкими заголившимися ручками, крылья халата разлетелись, кто-то рассмеялся.

Ближайший из подоспевших солдат удивленно разглядывал тонкую, болезненную царапину, неизвестно откуда появившуюся на тыльной стороне ладони. Он попытался поднести порез повыше к глазам, но локоть и плечо одеревенели, шея перестала сгибаться, воздух в горле превратился в песок. Бравый вояка качнулся вперед, назад, затем земля стремительно притянула его, впилась иглами в затылок... Последнее, что он увидел, — упавшего лицом вниз соседа, его дергающиеся ноги и расплывающееся мокрое пятно на шароварах.

Расул успел царапнуть ногтем четверых ближайших охранников, стоявших с обнаженными саблями. Пока они бились в судорогах, шустрый узбек скользнул назад, под днище гондолы.

И очень вовремя скользнул. К нему уже мчались спущенные с цепи азиатские овчарки. Откуда-то сверху закричали. Коваль задрал голову: в проломах, на фоне голубого неба, замелькали головы.

Пещеру охраняли со всех сторон, в том числе и сверху!

Но «верхняя» охрана не отваживалась стрелять, из опасений попасть в визиря. Они совершали огромную ошибку, но еще не догадывались об этом. А когда на сцене появилась невысокая плотная фигура в плаще и черных очках, стало поздно.

Вышел фон Богль и устроил сеанс одновременной игры, как минимум, с десятью участниками. Он успел убить семерых, пока остальные поняли, откуда летят пули. Один из псов бросился на Карапуза и накололся на штык. Другой собаке Митя отрубил передние лапы, еще двух пристрелил немец.

Тем временем Озерник ящерицей скользил в сторону пролома, из которого не так давно

приплыл цеппелин. Отсюда, из нутра пещеры, изогнутый вход походил на жадную гранитную вагину, приоткрывшуюся навстречу солнечным лучам. Сын Прохор прошептал заклинание, не переставая жевать комок выворотной травы, откатился в сторонку, распластался в темноте. По сторонам пролома, на большой высоте, он различал обмазанные раствором, сторожевые «гнезда» пулеметчиков, свисающие веревочные лесенки. Сами пулеметчики вытягивали шеи, пытались разглядеть, что же происходит в глубине расколотой горы, но обзору мешал припаркованный дирижабль.

Молодой Озерник жевал траву. Он уже чувствовал, как по телу катятся первые горячие волны оборота. Следовало еще немножко подождать, не выходя из тени, совсем капельку, а потом никто из этих дураков его не остановит, включая президента Кузнеця. Возможно, сегодня у Озерников единственный шанс вернуть себе власть и свободы, отобранные Проснувшимся Демоном. Легко рассуждать о дарственных на землю, о верительных грамотах и местах в Думе тем, кто не помнит бывшего могущества детей Красной луны, не помнит, как тряслись от ужаса губернии и уезды и несли насекомые сами отродье свое, девственниц своих, на потребу Озерникам.

Сын Прохор забросил в рот порцию горькой вяжущей травы. Сегодня и здесь! Дед и Отцы будут им довольны...

Тем временем оставшиеся в живых турки засели в укрытиях и обстреливали освещенную посадочную площадку. Махмудов улегся под гулким брюхом дирижабля, не спеша заложил в арбалет стрелу с металлическим наконечником, прицелился в ближайший из трех прожекторов.

Крррак!! Сразу стало темнее.

— Парни, сверху! — Коваль непосредственного участия в бое не принимал, приглядывал в кабине за связанными турецкими пилотами. Зато он сразу заметил стрелков в вышине.

Фон Богль моментально сменил тактику, уступив поле наземного боя Карапузу. Митя не стал церемониться, подхватил труп врага и, прикрываясь им как щитом, попер с пулеметом в сторону ближайшей палатки. Там укрылись те, кто спасся от первой атаки пивовара.

Крра-ак! Взорвался второй прожектор.

Дробиченко лежал ничком, заслонив голову руками. Артур прикрыл глаза, мысленно угадывая, где находится каждый из его бойцов.

Озерник удалялся все быстрее, разоблачаясь на ходу. Он проскочил мимо второй палатки, не обращая внимания на торопящихся оттуда полусонных солдат, скользнул, низко нагнувшись, касаясь камней руками. Ему почти не приходилось наклоняться, чтобы дотянуться передними конечностями до земли. Артур глядел на колдуна через иллюминатор. Он уже третий раз наблюдал завораживающее зрелище «оборота», но привыкнуть не мог. Привыкнуть к колдовству невозможно, как к холоду, как невозможно привыкнуть дышать под водой...

Кррак!! Лопнула лампа над посадочной штангой. Расул закинул арбалет за спину, перекатился назад за миг до того, как пуля выбила искру из булыжника в том месте, где только что находилась его голова, змейкой утек во мрак. Карапуз захватил блокпост, отбил у врага пулемет и спросил у президента, что делать с пленными.

Турки продолжали стрельбу, кто-то отчаянно визжал на пределе голосовых связок, кто-то выкрикивал слова молитвы. Тело цеппелина пробили в нескольких местах, воздух выходил с нарастающим, вибрирующим свистом, вибрация передавалась такелажу. Артуру казалось, что даже зубы зазвенят, если крепко сжать челюсти.

И посреди шума фон Богль стрелял на звуки дыхания, на звуки шагов противника, на звон металла. Фон Богль нахохлился, присел, стал похож на больного замерзшего вороненка. На самом деле он слушал. Артур с восхищением наблюдал за работой своего телохранителя. Маленький немец действовал как хищная росянка. Притаившись за углом скособоленной палатки, он почти незаметно поводил круглой внушительной головой в капюшоне, вычленял

ошибочные действия врагов среди общей суеты, стонов и стрельбы.

И вдруг, из мрака, гулко пролаяли револьверы.

Визжащая, распевная молитва оборвалась. Замолк автомат, стрелявший одиночными.

В пещере стало еще темнее. Погас третий прожектор. Теперь внутренности «тюльпана» освещались лишь естественным светом, падавшим вертикально, отчего притянутый к земле дирижабль и пятак пространства вокруг него приобрели сходство с цирковой ареной во время исполнения опасного номера.

Где-то кашляли и стонали раненые, удушливо несло самодельным порохом и соляжкой. Фон Богль сделал еще несколько выстрелов; сверху посыпались камешки и прилетели два мертвеца. Звучно шлепнулись, скатились с верхушки дирижабля.

— Все, кажись, — из темноты произнес Митя Карапуз.

— Слава те, господи, — русский старичок-штурман нервно перекрестился, сжавшись в комок на полу рубки.

Коваль ждал. Зрение у чингиса было острее, чем у него, по крайней мере при естественном освещении, и выслеживать врагов в лесу он умел прекрасно, но ощущать противника сквозь стены пока не научился. И никогда не научится, думал Коваль, слушая, как Озерник перебирает лапами...

Именно лапами. Артур отвлекся и снова пропустил тот неуловимый миг, когда человек превращался в зверя. Серая тень, похожая одновременно и на волка, и на гиену, и немного на медведя, прыгала с уступа на уступ, забираясь туда, куда не смогли бы добраться ни Богль, ни Карапуз.

Озерник бесшумной молнией скользил по опасным карнизам наверх, к пулеметным гнездам, устроенным в расщелине, через которую недавно проплыл воздушный тихоход. Засевшие там вражеские солдаты втянули наверх веревочные лестницы. Они не решились спуститься, когда в пещере началась стрельба; Дробиченко заранее предупредил, что у внешних постов существует строгая установка — не реагировать, что бы ни произошло, следить за ущельем и никого не пропускать в разлом. Шестеро солдат, прильнув к амбразурам, с тревогой вглядывались в пороховой дым, накручивали вертушки телефонов, перекликались между собой и с товарищами, засевшими в рукотворном «гнезде» по другую сторону расщелины. Никто из них не догадался посмотреть вниз, потому что подобраться снизу было невозможно.

Невозможно для человека, даже очень сильного.

Пулеметчик даже не успел позвать на помощь, когда прямо перед ним, из пустоты, возникла вытянутая оскаленная морда, с вполне человеческими глазами и длинными, широкими ушами. Что-то схватило пулемет за ствол и рвануло с чудовищной силой, разом сломав пулеметчику два пальца. Но закричать он так и сумел, гибкий зверь навалился, полосуя горло и грудь дюймовыми когтями.

Находившийся позади первого номера расчета капрал как раз накручивал телефон, в сотый раз пытаясь дозвониться до офицера. Его нервы и так были на пределе, кургузый чекмень не спасал от холода, в корзине от проклятой влажности заплесневел хлеб, у подчиненных разболелись животы. Неделю назад им доставили продовольствие на лодке, но смена так и не пришла. В письме начальство объясняло, что людей не хватает, все силы брошены на священную борьбу с неверными, и гарнизону острова вменялось крепиться и уповать на Аллаха, как поступали все достойные сыны родины.

Сегодня неожиданно показался дирижабль великого визиря, сам он помахал условным сигналом, а потом сразу же стрельба...

Капрал дергался, приказ вменял ему не покидать «гнездо» на каменном карнизе, где они спали, сменяясь, уже третью неделю, доедали последние заплесневевшие лепешки и запивали дурно пахнущей водой из бурдюков...

Шайтан, успел подумать капрал, и в следующий момент челюсти сомкнулись у него на горле. Затем капрала приподняло, дернуло, ноги заболтались из стороны в сторону...

Третий номер расчета спал. Пареньку-курду едва стукнуло семнадцать; его поймали

вербовщики паши, едва ли не на аркане притащили в лагерь рекрутов, вручили форму и заставили принять присягу. Таких, как он, в лагере оказалось большинство; им пригрозили, что заберут на службу к джиннам их женщин и разрушат в деревнях колодцы, если они откажутся вступать в непобедимую армию Карамаз-паши. Если же они согласятся, то могут рассчитывать на богатые земельные наделы, золото и быков. Деваться было некуда, а через несколько месяцев втянулись, позабыли обиду, окрепли...

Курд проснулся от сильного удара в плечо, вскочил, привычно нащупывая саблю, но не смог сразу продрать глаза: что-то горячее, соленое захлестнуло лицо. Потом он понял, что за тяжесть свалилась на него — это было обезглавленное туловище капрала, из воротника куртки торчал огрызок позвоночного столба и толчками выливалась кровь. Молодой янычар все пытался поймать ладонью винтовку, но тут когтистая лапа одним ударом сорвала с него скальп, а вторым вырвала нижнюю челюсть. Умирая, курд нажал на курок.

Человек-волк присел на задних, полусогнутых, то ли ногах, то ли лапах. Ему было не очень-то удобно, колени страшно болели. Когда приходилось так спешно «перекидываться», суставы выворачивало нещадно, сердце колошматило сто пятьдесят ударов в минуту, а челюсть словно крошили щипцами. Опыт подсказывал Сыну, что долго так не протянуть, следовало быстро осмотреть дыру в стене и спускаться вниз, чтобы разделаться со вторым постом, висящим над пропастью на противоположной стене расщелины.

Он спешно осмотрел тела, неловко цепляя сросшимися пальцами. Вывернул походные сумки.

Ничего интересного, ничего нужного. Этот подлый хорек Кузнец, горе-президент, любит, когда ему приносят ценные безделушки. Следует умасливать хорька, так говорит Дед Савва, мир ему и тепло. Вонючего президента следует умасливать и баюкать, пока мы не достигнем того, за чем охотимся. Следует подставлять свою шкуру, самому лезть под пули и напрягать организм быстрыми превращениями, лишь бы заполучить то, ради чего поплыли на чужбину...

Волкомедведь выглянул в бойницу, потянулся. Отсюда вполне можно допрыгнуть до гнезда на той стороне расщелины, даже не придется спускаться вниз. Внук не жалел только что убитых людей, он прикончил их слишком много за свою недолгую жизнь. Но дело даже не в количестве. Насекомые защищали выход из пещеры, они бы не выпустили баллон. А Сыну еще необходимо вернуться, и вернуться в слабой шкуре, в человеческой...

Кусок раскаленного металла ударил его в спину чуть левее позвоночника. И сразу же следом — еще один. Обе пули застряли в плотных, спрессованных тканях выверта, кровь в дырах мгновенно свернулась, но внутри, видимо, повредило крупный сосуд. Кровь хлынула горлом, Озерник не на шутку перепугался. Кроме того, удары тяжелого свинца были так сильны, что Сына швырнуло в глубину каменного «гнезда», прямо на убитых им солдат. Он на несколько секунд потерял ориентацию; казалось, что в спине кто-то сладострастно шурует раскаленными спицами, организм выталкивал сплюсненные, шершавые пули, перерезавшие артерию, задевшие трахею и легкое.

Озерник ползал на коленях; через ноздри, между клыков выплескивалось черное. Он не закончил оборота, ослаб на полпути, защита переключилась на борьбу с инородными телами, и от этого незавершенные, расхлябанные суставы отдавали пульсирующей резью. Одна нога складывалась, как у волка, другая вывихивалась в сторону, плечи тоже ныли, легкие стянуло корсетом недоразвитых ребер, несколько когтей сломались. Наконец, он остановил кровотечение, но сзади уже лезли по веревочной лесенке, пыхтели, лязгали железом...

Он прыгнул, подвывая от боли, выхаркивая куски легочной ткани, практически вслепую, выставив вперед когтистые лапы. Первому угодил в лицо, содрал кожу, как тонкую бумагу, вместе с глазами и с половиной скальпа. Мужик попался крепкий, рычал разодранным горлом, дважды полоснул саблей, пока не лишился сил и не выпал в проем, на острия камней. Кажется, он и там еще долго умирал, Озерник продолжал битву и слышал хрипы, невнятную ругань. В другое время Сын Прохор непременно спустился бы на дно трещины, оказал бы уважение противнику, Добил бы, но не сейчас...

От первого удара саблей он уклонился, второй пришлось по касательной, рассек руколапу повыше локтя, не смертельно, но сухожилия повисли. Для него в состоянии выверта, почти все было не смертельно, если имелось достаточно времени для реанимации.

Но времени не осталось. Позади щелкнул затвор, еще один усатый, обкуранный, в феске, оскалась, лез по веревочной лестнице.

Выстрел. Озерник уклонился, еле сдерживая рычание. Пули в спине выворачивались обратно, причиняя невыносимые муки. Прохор прыгнул вперед, прижимая к боку порезанную руку.

Выстрел слева. Попало в ребро, на сей раз мелкий калибр. Прохор только припал на колено, не свалился, выкрутился ужом. Усатого в феске достал легко, одним коротким махом перебил гортань, башка отвалилась на сторону. А молодой, справа, в белой черкеске, зеленый от ужаса, царапал пальцами газыри на груди, пытаясь вытащить патрон, не в силах отвести глаз от волчьей морды с человеческими глазами...

Последнюю пулю Сын Прохор поймал в щеку. Ему повезло, пуля промчалась навылет, в лохмотья раскроив десну. Паренька в черкеске он убить не успел, тот сам прыгнул в пропасть, перевалившись через грубый кирпичный бордюр. Внизу шмякнулось мокро — и все...

— Мир мертвым... — прошепелявил колдун, выдавливая на волосатую подушечку лапы исковерканные пули. Членораздельная речь выверту давалась непросто, особенно учитывая пробитую щеку. — Прости, Отец, что нарушаю законы стаи, но... иначе мне не подняться. Прости, что не делю с тобой добычу, прости... Я должен вывернуться, должен напиться, иначе не принесу тебе мальцов...

Он вздохнул и опустил морду в разорванную грудь усатого янычара. Этого делать было нельзя, ни в коем случае, но силы травы и заклятий не хватало. Две пули застряли глубоко, вскрыв сосуды, сердце стучало с перебоями, фокус зрения постоянно смещался, в ушах то ревели селевые потоки, то требовательно пищали детские голоса...

Нельзя выверту жрать живое мясо человека, ни при каких обстоятельствах нельзя, кроме случаев, когда действительно грозит смерть. В мышцах уйма силушки накоплено, да еще травы секретные всплеск дают, оборот ускоряют, злоба ясная любую боль отодвигает. Последний раз силы на оборот расходовал больше года назад, когда на Чудском озере кавказников заезжих гоняли. Ох и потешились тогда, хотя Деды не позволили кровушки напиться. Ох как хотелось кровушки, в обличье выверта жажда гложет...

Но нельзя. И не оттого, что болтают глупые старухи, мол, оборотень назад в человека не перекинется, коли при свете живой крови нахлебается, чушь все это, болтовня. Перекинется назад, никуда не денется, ведь человеческий облик — устойчивый, истинный, а выверт и временно удержать-то непросто, не то что навсегда, ха-ха!

К человечине притрагиваться нельзя по иной причине. Может случиться очень плохое...

Сын Прохор, урча, рвал печень врага.

...— Вставай, визирь, мать твою! — Карапуз потянул Дробиченко за шиворот. На плече великан придерживал военные трофеи, пулеметы и автоматы английского производства.

— Все целы? — Коваль покинул гондолу, осторожно попробовал носком ноги камень.

Кажется, только Озерник догадался, что дно крайне неустойчиво, внизу — пустоты, и даже до воды лететь далеко...

— Все целы, господин, — узбек старательно поливал кончики пальцев противоядием из плоской фляжки, распространяя вокруг нестерпимое зловоние. Жертвы его царапин валялись тут же, с багровыми, вспухшими лицами, с вывалившимися языками. — Семнадцать трупов...

— Восемнадцать, — невозмутимо поправил фон Богль. — Один там, — он показал вверх.

Артур с такого расстояния не мог различить убитого турка, но поверял немцу на слово.

Он расслабился, насколько возможно, внутренним зрением сканируя каменный мешок. Парни сработали на славу, наверху живых не было, гарнизон островка погиб. Холод пробирал до костей; воздух, казалось, можно было нарезать и хранить в морозилке. Внутри скалы не водились даже насекомые, птицы не залетали в расщелины, не вили гнезд на карнизах. Счетчик Гейгера молчал, наводнения и пожара не предвиделось...

Тогда что же погубит парней?

Дробиченко переминался с ноги на ногу, тоскливо оглядывая мертвецов. Очевидно, в глубине души, он все же не верил, что три человека разнесут оборону спецобъекта в считанные секунды.

— Ждем Сына, отдыхайте пока, — распорядился президент.

Позади гондолы зашуршали шаги. Фон Богль сунул вторую руку за пазуху, но тут же расслабился. Явился Прохор. Колдун даже не выглядел запыхавшимся, он бодро подошел и встал в круг, поправляя одежду. На левой щеке его запеклась кровь, смуглую кожу стягивали грубые стежки. Колдун как-то неестественно прямо держал спину, точно нес на макушке кувшин. Коваль слегка передернуло, когда он представил, как Прохор штопает разорванную скулу. Грубые нитки уже погрузились в мясо, скоро их начнет выталкивать, но лучше на это не смотреть...

— Я правильно понял — назад теперь выйдем? — спросил Артур.

Озерник осклабился. Коваль заметил блеск зубов; ему вдруг отчетливо представилось, как несколько минут назад эти зубы заживо рвали людей. Президент удивился: Озерники клялись, что, в отличие от сказочных вампиров, отдавали предпочтение прожаренной свинине и говядине...

Однако с Сыном что-то произошло.

К сожалению, времени не было на раздумья. Осталось нехорошее послевкусие, подложка запаха тухлого, волной тянущегося за молодым колдуном.

— Куда таперича? Веди, окаянный! — Митя потрянул «джинна» за ворот.

Дробиченко покрутил головой, неуверенно осмотрелся и направился в дальний угол пещеры, к длинной палатке, куда полого спускался неровный пол.

— Герр Богль, прикрывайте нас на всякий случай, — попросил Артур, хотя немцу можно было и не напоминать.

— Тихо, тсс! — Дробиченко приложил палец к губам. В полумраке поблескивали золотые узоры на его халате. — Видите? Ну, там, внизу...

Он провел их за палатку, в которой прежде спали солдаты охраны. В палатке, при свете фонаря, Артур приметил немало интересного. На циновках скорчились два свежезаколотых трупа; один принадлежал солдату, а второй — морщинистому старичку в очках. Старичок в расшитом серебром, суконном башлыке лежал, уткнувшись лицом в стол, заваленный бумагами, с письменами, как минимум, на трех языках. Сбоку от стола, на лавке и прямо на Дощатом полу слоями громоздились большие листы, исписанные, перечеркнутые, заполненные странными схемами, картами и чертежами. На соседней полке высились стопки книг, преимущественно словарей.

— Черт, вы убили Омара... — простонал Дробиченко.

— Так это... предупреждать надо, — покраснел Митя. — А чего он с саблей кидается?

— Он лучший толмач. Он перевел первые записи с ворот.

— С каких еще ворот? — спросили хором.

— Вот с каких! — Почти театральным жестом Дробиченко откинул задний полог палатки.

— Твою мать... — выдохнули все, включая немца. Малахитовые врата блестели под ногами.

Часть вторая МАЛАХИТОВЫЕ ВРАТА

6 ТРОПИНКА В РАЙ

Острое чувство дежа вю.

Коваль никогда в прежней жизни не посещал Грецию, даже не пролетал над побережьем на самолете, и уж тем более не высаживался на расколовшихся островках. Волна памяти накатила совсем с другой стороны. Что там болтал Хранитель памяти Кристиан? От чего пытался предостеречь? Кажется, ему чудилось, что в Малахитовые ворота заходить нельзя...

За палаткой в скале начиналась широкая трещина, не замеченная ими раньше. Под ногами глухо отзывалась ровная прохладная поверхность. На подставках за палаткой чадили факелы, между ними торчало массивное сооружение, напоминающее якорную лебедку, только вместо цепи был намотан эластичный канат с альпинистской сбруей на конце.

Коваль увидел не сразу. А когда увидел, понял, что закатить подобную инсценировку Карамазу не под силу. Даже с целью заманить русского эмира в подземную тюрьму.

Они стояли перед широченной дверью, аккуратно застеленной маскировочной тканью. Поверх ткани были рассыпаны мелкие камешки, создавая полную иллюзию привычного, для пещеры, шершавого, колючего дна. Озадачивало то, что дверь находилась именно в полу. Если бы она стояла, сквозь нее свободно проехали бы рядом два грузовичка.

Артура передергивало от холода, кольца кольчуги жгли тело сквозь нижнюю рубаху. Ветер постанывал в каменном колодце, закручивался жалобным вихрем, унося вверх чад факелов и души убитых защитников острова. По скользким стенам сочилась вода, неумолчные капли выстукивали раздражающий, монотонный ритм. За толщей скалы вздыхала морская пучина.

— Глянь-ка, в щель нож не просунешь. Будто для красоты нарисована... — задумчиво произнес Карапуз.

— Господин, эта дверь есть обман. Дальше нет дороги, — поспешно добавил фон Богль. — Это есть шутка...

— Это не есть шутка, — усомнился президент.

— Но там — камень! Внизу — камень! — пивовар постучал каблуком.

Карапуз и Махмудов согласно покивали.

Именно так отшельник Кристиан и описывал место, хотя внятно не мог пояснить, на какую же тропу выводят громадные двери. И для кого же, такого огромного, предназначен Вход. Или Выход, что еще больше запутывает ситуацию.

Зловредной чертовщиной тут пахло. Сын Красной луны Прохор стоял рядом, и даже улыбался слегка. Впрочем, Артур и без его помощи давно определил, что в последние годы Входом никто не пользовался. Толстый слой пыли покрывал малахитовые створки, мурманский летун раскачивался в рюкзаке президента, не подавая признаков тревоги.

— Навались, ребята! — скомандовал Артур. — Герр Богль, а вы последите за обстановкой.

Сообща, они кое-как сдвинули тяжеленный брезент, отсыпая в сторону камни и скручивая негнущуюся ткань. Двустворчатые ворота из отполированного малахита, в свете факелов, отливали инкрустацией, вставками из тусклого желтоватого металла и мелкими узорами, нанесенными тонким резцом. Ворота достигали в высоту метров восьми, в ширину чуть меньше. Створки держали по четыре металлических петли, каждая величиной со снаряд среднего калибра. Чутье подсказывало Артуру, что ворота только притворяются воротами, а на самом деле все несколько сложнее, и створки снаружи поднять никому не под силу. Ворота в скале, ведущие вертикально вниз. Бред. Но они существовали.

— Герр президент, камень уложен в камень, дороги вниз нет...

— Давно бы обвалились, из минерала-то... — рассудил узбек.

— Что скажешь, Озерник? — обернулся Артур к колдуну. — Бутафорские ворота, или

есть дорога?

Сын Прохор неопределенно подвигал ртом.

— Ведовство забытое, туманное. Слухи ходят, что под горами уральскими колодцы стоят, куда тысячи лет назад ушел народ, по прозванию «чудь». Вот так... Колодец обрывается пробкой, вроде как засыпан наглухо, ан узел там. Забыты веды, коими узел покорен...

— Какая чужь? Какой еще узел? — скривился Дробиченко.

— Да уж таковский узел, — Сын Прохор улыбнулся, на мгновение обнажив зубы. Ковалю показалось, что клыки выверта так и не приняли нормальный размер. — Уж таковский узел, как на веревке, ага. Растянешь веревочку, порты да рубахи на ней сушить повесишь, а узел свяжешь, ага, и нет тебе места. Хотя для кого как... — Озерник снова хихикнул, прикрывая рот. — Ведовство забытое, кто теперь узелки развяжет? Так и стоят колодцы, веревочка в узелке, не трется, не облетает, по ветру не трепыхается, ага...

— Бред несешь, любезный, — хмыкнул Дробиченко.

— Черт возьми, ты что, не понял? — Артур потряс недоумевающего «визиря» за плечо. — Он говорит... О-о-о, черт, меня добьет это варварство! Он говорит о скрутке времени и пространства, о «черной дыре»...

— О «черной дыре» в масштабе отдельно взятого колодца? — едко прищурился Дробиченко. В бывшем «визире» моментально проснулся ученый. — И сколько миллиардов джоулей, по-твоему, потребуется, чтобы удержать дыру? Тряхнем курсом физики, господин президент?

— Неизвестно, неизвестно... — Артур потер виски. Что-то крутилось на самом кончике языка. — Вероятно, не нужны никакие джоули...

— Тихо! — Митя застыл в журавлиной позе, — Слыхали? Стонет вроде...

Артур опустил на колени, приложил ладонь к шершавой холодной поверхности. Мельчайшие буквы, больше похожие на пиктограммы, где-то прописанные в строку, а где-то сложенные в узоры, подобные цветкам... Он попытался мысленно проникнуть внутрь, но ощутил то же самое, что и раньше. Бесстрастное, медлительное дыхание. Если кто-то и стонал, то за пределами его восприятия...

Он нашел Вход.

Сердце стучало все быстрее, как барабан обкутившегося шамана. Впервые за долгое время Артур ничего не мог поделать со своим организмом: радостное возбуждение рвалось наружу. Даже в пылу битвы он не терял контроля, а сию минуту расклеился.

Спустя восемь лет он вспомнил, о чем бормотал Кристиан, Хранитель памяти, умевший скользить по нити времен. Кристиан пил, да не забывал своей нужды, обучить молодого Клинку всему, что положено знать Качальщику для жизни в лесном сообществе. И много после, добившись высшей власти в стране, Артур запрашивал разрешение на аудиенцию у прорицателя, терпеливо слушал иногда несвязные, но завораживающие легенды о прошлом...

Случайно или благодаря высшему предопределению, в расколовшейся скале они наткнулись на самые древние ворота на Земле. Здесь гнездились прошлое, которого не застал никто из рода гомо сапиенс, потому что это прошлое человеку не принадлежало, и память о нем, обрывочная, моталась по ветру вселенной, иногда застывая в силках снов. Хранители памяти умели плести силки для снов не только человеческих, ведь давно известно, что самые интересные сны принадлежат совсем не людям. Но об этом — молчок, смеялся Кристиан, и тут же перескакивал на другую тему, не желая делиться сокровенным. Попадали в его силки сны настолько ветхие, что рассыпались прахом при первой же попытке их анализировать. Не сразу мог колдун расшифровать знамения, терялся, порой месяцами обдумывал, прежде чем с другими Качальщиками поделиться. Не все мог описать оскудевший за полтора века Большой смерти русский язык, некогда могучий и прекрасный... Потому и соглашался отшельник на беседы с президентом Кузнецом — сообща они подбирали эпитеты, прикидывали на грубой бумаге образы, и, во многом благодаря словарному запасу

президента, Кристиан озвучивал перед соплеменниками плоды дрем-травы...

Среди прочего мнились Кристиану ворота. Зеленые, покрытые резьбой, похожей на мельчайший арабский шрифт. Похож на арабский, но гораздо старше современного арабского; этим способом писали еще до того, как легли первые камни в основания пирамид, до того, как загомонили племена в Вавилоне, до того, как вытянулись мозаичные стены в храме богини Иштар... Поблескивали, манили створки врат, Кристиан их ясно различал — горизонтальные пластины, лежавшие в скале, а за сомкнутыми створками простирался рай. Малахитовые створки не скovyрнуть, разве что расколотить бомбами, но тогда не нашлось бы под ними ничего, кроме каменной крошки. Даже хуже выйдет, убеждал Кристиан, так рвануть может, что земля стеной встанет, и вода океанская стеной встанет... Тем и хороши врата, что открывают дорогу, которой нет. Правда, с той дороги мнится, что нашего мира нет, вот так-то. С той дороги мнится, будто мир наш котенком, ежиком пугливым свернулся...

Сколько не бился брат отшельника, Исмаил, и другие Качальщики — так и не смогли вытянуть из прорицателя ничего путного относительно райских картин. Кристиан утверждал, что если надолго концентрируется на волшебных створках, то с ним кто-то начинает говорить. Говорили с ним разные голоса, и всякий раз выползал он из тумана забытья помятым, в слезах и соплях, и потом долго приходил в себя и зарекался возвращаться в мучительный сон. Однако снам не прикажешь...

Далеко Малахитовые врата, на юге, скрыты толщей земной. Раньше, в незапамятные годы, было их много, да порушились, а какие в глубину просели, вместе с островами. На островах ворота, да, это точно, на голых островах, где люди не появляются. Незачем людям, не для них построено...

Зачем, почему, кто построил таинственные Входы, Кристиан объяснять не мог. Раньше закладки первой пирамиды, и даже раньше закладки сфинкса, а уж он-то был высечен задолго до пирамид, и смысл имел совсем не тот, чтобы беречь сон египетских царей. Как раз сфинкс помнил тех, кто построил Малахитовые врата, но сфинкс не умел говорить, а тысячелетия смыли с его брюха письмена...

Что же за вратами, не особо рьяно добивались у родака Качальщики, что там?

Сила великая, необоримая сила. Которую нельзя выпустить в мир.

Неужто грибы огненные? Так мы их и без тебя чуем, в шахтах за сорок верст находим...

Не грибы, отмахивался Кристиан, и не химия военная, и не зараза, не хвори в стальных баках. Там такое... такое... весь мир поборет, коли наружу вырвется. Весь мир наизнанку, как ношенный носок, вывернет. Потому как за вратами не только мир счастливый, радостный ежиком свернулся, но и времечко свое свернул...

Тут Кристиан замолкал, точно натыкался в своих изысканиях на преграду, начинал плакать неудержимо. Размазывал слезы, дергал себя за бороду, мрачнел. Артур беседовал с другими лесными братьями о видах на урожай, о Слабых метках, не торопил нелюдимого старика. А тот, побряхтев, поелозив, подсаживался снова и затевал удивительную, нескончаемую повесть о своих астральных путешествиях в прошлое...

Кристиан ни разу на памяти Артура не обманул, вот в чем загвоздка. Поэтому и колотилось сердце, поэтому и места себе не находил, разглядывая зеленый, такой ласковый, переливчатый в свете факелов, камень.

Президент попытался сделать так, как поступал всегда перед закрытой дверью, будь то реальный кусок дерева или извилистая многоходовая задача: прикрыл глаза и послушал сердце. Так учили старики Хранители, так учили много лет травники, и умение это не было для новых современников Ковалю чем-то выдающимся.

Он отдался на волю интуиции. Иные времена наступили на земле. Времена, не поддающиеся статистике, точному учету и прогнозам через Интернет. Теперь человек не мог проверить истинность высказывания в справочниках. Когда от его выбора зависели судьбы, человек частенько поступал как гончая собака, идущая по «верхнему» следу. Так наставляли

Клинка уральские кудесники — расслабить мышцы, отогнать мысли и не рассуждать о будущем. Приподнять нос по ветру, раздуть ноздри, втянуть в себя правду и ложь. В мире, свободном пока от машин и фабрик, правильно подготовленный человек мог получить ответ, открывать ему дверь или нет...

Шестое, седьмое, какое угодно чувство говорило, что визирь не врет. Дробиченко мог догадываться, мог предполагать, но в действительности он даже близко не подобрался к решению. Ни он, ни его сановный жулик-хозяин Карамаз...

Вспоминал Артур Кристиана, как тот бормотал вполголоса дивное.

...Мол, обитали до людей на лице матушки-земли иные расы — летучие и морские. По первости, морские разум обрели, все к тому шло. А как иначе, когда на суше вовсе обитать непригодно было, гадость, грязь всякая, да реки огненные из вулканов стреляли! размножился морской народ, науки хитрые, подводные осилил, семейно остепенился, обрядами оброс, ритуалами, богов себе выдумал...

Кряхтел, кашлял Кристиан, не находя прилагательных, чтобы описать привидевшиеся ему красоты.

После морских разумных явились на Землю иные, те скорее на ящеров походили. Прожили немало и построили немало, обсерватории создавать научились, корабли первые заложили, семена сами в почву бросили...

Витают, мечутся по ветру времен обрывки памяти. Непросто, ох непросто пожилому Качальщику изловить их, заманить в свои силки. Шелуха всякая лезет, а важное — редко когда. Вслушивался в музыку столетий, вздрагивал от боли. Выходило так, что разумные ящеры мигом сгнули, друг с дружкой попрощаться не успели. Выходило так, что бежали они в последние годы своего существования. Бежали, побросав дома, побросав города в джунглях, побросав поля и прирученных диких ящеров. Но не успели. Сгнули разом, оставив людям окаменелости для музеев.

А дальше Кристиан сбивался и нес полнейшую чушь. Якобы после разумных земноводных народилась на планете третья раса, только описать их отшельник никак не мог. Словно тряпка перед ним темная, плотная экраном висела. Три попытки сделала матушка-земля до того, как людишек нарожала, или больше — неведомо. Как они выглядели, что успели постичь, добились ли государственности, знали ли колесо и литье металлов?

Неизвестно. Какой катаклизм слизнул последнего конкурента человека, непонятно.

От древнего мудрого народа остались только Малахитовые врата.

7

ПОБЕГ

— Посветите мне... — Расул озадаченно крутил головой так и сяк, пытаясь вникнуть в бесконечную узорчатую вязь, нанесенную неведомым резчиком на черную доску. — Это арабский... Нет, странно. Некоторые слова понятны, а в целом...

— В том-то и дело, что некоторые, — полушепотом отозвался Дробиченко. — Вы думаете, без вас тут лучшие толмачи Карамаза не побывали? Вы угробили старичка Омара, никто лучше его не работал с текстом. Несомненно, что доисламский период, ни разу не встречаются канонические восхваления Всевышнему...

— Хрен знает, — поделился Карапуз, безуспешно пытаясь отковырять ножом кусок шарнирной петли. Внешне она казалась вырубленной из потемневшего дерева, — Как дерево, а не дуб, похоже на янтарь, а не янтарь, это точно... И сталь не берет...

— И не возьмет, — тоном специалиста подсказал фон Богль. — Это не есть хольц, не есть древесина.

— И как открыть? — Коваль вопросительно поглядел на Дробиченко. Тот виновато развел руками. — Как же вы туда спускали добровольцев?

— Через замочную скважину.

— Что-о?

Дробиченко указал в самый центр лежащих ворот, где сходились гигантские створки. Там действительно имелось отверстие, формой повторяющее очертания человеческого тела, прикрытое полутораметровой крышкой. Металлическая крышка так плотно лежала в углублениях узоров, что об ее назначении можно было долго не догадаться.

Прежде чем навалиться на новое препятствие, чингис улегся животом на ворота, приложил ухо и долго прислушивался. Сын Прохор прилег рядом, его ноздри раздувались, по вискам тек пот. Он сжал кулаки, чтобы не так была заметна дрожь пальцев.

Нельзя было спастись человечиною, ой нельзя...

— Чудно как-то... — неуверенно заключил Карапуз. — Вроде понизу море должно отдавать, вода ж кругом, а не слышать...

Сверху посыпались мелкие камешки. Среди гулко-го безмолвия пещеры звук усилился многократно, превратившись в злое покашливание. Фон Богль немедленно вскинул револьверы, но так и не выстрелил. Наверху, в рваных просветах, заросших травой, на фоне синюющих фрагментов неба, копошились чайки. Пробитый в нескольких местах, цеппелин тихо покачивался на канатах, словно уставший слон. Свистел воздух в дырах, тени облаков скользили по тускло блестящей спине воздушного корабля, по гнутым ребрам шпангоутов.

— Поднимем дружно, хватайся! — Артур подобрал себе в турецкой палатке подходящий рычаг — Ржавую древнюю винтовку.

Однако особых усилий не потребовалось. Здоровенный полумесяц, толщиной в дюйм, удивительно легко скользнул в сторону, провернувшись на шарнире.

— Что это? Бронза?

— Да нет, от бронзы бы мало что сохранилось... — Артур попробовал люк ножом. Как он и ожидал, на матовой поверхности не осталось и царапинки.

— Золото? — без интереса спросил Расул.

— Какой-то сплав, золото намного мягче.

Когда крышка сдвинулась, все инстинктивно отскочили в стороны. Все, кроме Озерника, тот, напротив, подался вперед, словно приносясь. Чингис вскинул свою новую игрушку — длинноствольный пулемет «Корд» с зажигательными патронами, фон Богль ошетилился дробовиками, но из проема скважины никто не выпрыгнул. Внутри разливалась чернильная темнота. Десантники не отрывали взглядов от распахнувшегося люка, поэтому никто не замечал изменений, происходящих с Прохором. Впрочем, внешне Сын выглядел обычно...

— Господин президент, кинуть факел? — Махмудов осторожно нагнулся над скважиной.

— Не кидайте ничего! — взмолился Дробиченко. — Им это может не понравиться...

— Им?!

— Смейтесь, смейтесь, но они там...

«Что угодно, только не бесы, не джинны, не черти, — размышлял Коваль, заглядывая в темное жерло скважины. — Технологии, рассчитанные на тысячи лет, а внешняя форма — для красоты, эстетическая причуда...»

Вслух сказал другое:

— Обратите внимание на форму дыры.

Даже тупица с полным отсутствием воображения заметил бы, что скважина предназначалась для человека.

— Ага! Как будто... голова, ноги, — сиплым голосом откликнулся Сын Прохор. Колдун склонился над дырой, жадно втягивая ноздрями холодный воздух. — Позвольте, господин... Я спущусь первым.

— Нет, постой, мы должны вначале...

— Стой!

— Держи его!

Никто не успел отреагировать достаточно быстро. Озерник схватился за лямку троса и

головой вниз нырнул во мрак. С бешеной скоростью закрутился барабан с ручкой, закачались вбитые в камни распорки.

— Остановите, задержите его!

— Прощка, назад!!

— Дьявол, на кой его понесло?

Общими усилиями вращение барабана остановили, но когда потянули трос, оказалось, что он болтается свободно.

— Вот собака! — Митя показал президенту отрезанный конец. — Отхватил канат, собака! Так я и знал, что нельзя было верить аспиду! Эй, Прощка, сукин сын, ты живой там?!

Звук словно ударился о твердую поверхность мрака и отскочил вверх.

— Темно, не видать... — Махмудов светил факелом; огонь растворялся в маслянистом непроницаемом мраке. — Зачем он прыгнул, господин?

— Хотел бы я знать... — поморщился Коваль.

— Зато он-то знал... — скривил рот «визирь».

— Что он знал?

— В любом случае, он ошибся, — мрачно хохотнул бывший «джинн». — Одно могу сказать — парень готовился заранее. Это меня пугает...

— Да не мог он заранее! Мы понятия не имели про ваши ворота... — начал Артур и осекся.

— Вот именно, — скривился визирь. — Это вы не имели, а он имел. И решил прыгнуть первым. Но это ничего не меняет. Очередность не играет никакой роли. Мы опускали туда троих в одной связке, а возвращались они с разбросом в несколько месяцев. И внизу друг друга не встречали... Скорее всего, ваш нетерпеливый приятель не вернется. Если только...

— Что только? — выдохнул Расул.

— Если только вонючее озерное отродье не отыскало формулу, верную формулировку...

— Постой, постой... — перебил Артур. — Как он может вообще там общаться? На каком языке? Там внизу что, переводчик?

— Нет «низа», и нет переводчика. Джинны говорят с любым человеком... — Дробиченко потер воспаленные глаза. — Я вам говорю, можете не ждать возле веревки. Раз он не вернулся сразу, не вернется теперь долго. Несколько месяцев, а то и лет. Или миллионов лет.

— Но мы не можем ждать его несколько лет... — растерялся Махмудов.

— Командир... господин президент, — поправился Карапуз. — Разрешите, я за ним слазаю?

— Не разрешаю! Дробиченко, я верно понял? Вы считаете, что любой, опустившийся по канату в скважину, может попросить все, что захочет?

— Верно, куда вернее, — хмыкнул Дробиченко. — А потом можно прийти сюда через сто или тысячу лет, если гора снова не сомкнется, кинуть веревку, она задергается, и вылезут люди, спустившиеся сюда сегодня. Например, ваш колдун-недоучка. Попросить-то — дело ерундовое, а вот что откликнется, Нда...

— То есть его просьба исполнится лишь тогда, когда скинут веревку? Полный бред! А если спустить туда старушку? Ведь она не сумеет взобраться назад, а?!

— Судя по всему... — визирь яростно почесал затылок. — Судя по всему, неважно, старушка или кабан здоровый. Канат — это атрибутика, символ запроса. Достаточно сдвинуть крышку и опустить в дыру любой предмет, выпрыгнет хоть слон.

— То есть... если мы сейчас снова опустим канат, то назад может вылезти совсем не Прохор?

— Я бы отметил, что вероятность появления Прохора крайне мала. Мало того, может вылезти совсем не человек.

Наперекосьяк. Другое слово не подберешь. Артур даже не был взбешен, в конце концов, ничего страшного не произошло. Проявил парень героизм, первым кинулся навстречу,

ешкин кот, неизведанному...

Только вот рожа у парня больно хитрая была! И как раньше недоглядели? Самое забавное, что в течение всего похода Озерники вели себя замечательно. И Дед, не дурак ведь, отлично сознавал, что на берегах Чудского озера осталось три деревни заложников, которых не спасут от ярости президента ни заговоры, ни надежно укрытая в подземельях нежить, ни сотни ядовитых снадобий, сваренных еще в бытность соборника Карина, обещавшего Озерным колдунам большую власть...

Ничто не спасло бы деревни от разбоя горожан в случае малейшей гадости, допущенной колдунами в миру. Понимал это Дед и не тешил себя иллюзиями, не успокаивал подписанными президентом бумагами на владение землей. А раз Дед не дурак, значит...

Значит, с Сыном Прохором беда.

— Это не он отрезал, — Расул вертел в руках лохматый конец каната. — Это сделали очень давно. Смотрите, нитки рассыпаются в руке...

Нитки действительно рассыпались.

— Как это давно? — засомневался Митя. — Он только что прыгнул, гад. Петли кожаные были, а теперь вон что... Придется вязать новую сбрую, так-то страшно. Эй, визирь, как туды посветить-то?

— Он не только что прыгнул, — тихо произнес Дробиченко. — Это для нас он прыгнул недавно, а для того, что за воротами... может, прошли тысячи лет.

— Тогда на кой нам туды лезть? — опешил чингис.

— Я вас не заставляю! — огрызнулся Дробиченко. — Я же сразу сказал, что явление следует изучить. Пойдемте, я покажу вам. Тогда расхочется прыгать...

— Сам ты явление, — обиделся на незнакомое слово узбек.

— А ну, тихо оба! В форме человека... — вслух размышлял Артур. — Это означает, что человек — он и есть ключ, понимаете? Ворота совсем не нужно открывать целиком...

— Смотря какой еще человек подойдет заместо ключа, — заметил Расул.

— Можя, всякий подойдет? — предположил Карапуз. — Бона, даже я пролезу!

— Не может быть, чтобы всякий, — покрутил головой Дробиченко. — Если бы всякий, ворота открылись бы. Там сказано, что ворота непременно откроются...

— Оно нам надо, чтоб открылись?..

— Ага, пакость какая вылезет...

— Зря, что ли, летели? Повернуться и забыть?

— Погодите. На минуточку, — перебил спорщиков Артур. — Прежде чем мы продолжим обсуждать этот бред. Ты раньше утверждал, что скважину и ключ создали не люди?

— Я и сейчас в этом уверен... Там не компьютер и не комната фокусов. Там внутри живет Бог. Люди кое-как стряпают миражи, деды, волхвы, вся эта шушера, расплотившаяся после катастрофы. Колдуны лесные, речные, мать их, озерные... Я не спорю, некоторые ловкачи делают вещи, которые не просто объяснить, но все они, без исключения, ползают на брюхе перед настоящей наукой!.. — Визирь понизил голос, будто из-за Малахитовых врат его кто-то подслушивал. — Но тут нечто иное, эта дырка... Если бы не Карамаз, я бы давно приказал ее забросать камнями, а скалу взорвать, к чертовой бабушке, динамитом!

— Отчего же имам так прикипел к местным аттракционам? — Коваль поймал себя на том, что неотрывно следит за канатом, опущенным в темноту. Все-таки президенту очень хотелось поверить, что непутевый десантник Прохор вернется... — Или Карамаз надеется выпросить вторую молодость?

Дробиченко даже не улыбнулся.

— Как насчет власти над миром? Кроме шуток.

— Слушай, я Карина знаю чуть больше тебя, — усмехнулся Коваль. — Он, конечно, фантазер и власть обожает, но не идиот!

— Поэтому он и не спускается вниз.

— Хм... логично. Опасается побочных эффектов? — В отличие от вашего

темпераментного колдунишки, Карамаз видел, к чему приводят непродуманные просьбы.

— Ну хорошо... А ты? Ты не хочешь попросить фазенду с крепостными?

— А что я? — обнажил коронки Дробиченко. — Я не тупее крестьянина. Можно попросить, чтобы Америку стерло с лица Земли, или Россию, к примеру. Только джинны сделают все по-своему. У них реакция на наши жалкие потребности как у пожилых родителей на позднего ребеночка, трехлетка. Пропасть возраста, разница интеллекта! Они играют в игру, может быть, ради статистики. Может быть, ждут того, кто попросит что-то реально стоящее... Из скважины никто не появляется, пока не скинешь веревку. Умно, с прицелом! Они там, внизу, как будто снимают с себя ответственность. Спускаете веревку — получаете нечто, совсем не то, что ждали. Не желаете рисковать — не лезьте, закройте крышку.

— Гм... Так ты считаешь, что если человек не возвращается, просьба не вступает в силу?

— Очевидно, так. Впрочем, наверняка неизвестно. Зато точно известно, что джинны ни разу еще не выполнили обещанного буквально. То есть ни молодость, ни власть они не дадут, можно не сомневаться.

— А что давали? Я имею в виду, кроме возвращения людей?

— О, список бесконечен, — хихикнул визирь, — Сапфиры, размером с баскетбольный мяч, вылетали. Винище единожды три дня хлестало фонтаном, все тут по колено залило. Мы уж боялись, не остановится, придется винопровод в Европу строить, хех! Замечательное, кстати сказать, вино, я такого никогда не пил. Очевидно, в незапамятное время, алкаш какой-то о фонтане мечтал...

— И что дальше? Пересох фонтан?

— Не пересох. Догадались снова веревку сбросить. Прервали выполнение задачи, улавливаете? Потом вытащили сети с рыбой, полные сети белуги, представьте себе! Не знали, куда ее девать. Рыба икрой набита... Покойников штук десять перетаскали, даже скучно. В золоте, в украшениях, с регалиями. Причем, каких только рас не встречалось. И черные, и желтые, и явные апачи...

— Откуда тут апачи? — поразился Коваль.

— Ага, вот видите! — обрадовался Сергей. — Такова она, пластика нашего мозга. Уже трупам в гробах не удивляемся, сапфирам не удивляемся. Индейцы меня тоже потрясли, а потом дошло. Это как дважды два! Должны быть еще ворота, в других точках планеты, в том числе были в доколумбовой Америке. Кто-то страстно мечтал увидеть своего врага в гробу, прыгнул в скважину с единственным желанием, и нате, получите, хех! Тысячи лет не прошло, а личный враг убит, свеженький, еще теплый, с пулей в башке...

— С пулей? — ухватился Артур. — Какая же доколумбовая Америка с пулями?

— Вот вам и оборотная сторона нашего рожка изобилия, — ощерился Дробиченко. — Скорее всего, джинны выполнили просьбу. Только слегка подредактировали. Чтобы ухлопать одного неугодного вождя, наслали на город врагов, и те перебили всех мужчин. Я, конечно, точно не уверен. Это все домыслы. Гораздо занятнее ситуация с ящерами...

— А что... были ящеры? — заинтересовался Митя.

— Еще какие... беда в том, что их прибили почти сразу, не дождались меня. Кости там внизу, я показать могу...

— Почему же беда? Эти твари завсегда опасные! Я уж знаю, встречал... — поежился Карапуз. — У нас Качальщики на Псковщине много дряни по лесам развели. Кусачие они, змеи, сволочи...

— Эти были в одежде, — коротко парировал Сергей.

После таких слов выпучили глаза все гости Малахитовых врат.

— В одежде вроде грубо сплетенных циновок, — подтвердил Сергей. — С карманами и даже с какими-то предметами в карманах. Похоже на костяные катушки ниток, с закрученными жилами. Нечто среднее между раскидаем и пращой...

— Ящерицы не могут крутить пращи, — авторитетно заявил Карапуз.

— Я тоже таких не встречал, — засомневался Расул.

— Разумные ящеры жили задолго до людей... По крайней мере, так считают Хранители памяти, — вставил Коваль. — Сергей, а если... если это машина?

— Если там машина, то ее построил не человеческий разум...

— Ты спускался туда? — приступил к изменнику фон Богль.

— Да нет же, нет, я же говорил правду. Клянусь, нет...

— Что случилось с людьми, которые спускались? Говори, придурок, только честно! Иначе скинем тебя вниз без страховки!

— Они... они... Отцепились и исчезли. Так же, как ваш ненормальный Сын. Отцепились, а канат пришлось подновлять. Он выглядел так, будто состарился на сотню лет.

— Ты сам веришь, что там замедляется время? Дробиченко тяжело вздохнул.

— Еще в Катании я вам честно признался, что не умею управлять этой штукой. Пойдем, вам надо посмотреть. Когда сами увидите — поймете...

Коваль махнул Мите и Расулу. Парни запалили новые факелы. Из гондолы, боязливо приседая, семенил штурман с запасом масла для ламп. Он непрерывно крестился, косясь на ворота, на трупы турецких солдат и собак.

Оказалось, что в одном из темных углов начинался узкий извилистый проход, еще одна трещина, ведущая вглубь скалы. Пришлось зажечь дополнительные лампы, чтобы хоть как-то осветить путь. Между отвесными уступами, посеребренными инеем и вкраплениями руды, спустились вниз, шагов на тридцать. Стало заметно холоднее, дневной свет сюда не добирался. Внутреннее чувство подсказывало Ковалю, что они спустились ниже уровня моря. Здесь периодически ходили, Артур наметанным глазом узнавал следы людей. Где-то брошена недогрызенная косточка, где-то гильзы от патронов, расколота кружка...

Шедший впереди фон Богль резко затормозил перед неровным выступом. Стены прохода расходились в стороны образуя широкую подземную пещеру, с пологим сырым полом. Отовсюду сочилась вода, звенела капель, доносился едва уловимый рев водоворотов в островных шхерах.

— Там живые, герр президент...

— Я слышу... — Коваль услышал их раньше немца. Бились живые сердца, замедленно, устало, с трудом выталкивая остывающую кровь.

— Только не стреляйте, — попросил Дробиченко. — Они в клетках, не нападут...

Президент шагнул вперед, больше полагаясь на интуицию, чем на тусклое пламя светильника. В нос ударила вонь испражнений, пота, свалявшейся шерсти и гнилой рыбы. Нижняя пещера оказалась гораздо меньше, чем он предположил во время спуска. На дне скапливалось настоящее озерко с морской водой, выщербленные стены буквально потели солью, а прямо над головой, из сводчатого, покрытого трещинами, потолка, торчал толстый стальной штырь. Артур узнал в нем нижний конец причальной мачты, к которой привязали дирижабль.

Он тут же понял, что Малахитовые ворота никуда не могут вести. Если створки как раз над головой, то толщина «перекрытия» не больше метра. Куда же провалился Прохор?.. — Вот они, ящеры...

У Ковалю внезапно возникло чувство невосполнимой потери. Человеку выпал редчайший шанс пожать руку собрату по разуму, силой волшебства переброшенному через миллион лет, а человек вместо этого весело размозжил брату голову прикладом.

Единственное, что осталось от ящеров более-менее целым, — позвоночники и циновки, надетые на шеи на манер пончо. Головы разбили основательно. Слишком длинные для мелких прямоходящих динозавров передние конечности были переломаны в трех местах. Коваль слабо разбирался в анатомии хищных динозавров, точнее сказать, его понятия в этой области, до встречи с драконами Качальщиков, ограничивались просмотренным в детстве фильмом «Парк Юрского периода». Но челюсти убитых ящеров были явно коротковаты, а длинным пальцам на руках позавидовали бы пианистки.

— Их кинули собакам? — Он мог не спрашивать, и так, по следам зубов, все стало

ясно.

На берегу озера ржавели три железные клетки, перед ними в беспорядке валялись тазы с испорченной рыбой, груды червивых фруктов, и стояло кресло сторожа. К креслу был прислонен длинный шест, с крюком на конце, но сам сторож, видимо, убежал наверх еще раньше, когда началась стрельба.

В первой клетке на мокрых опилках свернулся калачиком олень. Точнее, на оленя это существо походило лишь издали, благодаря ветвистым, серебряным рогам. В серебре мелкими звездочками путались драгоценные камни. Рога росли из человеческого, безволосого лба. Спутанные, засаленные волосы, начинавшиеся на холке, от границы короткой шерсти, закрывали подозрительно короткую морду зверя. Казалось, что на уши оленя натянут черный женский парик...

— Он жадный и глупый, ваш Озерник, — глухо рассмеялся Дробиченко. — Эти тоже были жадные и глупые... Теперь угадajte, почему Карамаз до сих пор не прыгнул в замочную скважину и не попросил для себя власть над миром? Вот именно, ха-ха-ха! Потому что... — Визирь поднял повыше фонарь, и жуткие обитатели клеток зашевелились, застонали, запричитали человеческими голосами. — Потому что Карамаз-паша не может пока придумать, как правильно попросить...

8

УЗНИКИ ЖЕЛАНИЙ

— Живая... это женщина! — не удержался фон Богль.

— Живая... — Сергей кое-как унял нервный смех. — Она умоляла, чтобы ее убили... Первую такую мы убили, застрелили. Страшно было на нее смотреть. После этого оленя у нас восемь человек охранников вплавь пытались сбежать...

Олениха попыталась подняться, но поскользнулась и со стоном растянулась в грязи. По пятнистой шкуре ползали клещи, в язвах на изодранных суставах копошились черви. Ноги ниже колен заканчивались миниатюрными женскими ступнями, на ногтях тонких пальчиков даже сохранился лак. Передние конечности выглядели не лучше, их не красили даже татуировки на щиколотках. Нежная кожа, до места, где она переходила в шерсть, превратилась в сплошной синяк. Олениха так и не смогла разогнуться. Израненные пятки сочились кровью, на боках, на продавленной спине вспухли следы кнута. Коваль насмотрелся на диких животных, побывал и в логове ладожских Озерников, но такого чудовищного симбиоза человека и лесного млекопитающего еще не встречал. Создавалось впечатление, будто у двух юных девушек вырвали ноги и срастили с оленьим туловищем.

Судя по тому, как несчастная самка тяжело ворочала головой, метровые рога действительно состояли из серебра. Питаться той гнилью, что ей просовывал сторож, бедное создание могло только лежа, царапая щекой подстилку из опилок. Когда она прекратила бессмысленное сражение с гравитацией и тяжело плюхнулась на бок, десантников ожидало еще одно неприятное открытие. Из свалывшейся шерсти на груди животного торчал обвислый женский бюст. Не там, где оленихам положено иметь вымя, а выше передних ног, настоящая женская грудь, не меньше пятого размера, но ссохшаяся, потрепанная, в синяках. Из оливковых глаз катились слезы. Олениха распахнула пасть и завывала, как могла бы завывать собака. Затем прервала вой и едва слышно произнесла несколько членораздельных фраз.

— Она просит пить! — подпрыгнул узбек. — Во имя милосердного и всепрощающего... Я плохо понимаю, но, кажется, она просит пить...

— Она говорит на курдском. Лучше застрелите, — сплюнул Дробиченко. — Я говорил Карамазу, чтобы не мучил их.

— А что она попросила там... внизу? — заинтересовался фон Богль. — Ну... до того, как вывернуться... Я верно назвал, герр президент? До того, как вывернуться оленем? Она разве имела мечту о рогах?

— Возможно, мечтала стать самой красивой... — Дробиченко уже не смеялся, теперь

его пробирала икота. — Кто его разберет, о чем мечтала эта нищая деревенщина? Ее языка толком никто не разбирал. Думаете, я ее помню? Приволокли очередную толпу пленных, чумазых, диких... Вероятно, у нее была неказистая маленькая грудь, кривые ноги и ноль приданого на свадьбу. Вот так, все мечты сбываются...

— Ни хрена себе сбываются... — протянул Митя. — Ну а рога, рога-то? Глянь, в камнях, в алмазах...

Многочисленные драгоценные камни сверкали в отростках рогов, выпадали, оставляя черные каверны в серебре.

— Приданое, мать их, — нехорошо выругался визирь. — Видать, мечтала девка о камнях, о женихе богатом, а у ихних жен закон — все свое таскать с собой. То есть она камешки да серебро представить иначе не могла, кроме как на себе...

Коваль уже не слушал. Он разглядывал пленника второй клетки. Точнее — пленников. Или все-таки одного пленника, разделенного на много частей.

— О, черт, это что за пакость? — изумился Карапуз.

Из-за широкой спины чингиса выглядывал Расул. Его загорелое лицо выражало отвращение. Невозмутимый Богль в одиночку охранял периметр, успевая косить глазом на клетки.

За прутья изнутри держались шесть сморщенных человечков, похожих, как близнецы, и одинаково уродливых. Искусанные ногти, кисти, как птичьи лапки, в нарывах и цыпках. При появлении людей трое из шести повисли на прутьях, подставили жадные ладошки, заворчали слезливо. Каждый был ростом с пятилетнего ребенка, но походил на пожилого карлика. Одинаковые зеленые бешметы, огромные бородавчатые носы, сопли, висящие на жидких седых бородачках, трясущиеся бульдожьи щеки. Одинаковые тощие ножки колесом, с узловатыми, воспаленными коленными суставами, закутанные в дырявые шаровары.

И громадные, воспаленные гениталии, рвущиеся наружу из шелковых замызганных шаровар. Шестеро крошечных монстров с эрегированными членами. Заставка для порнофильма в жанре хоррор. Коваль, затаив дыхание, наблюдал, как изуродованные гномы предаются онанизму, бесконечно и уныло теребя негнущиеся жезлы, которым могла бы позавидовать любая порнознаменитость мужского пола. Выстрелив порцию семени, размазав по штанам, они вспоминали о еде, снова бросались к решетке, обдавая вонью непереваренной пищи, тянули липкие ручонки к перевернутой миске с рыбой. Судя по тому, где валялась еда, покинувший нижнюю пещеру сторож нарочно изводил пленников голодом. Словно издеваясь, он держал протухшую рыбу в сантиметре от места, куда могли дотянуться маленькие руки уродцев. От их обломанных ногтей на камнях у подножия клетки протянулись белые царапины.

Коваль старался дышать ртом. Надо было повернуться и идти дальше, поскорее покинуть кошмарный спектакль, но в коловращении тел за толстой решеткой было что-то завораживающее. Гномы висели, падали, онанировали, натывались друг на друга, снова расползались в стороны, жевали опилки, испражнялись, лезли на решетку, добивались до верха, срывались вниз... и так повторялось без конца. Один пытался рыть подкоп, бесполезно царапая влажную породу между прутьев. Порой на него накатывало бешенство, карлик рычал, скрежетал по решетке пеньками зубов, падал без сил, вывернув на сторону свой немыслимый, заполненный кровью, орган...

— Опустили одного, вынули шестерых, — Дробиченко сплюнул в сторону; он говорил в нос, прикрываясь платком. — Самодеятельностью без меня занялись, осмелели, вот и результат. Кстати, ваш колдун чокнутый вполне может вернуться в таком же виде... Если все помыслы о бабах.

— Что значит «без тебя»? — не понял Артур. — Значит, каждую кандидатуру ты лично санкционировал?

— Этот мужик не из пленных... — Дробиченко шмыгнул носом, подтолкнул носком сапога к клетке вздувшуюся рыбину. — Перед оленем нам показалось, что нащупали верную тактику. Двое ребят вернулись назад, ну... под анашой. Целые, невредимые. Один приволок

с собой мешок с семенами, небольшой такой. Короче, никто эти семечки не признал, и сам он не помнил, откуда взялись. А заказывали ему настрого просить средство от Желтых болот. Чтобы армия могла пройти по Италии и севернее. Там полоса сплошная, туманы и болота...

— Я в курсе, — перебил президент.

— Карамаз давил на нас с Людой, чтобы искали вакцину, мы синтезировали, без конца смешивали, но... Без нормальной лабораторной базы вакцину не создашь — как ему объяснить? Китайцы продали сколько-то ампул, удалось загасить болота в самой Турции и здесь, в Греции, но мало. Тогда он вспомнил про Малахитовые врата. Это наше сверхоружие, такая пушка, что стреляет один раз. Карамаз вспомнил про врата потому, что о них как-то проведал эмир Сайд. Эмир при первой встрече вел себя нагло, дал понять, что только они, на полуострове, — истинные мусульмане, а мы — шваль, предавшаяся пороку. А потом что-то произошло, и Карамаза с парнями пустили в страну. Ну, я уже рассказывал... Не только пустили, но прокатили, угостили, принимали во дворце, в Эр-Рияде. Эмир был сама любезность, обещал непременно помочь в священном походе на север. Обещал золота и верблюдов, дал и того и другого. Только патронов и железа не дал, ни единого ствола. А после хаммама стал раскручивать наших относительно ворот. Издалека речь повел, как медом по маслу накатывал. Такая штуkenция выходит, у них там, в пустыне, вроде как святой живет, периодически вещает. Ну вот, про ворота эмиру навещал, что, мол, находка пострашнее любого ядерного гриба... Эмир сразу смягчился, с Карамазом иначе заговорил. Предлагал совместно тему ворот разрабатывать, мол, джинны испокон веков дело с ними, с арабами, имели. Ясное дело, ничего Сайду не обломилось, хотя Карамаз ему сорок бочек арестантов наобещал. С вакциной, правда, эмир не помог, да у арабов вакцины и нет. Они своих больных СПИДом просто порубали в клочья в свое время, вот и вся вакцина. Зато Карамаз вернулся, окрыленный идеей, — просить у джиннов средство от болот. И мы спустили на веревке пацана, хорошего пацана, не гопника, но тупого как валенок. Он под каннабисом об одном мечтал — о средстве против Желтой дряни...

Дробиченко снова сплюнул, брезгливо отодвинулся от клетки. Ее обитатели затеяли драку за тухлую рыбину.

— Мы веревку держали постоянно в скважине. Как дернется — тянули. Иногда странные штуки доставали, но не оружие. Все тащили к Карамазу, у него в Стамбуле склад теперь. Людей доставали без голов. Все на месте у человека, даже в одежде, а головы нет... И ходит при этом, руками машет. Сразу зарубали, никто не решился таких связывать... Однажды вытянули этого, с семечками. Уже не верили, что вернется. Вернулся, засранец, правда постарел лет на десять, но ничего не помнит.

— И что с семенами? — подался вперед Артур.

— А что с семенами? — саркастически хмыкнул визирь. — Высадили в Италии, у самой границы болот, по прямой триста километров до Рима. Хорошо, догадались не испытывать в самой Турции... А благодаря Желтой напасти пришлось бы наступать в обход, с севера, половину армии в драках с дикарями-католиками потеряли бы... Карамаз тогда поклялся, что, если джинны не обманут, он отгрохает в Стамбуле новую Софию, а в Италии обратит в истинную веру пять тысяч дикарей. Либо всех прикончит.

— Как я догадываюсь, с семенами вышла та же история, что и с оленихой? Джинны снова пошутили?

— Да уж... — поежился Сергей. — Могло бы все кончиться куда хуже, если бы не огнеметы. Семена, посеяли в мае, а в июне болото начало засыхать. Причем не край болота подсох, а разом ушла вся вода, образовалась пустыня, эдакое пятно, километров двадцать в поперечнике. В июле там задули настоящие самумы, подохла вся растительность. Из посаженных семян выросли миленькие, короткие такие цветочки, вроде эдельвейсов. А в почву проросли корни толщиной с водосточную трубу.

— Да, сильно...

— Не то слово, сильно. Я доложил Карамазу, что Желтые болота отступают. Болота

действительно отступали, они просто пересыхали. Подошли черви, комары, рыбыны с ногами. Выяснилось, что почва в некоторых местах промокла на глубину двадцати метров. Камни и глина превратились в подобие гипса, изъеденного термитами. После того как корневища наших чудо-семян высосали жидкость, все это стало видно. Я не соврал Кармазу, что болота гибнут, но также начал гибнуть виноградник и трава у границы болот. Мы устроили раскопки. Корневища наших невинных эдельвейсов вымахали до размеров баобабов и уходили на глубину, недоступную лопатам. Когда в трехстах метрах от бывшего Желтого болота пересох ручей, мы забили тревогу.

— И вызвали огнеметы?

— Мы их еле остановили, эти кустики. Можно сказать, что успели в последний момент. Еще немного, и они бы захватили всю Италию. Желтым топям настал бы конец, осталась бы голая пустыня, развалины городов и эдельвейсы... Правда, к северу их остановило Вечное пожарище, там когда-то рванула атомная станция. Да уж, радиация никого не жалует! Цветочки накапливали воду, а наружу не отдавали ничего. Подземные бутылочные деревья, целая роща... После этого мы не использовали пленных. Кармаз был здорово напуган. Вниз опустили девицу, родственницу одного вассального халифа. Ей пригрозили, что вырежут всю семью, если попытается обмануть. Ей приказали думать и просить только об одном — о маленьком платочке.

— О платочке?!

— Да, о платочке. Кармаз забраковал сотню вариантов, наверное. Ему очень хотелось попросить у джиннов оружие, но эта девка могла ошибиться и взорвать всех нас, например. Тогда он плюнул на оружие и велел просить невинный платочек...

— И... что? — разинул рот Карапуз.

— И ничего, — отрубил витязь. — Она не вернулась. Два раза мы вытащили скелет. Без головы. Очень старый скелет, но не нашего человека.

— Как это не вашего?

— Очень просто. Мертвая старая женщина, татуированная, в платье, без головы.

— Ты про женщину не говорил! — напустился на визиря Махмудов.

Тот отступил, съежился, снова ожидая побоев.

— Я обо всех не помню...

Они переместились к третьей клетке и затихли надолго. На прутьях скорчилась, свернувшись щетинистым ежом темная горячая масса. Ближе двух метров находиться было тяжело, начинали слезиться глаза, могли затлеть волосы. Артур приказал поднять лампы и факелы повыше; странное существо забеспокоилось, чуточку шевельнулось, обдав непрошенных гостей невидимым языком жара. Коваль еле успел отвернуть лицо, заработав на локте и на затылке легкие ожоги.

— Мать божья, это что за дрянь? — не вытерпел Карапуз. Он тряс рукой, дул на пальцы, случайно коснувшиеся решетки.

— Это то, что с натяжкой можно назвать оружием, — мрачно произнес Дробиченко. — Когда оно выпорхнуло из скважины, солдаты потыкали саблями. Было холодное, как кусок пластилина, дергалось слегка. И вот, выросло... Хорошо, догадались в клетку запереть, пока не разогрелось.

— И верно, похоже на пластилин...

— Что такое пластилин, герр президент?

— Это такое... такой материал, вроде глины, — объяснил Коваль. — Погоди-ка, а чем вы ее кормите?

— Почему «ее»? — удивился визирь.

— Потому что это женская особь, — медленно произнес президент. — Вы слышите, как бьется ее сердце? Она нас боится... И она очень голодная. Если ее не покормить, она скоро умрет...

Бурый комок переместился в дальний угол клетки. Он раздулся до величины детского пляжного мяча, потом шар вытянулся в тупое веретено, диаметром как колесо грузового

автомобиля. Со всех сторон неровного шара свисали серые лохмотья, точно куски горелой резины. Артур обратил внимание, что камень между прутьев клетки блестел, словно был вылизан языком. Ни следов мокрой соломы, ни запаха, ни грязи.

И никаких следов глаз или ушей.

Стук сердца. Переменчивый сухой жар, скачущая температура, необъяснимый источник тепла внутри, и невозможный для белковых организмов способ существования...

— Голодная? Она голодная? — Дробиченко округлил глаза. — Этот резиновый еж, с позволения сказать, голодает уже полгода, и ничего с ним не делается... Оно не подпускает к себе, не реагирует на пули, не боится огня и воды. Оно не умнее кошки, если это вообще зверь...

— Она умнее кошки. Очень может быть, что она умнее тебя. Это женская особь, потому что способна к размножению, она носит в себе зародыши. Но здесь она не родит, не волнуется. Для нее слишком агрессивная среда... — Коваль поднял руку. — Замолчите. Ну-ка тише все! Разве ты не слышишь?

Фон Богль переглянулся с Расулом, на всякий случай отодвинувшись подальше от клетки. Они и так помалкивали, а теперь вообще затаили дыхание. В пещере раздавалось лишь пыхтение онанирующих гномов и редкие вопли страдающей оленихи. Зато встрепнулся Митя Карапуз.

— Я слышу, командир... Она говорит... Точно говорит, словно жалуется...

—словно девочка... — отозвался Коваль. Он опустился на колени, и сантиметр за сантиметром, на всякий случай отвернув лицо, приблизился к раскаленным прутьям. Вблизи клетки гранит обжигал колени даже сквозь плотные штаны. Камни разогрелись, как в парной. Артур вслушивался, впитывал неровные, прерывистые импульсы тепла, идущие от неведомого живого существа.

— Фонарик надо бы, командир, — прошептал Карапуз.

— Давай лампу, только прикрой чем-нибудь!

— Да что вы там слышите, шайтан вас заберит? — не выдержал Дробиченко.

— Она объясняется с нами температурными перепадами, а нам нечем ответить, — Артур принял из рук чингиса масляный светильник и тряпку.

Он попытался максимально точно повторить последовательность тепловых толчков, исходящих от разлохмаченного «мяча». Как «ежихе» удавалось за доли секунды изменять температуру тела на сотню градусов, оставалось полной загадкой. Еще менее было понятно, откуда неведомая тварь черпала громадную энергию. Ежеминутно она выделяла в окружающий мир тепла больше, чем двигатели, установленные на дирижабле. Чтобы поддерживать подобный тонус в течение длительного времени, требовалась обязательная внешняя подпитка или внутренний источник, адекватный крошечному ядерному реактору. Коваль попытался представить себе, сколько тонн растительного или животного сырья надо сжигать за час, чтоб добиться таких внешних эффектов.

А «ежиха» ничего не ела по крайней мере полгода... Артур убеждал себя, что это ничего не значит, что традиционные представления о метаболизме будут смешны и неуместны в мире, где водятся такие чуда-юда, у которых сердце отбивает тринадцать ударов в минуту при температуре тела свыше ста градусов...

Некоторое время ничего существенного не происходило. Коваль сплевывал горькую слюну, усердно махал тряпкой перед трепещущим язычком огня. Он не успевал повторить серию импульсов, но не оставлял попыток. Контакт требовал терпения, как контакт с любым живым существом. «Ежиха» вела себя как посаженный в клетку, затравленный рысенок, что жмется в углу, пугая пленителей взмахами неловких когтистых лапок. То раздражалась чередой скоростных перепадов в режиме плюс-минус двадцать градусов, то внезапно понижала температуру по синусоиде. Тогда на ее поверхности, среди трепыхающихся отростков, можно было бы удержать руку, погладить... Но тут же синусоида резко взмывала вверх, и опять начиналась дерготня, скачки, крещендо на пределе терпения, когда уже, кажется, начинают дымить волосы...

Артур терпел, уже предвкушая, предчувствуя развязку. Так бывало неоднократно; при встрече боевого Клинка Хранителей с незнакомым зверем, не привыкшим подчиняться человеку. В лесу это мог быть шатун, нарочно вспугнутый из берлоги наставником, чтобы экзаменовать начинающего Клинка. Это могла быть рысь, стая рыжих волков из окрестного пожарища или тигр-альбинос, по прозванию «лапочка», одно из самых трудно поддающихся дрессировке созданий. И вовсе не оттого, что «лапочки» отличались особо буйным нравом при низком интеллекте. Например, обычный дракон приручался гораздо проще, чем белый тигр...

Интеллект.

Зачаточный, неуклюжий, но не в пример сильнее, чем у собаки или у шимпанзе. И чужой, до невозможности чужой. Интеллект, уже шестнадцать циклов... Шестнадцать оборотов планеты... Не принимавший сигналов сородичей, таких понятных, ласковых и близких, выхваченный из привычной среды, из сумрака низких, оранжевых туч, из рева ветров, из свиста песка над бурунами...

Коваль до дрожи, до спазмов в мышцах, ощутил вдруг атмосферу далекой планеты. Чудовищное давление у поверхности, рыжие, карминовые тучи, тысячелетиями нависающие над кипящими озерами, пояса гейзеров, стреляющие грязью, неистовый свист бури, терпкий запах озона от бесноватых молний... Этот мир не требовал слуха и зрения, там эти органы чувств не могли зародиться у будущих разумных обитателей. Этот мир не позволял распрямиться, погодные условия планеты пригибали к земле все живое, заставляя обрастать каменными мышцами, дышать медленно, Размеренно. Кровь у «ежей» тоже разгонялась медленно, да быстрее и не требовалось, все равно сложные кислоты, связанные в подвижные цепочки, постоянно разлагаясь, выделяли массу энергии. Аборигены поддерживали общение температурными всплесками, сбивались в плотные комки, замыкая единую фигуру, и лишь совместно они могли охотиться на... Человеческим языком имя предмета охоты назвать не представлялось возможным. Представить его зрительно Коваль тоже не мог; кажется, это было нечто плоское, широкое, напоминающее ворсистый ковер, очень быстро передвигающееся по поверхности кипящей жидкости. Собственно, именно таким и мог бы стать мамонт на массивной планете, вращающейся вблизи своей звезды. Артур успел уловить момент, когда на планете наступал светлый цикл, — температура среды подсакивала на сотню градусов, радиация выжигала все новые, или ослабленные формы, электрические разряды пробегали по нервным окончаниям, знаменуя приход цикла питания. Это питание отличалось от питания в процессе охоты, здесь задействовалась энергетика звезды...

Планета крутилась невероятно близко, ближе, чем Меркурий, к Солнцу. Светлый цикл длился долго, очень долго, «ежи» замирали, как замирали другие живые существа, все впитывали энергию, запасаясь на такой же долгий темный цикл. Коваль попытался войти в мозг чужака без посредства лампы, которая все равно не помогала. От первого же контакта заболели зубы на нижней челюсти, а поясницу пронзила острейшая колика...

Кажется, один светлый цикл превышал несколько земных веков. В зачаточном мозгу «ежихи» плавали отрывочные воспоминания о черной скважине в лежащих воротах, которая воспринималась среди ее сородичей не совсем так, как в среде первобытных земных дикарей. Не было слепого поклонения и попыток пролить на алтарь чужую кровь. Раскаленные аборигены видели во воротах возможность...

Вроде бы возможность осуществить цикл круглогодичного размножения. «Ежи» слишком быстро погибали, не успевая вырастить потомство за темный период, когда смертоносная активность звезды ослабевала. Им не требовались божества, им нужна была пещера с ровной, низкой по меркам планеты, температурой и сносным уровнем радиации, хотя бы на четыре цикла. Кажется, «ежам» вообще было не найти укрытий на поверхности, постоянных сухих пещер не существовало, в светлых циклах их заполняли озера расплавленных тяжелых элементов, от перепада температур крошились скалы. «Ежи» ощущали Малахитовые ворота, возникшие в глубоком каньоне, не как алтарь для поклонения,

а как... как надежду на... Кажется, «ежи» собрались в огромном числе, чтобы...

Связь с мозгом «ежихи» прервалась. Ковалю, сколько он ни старался, не удавалось настроиться на общение, наложить условные мысленные волны, как это принято делать с земными зверюгами. «Ежиха» реагировала на него как тигр на вооруженного кнутом дрессировщика.

— Она умрет, очень скоро. Точнее, очень скоро по меркам ее мира, а у нас она будет умирать еще год или больше. Накормить мы ее не сумеем, этот организм расщепляет минералы, которых здесь нет. Хотелось бы знать, как ее угораздило вылететь в нашу скважину?..

— Может, проклял кто? — предположил Митя. Громадный чингис присел на корточки, выставив вперед ладони, прикрыл глаза, — Ишь как жалобит-то...

— Может, такая же сволочь, как Карамаз, а? — подхватил Расул. — Спустился гад такой по веревке и потребовал, чтоб врагов жгло огнем... Вот и жжет...

— Не исключено, что этот гад был вообще не из нашего муравейника, — откликнулся президент. — Что лишний раз доказывает правоту космоглобалистов. Мы все варимся в одном котле, и неувязки каждого легко отразятся в противоположном углу... Впрочем, вам еще рано... Короче, перед вами не оружие, можете себя не обнадеживать. Сергей, говоришь, раньше она не была такой горячей?

— Тепленькая была... — Дробиченко никак не мог оправиться от свалившейся на него информации. А потом разогрелась, непонятно с чего...

— Понятно с чего... Она так умирает. Ну что, вернемся к нашим воротам, пока окончательно не затопило?

Шлепая по лужам, отряд торопливой змейкой прошествовал обратно, по крутым ступеням вверх, в главную пещеру.

— А как же эти, господин? — Шедший последним узбек указал на живых обитателей клеток. Больные приапизмом карлики уныло поскуливали, терлись о мокрые железные прутья, олениха свернулась клубком.

— Эти? — Все затихли. — Я думаю, что герр Богль проявит милосердие...

Немец поклонился, шагнул к клеткам, доставая на ходу револьвер.

— Убивать? Так ведь жалко...

Но Расулу никто не ответил. Президент уже думал о другом. Он проворачивал в мозгу итоги беседы с инопланетной узницей. В свое время Хранители научили молодого Клинка входить в контакт с животными, с птицами, общаться с ними эмоциями, не напрягая речевой центр. «Ежиха» мыслила совсем не так, как уральские лисы и кабаны, чувствовалось, что она вообще не привыкла рассуждать отдельно от коллектива своих сородичей. Артур не успевал за ее беспорядочными метаниями, но одно обстоятельство его поразило.

«Ежиха» понятия не имела, как оказалась на Земле. Но она очень хорошо разбиралась во времени. Возможно, внутри невольной пришельцы прятались несколько биологических часов. Коваль трижды задал вопрос, который его крайне интересовал, и трижды получил утвердительный ответ. Теперь он знал, что, находясь внутри врат, временем можно управлять.

И что ключом может стать любой человек.

9

ЧЕЛОВЕК-КЛЮЧ

— Кого вы тут еще червивой рыбой кормите? — Коваль старался говорить спокойно, — Кто еще вернулся?

— Некоторые тоже... вернулись, — Дробиченко сглотнул. — Один раз вместо человека мы вытащили золотую статую. Толстую, уродливую статую. Стали пилить, он оказался внутри...

— Как это... внутри?

— Очень просто, внутри... — Сергей потер ладонью щеку, умиряя нервный тик. — Я не рассказывал об этом раньше, потому что такие вещи надо показывать... Пошли, покажу.

— Так он здесь?

— А где ему быть?! — удивился Дробиченко. — Карамаз вначале мне тоже не поверил, а когда увидел — приказал с места не трогать...

Он привел их к маленькой палатке, стоявшей за дирижаблем, в самом темном углу, под грозившим обвалиться козырьком. На четырех столбах была растянута грубая ткань, под ней блестело золото. Янычары слегка присыпали статую каменной крошкой, словно не решились похоронить человека согласно обряду.

Словно не могли определить, человек это или нет.

Артур сразу заметил, что в подобную позу натурщика надолго не поставить. Казалось, человек распростерся ниц, слегка заваливаясь на правый бок, опираясь на напряженные локти, задрав над головой молитвенно сложенные ладони. Это был мужчина, чрезвычайно плотный, гипертрофированно плотный, но при этом вылепленный с удивительной точностью. Драгоценный металл отражал изгибы военного костюма, шнуры и пуговицы, даже подковы на подошвах сапог. Голова молящегося, размером с крупный арбуз, оставалась зарытой в щебень.

— Ни хрена себе статуя... — Чингис потянулся пощупать.

— Помогите мне перевернуть, — Дробиченко ухватил гиганта за локоть.

Золотой великан упал на бок, обнажился испачканный живот. Лицо у статуи отсутствовало, вместо ожидаемой золотой маски на людей уставился череп.

Коваль забрал у Расула факел, посветил вплотную. Череп был настоящий, оставалось непонятным, как он попал внутрь золотой оболочки, не расплавился и не обгорел. Толщина золотого слоя превышала четыре сантиметра, переднюю часть черепа, лицевую маску, просто кто-то отпилил. Фон Богль присвистнул.

— Герр президент, я слышал о таком колдовстве. За Песочной стеной, в Дойчланд...

— Черт подери, это не колдовство! — оскалил зубы Дробиченко. — Вначале мы отпилили ногу, только потом принялись за голову. Поглядите, разве не понятно?

Только теперь Артур заметил, что левая нога статуи отпилена до середины лодыжки. Из распила торчал обломок кости и рваные лохмотья штанины.

— Он попросил у джинна золота, ясно? — Дробиченко говорил сдавленным шепотом, как будто берег сон погребенного в золоте мертвеца. — Попросил и получил. Все получают, кто просит... Один хотел кучу баб, и разделился на шесть ходячих членов, другой мечтал купаться в драгметаллах! Что-то сказал неправильно, не учел мелочь. Мы гадали, как такое может произойти. Верно сформулировать желание практически невозможно, всегда останутся лазейки для хитрости. Это страшнее любого оружия, поэтому эмир не станет драться с Карамазом. Омар переводил... Главное — грамотно попросить, это указано через каждые десять строк, но разными способами. Это как...

— Как компьютер? — подсказал Артур.

— Пожалуй... что-то есть, — хмыкнул бывший «джинн». — Словно выбрасывает окно с предупреждением. Снова и снова предупреждает, а мы тупо читаем и лезем на те же грабли...

— Какие еще грабли? — заозирался Махмудов.

— Вы только одного такого вынули... в золоте?

— Хватает и одного...

— Да уж, еще и пилили! — крикнул Карапуз. — Я бы в момент пересрал...

— А потом вы расшифровали записи на створках, Так? — напомнил Артур. — Что там еще написано?

Дробиченко вытер взмокший лоб.

— Омар успел расшифровать малую часть. Там непонятно... Такое впечатление, что текст на левой створке полностью противоположен по смыслу тому тексту, что на правой. На левой створке сказано, что подняться в чертоги духов сможет лишь свободный от помыслов,

или что-то вроде того, а на правой, в том же столбце, сказано, что подняться не дано никому из свободных...

— А почему «подняться»? — удивился Митя. — Тут же вниз лезть придется...

— С этим как раз вполне ясно, — нахмурился Артур. — Это иносказательно, а может...

— Это не иносказательно, — поднял указательный палец Дробиченко. — Отсюда кажется, что падать предстоит вниз, а снизу — все наоборот... Так говорили добровольцы.

— Погоди! Так, значит, кто-то вернулся вменяемый?

— Обкурившиеся. Очень сильно пьяные. Таких было четверо. Сначала мы думали, что наркоманов джинны просто не любят. Те вспоминали, что падение вниз стало полетом вверх, вот и все...

Президент повернулся к Малахитовым вратам. Те лежали, неколебимые и невозмутимые, как само время. Дирижабль еле заметно раскачивался, вздыхая, как живое существо. Наверху вопили чайки. Коваль на миг прикрыл глаза, постарался мысленно окунуться в манящий мрак скважины.

Ничего, пустота.

Малахитовым вратам может быть миллион лет — или десять тысяч. Если внутри скважины неведомым образом закольцованное силовое поле удерживает в петле время и пространство, это можно понять. Проверить и разгадать принцип действия нереально, эти технологии человек не успел освоить перед Большой смертью. Но понять можно, разум способен к компромиссам.

Коваль закусил губу, чуть не застонав от напряжения.

Рог изобилия, воспетый поэтами, слюнявая мечта халявщиков от астрологии, алхимии и прочих гадательных псевдонаук. Итак, он существует, и, скорее всего, будет существовать вечно. Малахитовые врата наверняка можно разрушить, но разрушится лишь один вход из сотни или из сотни тысяч, а начинка, матрица, исполинская материнская плата, питающаяся распадом звезд и миллиардами нервных импульсов разумных существ, населяющих вселенную...

Что они хотели? Для чего строили машину, так издевательски, насмешливо обходившуюся со своими пользователями? Или, с точки зрения джиннов, никакой издевкой тут и не пахло? Каков запрос пользователя — такова реакция системы. Недостаток либо избыток входящих в алгоритм данных, и, как следствие, — неверный ключ.

Скважина в форме человека, по крайней мере, на Земле. Почему обязательно врата ждут конкретную особь, с голубыми, скажем, глазами и рыжей макушкой? Чушь...

Ключ есть в каждом, но не должен представлять собой серию загадок а-ля Баба Яга. Ключ — это уровень, уровень восприятия, образованности, развития цивилизации. Джинны не заперли вход в Сезам, они всего лишь установили пароль. Защиту от детей и дураков.

Теперь Артур знал точно, что он непременно спустится в скважину.

— Там и вправду не низ, а верх, — вставил фон Богль, непрерывно наблюдавший за распахнутой Скважиной. — Очень странное место, господин...

— Ага, так и тянет нырнуть... — Карапуз с трудом, словно преодолевая себя, отодвинулся от черной дыры.

— Что еще перевели? — не отставал от визира Коваль.

— Слева сказано что-то вроде: «каждый вопрос имеет бесконечное число ответов», а справа — полная ахиня, вроде того, что только молчание достойно ответа...

— Отчего же... Никакой ахиней пока не пахнет. И как вы инструктировали тех, кто лез сюда под анашой?

— Это не я предложил, честно, клянусь! Карамаз хотел, чтобы у них не было внятных желаний. Складывалась дурацкая ситуация... — Дробиченко снова затрясло. — Мы не имели права сообщать добровольцам правду. Даже свободные граждане, не то что пленные рабы, мигом бы потребовали себе у джинна какую-нибудь чушь, вроде королевства или ста тысяч рабов. Приходилось врать... Раз помню, и смех и грех... Один не стал отвязываться внизу и ни с кем там не разговаривал. Молчал. Рассказал потом, что там, внизу, кажется,

будто, напротив, — находишься наверху. Он не просил ничего, но... Как оказалось, слишком настойчиво думать о чем-то тоже нельзя. Паренек мечтал о том, что в его засушливой деревне забьет ключ или ручей потечет. И ручей потек, Карамазу потом доложили. Смыло четыре деревни. Представьте теперь, что какой-то идиот попросит воды для всего континента...

— Что он там видел?

— Он видел джиннов, огромных людей в бутылках...

Коваль поймал ускользающий взгляд фон Богля. Оба одновременно вспомнили о просьбе Деда Саввы подарить мальцов из бутылей. Каким-то образом старый хрыч обо всем прознал заранее. Так и чесались руки его допросить!

— ...Джинны закованы, они не могут выйти, потому что утерян ключ. Кстати, насчет ключа есть и на воротах. Там все хитро запутано, но Омар считал, что речь идет о священном камне в Мекке. Якобы поблизости один из ключей находится...

— В Мекке нет ключей, — встрял Махмудов. — Правоверные не потерпят ничего лишнего возле Каабы.

— А сколько лет вашей уважаемой вере? — ухмыльнулся Дробиченко. — Откуда вам знать, как выглядели идолища, которые вышвырнул Мухаммад? Может, один из них, по форме, подошел бы к нашей дверке?!

— Вероятно, ваша первая мысль была истинна, — заметил Бogle. — Вероятно, что ключ — это человек. Не есть идол, не есть прибор. Человек — не такой, как другие. Попыток много, а верный ключ один. Должен отличен быть, должен иначе строить мысли...

— Это идея мне по душе, — согласился Коваль. — Но ты не закончил про ваших добровольцев. Что стало с последними? Ведь вы свернули опыты не после ящериц?

— Последний вернулся месяц назад, но когда его вытащили, оказалось, что это не он... Другой человек, язык незнакомый. Гораздо старше, одет иначе, напуган. Ничего не смог нам объяснить... Его Карамаз потом забрал, к лошадям приставил. Да, говорили парни, что рехнулся бедняга...

Собственно, думать надо было раньше. Артур глядел на манящее отверстие, так похожее формой на пухлого коротконого человечка, на загадочные витиеватые письма, покрывавшие окаменевшую древесину, и внутренне настраивался на боевую волну, возвращал себя в состояние Клинка...

Вот только воевать внизу было не с кем.

И за каким бесом туда нырнул Прохор? Попытается выпросить милостей для Озерников? Или найдет анафему на соборников? Или потребует смерти для президента? Ну... президент пока жив, стало быть, у Прохора другие задачи...

Артур расслабил мышцы, предельно замедлил дыхание, мысленно выпустил в полет несуществующую мушку. Он удерживал мушку пару минут, пока у нее со всех сторон не отросли глазки и ушки, и ноздри, и то, что люди древности называли тепловыми рецепторами... Он почуял их там, внизу. Они ждали, они или оно, но разделенное на множество разумных составляющих.

Они ждали ключ.

— Я спущусь первым, — сообщил Коваль. — Вы со мной идти не обязаны... Тихо, я сказал! Карапуз, если я не появлюсь через два дня, возвращаетесь на Сицилию. Пусть командующий эскадрой вскрыет пакет...

— Но... командир... то есть, господин президент!..

— Герр президент, я не могу вас отпускать!

— Никто не может запланировать время возвращения, — умоляюще сложил руки Дробиченко. — Пожалуйста, не надо так резко! Во всем обвинят меня, ваши солдаты будут говорить, что это я заставил президента прыгнуть в колодец...

— Если я правильно понял «ежиху», вопрос времени там вообще не стоит, — Коваль взялся за канат, крепче обмотал его вокруг пояса. — Для конструкторов этой игрушки время — одна из переменных составляющих. Я не смогу вылезти раньше, чем туда залез, это

понятно... Да и то, утверждение верно исключительно для исследованной части галактики... Что устались, травите потихоньку...

Артур выдохнул, последний раз поглядел в небо, перед тем как попробовать себя в качестве ключа от ворот. А потом шагнул в пустоту, и сразу же вдохнул запах собственного прошлого.

Оказывается, он уже здесь бывал. Он не ошибся — входов имелось множество, и один — через шкафчик номер шесть в подвале института крионики...

10 ШКАФ НОМЕР ШЕСТЬ

Шестой шкафчик гнил потихоньку в подвале института крионики, в едином ряду точно таких же, сцепленных алюминиевым уголком, убогих пеналов для переодевания. Три или четыре секции спустили на лифте в подвал и задвинули в одну из бывших холодильных камер в год смерти отца народов, когда родители старшего научного сотрудника Ковалья еще не произвели его на свет. С той далекой поры подвалы института загружались и освобождались, неоднократно затапливались и осушались, туда скидывали имущество арендаторов, горы списанной мебели и аппаратуры. На парадном крыльце, между потрескавшимися колоннами сменилось несколько табличек, здание вяло переходило из рук в руки, пока, наконец, раздобревшая нефтяная демократия не закрепила памятник исторического значения за НИИ. В подвалы свозили на грузовиках ненужный хлам из смежных научных учреждений, потерявших собственную базу, — благо левое крыло здания имело подземный пандус и ворота, со временем, опять же, заваленные снаружи...

Одним словом, ничего секретного, и уж тем более таинственного, отдающего запахом средневековых вампирических приключений. Ничего непонятного и необъяснимого для строгого взора коменданта. Кроме шкафчика номер шесть. Встреча Ковалья с непонятным произошла спустя шесть дней после того, как его принял на работу в пятый отдел сам профессор Телешов. На вечер пятницы было намечено совместное возлияние. По поводу бравурного изгиба карьеры и вхождения в дружную семью будущих спасителей человечества.

Где-то между девятой и одиннадцатой мензурками Денисов и Мирзоян повлекли теплое, послушное тело молодого коллеги к грузовому лифту.

— Ты все как следует запомнил? — допытывался Денисов, пока лязгающая платформа, затянутая железной сеткой, ползла к центру земли. — Ты не смейся, это не смешно. Все прошли через подвального, все с ним дружат. И Телешов, и даже, по слухам... — Он многозначительно потыкал пальцем в потолок. — Даже сам директор. Только они не сознаются, по статусу не положено.

— Сам понимаешь: как академик, с таким пузом, член самой лучшей партии планеты, признается, что носил молочко нечистому? — тихонько хохотнул Мирзоян.

— А комендант тоже молочко носит? Я видел коменданта, вахтеров видел, — покрутил головой Коваль. — Эти вохровцы еще Сталину служили. Не смешите мои тапочки, эти парни никому молоко не понесут!..

У коллег вытянулись физиономии. Артур мандражировал слегка; но уж очень не хотелось нарушать неписанные правила приличия.

— А, ладно, так и быть, охота вам потешиться!

Положа руку на сердце, он не спустился бы с парнями валять дурку в подвал, но женская половина коллектива отнеслась к вынужденной отлучке как-то слишком серьезно. Его даже поцеловали и погладили по голове. В самый разгар пятничного вечернего застолья, когда профессор Телешов волевым порядком запретил говорить о работе, разрезали, наконец, пышный йогуртовый торт, и тут Лида повторила вроде бы поднадоевший тост за новенького. Коллектив на секунду примолк, наполовину наполнили мензурки — кто вином, кто водочкой — глотнули, не чокаясь.

Лида сказала: «Чтобы новенький понравился...»

— Я буду стараться, и непременно вам понравлюсь! — выпятил грудь будущий аспирант.

— Не нам, не нам, — несколько смущенно замахали руками девушки. — Нам ты уже понравился... Алик, ну познакомьте же его!

Алик Мирзоян отставил бумажное блюдечко с десертом, переглянулся с Денисовым. Оба поднялись и повлекли Ковалю по мраморным лестницам в подzemелье. Видимо, в пятом отделе давно решили, чья очередь представлять новичка. Профессор оживленно жестикулировал на своем углу стола, остальные тоже вернулись к беседе. Никто даже не поинтересовался, куда пошли трое, зачем захватили из холодильника конфеты и общее, покупаемое в складчину, молоко.

Артур провернул в памяти все это гораздо позже, когда остался в подвале один...

В подвале свет не включали. Подхватив Артура под руки, боевые товарищи, сами не вполне твердо стоявшие на ногах, подсвечивая фонариком, добрались до нужной двери. Дверь скорее походила на люк правительственного бункера. На полу хлюпала вода, идти приходилось по разбросанным обломкам кирпича и доскам. Слабый отсвет доходил сюда из-за плавного поворота коридора, оттуда, где зияли дырами грузовые ворота. Внутри нужной кладовой оказалось совсем темно.

— Де держи крепко! — икнул Толик Денисов, вручая Ковалю в темноте вскрытый пакет с молоком.

Мирзоян посветил фонариком.

— Вы что, серьезно? Зачем мы здесь? — слегка опомнился Артур, различив в глубине комнаты груды перевернутых скамеек, ряды ободранных шкафчиков и куски спортивных тренажеров.

— Дальше пойдешь один! — рубанул ладонью застоявшийся воздух Денисов. — Шкафчик номер шесть. Угостишь подвального молоком и оставишь конфет. Не забыл конфеты?

Артур пошарил в кармане халата. Конфеты не забыл. Конфеты поручили купить накануне, как бы для девушек отдела. Несколько штук Толик велел заныкать.

— Не переживай, впереди неглубоко, — напутствовал Мирзоян. — Не урони молоко и не споткнись, там валяются провода. Ты помнишь, что надо сделать?

Артур порылся в памяти. Отчего-то всплыли пунцовые женские губы, затем сомнительной крепости пуговка на халатике старшей лаборантки Лидочки, которая сидела с ним рядом на одной шатающейся скамейке и, приподнимаясь, всякий раз всецело приковывала внимание молодого специалиста...

Артур шагнул за порог, ледяная жесть тут же толкнула его в спину. Вокруг клубилась лохматая влажная темнота. На замок, впрочем, запирают не стали, и на том спасибо, оставили изрядную щель.

«Расплодили суеверия... Думают, что прикармливают диких котов, а на самом деле их молоко банально жрут крысы, — он улыбнулся в темноте и показал коллегам язык, зная, что они его наверняка не разглядят. Отсюда Толик смотрелся как черный силуэт на фоне слабо освещенной дверной щели. — Да бог с вами, начитались масонских книжек, но Телешов-то мог бы серьезнее быть... Мировое светило, член-корр, а туда же, грызунов плодить...»

— Сперва стучишь вежливо, — подсказал из щели Денисов. — Открываешь, наливаешь в блюдечко молока, рядом кладешь конфетки. Не кидаешь, а кладешь тихонько. Можешь ничего не говорить, а можешь поздороваться с подвальным. Посиди немножко, помолчи, сразу не беги. Только дверцу на замок, не забудь!..

— О чем помолчать?

— Ну... Я ему рассказал о себе.

— Обязательно меня тут запирают?

— Никто тебя не запирает, — обиделся Денисов. — Но так всем спокойнее. Говорят, стеснительный он.

— Угу, — понимающе кивнул Артур. — Стеснительный.

Фонарь светил исправно. Большую часть помещения занимали скрепленные металлическими планками скамейки и ряды узких раздевалочных шкафчиков. Потолок оказался неожиданно высоким, сводчатым, кирпичным, в разводах и белом налете. За грудой скамеек отсвечивал угол огромного портрета была видна лишь половина тяжелого мужского подбородка, к тому же перевернутого. Холст давно покрылся черными пятнами. На волглom раскрошившемся полу пролегали мокрые деревянные настилы. Но воздух тут был свежий, не затхлый.

— Вентиляция приличная, сосет как пылесосом, — будто читая мысли, прокомментировал издалека невидимый Мирзоян. — Потому берем фонарь, а не свечку, задуть может.

Коваль медленно пошел вперед по доске. Про себя он решил, что если сейчас из груды хлама на него выпрыгнет рычащая фигура в простыне, то поступить придется немножко не по-джентельменски. Предстоит разбить «призраку» нос, и пусть в следующий раз сочинят шутку поостроумнее.

Но никто не напал. Добравшись до противоположной стены, он убедился, что нападавшему скрыться негде. Теоретически в узких шкафчиках мог бы бочком схорониться подросток или хрупкая девушка, но почти все дверцы либо провалились внутрь, либо были распахнуты настежь. На всякий случай Артур исследовал закрытые, каждую секунду ожидая, что ловкачи за его спиной захлопнут дверь или выкинут еще какой-нибудь фортель из арсенала пионерского лагеря.

Но Мирзоян и Денисов мирно рассуждали о преимуществах морских свинок перед кроликами.

— Тут заперто, — Артур подергал ржавый навесной замочек на шкафчике номер шесть.

— Отпирай, — как само собой разумеющееся, приказал из темноты Денисов. — Каждый отпирает своим ключом.

— Своим ключом?! — Ковалю стали надоедать их плоские шутки.

Он провел фонариком вдоль ряда шкафчиков. Замков больше не было нигде. Напротив угрюмо набычились почерневшие от старости верстаки. В немыслимой дали загудел мотор, поехал один из пассажирских лифтов. Затем в трубе зажурчала вода, раздался еще один неясный, тревожащий звук, словно напильником провели по зубьям двуручной пилы.

— Это трамвай на кольце, — пояснил Алик, как будто его об этом спрашивали. — Отсюда страшноато пищит, да? Послушай, просто возьми свою связку и постарайся подобрать ключ. Там легкий замок, обычно у всех получается.

Голос Мирзояна отдавался эхом откуда-то сверху. Оба шутника продолжали болтать в коридоре. Коваль скрипнул зубами, но полез в карман. Замок оказался старым, и совсем не «легким», он только внешне походил на дешевые китайские поделки. На его обратной стороне Артур прочел название завода и год выпуска. Тысяча девятьсот пятьдесят третий. Знаковая дата.

— А если мой ключ не подойдет?

Ответа он дождался не сразу. Мирзоян щелкнул зажигалкой, закурил. Коваля внезапно затрясло, наверное, от холода выветрились последние следы слашавого винного опьянения. А еще он поднял тонну холодной пыли. Стоило пошевелить лучом фонаря, как над головой начинали хоровод пыльные осьминоги.

— Должен ключик подойти, ты же наш человек.

Артур положил фонарик на ближайшее перевернутое сиденье. Первые два ключа — от подъезда и бронированной двери на этаже — не подошли.

— Тут барахло свалено из актового зала, — тонкий голос Мирзояна доносился как из глубокого колодца. — Папа в шестьдесят девятом году начинал работы, еще помнит, как старые сиденья вместе с паркетом сдирали. А портреты Политбюро они каждый год подкрашивали и на демонстрацию катали...

Глаза почти привыкли к скудному освещению. Он увидел, что перевернутый двухметровый портрет действительно крепится на чем-то вроде трехколесного велосипеда. Так, значит, профессор Телешов, которого они почти любовно называли Папой, работал в здании задолго до открытия филиала Московской холодильной конторы?

Неожиданно легко провалился в скважину ключик от железного ящика, который Коваль держал в гараже.

— И что я найду внутри? Дохлаю крысу?

— Здесь нет крыс.

Он сразу поверил. Крысы всегда выдают себя. Запахом, испражнениями, темными дорожками, протоптанными на каменных полах, крошечном опилок, гадкими звуками. В древнем сыром подвале, посреди Петроградской стороны, не было крысиных гнезд. Яд, раньше делали ядреные яды, с оттенком ностальгии отметил Коваль. Мама работала в аптеке, она рассказывала...

«Если там не крыса, стало быть, — другая мерзость. Жаба. Заспиртованный глаз. Кусок скелета. Следует громко испугаться...»

Ключ от гаражного сейфа не подошел, на связке оставался глупый поролоновый медвежонок с олимпийскими кольцами на брюшке и два последних ключа. От мотоцикла и от почтового ящика.

— А если не подойдет? — снова спросил Артур. Обострившимся во мраке чутьем он ощущал сладковатую вонь табака.

— Тебе придется уволиться, — сказал Денисов.

— Это кто ж меня уволит? — разозлился Коваль. — Уж не ты ли?

— Артур, не сердись, пожалуйста, — вступился за коллегу Мирзоян. — Никто тебе зла не желает, клянусь здоровьем ребенка...

Тут Артура проняло по-настоящему. Он понял, что оба не только не насмеются над ним, но вовсе не шутят. Оба верили, что в шкафу живет некто, питающийся молоком.

Замок распался. Коваль легонько постучал по набухшему дереву костяшками пальцев.

Из шкафчика номер шесть пахло, как и повсюду, кирпичной сыростью, заплесневелой чертежной бумагой. На полочке для ботинок стояло пустое блюдо, на задней стенке, на гвоздике висел длинный шерстяной носок. Больше ничего.

— Налил? Чего молчишь?

— Налил. А куда конфеты?

— Просто положи и закрывай.

Перед тем как запереть дверцу, он тщательно посветил внутрь, протянул руку и потрогал заднюю стенку. Стенка держалась прочно, ни в одном углу не было дыр, достаточных даже для мышонка. И дверца прилегалась на удивление плотно.

В процессе Артура посетила занятная мысль — а в курсе ли профессор Телешов, какой хреню уже несколько лет заняты его подчиненные? И это люди, державшиеся на острие, так сказать, науки, герои, всерьез замыслившие потеснить старость, заморозить неизлечимо больных, отправить человечество к звездам...

Соблюдая этикет, он посидел минут пять молча.

Потом они заперли кладовку, поднялись в гроыхающей клетке, заперли лифт, сдали ключи на вахту и вернулись на третий этаж, к накрытому столу. Подняли изрядно мензурок, хотя могли бы пить из нормальных рюмок, но на кафедре снова входила в моду полувоенная, полумедицинская обстановка. Давно покинул молодняк зав кафедрой профессор Телешов, завещав поскорее закругляться и не забывать о понедельник, затем проводили на такси милых кафедральных дам, вымыли посуду, покурили, вышли на крыльцо. Ребята попрощались, оставались только неразлучные Мирзоян и Денисов. Они топтались под мелким дождиком, раскручивали вечную нить спора о достоинствах и недостатках новейшего германского криопротектора, о перспективах для свежей партии крыс, о неверном переводе из французского журнала...

— На фига все это представление с подвалом? — не выдержал, наконец, Артур.

— Это не представление, — покачал широкой кучерявой головой Алик.
— А если бы я не открыл?
— При мне так было два раза, — сказал Денисов, — Долго не работали, сами быстро увольнялись.

— Ага! А те кто смог открыть, те не уходят? — подпустил яду Коваль.
— Ты видел внутри конфеты? — вопросом на вопрос ответил Мирзоян.
— Но ведь там никого нет, — Артуру вдруг стало лень спорить.
— Вот именно, — Мирзоян удовлетворенно растоптал окурки. — Ты не видел конфет, которые принесли до тебя. Их никогда нет.

Тут Коваль обнаружил, что потерял свои ключи. Ту самую связку, с поролоновым олимпийским медвежонком, с которой копался в подвале. Он порылся в карманах, вывернул их содержимое. Дождь накатил нешуточный; несмотря на ранний сентябрь, Артуру совсем не улыбалось ночевать на лестничной клетке, а родители еще неделю собирались топтаться на дачном участке.

— Вернись, в раздевалке глянь, — посоветовал Толи к.
— Вы меня не ждите, — отмахнулся Артур, ссылая назад мелочь, проездные и прочую мишуру.

— В нашем отделе, хоть на столе, хоть в раздевалке можешь что угодно оставить, через месяц на том же месте будет лежать! — клятвенно прижал руку к груди маленький Мирзоян.
— У Телешева, всему институту известно, плохишей не водится!

Приятели проводили его к военизированному вахтеру. Тот угрюмо покачал головой, выражая недовольство безалаберной молодежью, но пропуск принял.

Артур снова зашагал по гулким коридорам. Во всем огромном здании института, кроме него и вахтеров, никого, похоже, не осталось. Вечером институт стал иным. Колонны, витые перила, тяжелые люстры, Двери с бронзовыми петлями, гипсовые маски... Они словно посмеивались над нелепой дневной суетой. Мощные стены, построенные в годы кавалергардов и прекрасных фрейлин, по ночам шептались, жалуясь друг другу...

Артур резко покрутил головой, потер глаза, обнаружив себя застрявшим посреди вестибюля второго Этажа. Он точно заснул на ногах. Сверху, с трехметровой высоты глумливо кривилась гипсовая античная маска.

— На полочке, наверное, бросил впопыхах, впопыхах, — бормотал он себе под нос, нащупывая выключатель в верхней раздевалке.

На полочке ничего не было, кроме пачки салфеток и пакетика с сапожной щеткой. Артур не слишком опечалился и переместил район поиска в архив, где они всем отделом не так давно «заседали». Он обнаружил множество забытых мелочей — пудреницу, помаду, пакетик жвачки, перочинный нож, — но только не ключи. Коваль вернулся и скрепя сердце ползнул в раздевалке по ящикам сослуживцев.

Затем, все еще баюкая себя, спустился вниз, на вахту, и под роспись в журнале попросил ключи от «рабочего отсека». Так они называли комплекс помещений верхнего подвального этажа, где годом позже в первой капсуле анабиоза предстояло заснуть их первой подопытной собаке. В той самой раздевалке, где, спустя сто двадцать с лишним лет, он обнаружит мертвых, мумифицированных контролеров.

В тот вечер пост контролеров еще не ввели, а работам еще не присвоили гриф повышенной секретности. Когда Артур осмотрел все полки в раздевалке, а заодно ящики своего стола и приборную стойку, на улице окончательно стемнело. Хлесткий дождь полосовал стрельчатые окна, мраморные полы разносили по этажам шорох шагов. Со своего рабочего места Коваль мог наблюдать лишь железные крыши Петроградской стороны и мокрые облезлые верхушки тополей. В недрах корпуса раненой волчицей подвывала вентиляция.

— Внизу, трамтарарам! — выругался окончательно протрезвевший деятель науки.

И тут же невольно понизил голос. Эхо выскочило в распахнутую дверь пятого отдела, запрыгало по потертым мраморным ступенькам, заматалось под ар-???

Артур выглянул наружу. Широкий коридор убежал в обе стороны, и с обеих сторон круто сворачивал в полумрак.

Сомнений не осталось. Он не забрал свою связку, после того как вскрыл дверцу шкафчика номер шесть в подземной кладовой. Собственно, он знал об этом с самого начала поисков, но боялся себе признаться.

Несколько мгновений Артур всерьез рассматривал вариант ночевки на рабочем месте. Спать на жестком ему не привыкать, в отделе имелся чайник, радио, запас печенья и уборная. Однако Коваль вовремя вспомнил про вахту. Спустя час или два дежурный на пульте озабочен отсутствием зеленого огонька и начнет трезвонить по всем телефонам, допытываясь, когда поставим на охрану и долго ли еще намерены торчать...

Предстояло одному идти в подвал.

Одному, поздно вечером, ехать в подвал, где дремлет неизвестная сущность, обожающая конфеты «Коровка» и топленое молоко.

11

ОЩУЩЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ

Коваль направился к пассажирским лифтам, но вовремя вспомнил, что до самого низа они не ходят. АО самого низа — либо по лестнице, но тогда опять плестись на поклон к вахтерам, выпрашивать ключи, объяснять...

Либо на грузовом лифте, который располагался в дальнем конце здания.

Артур забрался в сетчатую кабину и задвинул за собой жалюзи. Фонарик Мирзояна, реквизированный из стола коллеги, он крепко сжимал в кармане. Внезапно, впервые в жизни, его посетил острый приступ клаустрофобии. В кабине лифта, благодаря двум лампочкам, было намного светлее, чем на лестничной клетке, но очень хотелось выйти обратно.

Он нажал кнопку, и проволоочная махина вздрогнула, точно проснувшийся от тычка дрессировщика хищник. Тросы разматывались с противным, режущим слух скрежетом. Коваль подумал, что днем они так не скрипели. Кроме того, он ехал вниз слишком долго. За складчатыми ромбами жалюзи издевательски неторопливо проплывала сырая кирпичная кладка. Артур начал насвистывать, но во рту оказалось слишком сухо, из сложенных дудочкой губ вырвался только хрип. Ему показалось, что, по мере спуска, лампочки светят все слабее, и сам свет, вместо привычно-белого цвета, приобрел противный багровый оттенок. Коваль поднял повыше свою руку, закатал свитер. Нет, ему только показалось, рука как рука. Почему-то мелкие темные волоски на предплечье встали дыбом.

Лифт затормозил с низким утробным звуком. Так могло бы срыгивать подземное чудовище, подавившееся человеческим черепом. Непрошеными гостями прикатали вдруг воспоминания о тысячах заключенных, строивших питерские особняки, о замурованных в подвальные ниши несчастных каторжниках, которые умерли без причастия и отпевания, умерли, царапая отросшими когтями безжалостные камни, надрывая глотки в мольбе...

Некоторое время Артур тупо глядел на кирпичную кладку, пока до него не дошло, что выход находится за спиной.

Он повернулся, вытащил фонарь, но не сразу сумел сдвинуть рычажок. Ладонь стала влажной, пришлось вытирать о джинсы. Свободной рукой Коваль взялся за решетку, но не торопился ее отодвинуть.

На нижней галерее царил абсолютный мрак.

До Артура запоздало дошло, что втроем они спускались, не зажигая света. Он запомнил кое-как подвешенные плафоны, но понятия не имел, где рубильник. Луч фонарика показался ему жалким подобием светлячка, он даже не доставал толком до противоположной стены галереи.

Артур задержал дыхание. Здесь вовсе не было тихо. Что-то позвякивало наверху, в шахте, постанывали от сквозняка стальные тросы, едва слышно скулил ветер, разгоняя лопасти вентиляторов. И капала вода.

Коваль вышел в коридор, светя себе под ноги. Он помнил, что где-то далеко впереди пол начинает незаметно подниматься, коридор закручивается вправо, к воротам. Днем оттуда докатывалось слабое свечение, сейчас было так темно, что можно смело закрыть глаза. Какого черта, сердито подумал он, в Питере же всегда светлые ночи. Почему нет хотя бы слабого света?

Рубильник он так и не нашел. Мало того, стоило отойти по хлипким настилам на несколько шагов, как в лифте погас свет.

Это реле, успокоил себя Коваль. Сработало реле, все в порядке. В галерее было чертовски холодно, но. У него под свитером взмокла спина. Он стал вспоминать, горел ли свет в грузовой кабине, когда они с Денисовым садились в нее днем. Совершенно точно свет горел. Значит, наверху реле времени не срабатывало. Скорее всего, никакого реле не существовало и в помине. Две рахитичные лампочки на грузовой платформе не могли оказать серьезного воздействия на экономику института, и уж явно не могли соперничать с моторами, круглосуточно нагонявшими мороз в холодильники вивария.

Лампы перегорели.

Или... их кто-то отключил.

«Если эти козлы нарочно заманили меня сюда...» Он тут же осекся, вспомнив, что никто не заставлял забывать связку. В конце концов, дверь в нужную кладовку находилась где-то рядом, это вопрос пяти минут...

Если только лифт не обесточен. Потому что он сам отказался от идеи взять на вахте ключ от лестницы, и тяжелая стальная дверь, находившаяся где-то в темноте, подле лифта, заперта с той стороны. Если какая-то гнида обесточила лифт, ему придется провести здесь несколько больше времени, чем планировалось.

Например, до утра понедельника. Артур никак не мог сглотнуть. Точно в пищеводе застрял мягкий комок, хотя он уже часа три ничего не держал во рту. Лучше не думать о сломанном лифте, лучше искать проклятую дверь. Как назло, двери одинаковые, тяжелые, обитые жостью, как...

Как в морге, подумал он. Хотя, откуда мне знать, как выглядят двери в морге? Скорее всего, там, наоборот, светло и вымыто до блеска. И тут в поясной сумке затрещал телефон. Настроенный на максимальную громкость, аппарат выдал оглушительную мелодию в замкнутой каменной трубе. Эхо заметалось по закоулкам, противно передразнивая Моцарта, ткнулось в запертые кладовые и нехотя угомонилось. Артур едва не выронил фонарь. Перехватил его в левую руку, выставил вперед, как единственное оружие, и полез под свитер.

Звонил Мирзоян.

— Нашел ключи, как дела?..

Артуру стало стыдно. Алик умел пошутить, но начисто был лишен способности издеваться. Голос долетал волнами, видимо, бетон перекрытий экранировал. Мирзоян звонил с перрона вокзала, в ожидании электрички, он снимал квартиру за городом.

— Все в порядке! — прокричал Артур.

— Адке... адке... — ответило эхо.

— А то — давай ко мне, я подожду...

— Не надо ждать, справлюсь.

— Ты что, все еще в конторе?

— Да... — Артур проклинал себя за недоверие к друзьям и за то, что не умеет ловко соврать. — Забегался тут, искал...

Он обернулся, едва не соскользнув с качающегося кирпича в ледяную лужу. Показалось, что со стороны лифта донесся слабый шорох.

— Эй, я подумал — ты их случайно не в подвале оставил? — не унимался Алик.

Артур перекинул телефон в левую руку, чуть не выронив его на бетон, посветил назад. Лампы в лифте так и не загорелись, зато он точно вспомнил, в какую из одинаковых дверей ему надо. Она находилась рядом, буквально в трех шагах. Такая же, как предыдущая, но

чем-то неуловимо отличающаяся.

— Нет, — сказал Коваль. — Не в подвале.

— А, тогда хорошо. Один не спускайся...

«Почему хорошо? — хотел спросить Артур. — Почему, дьявол вас всех побери, нельзя забыть ключи в подвале? Что тут плохого?!»

Коваль перешагнул на соседний полузатонувший кирпич, дальше должно было стать суше. Начинался едва заметный подъем. Он не сомневался, что дверь отличается, только чем? Днем он топал за Аликом, выдыхая винные пары, и глядел больше под ноги.

— А то давай ко мне, — прокричал сквозь помехи Мирзоян. — Не ищи ты их, закажем завтра новые, я тебе сам помогу замок сменить.

— Уже нашел... — Артур скомкал прощание, торопясь, отключил трубу.

И сразу лее ощутил гнетущее одиночество. Во время разговора он воспрял, словно сбросил оцепенение, а теперь оно возвращалось, как живое существо, кружило над головой, опутывая неосязаемыми липкими нитями. Он спрятал телефон, дотронулся до широкого торца двери — и моментально отдернул руку. Теперь он знал, чем отличается нужная дверь.

Старая жесь была на несколько градусов теплее, чем позволяло неотапливаемое подземелье. Коваль вдохнул побольше застоявшегося воздуха и потянул за металлическую ручку. Он стоял на пороге иссиня-черного прямоугольника, почему-то не решаясь осветить внутрь, и чувствовал, как от слабого, почти незаметного ветерка колыхнутся волосы на макушке. Воздух внутри кладовой тоже нагрелся чуть сильнее, чем в коридоре. Нагрелся непонятно от чего.

Давно Коваль не пребывал в таком тревожном, возбужденном состоянии. Он в принципе с детства не особо боялся темноты, родители воспитывали его грамотно, не позволяя дурацким страхам взять верх над рассудком. Отец проводил строго атеистическую пропаганду, не раз подчеркивая, что выбирать веру следует в осознанном возрасте, а никак не с колыбели. Артур дрался с пацанами старше себя, ходил в спортивную школу, в институтские годы гонял по ночам на мотоцикле, ночевал на скалах в спальном мешке... Ничего героического, но не изнеженный нарцисс. Здоровый страх всегда присутствовал, но не мешал физическим экспериментам над собой.

До сегодняшнего пятничного вечера, когда родился страх нездоровый. Это был страх оказаться наедине с чем-то таким, что его натура отвергала абсолютно. Скажем, как он отвергал возможность существования гигантских моллюсков, якобы уволакивавших на дно целые корабли.

Коваль включил фонарик. Он увидел то же, что раньше: стулья, портреты, мотки проводов и секции раздевалки. Видимо, батареи подсели, рассеянный луч упорно не желал достигать нужной точки. Где-то там, у стены, на спинке перевернутой скамейки, должны были лежать ключи.

Артур перешагнул порог. Ему хотелось сейчас только одного — разглядеть в мутном пятне света блеск металла. Отступив на шаг от двери, он оглянулся. Вновь повторилось неприятное до колики в животе ощущение, которое он испытал, когда погасли лампы в лифте.

Ощущение присутствия.

Артур мысленно оформил то, что крутилось в голове все это время, с момента возвращения в здание.

Мирзоян позвонил ему, но это ничего не значит. Он мог нарочно отвлечь, чтобы в темноте дать возможность другим без шума спуститься в подвал по лестнице. Они обесточили лифт, а теперь затаились, дожидаясь удобного момента, чтобы захлопнуть за ним дверь и начать завывать на манер стаи шакалов. Весьма вероятно, столь нетривиальным образом пятый отдел проверяет на чувство юмора всех аспирантов Телешева...

Артур резко шагнул назад, толкнул дверь, осветил в обе стороны. Никого. Он вытащил телефон, уже жалея, что отсоединился, нажал кнопку повтора. Квадратный экранчик жалобно распахнулся, как сиреневый глаз. Связь отсутствовала и со второй, и с

третьей попытки.

Он плюнул и отправился за ключами. Ключи лежали именно там, где он их оставил. Выходило, что он не наврал Мирзояну и что никто не обманывал его. Артур, сам того не ожидая, почувствовал дикое облегчение на грани восторга. Предстояло преодолеть последние шесть метров мокрого пола, забрать связку и простить ребятам «масонское посвящение», а потом, спустя время, вместе похохотать, рассказать о том, как крался с замирающим сердцем...

Коваль уловил посторонний звук, когда оставалось протянуть руку, чтобы подобрать блестящую связку с брелком-медвежонком. Он застыл в нелепой позе, балансируя на одной ноге. Звук доносился из шкафчика номер шесть.

Единственный запертый на замок шкаф находился рядом, но Артур никак не мог разглядеть, висит ли в грубых жестяных петлях замочек. Лампочка фонарика моргнула и засветилась намного слабее, будто луч проходил сквозь плотную полосу дыма. Кроме того, стало заметно теплее, и не на градус-другой, а, как минимум, градусов на десять — Артур изнемогал в шерстяном свитере. У него мелькнула мысль о простуде, о лихорадке, но тут повторилось недолгое шуршание. Относительно природы звука у аспиранта Ковалья сомнений не возникло.

Кто-то разворачивал конфету и громко чавкал.

Артур поводил фонарем, убеждаясь, что почти ослеп. Он не видел больше выцветших портретов политиков, не видел двери, через которую зашел, не видел подтекающего потолка. Затихла потолочная капель и журчание в трубах, не гремели на кольце трамваи. Мир внезапно сузился до сумрачного пузыря двух метров в диаметре. По стенкам пузыря бесновалась жаркая сухая тьма, а в центре, бессмысленно шевеля губами, согнулся он сам. Коваль стянул через голову свитер, закатал рукава рубахи, вытер мокрый лоб. Затем поднес руку вплотную к рефлектору фонарика, перебирая пальцами ключи на широком стальном кольце. Наконец он выбрал нужный и повернулся к светло-голубому узкому шкафчику.

— Ты не простишь себе, если не откроешь, — увещевал внутренний голос. — Ты будешь вечно мучиться, обзывать себя трусом за то, что побоялся сделать всего одно движение...

— Там ничего нет, — упирался внутренний оппонент. — Конфеты могли погрызть мыши...

— Здесь нет мышей, не валяй ваныку, — ехидно захихикал голос. — Без всяких проверок ты знаешь, что здесь нет грызунов. Они не станут гнездиться в затопляемых подвалах. Там внутри, в шкафу, тебя кое-кто ждет. Ты думаешь, забытые ключи — это случайность?

Прекрати себе врать — и сразу станет легче. Он вернул сюда именно тебя, потому что ты не верил...

Замок раскрылся с сухим щелчком, похожим на выстрел. Коваль освободил дужки и медленно потянул дверцу. Руку с фонарем он держал на отлете. Если изнутри все-таки рванет крыса, надо быть наготове.

Внутри стояла пустая миска. Налитое днем молоко испарилось. Подле миски Артур насчитал три обертки от конфет «Коровка». Вязаный носок по-прежнему висел на задней стенке. Ничего ужасного не произошло, но Артура не покидало чувство, что кто-то живой находится совсем близко. Настолько близко, что вот-вот рядом с ухом раздастся чужое дыхание.

В подвале стало жарко, как в предбаннике. Мгновением спустя до будущего исследователя крионики дошло, что теплая струя исходит именно из открытого шкафчика с трафаретной цифрой шесть. Оттуда не просто тянуло теплом, оттуда шпарило, будто из распахнутого зева печки. Сердце стучало, точно близкая канонада, заглушая все остальные звуки. Он так и не сумел внятно себе ответить, на кой черт полез руками в ящик.

Задышавшись от жара, он ощущал стенки изнутри. Ни щелей, ни скрытых дыр. Обертки от конфет, пустая сухая миска и чертовски теплый, почти горячий вязаный носок. Скорее далее

не носок, а чулок. Из таких приличные детки в сказках выуживали рождественские серебряные монетки.

«Проще простого... Спустились сюда после меня, вылили молоко, забрали конфеты, устроили спектакль с привидениями...» Артур стал вспоминать, кто из сотрудников отдела покидал застолье, и тут оно нахлынуло...

12 ПОДВАЛЬНЫЙ

...Оно нахлынуло сразу со всех сторон, заполняя без остатка, повлекло за собой, как коварный водоворот крутит по дну зазевавшегося купальщика. Артур запомнил, что тянулся за шерстяным чулком, а тот вдруг начал стремительно отодвигаться. Артур тянулся, а чулок ускользал, вместе с гвоздиком, на котором висел, вместе с задней стенкой шкафчика. Стенка проваливалась в пустоту, ее нежно-голубой свет затмил вокруг все, куда-то пропала миска, пропал влажный бетон под тонкой резиной кроссовок; вместо настороженной тишины приблизился, стал отчетливо различим мелодичный струнный перебор, и еще какие-то звуки, отдаленные, абсолютно не свойственные городу, но странно знакомые, вызывавшие приторную ностальгическую истому... Скрип колодезного ворота, шелест крыльев, уханье прирученных сов за невидимыми балками невидимого потолка, хриплые старческие шепоты, как будто старухи собрались у постели умирающего, сопение животного и плеск жадно лакаемой, прохладной воды. Что-то живое, жестко-волосатое, но не противное, а почти домашнее, незлобное, коснулось руки и ноги, отступило в сторону. Шепоты и перебор струн приблизились вместе с дымным запахом очага, сушеных растений; огонь оказался так близко, что едва не занялись брови и ресницы, Коваль прынул назад, но ни огня, ни углей он так и не увидел. Вокруг колыхалось дымное, ажурное марево, свет играл, переливался в гранях тысяч горячих тающих сосулек... Чего-то не хватало, малой капли ему не хватало, чтобы увидеть, чтобы навести резкость и охватить картину целиком.

Артур сразу догадался — играли не на гитаре, и не на балалайке, но точно утверждать было нельзя, поскольку невидимый музыкант хоронился за голубой завесой, да еще напевал. Напевал он, как мычал, что-то неуловимо-знакомое, щемяще-грустное, до того грустное, что слезы сами накатывались на глаза, и вытереть их не было никакой возможности... То ли «Камаринскую» замедленно играл, то ли замедленный восточный напев соединял со славянским древним, пьяным перебором. Артур уже плакал, не скрываясь, так светло и так понятно стало все вокруг, и голубые стены его нового дома неумолимо расширялись, рассеивались, обещая вот-вот явить истину, которой ему так не хватало, и загадочный музыкант уже почти нарисовался сквозь пыльное сиреневое марево, он улыбался, он был совсем не страшный, ласковый, понятный, но лица никак не разглядеть, виделись почему-то только смазанные контуры коренастой фигуры, то ли миниатюрной, не крупнее прикроватного ночника, то ли кряжисто-огромной; и два светящихся лимона в вышине... И не лимоны вовсе, а пронзительно-желтые глазные яблоки с вертикальными луковичками зрачков, и узловатые, похожие на ссохшуюся кору пальцы, нервно перебегающие по струнам гуслей. Ритмично опадающие шепоты стали еще ближе, треск костра вливался в оркестр вместе со стрекотом насекомых. Невидимая мелюзга вылетала из ниоткуда, путалась в волосах, скользила твердыми крылышками по лицу. А гусли должны быть деревянными, это Коваль запомнил с детства. Он задержался, пытаясь смахнуть с лица плотный слой того, что по нему ползало, мешало рассмотреть вблизи тревожащий источник струнного пения... Больше всего гусли походили на поганку, на коричневую, перезрелую поганку; по дряблому пластинчатому стволу, в потоках слизи, копошились черви, а посреди корявой шляпки распахнулась черная пасть, поперек которой были распялены сочащиеся розовым жилы — в точности как струны, только без колков. Путаница в размерах так и не прекратилась, но стало ясно, что пасть огромна, туда без труда провалится человек, и музыкальный гриб не подавится, а только обрадуется жирному куску...

Сучковатые пальцы, теряя кусочки коры, легко пробежались по живым оголенным струнам «музыкальной поганки», та вздрогнула, внутри пасти чавкнуло, обдав бражной отрыжкой. Стенки сократились, показав на миг пурпурную сетку сосудов, внутренность как бы настоящего голодного горла, а вовсе не срез крахмальных тканей гриба, а по самому краю, сантиметром ниже натянутых жил-струн, обнажился ряд треугольных зубов. Музыка полетела яростно, призывая вприсядку, призывая разрыдаться на ходу и удариться оземь в молодецкой истоме, призывая наклониться у самого края шляпки, чтобы лучше слышать, чтобы до конца раствориться в исконном, квасном, домотканом, закружиться и завихриться в плясовой...

И в короткий, но оглушительно-замерший миг Артур успел увидеть. Или ему только показалось, что увидел? Туман вспыхнул и погас, льдистые огни отступили, за ними протянулись ряды грубо тесанных, почерневших бревен, с них свисали наискось пучки травы, ожерелья сушеных жаб и еще каких-то омерзительных, бородавчатых созданий, а поверх лимонными площадками тарачились глаза хохлатых сов... На земляном покатом полу бесновались то ли коротышки женского полу, в бурых балахонах, то ли пародии на человека; кружили, подскакивали вокруг бурлящего над очагом котла, а вместо пятипалых конечностей из балахонов торчали древесные узловатые сучки. Чад и пар, пахучий, жирный, плыл слоями над лавкой, длинной, с расписной спинкой, укрытой шкурами. Он выбирался в перекошенное, полуотворенное окно, а за окном, разбавленное оранжевым перламутровым блеском, в салатную чащобу садилось близкое, полыхающее солнце. Всякий цвет казался отмытым в щелочи, подновленным, резал глаз, как бывает в рекламных заставках про новые модели телевизоров. Там что-то происходило, на вкось убегающей лужайке, там почему-то все было кривое, растянутое неправильно, — и лес рос не вверх, а вбок, и жгучее солнце ползло параллельно земле, а та выпукло изгибалась навстречу травяной росистой шерстью, словно дышащий живот. Ни одна линия не тянулась прямо, ни одна перспектива не была завершена, все скручивалось, свивалось, как домик улитки, как подсыхающая береста; даже вонь горячей браги, близкого зверя и запах медового клевера не висела ровно, а кружилась тонкими скрученными слоями... На лавке, развалясь, сидел некто, лицо в тени, отсвечивая вертикальными зрачками, готовился опять тронуть струны гуслей, и под босыми его, коричневыми ступнями валялась грудой скрученная фольга и обертки от конфет «Коровка». Вот он уронил трехпалые, источенные жучком сучья на трепыхающиеся струны, вот нагнулся к самому лицу Ковалю, все ниже и ниже, словно принимавался, словно намеревался лизнуть...

— Голову выше держите, на свежий воздух его!

— Накрыть дайте чем, замерзнет...

— Вот тебе архаровец! Аспирантура, называется...

— Проверили внизу? Огня нигде нет?

— Это ж надо так нажраться! Водопроводчики наши, и то...

...Артур очнулся на кожаном топчане в камерке вахтеров. Его колотило от холода под тонким шерстяным одеялом и двумя ватниками. Свитер, рубашка, майка — сваялись грязным комком возле электрического обогревателя. Почему-то снова было светло, в форточку врывались гудки машин, треск пневматического молотка, болтовня прохожих. Возле топчана собрались комендант, двое вахтеров, незнакомая женщина в белом халате, все с тревожными, выпученными глазами, и... профессор Телешов. Папа вежливо слушал обличающие речи, глядел на Ковалю странно, одним глазом, как петушок, обнаруживший вкусного червячка.

— Я не нажирался... — с трудом разлепил губы Артур. — Я там ключи забыл.

— Ну, в моих услугах он точно не нуждается, — сказала тетка с выпученными глазами, подхватила сумку с красным крестом, засунула туда стетоскоп.

— Зачем меня раздели? — Артур, морщась, натягивал непросохшую рубашку.

Вахтеры переглянулись. Комендант почесал в затылке.

— Ты ж сутки в подвале пролежал... Сам разделся такого красивого и нашли. Еще

чуток — и замерз бы, на фиг, ну... Верно говорят, пьяному море по колено...

— Я не пил!

— Ага. Шефу своему «спасибо» скажи. Если б не он, до понедельника бы не чухнулись...

Красный от стыда, Коваль спустился к черной «Волге». Голова кружилась, во рту ощущался отвратительный привкус браги, хотелось завернуться в теплое одеяло и не шевелиться. Телешов молча завел машину, вклинился в жидкий субботний поток.

— Сигнализация, — сказал он, как будто продолжал давно начатую беседу. — Тебе повезло, что забыли поставить отдел на сигнализацию. Комендант на нас не катит бочку, потому что его подчиненный сам уснул, не проверил. Только утром сменщик на обходе заметил открытую дверь. Меня с дачи вытащили...

— Простите, честное слово, я не был пьян...

— Ерунда, — поморщился Папа. — Я боялся, что воры или пожар. Хорошо, что грузовой лифт был внизу. Мы догадались, что кто-то спустился в подвал! — Профессор взял тоном выше, свирепо надавил на газ. — Тебя же предупреждали. Какого беса ты туда полез?

— Я искал ключи...

— Не притворяйся. Я спрашиваю: какого беса ты полез в шкаф?

Артур горестно вздохнул. Он понятия не имел, что ответить Папе, стоит ли ему рассказывать о своих глупых фантазиях или лучше воздержаться. Он смотрел сбоку на угловатый профиль Телешова, короткие сидящие усы и недоумевал, как человек, которого рвут на части университеты мира, может верить во всякое...

Несомненно, его спас именно Телешов. Зав кафедрой оттащил своего незадачливого аспиранта от шкафчика, захлопнул дверцу и запер замочек, преградив дорогу, перекрыв поток... Как еще обозвать то, что едва не утянуло дурачка за собой?

— Я не помню, как разделся, было жарко. Я там видел... — хрипло начал Артур.

Телешов ударил по тормозам. «Волга» клюнула носом посреди полупустого Каменноостровского моста. Внизу, в свинцовых бурунах Невы, постукивали буксиры, хлопали паруса яхт.

— Мне неинтересно, что тебе в пьяном виде померещилось, — отчеканил профессор. — И никому не интересно. Мне не нужны больше несчастные случаи. Если только услышу, что ты пытаешься кому-то навязать свои бредни, мигом поставлю вопрос об увольнении... Это понятно?

— Понятно, — потерянно откликнулся Коваль, отметив про себя словечко «больше». Несчастные случаи больше не нужны. Значит, они были раньше, но никто не упомянул.

Или никто не знал. Спустился какой-нибудь настырный дурак в подвал и не вернулся. Поискали дома, на даче, у любовниц, заявили в милицию. А спустя неделю понес кто-нибудь из институтских молочко и обнаружил незапертую дверцу. Возможно, подле шкафчика номер шесть валялась одежда, но милиции об этом не сообщали.

«Интересно, как они договариваются, кому нести конфеты? — отвлекся Артур. На шефа он не злился. — Вместе с соседями из третьего корпуса и арендаторами в комплексе работают почти пятьсот человек. Нереально, чтобы все знали — и никто не вынес наружу...»

— Существуют некие суеверия, но они не для всех, — Телешов словно угадал вопрос своего бестолкового пассажира. — Мы же считаем, что нас это касается, поскольку имеем желание чего-то добиться. Кого занимают лишь отсиживаемые до пенсии часы того не касается...

— Я все понял, — сказал Коваль. — Скажите только одно. Вы уверены, что оно... Что он помогает?

— Нет, я не оккультист и не астролог, — резко оборвал Телешов. — Сказки меня занимают ровно в том объеме, в котором требуются моей внучке. Ей полтора года. Но вот что я тебе скажу... До войны в здании размещалась, естественно, совсем другая контора. Тоже НИИ, легкие сплавы, что-то такое, один из первых в этой области. Потом его эвакуировали, затем вернули, сменили вывеску. Если интересно — архивы открыты, все

данные можно поднять... — Телешов замолчал, потрогал усы.

— И что? — затаил дыхание Коваль.

— Ничего особенного. Если не считать особенным отсутствие репрессий. Их будто стороной обошло, две кафедры. Великих открытий ребята не сделали, но на редкость удачные судьбы... Затем сплавы убрали, вместо них Никита из Москвы перебросил почвенников, те десять лет продержались и слились со своей Академией. Затем поместили там одну из закрытых лавок Средмаша. Тоже любопытно, хотя данные эти выкопать непросто. Шестнадцать человек из их конторы дотянули до девяностолетних юбилеев, трое — до ста. Что любопытно — все бывшие фронтовики, после ранений и контузий. Это мне сын... Неважно чей, короче, сын известного человека рассказал, после того, как мы эту площадку получили. А их свернули, ничего не поделаешь, деньги тогда у родного государства кончились, в девяносто втором. Мы-то за счет французских и германских грантов продержались, а им никто не помог...

— Я понял, — понурился Коваль.

— Ты не понял! — оборвал Телешов. Он повернулся и смотрел аспиранту прямо в глаза, не обращая внимания на объезжающие их машины. — Это все чушь, насчет грантов, немецкие деньги до нас даже не дошли, а французы помогли только оборудованием. И полгода мы без зарплаты сидели, пока меня этот... сын академика не повстречал. Он подсказал мне арендовать подвал целиком, чтобы чужие носа не совали. Развалиться кафедра могла, к чертовой матери, понимаешь?! Но не развалилась. То забудут нас от линии отключить. Три корпуса сидят без света, на картотеке в Ленэнерго, а нам — хоть бы хны, палим энергию. То японцы, непонятно с какой радости, сами нашли и денег дали, взамен на право стажировки. После администрация района подкинула, комсомольцы бывшие... Ты любопытный, это прекрасно. Я так почему-то и думал, что сунешь нос. Но никак не ожидал, что сразу, в этот же вечер. Только любопытство, пожалуйста, обрати на главную тему отдела. Были до тебя... А, все равно ведь начнешь к ребятам приставать! Работала тут одна... исследовательница, к счастью, не из моих студенток. Приезжая девочка, из универа, почти случайно у нас оказалась. Все успокоиться не могла, вроде тебя. Как же так, глубокий анабиоз — и сельские домовые, непорядок. Девчонок не послушалась, пыталась в институт журналистов проташить, потом знахарей каких-то с рамками, с иконами... — Профессор изобразил крайнюю степень отвращения.

— И что она? Замерзла? — наугад ляпнул Коваль.

— Откуда мне знать? — с деланным равнодушием отозвался Телешов. — Пропала. Однажды в понедельник не вышла на работу. Искали. Не нашли.

— А шкафчик в понедельник оказался открыт?..

— Не стоит приписывать нам чернокнижных извращений, — отмахнулся профессор. — В подвал вообще спустились недели через две после ее исчезновения. Мне насчет замка никто не докладывал. Но милиция там была, и даже криминалисты, если так интересно... И ты меня очень разочаруешь, если предложишь там что-нибудь исследовать. Появлялись, Коваль, и до тебя «великие» исследователи, гнали волну, а в результате — пшик. И всегда будет пшик, хоть ты там весь первый канал телевидения посели...

Вот теперь Артура проняло. Они верили, они все верили, и крупные удачи относили на счет шкафчика номер шесть. Посему не пятьсот человек, а крайне ограниченный коллектив был посвящен. Может быть, вообще только их отдел. Артур решил не спрашивать...

— Простите, я не хотел навредить...

— Не навредил. На самом деле я за тебя рад... Все, не будем об этом! В понедельник прибывают трое наших коллег из Германии и оборудование. В восемь утра жду в рабочей одежде во дворе, будем разгружать капсулу. Где тебя посадить?

— Здесь. Я, пожалуй, пройду, — сказал Коваль и покинул автомобиль на середине моста.

Все закончилось.

В понедельник Артур закрутился и забегался, вместе с ребятами кантовал тяжеленную

анабиозную капсулу, устал, как раб на галере. Он убедился, что Папа никому ничего не рассказал, и обрадовался. С каждым днем яркие, будоражащие кровь воспоминания сглаживались, теряли очертания, как дурной утренний сон, отступающий под натиском солнца. После сверхуспешной защиты, после первых совместных с Телешовым публикаций, после того как дворняга Редиска успешно выдержала двухмесячный сон в жидком азоте и ее кровь не превратилась в мелкие кристаллы, происшествие с ключами ему самому стало казаться последствием неумеренного возлияния.

А спустя полгода к нему, как бы невзначай, подошел Денисов и попросил купить то, что полагается. Артур даже не стал переспрашивать, он купил конфет и топленого молока, а потом они вместе спустились вниз. Там было сыро, скучно и пусто. Артур совершенно не нервничал, они покурили на перевернутой скамейке, даже не прекратив обсуждать диссертацию Мирзояна.

Хотя ее можно было и не обсуждать. Про сотрудников пятого отдела в институте ходили удивительные и завистливые слухи. Половина кандидатских у них сразу тянули на докторские, зимой никто не поддавался эпидемиям, и даже разводов не наблюдалось, А в остальном — такие же пахари, застревавшие в лабораториях сутками, суеверные по мелочам, фанатики своих направлений. Поздравляя подчиненных с Новым годом, профессор Телешов не забывал поднимать тост за полезные суеверия.

И никто ему не возражал.

13 РАБ ЛАМПЫ

Воспоминания об институтском подвале настолько резко обожгли его, что несколько секунд Артур ничего не соображал. Ощущения получались слишком схожие.

Ощущения перехода в иное состояние, не свойственное человеческой физиологии. Как будто приходилось осваивать жабры. И страшно, и невероятно интересно, но главное, что все равно понимаешь, — никогда не станешь тут, в глубине, своим. Слабым ручонкам без лап не придать неуклюжему телу нужный темп, слабые легкие нуждаются в частом отдыхе, слабые зубы неспособны рвать чешую и кости. Красиво, завораживающе, а не для нас... Воздух походил на скомканную газету, которой мыли окна. При каждом вздохе Артуру нестерпимо хотелось отряхнуть с лица мокрые крошки, он уже в третий раз дотрагивался ладонью, но натыкался лишь на собственную влажную щетину.

Дышалось тяжело, но вкусно, что-то цветочное... Человек осваивал новый размер. Плоский мир развернулся, объемный мир свернулся в невидимый плоский лист. Мучительно хотелось кричать, резко двигаться, отгоняя наваждение.

Несколько секунд Коваль сдерживал дыхание, опасаясь нападения в темноте, переводя себя в боевой режим. Никто не нападал — здесь было совершенно пусто, пусто многие сотни лет. В застоявшемся воздухе не ощущалось тонких вибраций, присущих человеку или другим теплокровным. Здесь происходило что-то странное с самим пространством; оно колыбалось вокруг сотнями бельевых веревок с простынями, мешая разглядеть перспективу.

...Он спускался на тросе, привязанный под мышками. Да, точно, спускался... Потом, кажется, он повис свободно, в плотной, маслянистой темноте, окутанный сложным ароматом левкоев, дыни, сухого дерева и жженой карамели. Запахи навалились резко, внезапно, точно разбойники из засады. Он вращался вокруг собственной оси, потеряв ориентацию, как червяк, ожидающий участи на крючке рыболова. Далеко-далеко в зените подмигивало окошко в форме коротконого человека, далеко-далеко внизу луч света из скважины ломался, дробился бесконечно, отражаясь от слоисто-охряного, блестящего...

Потом он окончательно запутался, где верх, а где низ, лево и право, и никакие навыки лесного ориентирования не помогали, убийственно-свежие ароматы дыни и левкоя запутывали, манили, усыпляли. Он махал конечностями, словно завязнув в киселе, на пределе слышимости различая низкое, раскатистое мычание, и, только приземлившись на

что-то твердое, обжигающе-холодное, понял, что это было не мычание, а беспокойные, до предела замедленные, крики его товарищей.

Коваль вспомнил. Что-то подобное происходило с ним, кажется, во Франции или в Оренбургских степях. Возле Вечных пожарищ приходилось сталкиваться с временными перепадами, с локальным замедлением, но там это длилось крайне недолго...

Хха-ахх...

Как будто над ухом вздохнула гигантская змея. Артур еле сдержался, чтобы не броситься ничком вниз, просто еще не вполне сознавал, где верх, где низ, и от кого надо прятаться. Раздался второй вздох, стало заметно светлее, и Коваль увидел...

Больше всего оно походило на бабочку.

На громадную, распластанную по бронзовому зеркалу, бабочку. Крылья словно сотканые из плотной, Многослойной паутины, сквозь которую просвечивали ветки сосудов и сгустки синеватых мышц. По краям крылья поросли бахромой, бахрома еле заметно шевелилась, напоминая трепет сонных ресниц или хищное покачивание плотоядных водорослей...

Ххаа-аахх...

Снова вздох, как ответ всем скорбящим. Он не мог оторвать взгляда от пальцев бабочки. Пальцы, почти человеческие, но это издалека. Длинные, не меньше полуметра каждый, гибкие пальцы с загнутыми крючком когтями, темно-коричневого цвета, по четыре на каждой крыло-руке. Подобия узких ладоней, вырастающих из верхних половинок крыльев...

Прибитые к зеркальной бронзе черными гвоздями. Распятие!

Распятие насекомое, которое не насекомое вовсе и которое никак не может быть разумным, потому, что оно вовсе не похоже на человека, а еще потому, что распятие — это забава совершенно человеческая, и потому еще, что все это морок — и воздух вкуса мокрой газеты, и стоны, и плавание в невесомости... А плавание, надо заметить, не из приятных; Коваль уже долгое время ощущал позывы к рвоте и прилив крови к голове.

Ххха-ахх...

Артуру мучительно хотелось проморгаться, протереть глаза; словно невесомая дымка мешала увидеть все четко. Никак не удавалось точно определить размеры «объекта» и расстояние до него, а голова «бабочки» все время оставалась в тени, хотя тени падать было неоткуда. Секунду назад казалось, что достаточно протянуть руку, и можно коснуться трепещущей бахромы, и тут же тонкое страдающее тело уплывало в высоту. Гвозди, припилившие хрупкое создание к зеркальной поверхности, могли быть толщиной с руку и, равным образом, оказаться не крупнее булавки.

Туловище «бабочки», на фоне мощных крыльев, поражало худобой, незавершенностью, переливчатой раскраской. Лохматое, заостренное книзу, как брюшко осы, и тут же две пары серых, прижатых, мускулистых ног, с почти человеческими ступнями...

Нет, не человеческими, а скорее обезьяньими, с такими же невообразимо длинными, гибкими пальцами!

Артур изо всех сил напряг зрение. Голые серокожие ноги летучего страдальца не висели безвольно вдоль тела, они были туго прикручены веревкой или проволокой. Настолько туго, что проволока проникла в глубь кожи, в глубь мохнатого брюшка, стала одним целым с истерзанным организмом, обросла мешком жировой ткани...

И вдруг картинка исчезла. Стало темно, а затем словно кто-то выключил невесомость...

Боль, дикая, непереносимая боль резанула Артура, прошла ржавым скальпелем по нервам. Он схватился за затылок, там раздувался могучий синяк, вдобавок появилась кровоточащая ссадина. Некоторое время Коваль тупо разглядывал кровь на ладони, не в силах припомнить, когда же успел стукнуться.

Очевидно, он рухнул на твердую, очень гладкую поверхность, чудом не разбив лицо. В последний миг инстинкты не подвели, Артур сгруппировался, поджал подбородок к груди,

сразу перекатился на колени, больно ударившись, успев удивиться, что не контролирует тело. Теперь он отчетливо вспомнил, как спускался на тросе вниз, и очень скоро ему стало казаться, что это вовсе не спуск, а подъем, но трос продолжал разматываться, а ноги не встречали опоры...

В висках стучало, рот заполнился кислым, как будто только что вырвали зуб. Он обнаружил, что лежит, скорчившись, в позе эмбриона, на широком пологом карнизе из очень твердого материала. Из того же материала были сделаны стены и потолок, хотя Артур точно не смог бы определить, где начинается потолок и где кончаются стены. Он лязгал зубами, от холода сводило конечности, словно угодил в нутро громадного холодильника. Трос с застегжками исчез, исчез длинный нож, висевший раньше на поясе; вероятно, он соскользнул вниз, за край карниза...

Совсем близко, над ухом, снова раздался протяжный вздох. Человеческое существо так вздохнуть бы не сумело: Артуру показалось, что воздух застыл у него в гортани.

Про распятую бабочку он забыл, видение пронеслось, как скоротечный кошмар. Он обернулся, пересиливая ломоту в мышцах, недоумевая, куда подевался трос, а потом увидел веревку прямо перед собой, на уровне груди, с отвязанными лямками и расстегнутыми карабинами. Веревка парила, слегка покачиваясь в сметанообразной, цветочно-фруктовой атмосфере, но уплывала не вертикально вверх, как следовало бы ожидать, а строго горизонтально, параллельно невидимому в полумраке полу...

Пол еще долго оставался неясным, как и все помещение целиком. Артур с трудом ворочал шеей, глазами. Казалось, что целый день до этого тренировал глазные мышцы. Он пытался составить хотя бы общее впечатление о месте, куда угодил через замочную скважину, но впечатления сводились к простому, и оттого особенно пугающему, открытию...

Лампа.

Внутренности лампы, архаичного светильника, к великому счастью, свободного от горючих материалов. Вокруг, то есть везде: слева, справа, снизу, до самой фитильной заглушки, терявшейся в обрывках розоватого тумана, — внутренности расширялись, будто невидимые рабочие раскатывали драпировки, окружавшие сцену. Крайне необычное ощущение, когда вокруг тебя, во всех направлениях, распадаются, удаляются горизонты. Причем ощущения не только и не столько зрительные. Вселенная внутри плоских Малахитовых врат стала больше вселенной, расположенной снаружи. Коваль представил себе вывернутую черную дыру, на обратной стороне горловины которой крошечной былинкой примостилась Солнечная система.

Артур готовил себя к чему-то подобному, поэтому сдержал крик. Он представил себе, с каким ужасом сталкивались пленники Карамаза, насильно брошенные в чрево «рога изобилия». Как пить дать, они моментом забывали все инструкции и угрозы, превращаясь в комки трясущейся плоти. Как могла реагировать на стремления таких комочков сверхсистема? Разве мог суперкомпьютер воспринять их в качестве ключей?

Лампа величиной с футбольный стадион. Именно такая, сплюснутая, как на картинах, мутная, позеленевшая, с длинным носиком. Темнота таяла, точно под напором восходящего солнца отступали утренние сумерки, и Артур все отчетливее различал искривленный канал носика, похожий по размерам на спаренный тоннель метро... С другой стороны, вместо гладких бронзовых стен уступами взбегали нелепые, словно из прессованного песка сбитые, постройки, похожие одновременно на термитники и на индейские чумы.

Город...

Такие города могли бы строить египтяне времен первых династий, а до них — шумеры, а еще за двадцать тысяч лет — поджаренные солнцем бушмены подле водопада Виктория. Такие глиняные горловины, зализанные узкие тыквы с дырой в крыше, примитивные и необъяснимо совершенные в своем примитивизме. Между песочными жилищами не замечалось шевеления, кривые улочки освещались все сильнее, хотя солнце и не думало появляться. Свет прибывал из колоссального носика лампы, отражаясь от сияющих,

вылизанных стен, барахтался мягко, котенком терся о кривые ступени мертвого городка, заглядывал в бойницы окон, похожие на пересохшие рты... Лампа, мать твою, повторил президент. Коваль сделал шаг, не видя при этом своих щиколоток; серая мгла колыхалась под ногами, как табачный дым. Он с ужасом убедился, что не решается сделать еще один шаг. Чувство равновесия окончательно изменило бывшему Клинку; рассерженный таким поворотом дел, он не сдержался и отчаянно ломанулся вперед. В следующий миг низ и верх снова резко поменялись местами, Артур сгруппировался, готовясь перевернуться в воздухе, как кошка, но опоздал самую капельку...

И снова, до молний на сетчатке, ударился затылком о замерзший то ли камень, то ли металл. А когда открыл глаза, глинобитный город висел над головой, окружал миллионами одинаковых кувшинообразных строений. Резко усилились цвета, очертились переходы, тона потеряли мягкость. Желтовато-бурые склоны, тропинки и площади убегали вверх, в дымчатый сумрак, там изгибались, замыкая тускло блестящий потолок, а может, и не потолок вовсе... Песочный городок разросся, вытянулся параболой, изгибаясь куда-то вверх и в стороны. Вместо двух-трех корявых переулков кварталы огибали теперь широкие улицы, мощенные белым камнем, вдали поднялись двух — и далее трехэтажные дома, впрочем, такие же, бутылкообразные... Артур теперь находился на самом дне, на доньшке лампы, и сколько ни силился, не мог рассмотреть в заоблачной дали замочную скважину...

Мир лампы обретал очертания, строился, громоздил сказочные конструкции, обрастал плотью поверх эфемерных иллюзий. Пахло пряностями, а еще чем-то горячим, сладким, щекотало в носу. Почему-то вспомнился дешевый китайский кабачок и бананы, жаренные в карамели. Коваль пытался проследить взглядом за убегающим пределом, пытался поймать место, где же город кончается, где последние смешные строения упираются в вогнутую границу «сезама», но зрение насмехалось, подкидывая очередной мираж...

Над бесконечным городом, над ватной тишиной, обратив к человеку внимательные фасеточные глаза, опять повисла распятая бабочка.

— Ххахх... — вздохнул призрак.

Совсем недавно Артур засмеялся бы в лицо тому, кто осмелился бы утверждать, что на земле существуют животные такого размера. И уж тем более — насекомые. Но сейчас смеяться ему вовсе не хотелось. Существо высотой с пятиэтажный дом не относилось ни к одному отряду насекомых. По строению тела ближе всего оно стояло к человеку.

Или человек стоял ближе к бабочке...

Падший ангел, пронеслось молнией, и, сразу же, распахнулась в мозгу новая вселенная. Искры хлынули наружу, река искр золотых затопила мозг, горячая, Удивленная река. — Ппаатший... анкелл... — повторило искалеченное создание, и шипящее эхо заметалось в бронзовом мире, усиливаясь, превращаясь в громыхание водопада, в рев селевого потока, — и стихло...

Артур кое-как уселся, потирая ушибы. Он удивился, что почти не вспоминает о соратниках, оставшихся наверху. По идее, они давно должны были спуститься за ним. Скорее всего — все они нанюхались наркотика...

Дальше мысли его оборвались, точно кто-то нажал выключатель. Поток искр заполнил каждый уголок мозга, затем искры сгустились, оформляясь в неясные пока образы. Эти образы мчались все быстрее, создавались и разрушались сложные конструкции, похожие на памятники, на воздушные танцы, на акробатические этюды неведомых существ...

Распятое существо снова тяжело вздохнуло.

Оно сканировало мозг человека, отбирало доступные для него категории, объемы и скорости передачи данных. Ежесекундно оно запрашивало человека, хочется ли ему произвести обмен, и, получив положительный ответ, закачивало ему в свободные участки мозга гигабайты данных. Падший ангел, повторял про себя Артур, чувствуя, как дыбом встают все волосы на теле. Ему вдруг жутко, до слез, до дрожи, захотелось упасть на колени. Наверное, примерно так ощущали себя первобытные люди, впервые встретившие джинов.

Он уже не думал о своих спутниках, потому что впервые рассмотрел «лицо» распятого

создания. До сего момента верхняя часть «бабочки» пряталась в тени, теперь словно растворилась белесая пелена. Над песчаным городом, над стерильными, словно вылизанными улицами, к нависающей стене лампы было приковано разумное существо.

Высокий лоб с залысинами, тянущимися до самого темени, серая морщинистая кожа, лишенная солнечного света, узкие скулы, рот, больше похожий на короткое рыльце, хоботок, и вместо носа — две впадины, закрытые мембранами.

«Бабочка» приоткрыла громадные глаза. Она продолжала перегонять человеку, упавшему на колени, неслыханные для его мозга объемы информации. Вероятно, для распятого на бронзовой стене существа эти массивы были лишь крохотной толикой знаний, коротким приветствием, молниеносной шуткой, но у человека чуть не взорвалась голова.

Артур схватился за виски, чувствуя, как, один за другим, в глазах лопаются мелкие сосуды. Образы, рожденные мозгом Летучего, неслись все ускоряющимся потоком, с трудом проникая в окостеневшие, недоразвитые каналы человеческого восприятия. Там было все...

...Колючие мешковидные животные, неторопливо ползущие по крутым горным серпантинам.

...Сотни и тысячи мускулистых волосатых, с недоразвитыми маховыми крыльями, но с мощными верхними конечностями, роятся, перетаскивают камни, делая длинные прыжки через пропасть. За одну лишь ночь взлетают над островом ажурные башни, соединенные гнутыми мостиками, вырастают дворцы, пронизанные музыкой внутренних дворики, колонн и аркад...

...Яркие, отражающие лунный свет города, грозди шаров, неторопливо плывущие над черной водой, стада оживленных дельфинов, щебечущих с детьми, прилетевшими отдохнуть у воды. Морские разумные и воздушные разумные, такие разные и дружелюбные. Впрочем, дельфины не совсем похожи на дельфинов, к каким привык Артур.

...Взмахи крыльев над исполинскими сотами, до-Верху заполненными янтарным медом.

...Миллионы братьев, разгоняющих тьму трепетом светящихся глаз, ожидающих плодородного Отца...

...Стога соломы, тысячи стожков, и между ними по колючим, скошенным травам, разбегаются неловкие фигурки людей. Бегут в разные стороны, падают ниц, а крылатая тень бабочки проносится на бреющем полете, цепляя вихрем косы женщин...

...Стройные дымы курильниц, пестрые ковры, и снова тысячелицые толпы припадают ниц к холодным ступеням, преклоняясь перед могуществом тех, кого они сами нарекли божественными именами...

...Холод и ветер, пронизывающий звон ледяных торосов, неумолимо ползущих с севера, черные воронки буранов, высасывающих последние силы...

...Голодные годы, пустые ячейки сот, паутина обвисших крыльев, жалобные крики братьев, погибающих под копытами мохнатых дикарей...

...Боль, боль отовсюду, поскольку не заслониться от чужих мыслей, не спрятаться от чужих открытых сознаний и жестокости. Нелепо звать к милосердию тех, кого вчера топтали, кого плодородный Отец лишил слуха и зрения... Тысячи сверхпрочных пузырей, на стапелях лихорадочно собираются космические грозди. Вереницы выючных животных, утопая в снегу, тащат на погрузку тюки с продовольствием. Вокруг заградительных тепловых полей бродят толпы замерзающих дикарей в шкурах, грызутся из-за трупов павших грузовиков, на коленях просят объедков...

...Зеленоватый пульсирующий свет в корабельных инкубаторах, колонии питающих бактерий, похожие на могучие трехмерные деревья, миллионы километров энергетической паутины, ритмичные вздохи хлорофиллового сердца. Бригады ремонтных жуков на кольцах Сатурна, монтирующих первые неземные врата. Не совсем такие, как в греческих скалах, — серые, овальные лепестки. И все же это врата, только без скважины, вспомогательный модуль, запасная калитка. Компьютер запущен, две грозди намертво прикрепилась к астероиду, теперь они будут ждать, пока основные силы экспедиции достигнут следующей

планеты, тогда можно будет перейти сквозь портал легко и быстро, не тратя времени на перелет. Циклопическая биостанция выдает первые гигаватты энергии, собранные с полюсов, бабочки прощаются...

Артур обрел способность думать.

Разумная раса, упоминавшаяся в древних арабских хрониках, про нее сложено столько сказок... Или дети олимпийских богов, о которых поведали греки? Или это одни и те же существа, погибшие во времена потопа? Ведь погибли не все, и Библия донесла до нас искаженную память о горемычных одиночках, якобы сброшенных с неба владыкой...

Коваль осторожно ступил на улочку глиняного города. Стоило ему отвести взгляд, как бабочка пропала, изображение растаяло молниеносно. Теперь повсюду человека окружали жерла «термитников» и зализанные овалы дверей. Посвисты ветра и сполохи зеленого сияния. Ароматы левкоя и дыни.

Что там внутри?

Страшно толкнуть дверь в неведомое, когда не можешь угадать, что тебя ждет за ней. Закрытые двери не ассоциируются с чем-то ласковым и пушистым. Но здесь дверей не было. Только дверные проемы, гуталиново-черные, непрозрачные, хотя в доме-вигваме еще и окошки. До того мрачно внутри, что кажется: сунь пальцы — засосет...

Артуру почудилось, что стоит ему притронуться к стене ближайшего дома, как окружающее обернется миражом и рухнет. Он дотронется — и тут же узкие глиняные вигвамы осыплются мириадами песчинок пылевым вихрем, а он очнется полуживой, с переломанными костями, в черной ледяной пустоте, на дне ущелья, куда так глупо позволил себя заманить...

Артур дотронулся до стены. Она была теплая и слегка вибрировала, как вибрировало бы индейское жилище при приближении стада буйволов. Глиняный город никуда не делся, темное жерло входа манило к себе все сильнее.

Артур нагнулся, приносясь и... Нет, он не вошел внутрь, только заглянул, но этого оказалось достаточно, чтобы вселенная брызнула в глаза, как опрокинутая банка с акварелью...

14 БРОНЕПОЕЗД

— Овса, восемьдесят пудов?..

— Есть овес, восемьдесят!

— Корова вяленая, полутушами, семьдесят две?

— Есть семьдесят две!..

— Сухарей, пятьдесят мешков?

— Есть сухари!

...Куда он провалился? В будущее или в прошлое? Черт подери, он провалился в... собственное будущее. Главное — не паниковать.

Только не паниковать, хотя очень хочется заорать. Надо принять как данность — джинны выполняют желания. Куда он хотел попасть больше всего.

Последнее время он только и мечтал о походе на восток страны, о новом завоевании Сибири, о реализации, черт подери, столыпинских планов. И вот, домечтался.

В шаге от него сидел в кресле точно такой же президент Коваль. Такой же, но кое-какие отличия мгновенно бросились Артуру в глаза. У того Ковалья, который важно спрыгнул в скважину Малахитовых врат, никогда не было синих штанов и синего мундира.

Это что-то новенькое, действительно новенькое. Коваль в синем выглядел не то чтобы старше, но чуть толще и был...

Он никогда так коротко не стригся!

Стриженный Коваль поднялся и прошел насквозь, через Артура, не задев его и не заметив. Дело происходило в вагоне, очень богато отделанном, но раньше, него такого

вагона не было. Очевидно, это и есть будущий бронированный состав, сборку которого заказали уральским металлургам! Белый тигр, развалившийся на ковре, сосредоточенно вылизывал лапу и тоже не замечал появления призрака. А за окнами вагона всюду шла погрузка...

Артур как будто висел в очень плотном коконе или в пузыре. Пузырь позволял с натугой дышать, и слабая Цветочная отдушка, ставшая уже привычной в громадной бронзовой лампе, не давала забыть, где явь, а где...

Смотря что считать явью, поправил он себя. Если судить по реакции тигра и человека, призраком был как раз он, незванный гость из прошлого... Впрочем, просто так ничего не происходит. Артур попытался вытянуть вперед руку и убедился, что кокон вокруг его неясно обрисованного, словно штрихами намеченного, тела, Весьма гибок и подвижен. Одно небольшое усилие, и...

Он вовремя отдернул руку. В пальцах закололи мелкие горячие иголки. Еще немного, и он бы прорвал кокон. И что тогда? Заменял бы собой Ковалья-старшего из будущего? А куда девать прошлое, куда девать разрыв?

Коваль-будущий пронесся снова неподалеку, разглядывая какие-то бумаги. Артур подумал и решил отпустить себя. Расслабиться полностью и впитать это будущее. Неизвестно, чем кончится экскурсия, но второго такого случая может не представиться... Дальше он только наблюдал. ...Погрузка в эшелон шла вторые сутки, то при ярком свете факелов, то под невеселым питерским солнышком, пробивавшимся сквозь весеннюю морось.

Коваль выглянул в щель между занавесок, невольно поежился. В потоках дождя фигурки грузчиков расплывались, пламя в масляных фонарях боролось с сыростью, из труб соседних вагонов струились дымки, дергались в небо и тут же, словно хвосты испугавшихся щенков, пригибались к земле. Аркады вокзала скупо освещались электрическими прожекторами, стационарных светильников пока не установили, слабые лучи дробились, задыхались в потоках ледяной воды. В ноздри бил запах креозота, квашеной капусты и керосиновых фонарей.

Мокрый, неприветливый март провожал эшелон. Из Петербурга отправляли три состава. Первым должен был стартовать бронепоезд, грузившийся сейчас на соседнем пути. Там тоже бурлила работа, двери вагонов стояли нараспашку, непрерывной чередой, словно муравьи, тянулись внутрь грузчики с поклажей. Два паровика, между ними восемь пассажирских вагонов для солдат и десять грузовых, обшитых броней. Там часть боеприпасов, тяжелое вооружение, дорожная техника. На передних платформах уложили рельсы, шпалы и щебенку, на крышах — тяжелые пулеметы, зенитки и четыре ракетных комплекса. Но самыми первыми, впереди паровозов, покатятся два рельсоукладчика, ведь никому не известно, что произошло с путями за Уралом...

— Топоры германские, длинные... Четырнадцать ящиков.

— В шестой вагон давай, к инструментам!

— Горох сушеный, четырехпудовые мешки, эти куда?

— Это, напротив, в другой состав жратву...

— Вода чистая, бочки по сто литров, plombированные — шестьсот двадцать...

— Ни хрена себе, ваше благородие, куды столько?

— Усачев, ядрить твою, болтай меньше! Вижу шестьсот двадцать, отсюда начинай затаскивать...

Это был неприкосновенный запас. С одним маленьким «но». НЗ рассчитывался только на военных и спецов. Гражданские переселенцы должны будут выкручиваться своими силами. Артуру эта ситуация живо напомнила брошюры с его институтской военной кафедры, где много было написано о спасении армии, но почти ничего о мирных жителях. Как-то само собой подразумевалось, что убыль гражданского населения предотвращать неразумно, и попросту глупо.

...Покачиваясь в невидимом пузыре, Артур, в который раз, с горечью убеждался, что брошюры военной кафедры написаны на века. При всем желании он не мог обеспечить

безопасность будущим жителям Иркутска, Читы и Хабаровска. Почему-то при решении государственных задач безопасность сама собой отодвигалась в дальний угол...

— Мед гречишный, тридцать три бочонка...

— Вижу тридцать три!

— Сукно шинельное, вязанками...

— Погодь, куды прешь! В этот вагон только еду сказано!

«Идиотский, неразрешимый парадокс, — размышлял президент, вдыхая ставший уже тошнотворным дынный аромат. — Мы строим благополучие для народа, чиним дома, мостим дороги, отодвигаем пожарища, требуем у соседей прежних границ... Все для народа, а когда заходит речь о безопасности сотни детей, мы даже не можем обеспечить их водой...»

Строго говоря, на родине, в Питере, будущие переселенцы симпатий у президента не вызывали. Несколько сотен дезертиров, отщепенцев и бунтарей всех мастей, которым было предложено вместо срока на каменоломнях и на ремонте метро собрать манатки и отправляться осваивать Сибирь. Единственным условием для всех согласившихся ставилось наличие семьи. Новые документы, наделы и помощь в становлении получали лишь те, с кем соглашались уехать жены.

У Коваля не возникало сомнений, что сибирские и дальневосточные города заселены. Периодически Качальщики приносили вести о драках тамошнего населения с китайцами, с расплодившимися лесными племенами, а иногда доходили совсем уж забавные и дикие слухи об учреждении республик, ханств и мини-царств. Впрочем, эти царства и республики распадались с той же скоростью, с которой провозглашались. В уральские города, давно подчиненные питерской власти, периодически добирались искатели лучшей доли из Забайкалья, и даже с берегов Тихого океана. Некоторые из них еще помнили о славных деньках, когда существовал пакт вольных поселений, и московские караваны президента Ивана добрались до алтайских хребтов.

«Славные деньки!.. Да уж, конечно, для лоботрясов и самостийных князьков! — Артур невольно скрипнул зубами, сам удивляясь внезапно проснувшемуся раздражению. — Как вбить им в тупые головы, сколько еще нужно их повесить и сослать, чтобы на постах оказались те, кто не считает времена развала страны славными деньками...»

Тут его праздные размышления грубо прервали. В президентском люксе появились новые лица. Тигр Лапочка заворчал, чуя посторонних, отвлекая хозяина от документов. В тамбуре охрана обыскивала посыльного из Эрмитажа.

— К господину президенту просятся двое... — Офицер шелкнул каблуками. С его плаща ручьем текла вода. — Там, у вокзала, в карете такси... Ненашенские, косоглазые, казахи чи китайцы...

Личный секретарь президента, Мишка Рубенс, привычно придал своей физиономии выражение недоумевающее, и одновременно свирепое, что означало крайнюю степень возмущения перед невоспитанным поведением курьерской службы.

— Господин советник, жетон у них, жетон Тайного трибунала показали... — забормотал курьер.

— Миша, прочитай, — скомандовал старший Коваль. Он терпеливо ждал, пока конверт вскроют, бумагу дадут понюхать натасканному на яды голубому псу. Герр Борк, с недавних пор возглавляющий Службу безопасности президента, старался невероятно, доводя порой идею безопасности до абсурда. Но президент терпел и к любым, самым фантастическим заскокам старого рубаки Борка относился с полной серьезностью. Так, например, после того как под полом этого самого вагона, переоборудованного уральскими умельцами, была найдена дурацкая заячья шкурка, немец чуть не придушил ответственных, заставил взломать все полы и панели в президентском кабинете, «кают-компаниях» и связном вагонах, а в Петербурге посадил, в буквальном смысле слова на рельсы, под грузящийся состав, своих испытанных следопытов с болотными котами...

А когда Артур позволил себе усомниться в опасных свойствах упомянутой заячьей шкуры, которую он даже не видел, поскольку ее увезли вездесущие Качальщики, пивовар

насупился, покачал головой и сказал только одно: «Береги вас ваш бог, герр президент...»

...Едва Коваль-старший взял в руки жетон Тайного трибунала, как отпала надобность читать послание. Он помнил этот номер, потому что сам вручал жетон.

— Проводите этих людей сюда, немедленно. Миша, завари зеленый чай и скажи, чтобы пирожков разогрели...

...Теперь Артур-младший знал, отчего ему было так тревожно. Ему далее полегче стало; это то самое, тысячи раз описанное чувство, которое одни называют интуицией, другие — присутствием ангела-спасителя, а третьи, например опытные Хранители, абсолютно уверены, что предвидение можно развить тренировками. Еще на эсминце, тренируя красных червей, он предчувствовал встречу с китайскими братьями...

...Они прошествовали к вагону в окружении квадратных, увешанных оружием гвардейцев, — низенькие старички с головами, закутанными в синие шерстяные накидки. Опытный глаз сразу различал взрывную силу, таящуюся в них. Они поднялись в вагон, и оба президентских тигра-альбиноса улеглись на полу кверху брюхом, на глазах изумленной охраны.

Старички прошли в гостиное купе, скинули накидки, остались в синих монашеских балахонах, деревянных сандалиях на боссу ногу и оказались совсем не старыми. Один потолще, круглый, как солнышко, потрепал по пузу развалившегося тигра, поцокал языком, оценивая Ван Дейка и Айвазовского; второй, тонкий, гибкий, плосколицый, с отсутствующим передним зубом, и китайским иероглифом на щеке, улыбнулся президенту.

— Рад видеть тебя, почтенный Вонг!

Тут Мишка Рубенс, заблаговременно вытолкавший охранников, сам чуть не упал в обморок, потому что президент сделал удивительную и ужасную вещь. Он встал перед китайцами на одно колено и поклонился, делая вид, что целует полу одежды.

— Я тоже рад тебе, послушник! — Настоятель храма Девяти сердец распахнул объятия.

Секретарь и по совместительству младший советник Рубенс попятился и, от греха подальше, чтобы окончательно не сойти с ума, побежал на кухню за пирожками.

Монахи с неподдельным интересом разглядывали парчовые занавески, оттоманки из императорских мебельных гарнитуров, обтянутые голубым бархатом, зеркала в пышных рамах с вензелями семьи Романовых, изящные фарфоровые статуэтки, которые собрала в салоне супруга Ковалья.

— Ты проделал огромный путь, настоятель! — Коваль выглянул в окно, будто хотел убедиться, что китайцев всего двое.

На перроне двумя шеренгами выстроились гвардейцы, никто больше не пытался подняться в вагон.

Настоятелей было двое, и слава Всевышнему, потому что появление четверых означало для провинившегося послушника смерть...

Об этом не стоило далее вспоминать, учитывая полную бесполезность охраны. Китайские монахи продемонстрировали вежливость, предъявив жетон и письмо, а ведь могли бы, как русские Качальщики, ворваться без спроса, опрокинув охранников одним лишь Плевком Сатаны...

— Мы летели на Красном змее до заимки нашего доброго брата Кристиана. Добрый брат Кристиан оказал нам гостеприимство, дал сменных лошадей и карету...

— Отчего же вы не сообщили мне из Новгорода? Кристиан сказал вам, что телеграф работает?

— Ты не должен менять свои правила, послушник, — Вонг с коротким поклоном принял у секретаря поднос с пирогами и чайником. — Ты проходишь свой путь, а мы — свой...

Второй наставник что-то добавил по-китайски и засмеялся.

— Брат Хо говорит, что мы вместе служим великому равновесию, а когда равновесие нарушается, неважно, кто к кому приехал...

Брат Хо увлеченно разглядывал фарфоровых купидонов и пастушек, цокал языком,

потирал руки, веселился, как мальчишка.

— Почтенный Вонг хотел бы умыться с дороги? Я велю затопить баню...

— С баней успеем, у нас много времени, — щербатый настоятель отвесил лучезарную улыбку.

— Много времени? — озадаченно переспросил Коваль-старший. — Прошу меня простить, но утром поезд отправляется...

— Это замечательно. Мы рады, что послушник Храма верен своему слову. Настоятели также верны своим обещаниям, брат. Однако нам нужно знать больше, брат. Если ты намерен по суше достичь Шанхая, настоятели должны знать все о твоих солдатах и о том, что ты везешь. Мы вместе хотим найти вакцину, но твои люди складывают в вагон семена ржи... Зачем семена ржи для вакцины? Расскажи нам, брат Кузнец...

...Артур задергался в своем гибком пузыре. Итак, он не ошибся, он собрал-таки экспедицию за смертельной вакциной. Он собрал, точнее — соберет несколько тысяч добровольных переселенцев. Или не слишком добровольных. Но зачем прикатали китайцы? И зачем длинны, или кто там управляет лампой, выбросили его именно в этот временной интервал? Ведь ему могли просто показать погрузку со стороны. От какой еще напасти его хотят предостеречь?

Или пытаются запугать?..

...Настоятель Вонг с удовольствием намазал на хлеб толстый слой меда и подмигнул Ковалю-старшему. Наставник Хо безмятежно разглядывал мушкеты и аркебузы, развешенные на стенах.

— Мы берем семена, чтобы посеять их, настоятель. Из столицы и южных губерний едут люди, которым жилось тяжело. Они хотят испытать себя на новом поприще. Мы построим им дома, оставим скотину и семена. Вдоль магистрали появятся обходчики и связисты. Железная дорога не может существовать без рабочих пути...

— Это хорошо, скотина и семена, — ласково покивал китаец. — Хорошо, когда правитель не забывает о благе подданных. Иногда случается так, что правитель старается для блага подданных, нарушая тем самым хрупкое равновесие... ты нам расскажешь о своих планах?

Коваль-старший отошел к дальней стене, которую скрывала драпировка. Он дернул шнурок, драпировка распахнулась, обнажив огромную пожелтевшую карту СССР.

— Ты верно заметил, настоятель. Я не очень хорошо понял, что ты хочешь услышать, но постараюсь коротко обрисовать ситуацию. Извини меня за сумбурную речь, я немного устал — мало сплю последние дни — и не готовился к вашему приезду...

— Это прекрасно. Твоя речь потечет от сердца, а не от листка бумаги.

«Чтоб ты чайной ложкой подавился, косоглазый! — мысленно пожелал Артур-младший, в то время как Коваль-старший соорудил самую горячую, самую радушную улыбку, на которую было способно его лицо. — Почему не сказать честно, мол, извини, братан, но мы передумали гоняться за Большой смертью, кишка тонка...»

Коваль взял указку, откашлялся, придавая себе академический вид. Китайцы уселись рядышком, словно отличники на первой парте.

— От Петербурга мы двинемся по главному ходу Транссиба... Следите: Вологда, Вятка, Пермь, Екатеринбург... В Вологде мы подождем эшелон из Ярославля, там будет еще восемь пустых пульманов. В Вятке к нам присоединится поезд с грузами из Нижнего Новгорода. Осенью мы завершили ремонт пути, теперь эта ветка в рабочем состоянии. Дальше... Еще два состава с переселенцами, солдатами и с пустыми вагонами под вакцину подтянутся позже, из Пензы и Самары, они прикатят по так называемому южно-уральскому ходу и соединятся с нами в Екатеринбурге... Чтобы заработал этот участок магистрали, нам пришлось почти полностью разобрать дорогу на Сыктывкар и все сохранившиеся ветки вокруг бывшей столицы... А чтобы сбить эти семь составов, пришлось прошерстить всю европейскую часть. На лошадях подтаскивали, из кусков колесные пары собирали... Один из эшелонов не повезет ничего, кроме рельсов, шпал, щебня и вспомогательных материалов.

Мы не знаем, в каком состоянии пути после Омска; вероятнее всего, придется на ходу прокладывать объездные ветки, чтобы пропустить маневровые паровозы с рельсоукладчиками. Их мы тоже берем с собой, четыре штуки, и запас угля. Спасибо немцам, удружили, пригнали три паровика, прямо как с конвейера, чистые, гладкие! Да, кстати, уголь покупаем в Донецке, оттуда уже вышли дрезины...

Президент кивнул выглянувшему из-за портьеры Рубенсу, чтобы тот не стеснялся, подавал к столу горячее. Китайцы к еде больше не прикоснулись, застыли, словно два миниатюрных памятника самим себе. Иногда Вонг переводил для брата Хо.

— ...Таким образом, семь составов соберутся на бывшей товарной станции Омска. Один паровик уже увез кран и батальон дорожных строителей, они едут медленно, проверяют пути и прокладывают кабель.

— Кабель? — Вонг вполголоса перевел товарищу. — Что такое кабель?

— Телефон, — с тихой гордостью заявил Коваль-старший. — Уехала бригада связистов, тянут телефонную линию по всему пути следования.

— В Омске ты собираешься ждать лето?

— В Омске мы собираем все семь эшелонов, заливаем воду, покупаем еду, но не только... Во-первых, как известно уважаемому настоятелю, во всех крупных промышленных городах как следует покуражились ваши братья, русские Качальщики... — Коваль-старший намеренно обронил шпильку в адрес бывших друзей, быстро скосил глаза в надежде заметить реакцию Вонга, но тот и ухом не повел. — Нам предстоит расчищать завалы, корчевать леса, вероятно даже, отстреливать диких зверей не только за пределами города, но и в самом Омске. Желтая зараза ползет быстро, нашей целью остается Шанхай, но если мы не приведем города в порядок, то не сможем вернуться — снова все зарастет... С Новосибиром связь иногда есть, иногда нет, они как бы подчинились столице, но по полгода дороги занесены... Впрочем, что я тебе рассказываю, настоятель, ты же сам в курсе! Когда-то туда добирались караваны, и тракты были вполне проезжими, от книжников я слышал истории о караванах, что ходили по железной дороге...

— Многое изменились, — без выражения вставил Вонг.

«Какого же дьявола он приперся? — в который раз взывал к небу Артур-младший. — Неужто пограничные столбы их так напугали? Так я же и раньше внятно говорил, что ни метра земли к северу от Амура не отдам...»

— Одним словом, базовой станцией нам придется сделать Омск. Губернатор там крепкий, толковый, хоть и из ссыльных... Мы планируем там сосредоточить большие запасы, из которых придется первые два года питать переселенцев, пока не обживутся...

— Ты говоришь о бандитах, которых выпустил из тюрем и хочешь поселить в тайге?

— Я говорю о смелых людях, готовых распахать тайгу, готовых обороняться против дикарей и зверья, готовых отстроить погибшие города. Нам нужны живые станции по всему пути, а не развалины...

— Почему ты не хочешь ехать севернее? — Вонг, казалось, уже забыл про ссыльных. Он легко вскочил с ковра, подобрался ближе, ногтем поводил по карте, шепотом повторил название давно сгинувших населенных пунктов. — Смотри, здесь не указана еще одна дорога...

— Я знаю, настоятель. В штабном вагоне на стене есть карта России за две тысячи двадцатый год, там она уже есть, это вторая транссибирская магистраль.

— Она намного позже построена, не так ли? — Вонг отхлебнул душистого чая, невинно предъявил узкие глазки. — Должно быть, северный ход гораздо лучше сохранился?

— Мы все-таки поедem по старому Транссибу... Я позволю себе напомнить уважаемому Вонгу. После несчастного случая, постигшего Председателя, почтенного Лю Цзясу, у руководства России нет уверенности, что комитет Гоминьдана контролирует весь Китай. К большому сожалению, в Поднебесной слишком много тех, кто не желает подчиняться Госсовету... Почтенный Председатель, в свое время, уверял меня, что Китай непременно будет соблюдать древние границы, однако злой рок унес этого достойного

человека. Что же я слышу теперь, уважаемый Вонг? К нам стекаются данные, что китайские крестьяне переселяются за Амур целыми семьями и деревнями. Нам следует разобраться, желают эти люди принять российское гражданство, платить налоги в нашу казну...

— Или? — коротко спросил Вонг.

— Или им придется заплатить большие штрафы за порубки, за незаконный отстрел, за незаконное строительство. Имущество тех, кто не согласен жить по закону, будет конфисковано, а сами они будут возвращены китайскому правительству, как воры и разбойники... Настоятель, не спросите ли у почтенного Хо, желает ли он малинки? Замечательное варенье, кровь горячит. А то вы мокрые оба, так и до простуды недалеко...

— Наставник Хо благодарит, он уже переел сладкого... — Вонг помедлил, потер переносицу и снова резко сменил тему беседы. — Наставник Хо спрашивает, отчего мирный человек ни разу не упомянул о помощи Хранителей меток? Не так давно мирный человек был убежден, что русские Хранители примут участие в походе к восточному океану.

На бюро заиграли старинные часы с пастушками и трубадурами. Наставник Хо разглядывал их, не моргая.

— И еще, брат Кузнец... Ты боишься за сохранность границ, хотя их некому охранять. А ты не боишься, брат, зацепить Слабые метки? Несколько тысяч человек, брат Кузнец, — это не два батальона, как ты планировал прежде. Смерд и огонь поползут по тайге. Прежде ты говорил только о вакцине...

— Зачем ты ходишь вокруг да около, настоятель? — Коваль-старший сохранял в голосе почтительность. — Тебе же давно донесли, что русские Хранители отказались мне помогать. Там, где могли справиться двадцать молодых Клинков, мне приходится рисковать жизнями сотен солдат. Раз уж мы идем на риск, то приведем в порядок окраины...

Вонг поднял руку, прерывая собеседника, быстро пошептался с соседом.

— Наставник Хо с большим уважением относится к тебе, брат Кузнец. Однако наставник Хо дважды, один, пешком, прошел путь от озера Ханку до древнего поселения Улан-Удэ. Наставник Хо говорит, что русский президент не представляет размеров опасности. Ты слышал о шагающих железных бурханах? Они подкрадываются бесшумно, на рассвете, и втаптывают в грязь деревни, не щадя никого: ни детей, ни домашнюю птицу, которую убивать просто глупо... Разве Качальщики не рассказали тебе, откуда взялся заяц, которого подкинули шаманы в вагон? Мой друг, наставник Хо видел места, где эти зайцы забираются на деревья, целые стаи стелющихся зайцев висят на ветках, потому что снизу за ними охотятся машины. Ты представляешь, как надо напугать зайца, чтобы он залез на дерево, брат?

— Машины?! Это уж слишком, — не выдержал Коваль-старший. — Извини, почтенный Настоятель, я готов поверить в крокодилов с крыльями, но машины... Когда-то на Вечном пожарище в Германии мы встретили рой, и тоже приняли его за машину, поверили вначале, а потом, как всегда, от колдовства остался один пшик...

— Рой... Да, они встречаются за Байкалом. Это далеко не самое страшное. Мы с тобой вместе летали на Байкал, брат Кузнец, но не дальше.

«Теперь осталось, чтобы и вы дали деру...»

— Поэтому, почтенный Настоятель, мы берем с собой тяжелое вооружение...

— Иногда разумный человек поступает наперекор разуму, — словно соглашаясь с больным, закивал монах. — Чем грязнее оружие древних, тем сильнее встает на дыбы мать-земля...

Хо ухмыльнулся тонким розовым ротиком, как будто понимал русский язык.

— Храм послал почтенного Наставника, чтобы напугать меня?

— Разве послушника не напугал дохлый заяц? — в тон ответил монах. — Ты хотел увидеть его, но тебе не позволили. Как это понимать? Ведь ты же приказал своему чингису привезти онгон...

— Он не сумел, там какая-то заморочка с буддийскими монахами вышла...

Артур-младший чувствовал, что упускает в беседе нечто важное. Действительно,

вначале он посмеялся над страхами Карапуза, затем потребовал доставить шкурку зайца-мутанта, намеревался далее отправить ее во вновь открытую кунсткамеру, но в потоке дел очередная угроза забылась...

— История там простая, — отрубил Вонг. — Онгон перехватили монахи из буддийского дацана и отвезли к русским Качальщикам. Несмотря на твой приказ.

Кажется, Коваль-старший растерялся.

— Почтенный Настоятель подозревает моих друзей в измене?

— Ни в коем случае. Но опасность слишком велика. Храм не может оставить послушника в столь затруднительном положении, — Настоятель величественно поднялся, похожий на маленькую статую. — Настоятель Храма, почтенный Бао, принял решение отправить нас к тебе в помощь. Настоятель Храма, почтенный Бао, подтвердил, что наши братья будут ждать русский поезд в Харбине. Севернее мы не пойдем, там японцы...

— Черт! — вырвалось у президента. — Извини, почтенный Вонг, я не хотел перебивать, но... У тебя верные сведения?

— У меня верные сведения, послушник. А почему это тебя так беспокоит? Океан далеко, Япония еще дальше.

— Это российская территория.

Вонг смежил щелочки глаз. Его напарник снова тихо бросил несколько фраз, рассмеялся, деликатно прикрыв рот, отправил туда пару маленьких пирожков. Снаружи, под аркадами вокзала, пронесся протяжный свист паровика, лязгнула железом смена караула, залаяли собаки.

— Вот видишь, послушник, как прав наш добрый друг, настоятель Хо. Иногда люди идут разными путями, но если цель у них одна, они непременно встретятся... — На тонких губах Вонга играла усмешка.

— Поправь меня, почтенный, если я скажу глупость, — Коваль-старший говорил нарочито медленно, видимо, чтобы успеть переварить то, что услышал, и то, что сообщили китайцы. Он подлил всем чая, подвинул варенье и мед и только после этого сформулировал следующую фразу. — Я хотел бы принести пользу Храму, я буду счастлив принести пользу всему китайскому народу. Сегодня на Дальний Восток отправляются скромные военные силы, мы едем за вакциной, которую почтенные настоятели помогут найти. Я очень хочу помочь китайским братьям, если их притесняют враги с моря, но что я отвечу своему народу, если вакцина не доедет до Урала? Я скажу моим людям: «Гордитесь своими сынами, они вступили в неравный бой, помогая китайским братьям, и погибли, охраняя границы. А скоро погибнем мы все, потому что Желтые болота придут под землей в наши города... Разве такие слова хотел услышать почтенный Вонг?

Президент поклонился.

— Я рад, что твоя речь по-прежнему ясна, — едва заметно улыбнулся китаец. — Мы вместе пойдем за вакциной, как братья. До этого я говорил с послушником Храма, а теперь я спрошу у президента страны. Вероятно, братья-Качальщики не донесли тебе новость, что множество корейских деревень горят? Значат ли твои слова, что ты построишь границу вдоль Амура и будешь спокойно смотреть, как островитяне режут корейских и китайских братьев?

Коваль-старший медленно разлил второй чайник, поджег палочку благовоний.

...Артур-младший покрылся испариной в коконе. Только что ему в неофициальной обстановке сделали предложение вступить в коалицию против Японии. Точнее, сделают такое предложение спустя сколько-то месяцев или лет люди, которым он не сможет отказать. В том будущем, которое демонстрировали джинны, война с халифатом, судя по всему, завершена. И вот — из одной напасти в другую — истерзанную страну втягивают в схватку на востоке... Шаг более чем серьезный, учитывая, какое расстояние преодолели монахи. С другой стороны, Артур-младший прекрасно помнил последние лекции того же Вонга по внутривосточной ситуации в Поднебесной. Ни о каком внятном союзе с единым правительством не могло быть и речи, пока мандарины, маоисты и мелкие банды с

зараженных территорий режут друг друга...

— Президент России всегда будет выступать на стороне храма Девяти сердец, — осторожно сформулировал Коваль-старший. — От имени Большого Круга могу заверить — мы будем счастливы заключить договор о мире и помощи с китайским правительством...

Гости крякнули, переглянулись, улыбнулись. Коваль-старший тоже сотворил улыбку. Все трое прекрасно знали, что единого правительства в Китае нет, и оно не скоро появится. Однако монахи не обиделись, равновесие не пострадало, никто не потерял лица. По крайней мере, Артуру-младшему так показалось. С Настоятелями никогда нельзя быть до конца уверенным...

— Я не смогу обеспечить вам достаточный уют и уединение, — извиняясь, склонился президент. — Путь будет очень долгий...

Вонг широко улыбнулся.

— Нам не потребуется много места... Мне грустно сообщать послушнику, но Настоятель Бао провел четыре гадания разными способами. И все они указывают, что путь президента Кузнецова будет намного короче, чем он ждет.

— Иными словами... мы не доедем? — выдавил Коваль-старший.

— Мы доедем... — Китаец больше не улыбался. — Настоятель Бао гадал только на тебя.

— Что же вы предлагаете? Ждать нападения?

— Ты верно мыслишь, послушник, — Вонг бегло перевел суть беседы своему собрату, Хо утвердительно закачал стриженной шишковатой головой. — Мы не будем ждать нападения. Мы высадим тебя раньше.

...В этот момент вагон вздрогнул, и Артур-младший вздрогнул вместе с вагоном. События выстроились, сложились пестрым веером, игривой карточной колодой — и снова перемешались. Из перевернутой колоды торчала карта, и ему достаточно было протянуть руку. Внезапно он вспомнил статью в старом журнале по физике, где бытие представлялось на картинке в виде нарезанной кусочками, аппетитной, бесконечной колбаски. Каждый одинаковый кусочек колбаски символизировал событие в трехмерной системе координат, в разных временных точках. Сейчас Артур мог приложить усилие и выдернуть карту из колоды.

Безболезненно заменить себя самого в череде неизвестных событий. Достаточно рвануться посильнее, проявить истинное желание — и скачок через время станет реальностью. Война с турками завершится, он поведет караван на Восток, навстречу новой войне...

Это как пароль на следующий уровень игры...

Артур рванулся назад, безотчетно сжав колени, сложив руки крест-накрест на груди. Только назад, чтобы все шло своим чередом! И освобождаясь, радостно чувствуя полукружие выхода над головой, уже угадывая салатный мятущийся свет внутри лампы, неосторожно вспомнил другое свое желание...

Этого нельзя было делать. Нельзя загадывать желание, находясь внутри глиняного вигвама, который совсем не жилище древнего человека, а нечто совершенно иное, от человека невообразимо далекое...

Он провалился, но на сей раз гораздо глубже.

Провалился в собственную молодость.

15

ЧЕЛОВЕК ПОЕЗДА

...Это случилось так давно, что Артур уже начал забывать. Собственно, ничего особенного не случилось, но тогда ему очень хотелось, чтобы произошло именно с ним. В первые же месяцы после зачисления в штат петербургского института крионики молодого сотрудника буквально загоняли по командировкам. Впрочем, почти все командировки

оказались познавательными и нужными, даже когда в компании с другими аспирантами приходилось таскать через всю тяжелые биксы с колбами или ящики с особо выполненными на заказ, металлическими креплениями.

Ему безумно мечталось повстречать Человека поезда
Где живет Человек поезда?

Никто не видел его входящим или выходящим из вагона. Никто из проводников не вспомнит, чтобы хоть раз проверял его билет. Никто не вспомнит, чтобы он бродил по перронам вокзалов или покупал пиво в буфетах станций.

О нем говорят шепотом, но так часто, что порой в душе поднимается смутная детская обида, словно тебя упорно лишают заветной игрушки. Его видели и слышали многие, ты — никогда. Ты вынужден довольствоваться шлейфом теплых улыбок, задумчивых вздохов, а порой тебе даже демонстрируют нагретое местечко у окна и полупустой стакан с чаем.

А заветный Человек поезда снова ускользнул.
Чем питается Человек поезда?

Ни один директор вагона-ресторана не поклянется, что этот пожилой мужчина посещал его заведение. В каком-то смысле повара и официантки немного завидуют проводницам, потому что тем удавалось не только повидать загадочного старика, но, если повезет, подслушать его беседу.

Почему же они завидуют? Разве те, кто попал с Человеком поезда в одно купе, или проводники его вагона становятся счастливее? Разве можно с уверенностью сказать, что им улыбается удача или проходят застарелые хвори?

Пожалуй, нет. Артур не слышал ни об одном таком случае. Зато знакомый проводник, отъездивший на маршруте Омск — Тюмень без малого двадцать лет, поведал ему о совсем иных последствиях. Он припомнил, что взрослые люди плакали, а кое-кто выходил на промежуточных станциях, прерывая деловую поездку. Со слов проводника, были и такие, кто после встречи с Человеком поезда полностью изменили свою жизнь. Хотя проверить это нельзя.

Но разве можно проверить библейские чудеса, смеялся проводник.

Некоторые из тех, кто встречал старика, неважно — женщины или мужчины — развелись. Раз и навсегда они разрубили семейные узлы, душившие их десятилетиями. Впрочем, кто их проверял? Некоторые командировочные добирались до пункта назначения, но на обратном пути выглядели так, словно не решали производственные задачи, а постились в монастыре, у святого источника. Бесконечные тревоги, сжимавшие их сердца и выгрызавшие язвы в их желудках, казались им теперь смешными. Знакомый проводник со временем научился замечать в толпе лица, светящиеся внутренним, приветливым теплом. Некоторые вытирали слезы, некоторые скромно улыбались в ответ на расспросы, и тогда становилось ясно, что в вагоне снова побывал Человек поезда. Повидавшие его граждане ничего не скрывали, они честно рассказывали, что покидают работу или переезжают навсегда на юг...

— Да, да, на юг, — часто кивая головой, улыбаясь до ушей, повторял мой знакомый проводник. — Причем навсегда уезжали на юг даже уроженцы столицы, а вы ведь понимаете, что такое в нашей стране была московская прописка...

О да, Коваль не хуже других был осведомлен о том, что значили в годы застоя квартира в Москве и московское снабжение. Естественно, всегда находились люди, готовые променять Мурманск на Гагры, но чтобы расстаться со столичными удобствами...

А они продавали недвижимость, машины и уезжали. Покупали себе домики в Судаке или в Анапе, устраивались на полставки в совхозы, катались на лодках, удили рыбу и охотно писали открытки тем, кто продолжал вертеться в деловито-мусорной карусели. Знакомый проводник намекнул, кривя рот и моргая одним глазом, что если бы раньше из страны выпускали так же, как выпускают сейчас, то люди, встретившие Человека поезда, свалили бы куда южнее Крыма.

Впрочем, кто проверял? Возможно, и в годы застоя многие сумели пробраться в земли

обетованные...

Коваль спросил проводника за рюмочкой, видел ли он попутчиков Человека поезда, кто не изменился. Кто не бросил работу и не укатил к абрикосам и дыням. Проводник ненадолго задумался и сказал, что помнит троих. Про одного он рассказывать не будет, а другой даже не прекратил ездить в его вагоне. Только раньше возил в командировки толстые папки со сметной документацией, а сейчас играет на баяне.

— Ты не думай! — упредил смешки проводник. — Он классно играет, не халтурщик какой-то. Клянусь тебе, раз услышишь — мимо не пройдешь и рубля не пожалеешь! Он в детстве хорошо играл, призы на конкурсах получал, а потом пришлось идти на завод. Потому что старший в семье, мать больная. Он сам так рассказал... Пошел на завод, вырос до мастера, высшее заочно получил, стал инженером... и вот, семнадцать лет продавал по всей стране насосы высокого давления.

— Много же лет ему понадобилось, чтобы вернуться к баяну, — рассмеялся Артур. — Ну а третий товарищ? На барабане в поездах играет?

— Ты напрасно насмешничаешь, — укорил проводник. — Третий товарищ — это бывшая супруга бывшего начальника этого поезда. Отработала полжизни в станционном буфете, ничего, кроме стука колес да мата освободившихся уголовников, и не слыхала. Муж катался, погуливал от нее, да и вообще, жили как кошка с собакой. Один-единственный раз она поехала вместе с мужем, на похороны сестры. Уже дама в годах была, матрона, можно сказать, И надо же было так случиться, чтобы именно в ее купе подсел Человек поезда. А может быть, ничего случайного не произошло. Старик нарисовался на перегоне после Калачинска и распрощался, как всегда, незаметно. А жена начальника сестру свою похоронила и в ту же неделю собрала вещички, ушла от моего босса бывшего. Ага, он за ней гонялся потом, зарезать грозился! Не, на юг она не уехала, в монастырь ушла. В женский, конечно... Спустя года три я ее встречал, ездила регулярно, по делам их, монастырским. Добрая стала, улыбочивая, не сравнить с прежней, ага!..

Что же с ними сделал Человек поезда? Возможно, он зомбировал их, опутывал магией и хитрыми путями вымогал деньги? Возможно, он один из ловких жуликов, которыми полны наши поезда, самолеты и концертные залы?

Но пожилой проводник в ответ на подозрительные расспросы только рассмеялся. Человек поезда никогда не играл в карты и не взял чужой копейки. Он не отказывался от чая со сладким угощением, максимум — мог иногда употребить рюмочку белой. Его интересовало только чужое внимание. Троице пассажирам, случайно попавшим с ним в одно купе, гарантировалась бессонная ночь. Впрочем, находились и такие, кто засыпал, а, проснувшись утром, искренне удивлялся воспаленным глазам соседей.

Да, да, встречались люди, не способные заметить Человека поезда.

Никто из сотрудников железной дороги точно не опишет, как выглядит этот мужчина. Одни утверждают, что он лысый, плотный и румяный, другие, напротив, угощали чаем тощего, сгорбленного деда. Одна впечатлительная проводница божилась, что возила Человека поезда дважды, и оба раза он представал в облике неопрятного старика, с седыми патлами до плеч, в темном простеньком пальто и ботинках, завязанных разноцветными шнурками. Лица старичка она не запомнила, как не могли его запомнить и другие; впрочем, все сходились во мнении, что Человек поезда имел глубокие глазные впадины, а, заглянув к нему в глаза, можно увидеть лишь самого себя, но долго смотреть не стоит...

В одном проводники были едины. Человек поезда чаще появляется после Омска и почти всегда поздно вечером. Причем вагон, который он себе облюбовал, может идти как в Европу, так и на восток. Все до единого места могут быть проданы, но для этого пассажира всегда находится свободная полка.

Откуда он появляется? На каком полустанке сходит? Кто-нибудь видел его документы? Когда же он возник впервые? В какого бога он призывает верить? Оставляет ли людям свои телефоны?

— Какая разница, как он появляется и где сходит? — улыбался проводник. — Если мы

понятия не имеем, откуда сами появляемся и где сойдем?

Научного сотрудника не смутили философские шутки.

— Конечно, ведь вы тоже наслушались? — сообразил Артур. — Он и вас совратил!

— Тогда зачем вы ищите Человека поезда, если считаете, что он меня совратил?

— Хочу его послушать.

— Но старика нельзя найти по заказу... Однако Коваль не поверил. Года четыре подряд он ездил по этому маршруту и выслушал не одну душещипательную историю про удивительного деда. Он не задавался целью его разыскать, просто питерская контора поддерживала тогда плотные связи с Новосибирским научным центром, они вместе готовили первые капсулы анабиоза. Раз в месяц, попадая в поезд, Артур не ленился задавать вопросы маленьким начальникам. Когда много ездешь, обрастаешь знакомствами, часто встречаешь одни и те же лица.

Коваль даже себе не признавался, что периодически находился на грани. Слишком много гадостей свалилось одновременно, гадостей такого плана, которые невозможно разгрести физическими усилиями или при помощи денег. Это надо было победить или... сдаться. А поход к богу атеист Коваль оценивал равнозначно капитуляции. Хотелось быть сильным внутри, но сила не приходила. Иногда за трое суток пути и время в командировке он не произносил больше пяти слов. Молча кивал соседям по купе, молча обменивался материалами с новосибирскими коллегами, покупал газеты и так же молча возвращался.

В круговерти он потерял смысл существования. В Петербурге вкалывал, как заведенный. Часто сотрудники пятого отдела не успевали закончить промежуточную фазу эксперимента и застревали в институте на всю ночь. Они мотались на симпозиумы, лихорадочно учили английский и немецкий, чтобы ориентироваться в публикациях. Они спорили, чертили диаграммы, сутками пропадали в химической лаборатории. Внешне Артур вел себя вполне адекватно, разве что стал неразговорчив. Вероятно, его шеф, профессор Телешов, что-то замечал, но по работе ему придраться было не к чему. Коваль был одним из лучших его учеников. Время мчалось, он не успевал обрывать листки на календаре, но смысл так и не находил. Однажды честно признался себе, что панически стал бояться собственной кончины.

Ночами подающий грандиозные надежды научный сотрудник лежал без сна, уставившись в потолок, обливаясь потом. Лежал так неподвижно, что научился замечать движение минутной стрелки на будильнике. На книжной полке в ряд стояли Библия, Коран, Тора и буддийские трактаты. На разные лады они предлагали делать взносы в загробный кооператив. В три раза больше было книг с названиями «Как стать богатым, счастливым и здоровым». Но ни одна из книг не отвечала на вопрос «А на черта все это надо, если я все равно сдохну?».

Когда Коваль услышал о Человеке поезда, ему было все равно — шарлатан старик или нет. Показалось, что он сумеет помочь. Он не уговаривал слушателей внести пай на строительство райского шалаша, он помогал людям здесь и сейчас.

Но Человек поезда не показывался.

Артур стал думать, что его разыграли, озорник давно состарился и ушел на покой. А истории о внезапно прозревших пассажирах — всего лишь легенды, сочиняемые от скуки подвыпившими проводницами. Ведь когда лучшие годы превращаются в бесконечное биение колес о рельсы, когда тысячи раз провожаешь и встречаешь чужие озабоченные рожи, поневоле начнешь верить в дорожных волшебников. Артур отдавал себе отчет, что и сам живет не совсем верно, а как-то хаотично, несмотря на бурные научные перипетии, несмотря на явные успехи, которых они добились, несмотря на то, что работа ему безумно нравилась.

Тут дело не в религии и не в отсутствии высоких идеалов. Неясное томление, коварный бес овладевал им, стоило скинуть под полку вместе с чемоданчиком ворох институтских проблем, стоило подарить себя и время свое таежным расстояниям. Коваль проверял неоднократно — это щекочущее чувство усиливалось в поезде дальнего следования, улиткой

ползущего по размашистым сибирским равнинам. Стоило перестать чертить в блокноте схемы, стоило забросить мысли о работе, как запускала лапки в сердце горькая тоска...

...Артур снова повис в жарком эластичном пузыре. Снова внутри поезда, но не в изысканном президентском вагоне, а в примитивном купе. Вокруг все тряслось, позвякивало и постукивало, слегка несло из туалета, переругивались и смеялись в соседнем купе, кто-то, извиняясь, протискивался с чемоданом по коридору. За мутным окном проплывали огни станции. Пугающая точность деталей, совсем непохоже на предыдущий морок или сон...

Он больше не висел в пузыре. Черт подери, он сидел на полке и чувствительно стучался затылком об откинутую лесенку. Он вдыхал запах курицы в фольге, развернутой и раскинувшейся на столике, он ощущал вязкий ледяной поток, струившийся по ногам из вентиляционной решетки...

Черт, черт! Он никого не замещал, он угодил в собственное тело!

Артур вскочил, болезненно приложившись плечом о раздвинутую металлическую лесенку. Тело слушалось совсем иначе, не так, как он привык. Из зеркала на двери на него смотрел взъерошенный худой юноша, с тонкой шеей и нервными губами. Испуганный, загнанный взгляд; джинсы, свитер невероятной расцветки — кофе с черными звездами.

Он поднес ладонь к зеркалу. Его кисть, широкая, но почти безволосая, с нелепым стальным колечком и совсем без шрамов. Он несколько секунд рассматривал внутренности купе у себя за спиной. Застеленные верхние полки, забытая влажность железнодорожных простыней, сложенных уголком, расплывчатые клейма по краям, две пузатые сумки с эмблемой Аэрофлота и многочисленными наклейками, следами авиарейсов. Коваль задрал свитер, задрал рубашу и майку. Незагорелая впалая грудь, перспективные, но дряблые плечи, безволосый пупок. Он повернулся к столику, взвесил на ладони раскрытый перочинный ножик. Подкинул, закрыв глаза, полагаясь на чутье лесного Клинки, и тут же пожалел о собственной глупости. Ладонь схватила воздух, а подброшенный к потолку нож вернулся и распорол кожу.

Черт возьми! Память в порядке, то есть память его опытной, взрослой личности, а все остальное — никуда не годно. Он в туловище бестолкового молодого тьюфяка. Сексуальных сил — выше крыши, а в остальном — никчемная, неопытная и внешне несуразная личность. Артур отсосал кровь из ранки и попытался вернуться в лабиринт глиняных термитников тем же способом, что и раньше. Внутренне сжался, сконцентрировался, подался назад, но...

Ничего не вышло. За окном, преломляясь в ледяных узорах, проползли последние огни станции, и вплотную надвинулся сибирский морозный мрак.

Ничего не вышло и во второй раз. Он был заперт в своем тридцатилетнем организме и не находил путей к отступлению. Он ехал в командировку в рассеянных, хмурых чувствах, он втайне надеялся повстречаться с загадочным Человеком поезда. Организм запутался, абсолютно запутался в паутине будней, по причине отсутствия любви, целей и стимулов. Глупый аспирант собирался поужинать курицей где-то посреди сибирской равнины. Его изнеженные ноги мерзли в шерстяных носках и домашних шлепанцах, а зимние ботинки на меху хитрый командировочный прятал в ящике под полкой. А безмерно далеко, почти двести лет спустя, в миллионе космических миль полета планеты, усыпленное колдовством, дремало его настоящее тело.

Что произойдет, если с телом Коваль-старшего что-то случится? А что произойдет, если вот этим самым ножиком сейчас резануть по венам?

Словно по наитию, словно схлынула пелена, Артур узнал эти сумки, этот дурацкий свитер и стальное колечко. Безумно давно, настолько давно, что странно даже, как он вспомнил... Артур попытался понюхать свитер, в носшибанул отчетливый резкий запах дезодоранта. За койкой на вешалке висела кожаная куртка, ее не вспомнил. Но, судя по отсутствию другой верхней одежды, аспирант ехал в купе один. Вот только откуда и куда?

В динамиках, спрятанных в панели над окном, раздался треск, затем неожиданно громко запела Земфира. Хочешь, я убью соседей, вослед за ней повторил Коваль. Как странно, он сумел вытащить из тайников своей стариковской башки имя певицы...

Документы во внутреннем кармане. Паспорт, пропуска, кредитки, билет... Как он и подозревал, зимняя командировка, февраль две тысячи четвертого. До погружения в капсулу анабиоза оставалось меньше двух лет.

Удар по нервной системе оказался столь силен, что он был вынужден снова присесть. И очень вовремя, потому что состав притормозил. По многотонной железной гусенице пробежала первая дрожь, лязгнули суставы, ржавые сочленения, потянулись резиновые жгуты сухожилий.

Итак, он не может вернуться назад, потому что... потому, что мечта пока не осуществилась. Другого Оправдания затянувшемуся кошмару Коваль не находил. Он не может приказать джинну вернуть его в лампу, потому что затаенная, полузабытая мечта требует реализации...

И тут задержалась ручка на запертой двери купе.

Пришел Человек поезда.

Вместе с ним из коридора ворвались дыхание двадцатиградусного мороза, сиреневые огни станционных построек и пьяный перестук стаканов в соседнем купе. Он бочком вошел и по-свойски огляделся, будто выбегал на минутку. Легко проскользнул к окошку и уютно устроился, обнимая ладонями возникший из ниоткуда, запотевший подстаканник.

Человек поезда улыбнулся. Коваль моментально вспомнил сбивчивые рассказы знакомого проводника. Улыбка попутчика обволакивала, располагала к Долгому дружескому трепу, но нарисовать целиком его внешность Коваль бы не взялся.

— Завьюжит сегодня, — подмигнул старичок.

— Ага... — Артур проглотил слюну и робко устроился напротив.

В первые минуты в речи собеседника слышался легкий диалект, какой встречается иногда в глухих сельских областях: чуть затянутые последние гласные под ударением, и фразы вращаются, как тщательно протертые маслом подшипники. Позже Артур понял, что никакого акцента нет, этот человек нанизывал предложения удивительно легко и складно, словно угадывая, что именно хотят от него услышать.

— Оно и славно, что завьюжит, — ласково продолжал старичок. — И спать-то легче, и хлеба богаче поднимутся, а то средь зимы голые поля, непорядок...

Коваль промышал что-то бессвязное, но тут выручила проводница. Внесла поднос с вафлями, разогретой самсой и двумя стаканами душистого чая. Разнесся такой аромат, что сразу стало понятно — чай не пакетированный, а истинный целебный сбор, где и шиповник, и мята, и бергамот...

Ну неоткуда такому чаю было тут появиться!

— Угощайтесь, милые, — ележно расплылась проводница, и лучики улыбки побежали вокруг ее глаз. — От бригады поезда вам угощение, в подарок, счастливо и быстро чтоб добраться...

— Вот спасибо-то, Людочка! — всплеснул руками загадочный пассажир.

Коваль только теперь увидел, что чай в его стакане тоже был не казенным пятирублевым, а густым, заварным, из того же, видать, самовара.

Откуда он знал имя проводницы? Людочка, тетя лет под пятьдесят, совсем недавно в тамбуре свирепо разгонявшая заснеженных пьяненьких мужиков, расклеилась вдруг, застеснялась, неловко прикрыла рукой улыбку.

— А садись, садись с нами, Людочка! — приветливо сказал Человек поезда, двигаясь к самому окну. Небось, натопила, покормила всех, уложила, хлопотунья? Можно и отдохнуть слегка, так ведь?

Та помялась, порозовела, как тепличная помидорка, осторожно угнездилась с краю, оправляя форменную юбку.

— Так если вы не против, посижду маленько...

— Не против мы, отчего же против? — широко улыбнулся за двоих старичок. — Ты как, Артур?

— Совсем не против, — выдавил Коваль, соображая, когда же ловкий гость успел

заглянуть в его документы.

Артур бестолково пялился на соседа у окна и никак не мог толком запомнить его внешность. А когда отвел взгляд, вцепился зубами в теплую самсу, хотя совсем не был голоден. Оказалось, что в вагоне установилась восхитительная сонная тишина, перемежаемая залиvistым храпом из соседних купе. Проводница Людочка потянулась за чаем, закутала ноги одеялом, как будто так и было положено. Коваль взял свой стакан, уже понимая, что все решено заранее. С этого момента предстояло бодрствовать втроем. Главное, что в прошлом, в его реальном институтском прошлом, такой встречи не было!

Джинн подстроил встречу. Джинн никогда, не ошибается, исполняя желания. Главное — ничего не просить...

— Кто не хочет, тот не спит, — успокоил сомнения Артура Человек поезда.

Его чеширская улыбка повисла в косых лучах, падающих от станционных фонарей. Поезд пролетел богом забытую платформу. Старушка махала фонариком, беззвучно лаяла собака.

— Каждый спит до тех пор, пока не захочет проснуться, — Человек поезда отхлебнул чая, аппетитно крикнул, разломил ванильную вафлю.

— Я вас давно мечтал увидеть, — признался Коваль. Во сне ведь можно говорить что угодно, и никто тебя за это не накажет.

— Я тоже об этом мечтал, — искренне посетовал старик, — но ты спал, а будить нехорошо.

— Я не спал, — зачем-то уперся Артур. — Я у всех про вас спрашивал, каждый раз, когда садился в поезд. Я вовсе не спал!

— В том-то и закавыка, — не рассердился и не обиделся старичок. — Спрашивал, тербил попусту, воздух тряс. А для чего? Для потехи. Потешиться хотел, посмеяться над глупостями, над суевериями. Сам ведь знаешь, земля суевериями полнится. Шестой шкафчик не забыл еще, в подвале-то?

Поезд слегка замедлил ход на подъеме, промелькнул очередной припорошенный полустанок. Плоские лучики света от фонарей забегали по потолку купе. Поскольку беседа протекала во сне, Артур отметил про себя, что должен был испугаться пронизательности дедушки, но не испугался.

О том, что случилось в подвале, не мог знать никто...

Ведь Человек поезда не работал в институте и, уж тем более, не мог ничего знать о нескольких минутах, проведенных Артуром в беспамятстве, наедине с распахнутой дверью. О минутах, обернувшихся сутками безвременья.

— Ты меня искал, а стоило бы кое-что другое поискать. — Человек поезда вкусно втянул в себя чай, довольно крикнул. — Разве не так? Последний год чего ищешь? Ну-ка, только честно!

— Глупо как-то, — сказал Коваль. — Последний год я мечусь, как дурак, и думаю, на кой хрен вламываю за копейки, не могу забыть любимую девушку, диссертация прошла на «ура», но никому наши разработки на фиг не нужны... И вообще, тревожно. Ничего я не ищу.

— Это называется «искать себя», — кротко пояснил дедушка.

Проводница Людочка только вздохнула.

К великому удивлению, Человек поезда не разрадился долгой нравоучительной тирадой, как поступило бы большинство самоуверенных дедов, а продолжал грызть вафли, прихлебывать чай и поглядывать в окно. Кажется, он даже что-то начал напевать. Артуру вдруг подумалось, что они с проводницей ошиблись, и джинн ошибся. Их сосед вовсе не тот, за кого себя выдает, точнее — не тот, за кого они его принимают...

— Весь вопрос в смерти, — заговорил старик. Заговорил совсем другим голосом, не расслабленным и добродушным, как раньше. — Весь вопрос в смерти, как ты считаешь, Людочка?

— Это, уж и не знаю... — опешила женщина. — Как говорится, костлявая никого не

минует...

— А ежели так, почто же ты, красавица, дядьке своему родимому в прописке отказала?

Артур никогда до того не видел, чтобы человек с такой скоростью побелел. У Людочки лицо стало одного цвета с простыней.

— Дядя родимый, старенький, — будто не замечая ее ужаса, продолжал дед. — Из тюрьмы вышел, дом жена прежняя продала, обманула его. Сам больной, и пяти лет не протянет, и все вы об этом знаете... — Он звонко опустил стакан на столик, Артур с Людочкой едва не подпрыгнули от удара. — Стало быть, дядьку твоего костлявая стороной обойдет? Или нет? Молчишь? Видимо, заговоренный он, вечно жить в твоей хате собирается, коли ты не пустила его на четыре года и два месяца...

Женщина в железнодорожном кителе закрыла лицо пухлыми ладошками и заплакала.

— А ты, Артур, как считаешь? — повернулся к Ковалю Человек поезда, и Коваль его снова не узнал. В чертах его сквозила неизменность, но поверх этой неизменности словно бы витал ветер и поминутно сдувал рельеф иссеченной годами планеты, так похожей на человеческое лицо. — Можно так сказать, что весь вопрос в смерти?

— В конечном счете — да, — осторожно ответил будущий президент. — Поскольку по ней сверяют жизнь...

Человек поезда его напугал. Коваль не ожидал, что он затеет разговор о самом больном.

Смерть.

Когда Человек поезда произнес это слово, у Артура слегка заныло под ложечкой. В мечтах он представлял встречу несколько иначе. Будущему президенту Кузнецу почему-то казалось, что загадочный пассажир светлыми и очень конкретными советами наставит на путь истинный, вероятно, снимет стресс, подкинет пару формул из серии «как стать нужным и великим»...

А он заговорил о самом страшном, о том, что нешуточно пугало той зимой. Внешне никто бы не сказал, что здоровенная дылда, косая сажень, улыбка до ушей, что эдакий недоросль от науки способен впадать в черную депрессию при мысли о смерти. А депрессия накатывала регулярно; видимо, научный сотрудник эмоционально застрял в подростковом возрасте.

— Ты вот ищешь, как от нее убежать, — рассудительно заметил Человек поезда. — Стало быть, по крайней мере, знаешь, для чего ищешь.

— Чтобы в старости не остаться у разбитого корыта, — немножко высокопарно заявил Коваль и почувствовал, что краснеет. К счастью, в купе было достаточно темно. — Чтобы не было мучительно больно за бесцельные годы, ну и так далее...

Он был вполне уверен, что родил нечто умное. Почему-то фразы из книг нам кажутся гениальными. Это называется «силой печатного слова».

— Враки все... — бесцеремонно отрезал дед, и в свете редкого станционного прожектора физиономия его вдруг показалась оскаленной африканской маской. — Зачем нам нужны ваши замороженные люди?

Он так и спросил. «Зачем нам?»

— Чтобы в будущем преодолеть неизлечимые болезни, — бодро солгал Артур.

— Враки. Болезни и без ваших мертвяков победят. Чего потолковей придумай.

— Чтобы человек мог летать к далеким планетам.

— А что, уже ракету такую построили? — без интереса осведомился сосед.

— Ну ладно, согласен, — сдался Коваль. И как-то незаметно осмелел. — Ракету пока не построили. Но все причины, которые я назову, будут частными. Существует одна общая причина — любопытство, и никуда от нее не спрятаться. Любопытство движет прогрессом, и все значимые открытия...

— Враки все... — беззлобно, как присказку, повторил Человек поезда. — Вы мечтаете заморозиться, чтобы сбежать от смерти. Только страх и движет вашим прогрессом. Ты сам-то представь: коли найдешь свой макропулос, что тогда? Все, кто одной ногой в Могиле

стоял, кинутся в азот. И что потом? Через сто лет хворые все жить захотят. Как же, они ведь деньги заплатили... Что молчишь?

— Если будет найдено лекарство от их болезней людям дадут возможность еще пожить. А что тут плохого?

— Плохо то, что они снова заболеют. От старости. И снова захотят пожить. — Человек поезда прицелился, издали закинул в рот конфету. — Станет их в сто раз больше, потому что увидят люди, как можно поспать и проснуться. И через сто лет разморозить придется не тысячу, а миллион раз по тысяче... Смерти вы боитесь, потому и мечетесь. Задушить внуков собственных хотите, смрадом ран своих, смрадом своего гноя. Артур, хочешь правду услышать? Вот слушай. Вы ее соберете, машину свою, не вы, так другие. Но после не пеняйте, что люди детей рожать откажутся совсем. Потому что от детей им один вред. Дети им мешать будут в светлом будущем. Тесно им с детьми и со внуками, бессмертие не терпит детей. Вы от смерти бежите, а сами к ней галопом мчитесь... Вот ты, красавица, скажи, сколько тебе было, когда своих родила?

— В девятнадцать первый раз родила, — с готовностью откликнулась проводница. — А после, сына уж, так года через три.

— Ага! — мрачно обрадовался Человек поезда, — А тебе, парень, тридцатник скоро, и даже в планах страшно папочкой себя представить. По нынешним временам, и в тридцать пять не торопятся, а двоих поднять — так целая драма, и представить коломутно. Отчего же вы боитесь смерти, Артур, если сами к ней спешите? Зачем нам замороженные инсультные паралитики, Артур, когда их оживлять будет некому. Их оживит машина, вылечит и выпустит погулять на кладбище. Их не встретят внуки, потому что мертвецы не торопились заводить детей. Весь мир станет кладбищем, Артур...

— Страсти какие! — охнула проводница Людочка.

Коваль не нашелся что ответить. Потому что дед говорил о смерти, и потому что он был прав. Человек поезда сделал еще пару глотков, неспешно заговорил, подразумевая полное и внимательное молчание...

«...Я тогда помоложе был, чумовой, веселый, катался в общем вагоне на Целиноград... Да, да, красавица, как и ты, проводником гонял, уж больно по нраву мне работенка эта. С тех пор как чугунку изобрели, уж больно по душе все вместе — перестук, свистки, вонизма креозотная, люди новые... Иду, помню, с букетом кружек, через ноги перешагиваю, через звон гитарный продираюсь, сам на студентиков покрикиваю. Один вагон кое-как уложил, еще второй у меня, плацкарта, там публика привередливей, сама понимаешь... Вот, раскидал успешно молодежь, пересадил, помирил, а сам вынохиваю, где бы свеженькой историей поживиться. Тут глянь — в уголке самом, у окошка, вот как я сижу, гражданин в пальто двубортном, не снявши, шапчонка под рукой, портфельчик с бутербродами. Ну, что сказать? Канцелярский такой хомяк, да и только. Тогда освобожденных много ездило, под амнистию шли, но этот кадр явно не по той части. Я перед ним чай поставил, на руки-то взглянул, а он дряхлый, как фараон египетский.

И тут я глаза-то продрал. Такой свежатинки давно у меня не было! Да ради подобного экземпляра, скажу честно, мог бы, пожалуй, на месяц от поездок отказаться. Он того стоил. Уж такой у меня нюх. Разболтать надо только, потянуть из человечихи его смурное, запутанное, освободить душу задавленную... Я когда вернулся, понял сразу, что окромя меня, его никто слушать не пожелает. Честно сказать, непросто речь разобрать, когда зубы выпали, щеки ввалились, а со связками у дедули вообще беда — хрипел да кашлял сквозь слезы. Разве нужны комсомольцам слезы? Разве тем, кто засекает целину и строит новые города, нужна память стариков?..

Так и получилось, что слушал его я один, хотя рядом горланила целая компания. И за стенками распевали песни ребята и девчата, все в куртках, увешанные значками, румяные и кудрявые. А я смотрел в глаза бродяги, они были прозрачными, как промытый за сотни лет горный хрусталь. В его глазах совсем не осталось цвета, они покоились в морщинистых ямах, слезы катились непрерывно, но щеки его были сухие и сморщенные, как плохо

высушенная шкура. Его широкие руки дрожали и почти просвечивали насквозь, как прелые листья, а кровь в его венах порой замирала, и тогда бродяга покрывался потом. Он так и не снял пальто, хотя в вагоне было жарко. По крою, по следу от шеврона и петлиц я определил, что это не совсем гражданское пальто, а дореволюционная чиновничья шинель, засаленная до крайности, но на удивление крепкая. От пассажира несло нафталином, точно его вместе с шинелью выудили из бабкиного сундука. Шапку он не снимал, опасаясь распугать студентов своим желтым черепом, пятнистым, как спина леопарда. Шинель болталась на нем, как на огородном пугале; иногда он заходилась в кашле, сгибался пополам, и мне тогда казалось, что бедолага переломится...

Но он не ломался. Он выполз оттуда, где никого, кроме него, уже не осталось.

Назовем его Нестор. Настоящее имя только все запутает и приведет к ненужным вопросам. Он родился... Не будем пока заикливаться на точной дате.

Нестор назвал мне дату и очень удивился, что я поверил. Он чуть не выронил стакан с чаем. Он сказал, что я первый человек, который его заметил. И первый, который его захотел выслушать. Мы поговорили, долго говорили... Нестор ехал не на стройку коммунизма, и целина его занимала... ну как тебя, Артур, разведение жаб в неволе.

Я ответил Нестору, что это мое призвание, моя планида — слушать людей. Потому я и работаю в таком месте, где люди чаще говорят правду. Обычно люди врут или молчат, а правду доверяют незнакомым соседям в ночном купе. Очень жаль, что пассажиры поступают именно так; ведь их искренность нужна совсем другим, оставленным дома, людям, а никак не случайным попутчикам...

Но это так, к слову... Я отвлекся... Нестор угостился чаем, клубникой из моих личных запасов, а в ответ рассказал мне много такого, за что могли в те годы и упрятать навсегда, и озолотить. Он ехал не на стройку, и не в совхоз, а на поселение. Но не потому, что был сослан. Этого полуживого человека влекли мертвецы...»

Проводница Люда ахнула.

— Да, да, мертвецы, — как будто речь шла о чем-то приятном, посмаковал слово Человек поезда. — Нестор жил долго за счет мертвецов, только как — не признался. Однако не шибко визнавать-то и хотелось, честно говоря. Вот тебе хотелось бы знать, как из мертвеца жизнь высосать? — обратился он к Артуру. — Нет, верно? Ну кому такое приятно? Зато он мне признался в другом. Он сказал, что с большим удовольствием поведал бы свой секрет самым крупным начальникам и до Кремля бы не поленился дойти, если бы не дикие выходки нашей тогдашней власти. Впрочем, власть теперешняя немногим благороднее и к науке древней вовсе не тянется. Им синхрофазотроны да хромосомы подавай...

Человек поезда шумно втянул чай, улыбнулся Артуру, как медом растекся, но в глазах царапались льдинки.

— Этот Нестор, он от имени своего человеческого почти отвык, поскольку ни с кем дел не имел и не общался, а родню давно позабыл. Оказывается, издревле таких как он зовут Бродягами, да только никто не верит, что такие люди вообще есть. Проще ведь поверить, что у человека документы подделаны, чем возрасту в триста лет... Начальникам нашим, медицинским и партийным, открыться опасался, и правильно делал. Мигом бы в психиатрическую больницу увезли и до конца жизни спеленали. А конца жизни у него не предвиделось, вот какая беда. Короче, ребята, прочитал Бродяга мне заклинание, долгое такое, вроде как в рифму, похожее на старинные песни. Часа полтора без перерыва читал, пока я не взмолился... Я из заклинания почти ничего не запомнил, а Нестор посмеялся надо мной. Оказывается, жить одному в таком немоющем виде ему до того надоело, что решил он уехать в Казахстан, на поселение к староверам. Те жили обособленно, несколько деревень, еще при первых декретах Советской власти отделились, укатили в степи. Бродяга Нестор с ихним владыкой связался как-то и был приглашен. Чтобы детишек и взрослых обучить заклинанию. Так он рассудил, Нестор, что годика за три заставит детишек и молодняк заклинание свое выучить. Взрослые, те — нет, не осилят, мозги закисло, а дети, пожалуй, сподобятся. А там и у них детки народятся, их тоже можно выучить. И пойдет по

земле слава, что жизнь вечная дарована не коммунистам, а святым людям, добровольно обеты принявшим. А те, в свою очередь, дальше светоч бессмертия понесут и станут его раздавать только светлым, верующим да честным. И воцарится постепенно на земле нашей праведность и истина, поскольку незачем станет друг друга людям вечным обижать... Одним словом, Артур, все почти, как у вас, в институте крионики, — неожиданно резко закончил Человек поезда.

— Так... хорошее дело! — поразился Коваль. — А при чем тут наука?

— А при том, дорогой, что вы, подобно старцу Нестору, решили, что главное — ввязаться в бой. Главное — осчастливить всех подряд, не разбираясь, кому можно, а кому — не стоит подарки раздавать... Представь себе, что бы началось, если бы старец этот чокнутый добрался до своих староверов? Через двадцать лет — тысяча вечных умников, еще через двадцать — миллион, а сегодня вообще помирать бы перестали... Ведь вы этого хотите у себя там, в лабораториях столичных?

— Ты его убил? — спросил Коваль. — Ты поверил и убил его, так?

Человек поезда глядел без улыбки. По морщинам на его лице можно было составить карту страданий. В глубоких его глазах сталкивались ледяные торосы. Человек поезда никогда не был добрым и сладким, но пассажиры и проводники не врали, когда с пеной у рта рассказывали друг другу сладкие байки. Им так не хватало доброго волшебника.

— Я спас всех нас, — сказал Человек поезда.

— Неужто убили?! — проводница Люда схватила за рот, словно боясь закричать.

— Так и убил, — рассеял ее сомнения Человек поезда. — А ты бы, Артур, как поступил?

— Не знаю, — честно признался Коваль. За время рассказа под перестук колес и мелькание огней он почти позабыл, откуда здесь появился и куда едет. Он помнил только, что когда-то глупый юноша, начинающий и подающий надежды сотрудник, безнадежно и смешно охотился за мифическим пассажиром поезда. Охотился за старичком, способным двухчасовой беседой вывернуть душу собеседника наизнанку. И вот нашел, поймал, благодаря колдовству. Человек поезда не обманул ожиданий, о нет! Не было никаких сомнений, что он способен заставить кого угодно уволиться с работы и уехать на юг. Или развестись с опостылевшим супругом и на склоне лет отважиться на новый виток любви. Человек поезда был способен на многое. И как только Артур это понял, перед ним открылся выход. Точнее, способ покинуть очередное наваждение Малахитовых врат. Выход был недалеко, за окнами этого несуществующего экспресса, который мчался через несуществующую ночь. Артур мог покинуть вагон в любую секунду, поскольку загадки больше не существовало. Человек поезда убил надежду. Оказывается, еще в пятидесятые годы двадцатого столетия он легко, не сомневаясь, убил надежду человечества. Совершил гуманный акт, уничтожил единственного, возможно, сохранившегося колдуна, способного одолеть время.

— Я спас всех нас, — серьезно повторил Человек поезда. — А теперь я снова вижу, как вы ведете всех нас туда же...

Человек поезда сидел напротив, с хрустом разгрызал конфетки, прихлебывал чай, аппетитно причмокивал и улыбался. Ковалю невольно вспомнились Хранители силы. Те тоже умели так улыбаться, отвлекая взгляды собеседников на едва дрожащие, задутые книзу уголки рта. А истинное выражение лица при этом расплывалось, теряло очертания. Но хранители так поступали перед боем, а Человек поезда ни с кем драться вроде бы не планировал.

Он ждал ответа, а может быть, и не ждал вовсе, привыкший к людской неблагодарности. Рядом с Ковалем пыхтела и утирала слезы взволнованная Людочка.

— А что если он тебе наврал? — спросил Коваль. — Что если бедному пенсионеру все почудилось, а ты его грохнул и теперь гордишься?

— А я тогда как же? — Человек поезда не обиделся. — Разве я тебе не доказательство?

— Ах вот оно что... Выходит, ты наврал? Ты запомнил стих?

— Только кусок, — Человек поезда развел руками, — кусочек малый... Так что никуда не денусь, помру, но лет на сорок меня еще хватит. Я же с шестого года, уже давно лежать должен под крестиком. Но ведь хитрость не в том, Артур. Хитрость в том, что я мог бы всю эту стихотворную ерунду Нестора употребить. Подпоил я его, подпоил как следует и вслед за ним стал записывать. А потом испугался и сам порвал.

— Чего ж такой робкий? — съязвил Коваль. — Укокошить деда не постеснялся, а заклинание присвоить духу не хватило?

Человек поезда легко поднялся, отставил пустой стакан. Коваль не успел моргнуть, как тот уже отодвинул дверь и глядел из коридора. Быстро, необыкновенно быстро перемещался Человек поезда.

— Духу не хватило? — переспросил он с горечью из коридора. — Нет, мне разума хватило. Принял бы тайну на себя, так не удержал бы точно, вырвалась бы...

— Что мне теперь делать? — как маленький, беспомощно спросил президент. — Ведь я тебя так ждал...

— И хорошо, что дождался, — усмехнулся ночной попутчик. — Теперь, ежели Бродягу встретишь, будешь знать, как поступить...

Человек поезда исчез, а вагон тут же ожил. Горланили песню, детский голосок просился в туалет, кто-то шумно доказывал преимущества «ленинградского» преферанса. Проводница Людочка взметнулась птицей, но Человека поезда и след простыл.

Артур думал, машинально прихлебывая чай. Вагонный чай оказался на удивление вкусным, пахучим, с солнечной долькой лимона, прижатой ко дну ложечкой.

— На какой станции он сошел? Откуда он ехал? — набросились на Ковалья попутчики. — Не оставил ли он проводнице билет? Как его найти, как угадать, когда он сядет в поезд? Почему вы улыбаетесь?

— Потому что я рад за вас, — ответил Коваль. Теперь он понял, отчего проводники раньше улыбались и отмалчивались в ответ на бестолковые расспросы.

Разве можно советовать другим повторять свой путь?

Он вышел в гроыхающий тамбур, с интересом заглянул в традиционную жестяную банку для окурков, подвешенную на заледеневшем стекле. Там вполне натурально догорали две сигареты. Артур взялся за неповоротливую дверную ручку; мерзлая сталь обожгла пальцы. Кто-то продышал в стекле дырочку, там быстро перемещались вереницы огней, поезд подъезжал к переезду.

Бродяга? Кто такой Бродяга? Следует ли всерьез воспринимать информацию из призрачного эфира, из мира собственных фантазий, наверняка спровоцированных распыленным наркотиком?..

Бродяга...

Артур приказал двери открыться, и она открылась. Вьюга шарахнула в грудь с такой силой, что на долю секунды он усомнился. Но только на долю секунды. Он зажмурился, чувствуя, как сотни рассвирепевших колючих снежинок вонзаются в веки. Артур сказал себе, что досчитает до пяти, а потом откроет глаза и шагнет вперед. Он открыл глаза, и снежинок больше не было. Была чернота вокруг и прямоугольник освещенного тамбура, висающий в черноте.

Найти Бродягу. Найти Бродягу. Значит, это не сказка, и такие люди существуют! Легко сказать «найди!», будто других забот нет, будто он за этим сюда приходил...

А на кой ляд я его искал, Человека поезда, спросил себя Артур. Вот и нашел на свою голову... Может быть, за тем самым и искал. Может быть, и слава богу, что не нашел тогда, а то бы ринулся ловить по всему Казахстану...

Артур в последний раз оглянулся в тепло вагона, а потом оттолкнулся и полетел вперед...

...Чтобы секунду спустя, вывалиться кубарем из полукруглого проема термитника на прогретую белую дорожку. Сонный город колыхался медленными волнами, нависал и окружал со всех сторон, и каждый из тысяч входов обещал исполнение, по крайней мере, одной маленькой мечты. И было крайне соблазнительно заглянуть еще хотя бы в парочку покинутых жилищ, прожить еще несколько мгновений сказки, встретить людей, о которых мечтало его подсознание...

Президент попытался встать, но вестибулярный аппарат еще не вернулся к норме. Тогда он прилег, пережидая головокружение, прикрыл глаза, а когда снова их открыл, перед ним висела огромная распятая бабочка.

Бабочка шевельнулась, посылая человеку вопрос. С человеком намеревались говорить.

Коваль вздохнул, уселся поудобнее и сказал: «Привет!»

— Приветствую тебя, о совершеннейший из тех, кто когда-либо ступал по земле.

Чуть слащавый, грудной, слегка вибрирующий мужской голос, какой в представлении Артура должен быть у оперных певцов и муэдзинов. Голос из ниоткуда, явно не из хоботка пятиметровой бабочки.

— Круто... — такого поворота Коваль не ожидал. — Слушай... Ты ко всем так обращаешься?

— Разве тебя не радует, о приятнейший из смертных?

— То есть ты каждого захваливаешь?

— Могу ли я поверить, что справедливейший из судей готов допустить унижение одних в пользу других?

— Ясно, можно не продолжать. Твоя программа позволяет подлаживаться под любого собеседника. А как быть с лингвистикой? Ты знаешь все языки во вселенной?

— Как можно воспринять речь существ, не пользующихся воздушной средой для распространения волны?

— Ну ты загнул... Стало быть, не всех. Э... гм. Зачем ты пугал меня?

— Могу ли я осмелиться тебя пугать, о храбрейший из витязей?

Артур постепенно начал привыкать. Если тот, кто с ним общался, — биоробот, компьютер или один из уцелевших Летучих — таким макаром острил, то имелся в этих остротах какой-то подпольный, скрытый смысл. Во всяком случае, чего-то подобного президент ожидал. Он даже слегка испугался количества угаданных ходов.

Слишком много угаданных ходов.

Так недолго и партию прос... это самое.

— Стоп. «Витязь» — не арабское слово. Ты его спер в моей голове?

— Позволено ли жалкому слуге взять без спросу хотя бы пылинку с сапога повелителя?..

Убийственно пахло цветами. По бронзовым стенам лампы пробегали маленькие северные сияния, песочный город тонул в сумраке. Бабочка рокотала одновременно гневно и подобострастно. Смысл трепа, повторял себе Коваль, не забывать о смысловых вклейках. Он не говорит ничего зря, чертов робот, просто нагло пользуется моими школьными представлениями о Востоке...

— Ага... ты хочешь сказать, что я сам перевожу слова и... передаю тебе?

— Дано ли мне, о могущественный, самому высказывать достойные твоего величия мысли?

Хм, сказал себе президент. Компьютер, кукла чертова. Говорит как пишет, не подкопаться.

— Ты выражаешься так витиевато, потому что я подсознательно жду от тебя восточных изысков, да?

— Может ли робкий джинн осквернять твои уши грубыми ответами?

— Кто тебе сказал, что ты джинн? — Артуру показалось, что он придумал невероятно хитрый вопрос.

— Разве не величайший из великих нарек чистый дух небесного огня джинном?

— Нарек... Но не я же.

— Хватит ли мне дерзости поставить того, кто назвал меня так, впереди тебя по мудрости и прозорливости?

— Значит, ты называешь себя так, как удобно людям?

— Осмелюсь ли я в сотнях миров называть себя одинаково?

Вот собака бешеная, размышлял Коваль, рассматривая парящую в бронзовом свете бабочку. Больно ей, конечно же, не было, только идиот поймался бы на такую удочку. Но по сравнению с голографией двадцать первого века качество сногшибательное.

— Ладно, но я не могу называть тебя просто джинном. У тебя есть имя?

— Будет ли лучезарному удобно называть меня Хувайлид?

— Удобно? Гм... Как скажешь. Погоди, — спохватился президент. — Такое имечко я не смог бы сам придумать! Ты не мог его вытащить у меня из памяти, верно?

— Имею ли я право оскорбить властительного робким напоминанием, что мое жалкое имя Хувайлид он мог слышать в годы отрочества?

У Ковалья зародилось настойчивое желание швырнуть в джинна сапогом. Бабочка невозмутимо помаргивала шаровидными глазами, едва заметно шевелила полуметровыми пальцами. «Значит, что бы я ни спросил, я не услышу от него ничего нового? Тогда зайдем с другой стороны...»

— Почему ты показываешь мне это дурацкое распятие? Ты издеваешься надо мной?

— Разве отважился бы смиреннейший?..

— Прекрати нести чушь. Тебе прекрасно известно, что такое для христиан распятие. Какого черта вы подвесили бабочку, очень весело?

— Неужели мудрейший всерьез полагает, что вину человечества может принять на себя лишь человек?

— То есть... Поясни!

— «Вот ты и попался!» — подумал Коваль. — Армянскими ответами не отделаешься!»

— Может ли так быть, чтобы светлейший из людей не верил в благородные мотивы Летучего народа?

— Ах вот как... Ты хочешь показать мне, что бабоч... Что Летучий народ уважает христианскую веру?

Голос Хувайлида зазвучал торжественно:

— Разве у достойнейшего сына своей веры есть повод усомниться?

— Кажется, я понял... Для мусульманина ты будешь выглядеть совсем иначе, верно? А для ящерицы — станешь большим тиранозавром, так?

— Разве могущественнейший из сынов своей расы может ошибиться?

Коваль опять задумался.

— Э-э-э... Пожалуйста, отвечай мне односложными утвердительными или отрицательными предложениями, но только не вопросами...

Молчание.

Коваль даже слегка растерялся.

— Ты слышал, что я просил?

— Да.

— На самом деле ты машина?

— Нет.

— Ты живой из... как там его... из Летучих?

— Нет.

— Блин, так стало еще хуже... Ты же понимаешь, что я хочу узнать, почему хитришь?.. Вот что, давай ты будешь отвечать утвердительно или отрицательно, но с добавлением минимального развернутого комментария в размере... мгм... около пятнадцати слов. Уфф!

— Артур почувствовал глубокое уважение к собственной находчивости. — На Земле есть живые Летучие?

— Нет. Да. Ответ не укладывается в указанные рамки.

— И да и нет?! Вы прилетаете и улетаете?

— Нет. Летучий народ не пользуется пространственными перемещениями.

— Вы приходите через Малахитовые двери?

— Да.

— Эти ворота... Они ведь на самом деле не для того, чтобы кого-то выпустить наружу? Они ведь для того, чтобы впустить нас внутрь? — Коваль закончил вопрос с колотящимся сердцем. Пожалуй, он был самым важным за время аудиенции.

— Да. Нет.

— Как правильно, по науке, назвать врата?

— Испытываю недостаток терминов на языке общения. Пятимерный релятив-континиумный... (жужжание) портал номер... (жужжание) элеваторного типа... (жужжание).

— Зачем все так сложно? Вы нарочно зарыли лифт под скалой, чтобы люди не нашли?

— Нет. Предполагается, что портал недоступен для технических средств. Предполагается, что порталом могут воспользоваться разумные расы, достигшие уровня... (жужжание), способные к невербальной коммуникации хотя бы в пределах планеты.

— Стало быть, остров раскололся случайно?.. — разочарованно протянул Коваль.

— Да.

Ну, о чем еще базарить, если тебя считают слепым котенком? Дьявол их разбери! Все кипящее ядро планеты — это их вотчина. Может быть, Земля — лишь одна из тысяч станций, обеспечивающих...

Обеспечивающих что?

— Так это вы препятствовали рытью сверхглубоких скважин?

— Да. На глубине одиннадцати километров пролегает верхний уровень охлаждающих цепей.

— Ну, теперь-то вам никто не помешает... Скажи, джинн, эти твои Летучие рады, что у человечества нет больше науки и шахт?

— Нет. Не рады.

— А вы знали, что так произойдет?

— Да. Нет. Деграция вашего разумного сообщества оценивалась с вероятностью шестьдесят четыре процента.

— Черт! Но если вы такие умные, почему нас не предупредили? Почему вы не контактировали с нами?

— Нет. Да. Имелись многочисленные безрезультатные попытки контактов по всей ширине диапазона мозговой активности.

— Но со мной же ты как-то общаешься?! Почему с Другими не могли? Вас же искали, в тарелочки верили, в круги на полях!

— Текущий диалог стал возможен в результате резкого уменьшения популяции разумных особей и, как следствие, — возобновления утраченных навыков коммуникаций.

— Но ведь вы могли просто появиться, показать себя! Почему вы не остановили Вторую мировую войну?!

— Да. Нет.

— Ты не ответил мне. Почему вы не помогли предотвратить эпидемию СПИДа?

— Да. Нет.

— Ну хорошо, хорошо, я исправлюсь... Вы принципиально не вмешиваетесь в дела аборигенов?

— Да.

— Вот беда! Теперь ты мне скажешь, с кем я говорю?

Мгновенная пауза, и сразу же — едва заметная смена тональности. Джинн теперь говорил сдержанно, четко, словно вещал с преподавательской кафедры. Артур дышал ртом, чтобы окончательно не свихнуться от дыни и левкоя.

— Существуют шестнадцать вариантов ответа, отвечающих критерию истинности в пределах пятидесяти одного процента и более. Для верной формулировки испытываю недостаток научных терминов на языке общения.

— А ты будь проще!

— Я — Сезам.

— Не катит. Это для детского сада.

— Я — управляющий контур источников возмущений земной коры.

— Круто... Гм, если это правда, то действительно круто. Как же ты ее возмущаешь?

— Управляю процессом термоядерного синтеза ядра планеты.

Теперь надолго замолчал Артур, переваривая услышанное.

— Дружище Хувайлид, еще варианты ответа имеются?

— Да. Адаптивная поливекторная... (жужжание) белково-кластерная система взаимодействий...

— Э, хорош! Пожалуйста, продолжать не надо. Просто скажи, тебя можно назвать разумным?

— Нет. Да. Я отображаю коллективное мнение плодородных Отцов.

— Они решили не вмешиваться, пока люди не поумнеют?

— Да. Колония плодородных Отцов не участвует в разрешении конфликтов в среде сообществ четвертого уровня.

— Гм... Это мы — четвертого уровня? В чем же выражается наш четвертый уровень? Телепатию пока не освоили, поэтому?

— Нет. Набор критериев составляет одну тысячу шесть штук обязательных.

— Так перечисли хотя бы главные, если дело не в телепатии! Назовешь?

— Да. Необходимо отсутствие государственных границ. Отсутствие паспортной системы. Отсутствие вооруженных армейских формирований. Отсутствие религиозных культов...

— Погоди, погоди... — шутливо поднял руки Коваль. Бабочка послушно затихла. Гигантская голограмма плавно покачивалась на фоне рядов заброшенных термитников, на фоне сотен темных окошек, застывших, как распахнутые рты.

— Ну, допустим, насчет государства, это понятно. Но вера-то вам чем помешала? Или ваши, как их там, плодородные Отцы считают верующих идиотами? Так верующие, между прочим, и создали цивилизацию!

— Нет. Отцы не считают верующих людей идиотами. Однако отцы считают, что необходимая динамика развития способностей обеспечивается исключительно в обществах, свободных от религиозных догматов.

— Значит, на Землю вы больше не вернетесь? И воспитывать нас не станете?

— Нет. Данная планета используется как распределительный узел шестнадцатого энергетического каскада.

— Е-мое... Для чего же тогда врата?

— Да. Нет. Вероятность достижения интеллектуального порога восприятия за последние четыре цикла возросла на восемнадцать процентов.

— То есть мы не безнадежны?

— Да. Нет. Разумная община на данной планете продолжает оставаться перспективной.

— Но если все такие тупые, зачем ты разговариваешь со мной? Выполни уже какое-нибудь мое потаенное желание, нацепи мне рога и вышвырни назад!

— Нет. Данная потребность невыполнима. До периода Большой Смерти была бы выполнима.

— То есть... Ты знаешь, что такое Большая Смерть?

— Да. Термин мне знаком.

— То есть до Большой Смерти ты бы не стал со мной разговаривать?

— Да. Нет. Вероятность тридцать один процент.

— А нынче я поумнел?

— Да. Нет. Некорректный вопрос. Твои подсознательные мотивации лишь на девятнадцать процентов расходятся с сознательно внедренными установками.

— Это что... некая критическая величина? Ты можешь объяснить понятнее?!

— Да. Закрепились принципиально иные мотивации и алгоритм принятия решений.

— Давай еще проще... — простонал Артур. — Я чем-то лучше других?

— Да. Нет. Твоя внутренняя мотивация на девяносто четыре процента отвечает критерию Отцов колонии. Ты не преследуешь цели личного благосостояния.

— А что... Это так важно?

— Да. Статистическая выборка по данному portalу за последние четыре тысячи лет характеризует тебя как уникальное явление.

— И ты не станешь превращать меня в золотую бабу?

— Нет.

— А что ты со мной сделаешь?

— Да. Нет. Да. Некорректная формулировка.

— Вот что, давай договоримся! Ты будешь отвергать не «да» и «нет», но и все остальное, только без вопроса на вопрос и без этих восточных завихрений. Согласен?

— Согласен. В таком случае я выберу модель речи, оптимально отвечающую твоему личному восприятию.

— Так что ты со мной сделаешь, раз я не прошу ничего для себя лично?

— Ничего не сделаю.

— Зашибись! — Артур задумался. — И что мне это даст?

— Ты получишь возможность осуществить свое главное желание. Я приложу усилия. Помогу тебе один раз. Найти человека, которого ты ищешь.

— Но я не ищу никакого человека? Стоп... Или ты имеешь в виду Карамаза?

— Я имею в виду человека по имени Бродяга. Он нужен тебе, но без моей помощи ты его не найдешь. Эту помощь ты получишь. Отцы колонии сочли это разумным вмешательством.

Артур задумался. Очевидно, у джинна и близко не было в планах открывать сундуки с золотом или делиться коврами-самолетами.

Коваль сразу поверил, не задумываясь. Слишком грандиозно все это выглядело, чтобы не поверить.

— Давай уточним. Ты меня забросишь в нужную точку земного шара — и с возвратом?

— Век свободы не видать! Но возврата не гарантирую. И точности не гарантирую.

— Еще раз, чтобы потом не свалить дурака! Как ты это называл?

— Темпоральное сжатие в размере одного локального дня. При условии свободных мощностей. Флуктуационные сдвиги по вектору абсолютного времени не должны превышать четырнадцать миллисекунд, иначе наступит дестабилизация событийного контура.

— Этого мы не допустим! — твердо пообещал Коваль, задаваясь вопросом, что же именно он только что пообещал. — Погоди... А как насчет небольшой засухи или потопа?

— Исключено. Плодородные Отцы возражают против активного вмешательства.

— Ну, вы хитро устроились! Выходит, я один должен умирять арабов с помощью какого-то полоумного бродяжки? Один я не справлюсь...

— Ты приведешь других. Ты — ключ.

17 НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Президент искал в песочном городе Озерника. Озерник был ему нужен для одного мелкого, не особо приятного, но важного дела. Джинн заявил, что у него прорва забот в других точках земной сферы, но Ковалю показалось, что подобное ловкое самоустранение тоже является частью игры. Коварный Хувайлид хотел, чтобы президент сам отыскал

сбежавшего колдуна.

Некоторое тревожное чувство подсказывало Ковалю, что ему может совсем не понравиться состояние Прохора. Что с Сыном могли произойти не самые лучшие события в его недолгой, но бурной жизни. Очень может быть, Прохору лучше было бы сгинуть в драке с янычарами...

Город простирался вокруг на миллионы, а может быть миллиарды километров, тенистые арки призывали войти, укрыться от бронзовых сполохов, сотни переулков, изгибаясь, уводили к крохотным площадям со звенящими арыками. Там журчала вода, остроконечные тени домиков подметали выбеленный известняк, пропахший дыней воздух колыхался маревом в сонной тишине. Черные амбразуры окон, прищурясь, глядели в спину. Несколько раз Артур оборачивался, резко, внезапно, пытаясь поймать движение, но скрученный в пространстве лампы городок был пуст. Он видел тысячи пустых хижин, тысячи порталов, когда-то распахнутые, наполненные стрекотом крыльев, мелодиями, смехом встречающих и провожающих. В некоторых из них селились мечты, в некоторых норовили спрятаться от реальности те, кто случайно шагнул в скважину врат, да так и не отважился выйти наружу через тысячи выходов. Несчастные, провалившиеся в лампу, бродили по переулкам, озирались, пока их не настигал великий страх, пока в свернутом мирке не наступала темнота. Тогда обессиленные создания забирались в первый попавшийся «термитник», и... все. Проваливались обратно, в одну из множества скважин. И не всегда на своей планете.

Коваль нашел молодого Озерника на широкой площади, от которой разбегались пять или шесть улочек. Посреди площади, вместо фонтанчика, находилось возвышение из желтого материала, подозрительно похожего все на тот же проклятый и воспетый поэтами, обожаемый человечеством металл. С колдуном происходило что-то неладное, хотя сам он, похоже, этого не замечал. Сын Прохор сидел на пятках, раскачивался, потерянно водил вокруг себя глазами, делал движения будто собирал рассыпавшуюся крупу. Из разбитого рта текла кровь и слюна, глаза вращались в орбитах, как пластмассовые пуговицы в стеклянных глазках куклы-неваляшки...

Вот только сидел он вверх ногами. Точнее — сидел нормально, на пятках, но относительно Артура завис вверх ногами, в немыслимой для земной гравитации проекции, а рядом с колдуном, на тусклом металле, валялся его вещмешок и тоже не собирался падать. Колдун после приземления очутился как будто в иной вселенной, которую можно было наблюдать по недосмотру ответственных лиц.

— Я должен взять у него в мешке?

— Да. Зеркало.

— Зачем мне зеркало? Молчание.

— Ой, извини. Я хотел спросить... Зеркало мне нужно, чтобы держать с тобой связь?

— Нет. Зеркало необходимо для коммуникации с представителями иных языковых групп.

— Ага... так бы сразу и говорил... Последнюю сотню метров, а может и все три сотни, Артур взбирался в гору. Он оглядывался назад, и всякий раз хотелось ухватиться руками хоть за что-нибудь или опуститься на четвереньки и ползти дальше так. Он видел за собой крутой склон, настолько крутой, что непонятно было, как он еще не покатился назад. Склон был усеян дырявыми «бутылочными» домиками, а впереди, задрав голову, можно было различить точно такую же картину. Сколько бы Артур ни продвигался вперед, он постоянно «висел» в одной и той же точке, словно закрепившись на колоссальном волчке пространства Лобачевского, а жутковатое призрачное поселение сжимало его вместе с воздухом, прессовало со всех сторон.

Точно сворачивался трубочкой упавший с дерева лист, и Артур оказался в центре спирали. Глаза видели одно, вестибулярный аппарат ощущал совсем иное. Иногда Артуру казалось, что лучше закрыть глаза и идти, доверившись интуиции, как учили его Хранители, но тогда он мог бы упустить Озерника...

Сын Прохор первым его окликнул.

— А, наконец-то... Ты... дурак... тоже?..

Артур замер, внимательно наблюдая за руками колдуна. От Озерника, если он решил переметнуться, всего можно было ожидать. Страшнее всего — если вывернется. Артур не обманывался, ни малейших шансов в драке с тридцатилетним волкомедведем у него не было. Трудно сказать, как поведет себя при этом невидимый, неосязаемый джинн, вероятно, поможет, но если он чуточку промедлит...

Озерник уже ни на кого не смог бы напасть.

Его ноги по щиколотку и кисти рук оказались погружены в твердое золото. Вокруг застрявших рук на металле запеклась кровь. Очевидно, колдун, угодив в западню, метался неистово, выкручивал суставы и порвал кожу на лоскуты. Артур угадал — Озерник пытался обернуться, но застрял на середине превращения, не в силах дотянуться до заплечного мешка с нужными травами, валяющегося тут же, буквально в шаге...

На Артура глянули запавшие, багровые волчьи глаза без ресниц. Верхняя челюсть Прохора успела отрасти вперед, загибалась над нижней, с желтых клыков текла розовая слюна, короткий сероватый волос покрывал лицо, плечи выгнулись, разорвав кафтан.

Спереди кафтан как-то странно раздулся, точно Озерник держал на животе подушку. Коваль настороженно обошел бывшего соратника по кругу, но пока не смог разглядеть, что у того творится с животом.

— Зачем ты сбежал? — спросил президент. — Ты только навредил своим родичам.

— Что ты можешь знать, насекомое... — лязгнул зубами колдун. — Ты дурак... веришь людишкам... Они тебя первые продадут...

— Вы получили максимум привилегий, — напомнил Артур. — Чего тебе не хватает? Чего ты просил у джинна?

Озерник отвернулся и всхлипнул.

— Убирайся, Демон, — глухо огрызнулся он. — Тебе никогда не проснуться по-настоящему. Ты служишь мерзким насекомым... Деды вначале думали, что ты понимаешь, что ты умный, раз проснулся в хрустальном гробу... — Озерник неудачно пошевелил рукой, из трещин в коже тут же брызнула кровь.

— Чего я не понимаю? Подскажи мне тогда... — Артур краем глаза следил за окошками домов. Его не оставляло ощущение, что в спину постоянно кто-то пялится.

— Не понимаешь, и не поймешь. Ты жил до Большой смерти, а теперь всех заставляешь жить так же.

Твои бывшие дружки Качальщики тебя уже ненавидят, скоро тебя возненавидят ковбои, когда у них перестанет родиться хлеб! Вонючие машины, паровики, снова нефть, снова химия... ты не понимаешь, что будущая жизнь — она в лесу. Будущее за Внуками, которых ты убиваешь. Твои псы растерзали Внуков на Ладогe, они охотятся за нами по всей стране. Дед правду говорит... — Колдун закашлялся, выплюнул розовый сгусток. — Сегодня ты нас обласкал, а завтра твои насекомые нас на вилы поднимут, за то что обращаться умеем, а остальных, кто для леса рожден, — тех сразу на костер...

Артур подошел чуть ближе и тут заметил синие, вспухшие предплечья, седую щетину на вытянутых скулах колдуна, пробивавшуюся сквозь шерсть, и резкий запах испражнений.

Озерник ходил под себя...

У Ковалья внезапно словно включилось дополнительное зрение. Он поразился, как это сразу не заметил очевидного — Сына Прохора запяли в золотую глыбу несколько дней назад, хотя они расстались недавно, наверху...

— Значит, вы продолжаете свои опыты? — устало поинтересовался президент. — Скрещиваете семя людское с семенем козликов и бычков? Что ты здесь-то искал?

Артур предпринял еще одну попытку заглянуть Прохору под нелепо свисающий живот, но черные губы Озерника приподнялись над клыками, вместо связной речи донеслось рычание. Впрочем, колдун быстро взял себя в руки.

— Мальцы... в бутылках... — Прохор скрипуче закашлялся. — Ты дурак... Кого ты

слушаешь? Надо забрать мальцов, Дед умеет, Дед знает ворожбу...

— Он говорит об эмбрионах сетевых трансформаторов... — Голос из-за спины заставил Ковалю подпрыгнуть. Сердце едва не выскочило между ребрами все-таки нервное напряжение было огромным.

Из сводчатой арки ближайшего «термитника» шагнул румяный старичок с козлиной бородкой, в пестренькой чалме и пестреньком же, долгополом узбекском халате. Тот же тембр голоса, что у «бабочки», только менее раскатисто и напыщенно.

— Ты... ты и есть Ху...

— Хувайлид, — любезно подсказал джинн. Его чалма была закручена совсем не так, как носят мусульмане, и вообще, обликом он скорее напоминал театрального актера, спустившегося с подмостков покурить. Невыразительные блеклые глазки, совершенно незапоминающееся личико, таких старичков до Большой смерти можно было встретить в каждой чайхане Ташкента.

— Если тебе удобнее, я вернусь к образу бабочки, — любезно предложил джинн.

— Э-э-э... нет, не стоит, мне так проще.

— Что тебе проще? — спросил Озерник. Он глядел на Ковалю сбоку, до предела вывернув шею, покачиваясь в своей окаменевшей сгорбленной позе, а на джинна будто не обращал внимания.

— Оставайся Хоттабычем, — разрешил Коваль.

— Эй, с кем ты болтаешь?! — сорвался на визг колдун.

— Он что, не видит?

— Он нас не хочет видеть и слышать, — старик в халате встал прямо напротив искривленной морды Озерника. Тот выгибался назад, едва не ломая себе суставы, пытаясь следить за Ковалем. — Когда он устанет бороться со своими желаниями, могут вернуться зрение и слух. Иногда так случается.

— Ты можешь освободить его?

— Нет. Я не держу его в плену. Его мозг был пленен намного раньше. Ты хочешь увидеть?

Кажется, джинн задал вопрос? Коваль не сразу отреагировал, какое-то время бестолково продолжал разглядывать дедушку-одуванчика. Тот безмятежно перебирал четки, покачивал сухонькой головкой.

— Ты... ты говоришь с этим бесом? С духом лампы, да? — задержался Озерник. — Как ты его слышишь? Эй, он не пощадит тебя, так и знай! Он посадит тебя на цепь, он заберет твои кишки!..

Артур сглотнул. Джинн терпеливо ждал, по его блестящему невозмутимому лицу пробежали зеленые сполохи. Чудовищный город-термитник щетинился вокруг тысячами голодных окон.

— Я хочу увидеть, — произнес Артур.

— Да. Смотри.

И выскобленные белые квадратики под ногами начали таять. Артуру непроизвольно захотелось отскочить назад, когда ступни повисли над бездной. Он мысленно сосчитал до десяти, убеждая себя, что бывало гораздо хуже, что главное не приложиться снова башкой, тем же самым разбитым местом, не то сотрясение обеспечено...

Перед ним разворачивались внутренности колоссального цеха. Свернутый листикам глиняный город остался на месте, но приобрел удивительную прозрачность. Президент, прикованный Озерник и их странный спутник оказались на шестиугольном выступе размером с половину волейбольной площадки. На одном из тысяч выступов, геометрически одинаковых, нависших над титаническим колодцем, уходящим в глубину Земли. Стены колодца, диаметром не меньше полукилометра, состояли из переплетения пульсирующих труб, разного цвета и диаметра, а внизу, на необозримой глубине, разливалось слабое зеленоватое свечение. Рокошущий гул долетал из шахты, будто тянули воздух мощные вентиляторы. Запах дыни и цветов не исчез, но ослаб, как и визуальный ряд; теперь сквозь

приятные ароматы отчетливо пробивались технические нотки, запах горелого, чего-то кисловатого, похожего на разогретый пластик. Шахта подсвечивалась и сверху рядами плавающих в пустоте звездочек, уж прожекторами их точно назвать язык бы не повернулся. Гирлянды ярко светивших звездочек парили в прозрачных пузырях без всяких видимых веревок. Сквозь мельтешение огней рассмотреть крышку или продолжение трубы Артур не мог, сколько ни старался. Периодически мимо их балкончика вверх и вниз проносились странные конструкции, больше всего напоминавшие растительные формы, а уж никак не детали агрегатов. Словно громадные корни деревьев, или клубки замороженных щупалец, или горсти семян, каждое размером со слона. Причем «корни» чаще плыли вниз, а «семена», подсвеченные вереницей «звездочек», стремительно поднимались из глубины...

Впрочем, Артур тут же себя поправил насчет центра Земли. В здешнем иллюзионе все направления и даже вектор гравитации могли оказаться липовыми. Их шестиугольный балкончик плавно скользил вдоль розовых, зеленых, коричневых труб, в ряду таких же выступов, удивительно напоминавших... Нет, он так и не вспомнил.

В центре каждого балкончика находилось возвышение из желтоватого металла, а может вовсе и не металла, но Озерник завяз в таком сгустке крепко. Балконы двигались по окружности шахты и ниже, и выше, поэтому Коваль получил возможность рассмотреть как следует то, что находилось ниже, у него под ногами. Золотистые выступы по центру шестиугольников являлись ничем иным, как плотно пригнанными крышками. Под ними, в глубину шахты свисали исполинских размеров бутылки, или, точнее сказать, наполовину пустые мешки, убийственно похожие на презервативы, слегка подрагивавшие, неистово горячие. Внутри каждого, в мутной голубоватой субстанции копошилось согнутое в позе эмбриона живое создание, то ли десятиметровый опарыш, то ли личинка исполинской мухи...

Мальцы в бутылках!..

— Никакое техническое приспособление не способно преобразовывать и удерживать энергию с такой эффективностью, как серийные организмы группы «гиф», — деловито пояснил джинн. — Они совмещают обе функции, преобразователя и мобильного накопителя. Серия «гиф» выращивается в гроздях на глубине сорок километров, затем проходит несколько стадий заполнения и поднимается в накопительные колодцы. Жизненный цикл серии «гиф» сбалансирован так, что каждые две секунды по локальному времени в шлейф передачи сбрасывают накопленную энергию четыре организма. Организм, на клапане питания которого мы находимся, будет готов к разряду через семь минут четырнадцать секунд.

До начала периода, который вы называете Большой смертью, некоторые ваши ученые разрабатывали схожие модели, но были осмеяны. Плодородные Отцы учли этот прискорбный факт. К сожалению, на большинстве планет, включенных Летучим народом в энергетическую цепь, научное развитие избирает техногенную модель. Человек, предавший тебя, мечтал получить в пользование хотя бы один системный трансформатор. В начале развития организмы группы «гиф» малы, их теоретически может поднять и унести человек.

— Что случится через семь минут? Озерника убьет током?

— Произойдет стыковка кокона с клапаном шлюза. За несколько миллисекунд шлюз осуществит прием-передачу, и организм будет отправлен обратно, в зону накопителей. Человек не сможет поддерживать жизнеспособность тела при температуре среды двести восемь градусов по Цельсию. Для того чтобы освободиться, твоему бывшему приятелю необходимо пересмотреть идеологическую доктрину. Он религиозен, и даже теперь продолжает молиться. Он не верит в рациональное объяснение событий. Я не могу ему помочь. Человек Прохор получил полный контакт с системным накопителем, его мечта осуществлена вполне.

Коваль сумел рассмотреть то, что он принял за обвисший живот Озерника. Снизу, из многометрового мешка, сквозь золоченую пробку, сквозь торчащие в ней конечности колдуна от личинки протянулись голубые жгутики. Они проросли Озерника насквозь,

собрались у него в животе толстым пульсирующим комком, вытесняя прочие органы, расплющивая ребра. Еще немного, и Озернику предстояло умереть от удушья; часть живого трансформатора, поселившаяся в нем, уже сдавила легкие.

— Отпусти его, — снова попросил Артур, чувствуя бесполезность и даже глупость своего заступничества.

— Нет. Да. Этот человек все мечтания сосредоточил на обладании серийным трансформатором. Он его получил, полностью и навсегда.

— Мне кажется, он давно мечтает освободиться...

— Нет. Он освободит тело, когда освободит мозг от преступных устремлений. Это непременно произойдет. Плодородным Отцам уже доложено, что в разумном сообществе на этой планете возникла группа третьего уровня. Эмпатически восприимчивая.

— Как это? — ухватился Артур. — То есть... вы считаете, что Озерники перспективнее нас?

— Да. Но они малочисленны. Вероятность их выживания на планете не более семнадцати процентов.

Коваль ощутил легкий укол стыда.

— Но они синтезируют уродов, нелюдей, понимаешь? Они тащат нас в леса, в пещеры. Ни науки, ни медицины, они тащат нас в звериные норы.

— Да. Хорошо. Один из путей постижения мира. Энергосберегающий, экологический. Разум многогранен, как вселенная.

Коваль чувствовал будто его перевернули вверх ногами и довольно долго трясли.

— Зеркало, — напомнил джинн. — У тебя не очень много времени.

Артур подобрал мешок, высыпал содержимое на горячие известковые плиты. Озерник зашипел, как брошенная на угли гадюка. Зеркало нашлось сразу, поцарапанное, затянутое по краям в потертую свиную кожу, тяжелая ручка в форме двух обнявшихся ящериц. Зеркальная поверхность присутствовала с обеих сторон.

Зеркало как зеркало, старое, обтертое по краям, в царапинах. Артур не представлял, как с его помощью можно наладить культурный обмен с иностранцами. На портативный переводчик оно совсем не походило.

— Ты мерзавец, насекомое, — зарычал Озерник. — рано или поздно Деда найдут меня и расколдуют...

— Ты же можешь его освободить! — напал Артур на хозяина лампы.

— Его никто не мучает, кроме него самого, — невозмутимо ответил Хувайлид. — Этот человек явился через те же ворота, что и ты, пятьдесят девять часов шестнадцать минут и три секунды тому назад по локальному времени планеты. Его желания внятны и ограничены, но мозг развит и готов к переходу. Стань возле меня и посмотри в зеркало. Что ты видишь?

Артуру показалось, что он отвлекся на поиск зеркала на две секунды, но когда он поднял взгляд, титаническая подстанция исчезла. Вместе с ней исчез Озерник. Перед президентом снова горбатился жутковатый глиняный город и перекатывал четки скромный дедушка в пестром халате.

— Я вижу себя... — осторожно начал Коваль. — Вижу дурацкие ваши улы, вижу тебя...

— Теперь переверни зеркало.

— Так и тут зеркало. Вижу то же... Ой! Хувайлид, это ты меня дуришь?

— Нет.

Артур дважды резко переворачивал зеркало. С одной стороны он видел привычную картину — себя, седого, небритого, в грязных морщинах, а позади — перебрасывающего четки, невозмутимого джинна. Интересно, эта программа умеет улыбаться?

Но с тыльной стороны зеркало столь же уверенно демонстрировало кусок «термитника», его собственную, уставшую рожу и... затылок джинна. Со светлой, более четкой стороны искажений не было, а на обратной... Хувайлид отошел еще дальше и теперь стоял вполоборота, заглядывая в оконце ближайшей пирамиды.

— Это не зеркало, — сказала изображение джинна в зеркале, и Коваль чуть не выронил таинственный прибор на твердое покрытие. Настоящий джинн все так же молча наблюдал, а его мелкий двойник в потемневшем стекле собрался без умолку болтать.

— Это не зеркало, — повторил джинн из глубины изображения. — Связь в экстремальной ситуации либо при лингвистических сложностях. Но практически я тебе не смогу помочь. Не смогу, нет. Зеркало сделали люди, такие же, как человек Прохор. Плодородным Отцам доложено, что существа третьего уровня сами освоили организм системы «Эрро»...

— Организм?! Что значит «освоили»? Они его у вас украли?

— Нет. Самостоятельная разработка. Оригинальная конструкция.

— Однако, нестыковочка! — съехидничал Коваль. — Выходит, что Озерники первыми за тысячелетия догадались о том, что вы ядро Земли превратили в электростанцию. Они сами сварганили живое зеркало, и вообще... перспективные. Чего ж ты со мной валандаешься, а Сына загнобил?

— Да. Нет... — Артуру почудилось, что на лице биоробота впервые мелькнуло что-то вроде растерянности. — Парадокс. Ты — ключ согласно критериям Отцов.

— И что же теперь?

— Ты — ключ. Отсутствие ложных мотиваций, соблюден основной критерий.

— Зачем ты мне все рассказываешь? Про энергию, про этих, про организмы?

— Плодородные Отцы разрешили начать эксперимент, он включает свободный доступ к информации. Но никакой практической помощи. Это невозможно.

— И что будет дальше? До какой поры ты мне собрался помогать?

— Эксперимент не ограничен во времени. Плодородные Отцы ожидали двадцать восемь тысяч стандартных планетарных лет. Теперь ты отправишься согласно пожеланию...

— Постой! Но это неправда! Я совсем не такой альтруист, как вы тут решили! Я мелочный и злопамятный. Я дарю жене вещи, отнятые у арестованных. Я посылаю людей на верную смерть. Меня ненавидят каторжане! С чего вы взяли, что помогать надо именно мне?

— Да. Нет. Ты не лучший, ты максимально приближен к оптимуму. В моей памяти хранятся данные о личностях, прошедших отбор на других планетах. В двадцати девяти процентах случаев прогноз по проекту «Эго» оправдался.

— Как оправдался? Ваши избранники, вроде меня, установили равенство и братство? Все негодяи разом сами попросились в тюрьмы, а кто не ощущал сил перевоспитаться, те бросились под поезд?

— Нет. Да. Моментальное изменение общественного строя не являлось целью, — казалось, джинна невозможно вывести из себя или хотя бы заставить повысить голос. Искусственный старичок излучал полнейшую безмятежность. — Я тебе говорил о перспективности так называемых Озерников. Ты подчинил себя идее служения, моя задача помочь тебе осознать верный путь. Избежать технического тупика. На восьми планетах эксперимент удачно завершен. Разумные сообщества вырвались из коллапса постоянной военной состязательности.

— Да, это немало... — задумался Коваль. — Если лидеры, которых вы сумели откопать, повернули миры к лучшему... Черт с ним, я готов. Но ты ведь и так знаешь мои планы, они далеки от пацифизма.

Хувайлид моментально превратился в деловитого провожающего.

— Ты выбрал первое действие. Для смещения вектора времени мощность достаточная. Твое возвращение произойдет через ближайший открытый портал. Желаю добра. Найдешь человека Бродягу и отвезешь к эмиру. Но я тебе окажу любезность. Маленькая экскурсионная программа.

— Погоди, я еще не выбрал!

— Нет. Ты выбрал давно.

Площадь вздргнула, улочки вокруг зашатались вместе с домами, в лампе потемнело. Затем земля ударила в подошвы, барабанные перепонки заныли, глубокие трещины

прорезали стены лампы, снаружи хлынул ослепительный свет.

Коваль невольно зажмурился, сглатывая слюну, чтобы выровнять давление на перепонки. Еще до того, как глаза открылись, он уже понял, что джинн выполнил обещание, отправил человека туда, куда тот безумно мечтал попасть.

Его зашвырнуло на Аравийский полуостров.

18 ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Ослепительное небо.

Прокаленные зноем, истертые миллионами ног каменные плиты, замкнутые в зловеющий квадрат двора. За высоченной стеной — следующий дворик, поменьше, тут же подобие зала заседаний, с легкими ажурными перекрытиями потолка, со сводчатыми узкими окошками.

Где-то жарили мясо, не свинину и не говядину, мясо чуть подгорало. Где-то замешивали раствор, используя солому и навоз, где-то курились благовония, отбивая смрад больницы. Дурманивший аромат выпекаемых лепешек смешивался с терпкой вонью верблюжьей шерсти. Гомон голосов на незнакомом языке, тархтение повозок, резкие выкрики торговцев, тающая печальная мелодия струнного инструмента...

Звуки окружили его, заставили встряхнуться.

Почему-то Артур очутился не на земле, а в узком полутемном переходе, на верхнем торце пятиметровой стены. С обеих сторон располагались могучие стропила, здесь начиналась крыша, здесь было чуточку прохладнее, чем снаружи, здесь можно было смотреть вниз без опасения быть замеченными.

— Ты желал посетить общественное место, господин! — Бархатистый баритон джинна лился ниоткуда. Коваль вдруг осознал значение выражения «словно елеем намазанный». Голос Хувайлида, похоже, целиком состоял из этого самого елея...

— Куда ты меня закинул? — Артур осторожно высунулся из-за мощной двутавровой балки, удерживающей крышу. С одной стороны стены распахнулись шумные улицы города, с другой стороны — царила тишина и строгость. В первом внутреннем дворе прохаживался усатый парень в полувоенном парусиновом костюме, с дубинкой и пистолетом на поясе. Собственно, это был не двор, а скорее, зал заседаний под открытым небом, поскольку крыша едва прикрывала половину двора. Там в несколько рядов выстроились низкие скамейки, их укрывали циновки и подушки. В уголке двора бил фонтанчик и висели рамки с изречениями на арабском языке.

— Тебя всегда увлекало, как вершится правосудие, — отозвался джинн. — Ты волен избрать иное место для раздумий. Здесь, внизу, внутренний двор суда и тюрьма...

— Мы пока останемся здесь... — Коваль во все глаза разглядывал Эр-Рияд.

Впервые за годы, проведенные в «новом» мире, он встретил кусочек былой цивилизации. И сразу же посочувствовал Сергею Дробиченко. Тот так мечтал пожить в городе с унитазами и радио...

Посреди зала, на задрапированном коврами возвышении, восседал сухонький дед в белой чалме и такой же белой одежде. Его жидкая седая борода едва не стелилась по полу. Коваль невольно улыбнулся — дедушка напоминал старика Хоттабыча из старого советского кино.

Очень скоро выяснилось, что добренького мага седобородый напоминал только внешне. Он каркнул свирепо, полицейские привели и усадили на пол несколько женщин. Затем, через другую дверь, вошли зрители, все — смуглые мужчины, и тоже все в белом. Некоторые крутили меж пальцев четки, некоторые заглядывали в листки. На мягкие подушки так никто и не покусился, сдержанно толпились перед судьей.

Внезапно одна из теток, с растрепанными косами, в рваном балахоне принялась выть, затем вскочила и закричала что-то, жестикулируя свободной рукой. Полицейский с палкой кинулся к ней, в то же время тетке темпераментно ответил один из зрителей.

— Хувайлид, о чем они? — поинтересовался Коваль.

— Хайям обвиняют в том, что она громко смеялась при людях, — с готовностью ответил джинн. — Сейчас она ругается со своим мужем, Абдулькаримом. Это тот человек, с кудрявой бородкой.

Толстой Хайям досталось по спине и сзади по ногам. Она охнула и замолчала, потирая ушибленные места. Женщинам не дали сесть на скамейки с подушками, их отвели в сторону. Вдоль голой кирпичной стены проходила толстая деревянная балка, в которую были ввинчены крюки с короткими кожаными ремнями. Вылез толстомордый усач в форменной парусиновой рубаше с потными подмышками, в таких же парусиновых штанах, обтягивающих необъятный зад, и в тяжелых ботинках. Его погоны и шевроны на воротнике означали, видимо, небольшую, но гнусную властишку. Трое молодых полицейских при появлении начальника вытянулись. Тот дал команду, указав на молодую женщину в испачканной одежде. Ее подхватили под руки и поволокли к седобородому судье, а остальных приковали к балке за левые руки кожаными браслетами.

Толстая Хайям попыталась вскочить, начала что-то возмущенно доказывать полицейскому. Он сбил ее с ног, подскочили еще трое его товарищей, замелькали бамбуковые палки. Женщина рыдала, однако у Ковалья возникло впечатление, что для нее это скорее балаган, нежели преамбула к наказанию. Хайям еще разок рыпнулась, плюнула в служителя закона. Толстомордый вскипел, огрел ее со всей силы, придавил ее лицо ботинком к полу, несколько раз проехался по заднице палкой.

— Вот суки, — выдохнул президент. — Наши крестьяне своих баб так не лупцуют, а он чужую жену... Гля, муж ее стоит, как телок, не рыпнется! Да я б ему за свою кишки вырвал!..

— Муж не станет вмешиваться, — пояснил джинн. — Этот, с черной бородой, он судья. Никто не смеет возражать судье.

— Почему же? Судья человек, и может допустить ошибку. Должно существовать право на обращение в высшую инстанцию. У них есть Большой круг?

Привязанные женщины тихонько стонали, то ли раскаивались, то ли тут было так положено. Только у троих лица покрывала чадра, пожилые обходились платками. Трое мужчин с палками прохаживались между скамейками, уделяя внимание особо буйным. У Ковалья начало от жары ломить виски. Он вскользь подумал, что подступает старость, раз перепад климата оказал такое влияние.

— Здесь бесполезно жаловаться. Нельзя найти другой суд, потому что судят согласно шариату. Нельзя обращаться к власти и жаловаться на суд. Получится, что жалуешься на шариат. А шариат — это сам Коран... Так понятно?

— Куда понятнее... Ничего не меняется. Слушай, Хувайлид, если вы порицаете подобные порядки, какого черта не вмешаетесь?

— Да. Если господин позволит пошутить, я бы заметил, что порядки, установленные им, в его стране, достойны большего порицания.

Пока Артур размышлял, как бы достойно ответить, судья подобрал бумаги, принялся читать, долго и выразительно. Обвиняемые и зрители почтительно затихли, из-за раскаленной стены зала долетал далекий шум базара: выкрики торговцев, вопли ишаков и верблюдов, высокие, лопающиеся звуки, словно задевали струны металлической арфы. Солнце, казалось, спускалось все ниже, чтобы расплавить людям мозги. Тонкая кольчуга Артура, надетая под кожаную куртку, обжигала кожу.

— Хувайлид, что говорит судья?

— Эта молодая Джанан — воровка. Так говорит судья. Соседи торговца видели, как она взяла фрукты с его прилавка и не положила обратно...

Боковые двери распахнулись, ввели еще двух женщин. Их не стали привязывать, а поставили сбоку от судьи. Старичок в чалме нацелил на них остренький палец.

— Вызвали свидетельниц, — продолжал джинн. — Судья недоволен, потому что одна из свидетельниц ничего не может рассказать...

— На хрена такой, свидетель, который молчит как рыба?

— Коран предписывает иметь двух женщин свидетелями. Это то же самое, что свидетельство одного мужчины...

Воровка заплакала, свернувшись в калачик. На ней позвякивали монеты, длинные серьги, браслеты перекатывались на руках. Артур подумал, что у богатой девицы явно не все дома, раз с такими цацками тырит на базаре персики.

— Хувайлид, продолжай. Что он говорит?

— Судья говорит, что закон требует отрубания руки, но женщину Джанан поймали впервые. Судья говорит, что Аллах милосерден, и мы тоже должны проявлять милосердие к тем, кто оступился, но готов исправиться. Женщине Джанан назначено наказание, сорок палок по ступням, пятьдесят плетей по ягодцам и денежный штраф в пользу пострадавшего...

— Это кто же пострадавший? — изумился Коваль. — Это вон тот жирняк обвисший?

Сбоку от свидетельниц, соблюдая дистанцию, поглаживал живот обворованный купчина. Коваль слушал вполуха. Он наблюдал, как отвязывают от бревна «преступниц», одну за другой подводят к судье, подгоняют при этом палками, несомненно, оставляя на теле синяки; как судья в считанные секунды принимает решения; как троим определили по нескольку лет тюрьмы и тут же туда увели, минуя предварительные этапы и прочую бюрократию.

— Хувайлид, у меня подозрение, что тетки просто оговорили девушку. Я имею в виду ту, первую, что украла персики... Скажи, эта Джанан — она действительно стащила фрукты?

— Господин опять желает заглянуть за внешнюю суть вещей и событий? — зарокотал джинн. — Разве господин опять желает выйти из реки времени?

— Нет, только не это, — спохватился Коваль. — Ну, видишь ли... Я думал, что ты и так знаешь... э-э-э... без погружения.

— Разве моей матери вдули при зачатии божественный дух? — почти грустно спросил джинн. — Никому из нас не позволено заглянуть в мысли Всевышнего, никому из нас не позволено при взгляде на человека угадать, виновен он или нет. Если господин желает проникнуть...

— Нет! — рявкнул Артур. — Перестань паясничать, ради всего святого! Ты всего лишь кусок машины и не притворяйся оракулом. Дали тебе команду искать старательных дурачков, вроде меня? Лучше бы электростанцию построили... Скажи, их сейчас будут бить плетью?

— Да.

— Э-э... Ты можешь каким-то образом выяснить, снижается ли в Эр-Рияде от этого преступность? Хувайлид, ты слышал вопрос?

— Слышал, господин. Мой господин желает знать, насколько помогали исправлению преступников телесные наказания во времена моей молодости?

— Нет, господин говорит о сегодняшнем... А-а-а черт! — Артур начал понимать. — Я не соображу, какое же преступление в смехе...

— Карима купалась вечером, сняла обувь и слишком высоко задрала гандуру. А потом размотала шаль, сняла гишуа и омывала лицо водой. Ее волосы видели мужчины в чайной. Карима тоже видела мужчин, но сделала вид, что не замечает. За безнравственное поведение она получит двадцать пять ударов по пяткам и десять плетей...

Сальва оскорбила мужа. Муж ее грубый человек, это всем известно, его тоже будут судить за побои, нанесенные второй жене. Сальва говорит, что хотела лишь защитить вторую жену от побоев, ведь той всего четырнадцать лет. Однако Сальва трижды поцарапала мужу лицо, это слышали и видели соседи...

— Довольно, — прервал Артур. — Мне уже ясно, что здесь собрали цвет преступного мира. Неужели их будут лупить при всех? Я не хотел бы смотреть...

— Господин желает покинуть город?

— Нет, нет, я передумал...

Половина двора со стены не просматривалась, президенту пришлось переместиться вдоль стропил, рискуя привлечь внимание стражи. Но пока он пробирался, помещение суда опустело. Многочисленная толпа зрителей-мужчин расходилась, благодушно посмеиваясь, как ни в чем не бывало, обсуждая торговые операции.

Во внутреннем дворе солнечные лучи падали отвесно, раскаляя камни до состояния жаровни. Широкий тряпичный козырек на столбах создавал ненадежную защиту; под тентом расставили несколько низких кресел. Туда переместился судья, жирный полицейский начальник и еще кто-то важный, в белой дишдаше с нагрудными карманами.

Женщин снова привязали к бревну. Помимо бревна, во дворе имела вкопанная жесткая конструкция из толстых брусьев, напоминающая наклонную лестницу. Из темного провала возник человек в черном бурнусе, удлиненном кафтане, подпоясанном пестрым поясом, с какими-то приспособлениями в руках.

Палач, догадался Артур.

Стражи порядка подхватили первую из осужденных, заломили ей руки и, невзирая на отчаянные мольбы, поволокли к дыбе. Палач разложил на лавке плетки, палки из бамбука. Женщину перевернули буквально вверх ногами, оплели лодыжки веревками, затем палач проделал быстрые манипуляции с дыбой, голые пятки оказались вздернуты и разведены в разные стороны. Чтобы жертва не могла отбиваться, ей стянули руки, и затем ее довольно бережно опустили на спину, на подложенную циновку. Женщина корчилась на спине и блеяла, как предназначенная в жертву овечка. Тощий судья мирно беседовал с усатым толстяком. Ожидаящие своей очереди дамы тоскливо хныкали. Чахлые деревца и минареты колыхались в расплавленном воздухе.

— Еще немного... — Артуру уже не хотелось сбежать, напротив, хотелось досмотреть представление до конца. Садистских наклонностей он за собой наблюдал, тут играло роль нечто иное; президент жадно впитывал чуждую психологию, чуждые общественные основы. Эти люди, собравшиеся во внутреннем дворе тюрьмы, не искали новизны в мире, не искали свежих впечатлений, и уж тем более, не рассуждали о кризисе цивилизации, о роли личности в процессе, и о прогрессе вообще. Они не нуждались в прогрессе.

Вероятно, они нуждались в неких универсальных стимулах для существования — в радости деторождения, в дружбе, в любви, наконец. А теперь он, русский, заявился в этот оазис первозданного равновесия, да еще с самоварами своих brutальных идей, и будет тут копошиться, всем мешать и всех смущать... Женщина завизжала, как поросенок под ножом. Она извивалась, пытаясь уберечь ступни, но палач обладал завидной меткостью. Черная палка опускалась с сухим, вибрирующим звуком. На пятнадцатом ударе голые ступни превратились в синяки, поверх общего лилового фона вздувались буграми более свежие гематомы. Воровка верещала и металась между брусьями, изрядно отбив себе бока.

Когда ее отвязали и поставили на ноги, женщина не смогла самостоятельно идти. Она сделала шаг, взвыла и повалилась в горячую пыль. Полицейские в белых гетрах подскочили к ней с двух сторон, но больше не били, оттащили несчастную в тень. Старый судья поднялся, грозя пальцем остальным, сжавшимся, забитым...

Следующей настала очередь молодой воровки Джанан. Женщину бесцеремонно протаскивали по пыльным камням; несколько раз она ухитрялась уцепиться за одежды подруг по несчастью, но полицейский, шедший сзади, бил ее по рукам.

Ее привязали к дыбе, но несколько иначе. Поставили на ноги, руки растянули вверх и в стороны. Затем вокруг женщины сгруппировались трое. Коваль тянул шею, но из своего укрытия никак не мог рассмотреть происходящее. Над двориком тюрьмы повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь прерывистым дыханием стражей порядка и сдавленными всхлипами наказуемой. Судья поудобнее устроился на подушке, мальчик подлил ему холодного чая в пиалу. Толстомясый полицейский что-то говорил ему в ухо, оскалась. Прикованные к бревну женщины, похоже, впали в транс. Понурившись, глядели в землю. Рядом с Артуром, из скрытого в щелях балки гнезда, выпорхнула маленькая пестрая птичка и упорхнула по своим делам. Президент сжимал в руке зеркало, оттуда, из размазанной

глубины, выглядывало отрешенное личико Хувайлида.

Артуру вдруг почудилось, что достаточно ущипнуть себя, вскрикнуть, дернуть за волосы — и все пройдет. Исчезнет мир расплавленных камней и бессмысленной жестокости, исчезнут Хранители, Озерники и джинны, исчезнут лысые псы, летуны и черные жеребцы. Вероятно, исчезнет Надя Ван Дейк и дети, ведь она тоже окажется частью сновидения. Он потянется, улыбнется и проснется в капсуле глубокого анабиоза, в родном 2006-м году, во время первых испытаний. Над ним склонятся встревоженные друзья — Мирзоян, Денисов, прибежит профессор Телешов, будут спрашивать, почему он такой странный, как себя чувствует и чему улыбается.

А он будет улыбаться, не в силах прекратить. Просто оттого, что от Толика знакомо пахнет сигаретами и одеколоном, оттого, что за пультом колдует и улыбается ему симпатичная лаборантка, что за стенами института ревет машинами вонючая Петроградская сторона, по помойке во дворе корпуса лазают самые обычные кошки и собаки, и никто не слышал слова «Большая Смерть»...

— Господин не может сделать выбор? — Язвительный голосок джинна с размаху вернул Ковалю обратно, в Азию. — Ты хотел повидать эмира Сайда, и в то же время ты хотел найти, безусловно, надежное средство для войны с Халифатом. Ты должен выбрать!

Ничего не закончилось. Ничего не приснилось. Рыдающую Джанан, наконец, привязали. На ней как-то хитро задрали платье, а вокруг тела обернули нечто вроде широкого войлока. Позади в войлоке оказалось специально вырезанное отверстие, оставляющее голыми белые ягодички.

Палач взвесил на ладони плетку, примерился и нанес пробный удар. Женщина завизжала на такой высокой ноте, что Артур невольно поднял глаза, отыскивая вокруг насекомое или невозможный в этом мире самолет. Палач бил с оттяжкой, постепенно наращивая амплитуду ударов. При каждом его ударе преступница замолкала, набирая в грудь воздуха для следующей порции крика. Она повисала на привязанных руках, затем выгибалась дугой с такой силой, что вздрагивала тяжелая дыба. Ее белые ягодички уже давно не были белыми и нисколько не походили на усладу мужских взоров. Кровь текла у нее по ногам, брызги разлетались при каждом движении, заливая помост, впитываясь в песок. Видимо, от боли воровка обмочилась, под ее пятками, на камнях, появилось темное влажное пятно. В какой-то момент она поперхнулась собственной слюной, ее начало рвать. Экзекуцию остановили, облили Джанан водой, и судья кивнул, что можно продолжать.

Прочие преступницы прекратили шуметь, они следили за полетами плети, как заколдованные, не в силах шевельнуться. Мужчин охрана оттеснила от места казни ранее, они спокойно болтали, даже негромко посмеивались за стеной. Никто не расходился — скорее всего, ожидали разрешения судьи. Старикан не спускал глаз с казни, коротко кивал подобострастному шепоту толстого офицера.

Последним доводом в пользу дальнейшей войны для Артура послужило именно поведение зрителей в соседнем дворике. До этого, приобретя в союзники компьютер Летучего народа, он склонялся к мысли немедленно навестить эмира, запугать его или, наоборот, умаслить, и уговорить, чтобы Халифат не поддерживал Карамаза. Но, слушая, как поет плеть, как воют осмелившиеся засмеяться или обнажить макушку тетки, президент России передумал.

— Джинн, так что я там мечтал насчет оружия? — спросил он у зеркала. — Что ты предлагаешь? Прикатить сюда бомбу?

— Я предлагаю человека, — торжественно заявил джинн. — Твое оружие зовут Бродяга. Только я не могу гарантировать точность при посадке, над Сибирью сейчас искажения. Нужный нам человек живет где-то в лесу.

Коваль открыл рот, чтобы выразить решительный протест, но его уже швырнуло ногами вперед в темноту.

ЛЮДИ ГЯЗИ

Левая нога совсем замерзла. Мбуба подвинулся и уперся головой в мягкое и теплое. Мягкое шевелилось. Мбуба стал думать, что там такое, за головой. Пока он думал, стало щекотно на животе, замерзла уже правая нога. Но спать все равно хотелось сильнее, Мбуба опять подвинулся. Пришлось сильно упереться головой в большое и мягкое. После этого что-то тяжелое и холодное два раза ударило по затылку.

Чутье охотника подсказало — сейчас ударят еще раз, и еще. Так и случилось. Мбуба заорал и проснулся.

Головой он упирался в живот Злого Мбаты. Мбата тоже проснулся, несколько раньше, и теперь бил Мбубу по макушке обглоданной берцовой костью Мохнатого. Мбата вообще был молчалив, слов знал мало, но умел объяснить доходчиво и кратко. Мбуба не стал драться, а пополз в сторону, волоча за собой свою замерзшую ногу.

Вокруг все просыпалось, дрожа от холода. Мбуба оторвал большой кусок хвоща и удивился, какой невкусной и твердой стала еда. Спать с каждой ночью становилось все холоднее, четыре небесных огня назад не проснулись утром двое маленьких. Глупые женщины начали кричать, но Умный Моба сказал — их позвала Большая Крыса. Большая Крыса плачет под водой, потому что мы съели всех ее детей, теперь нужно отдать ей своих. Не все поняли Умного Моба, но Мбуба понял, он знает много слов. Он стал думать, и думал весь день, даже не пошел собирать грибы. А когда стало темно, он пришел к Моба и сказал:

— Мы съели всех крыс.

— Съели, — подтвердил Умный.

— Два небесных огня назад мы съели все вкусное над водой.

— Съели, — подумав, согласился Умный.

— Когда было тепло ночью, как днем, мы съели все грибы на кочках.

Умный кивнул. Он устал следить за мыслью.

— Одну жизнь жабы назад мы начали сильно хотеть кушать...

Моба пукнул под водой и посмотрел на маленького Мбубу ласково:

— Ты маленький, я — большой. Ты знаешь больше слов. Это хорошо. Утром пойдешь собирать пиявок. Теперь буду спать. Уходи.

Мбуба ушел, вспоминая что-то умное, чего не успел сказать вождю. А потом встретил в темноте сестер и пошел с ними петь песню. Они пели песню, обнявшись, и было тепло, и жевали кору Веселого дерева. К утру Мбуба совсем забыл, что хотел сказать Умному.

Весь день они втроем собирали пиявок в Холодной Яме и относили старой Мембе. Никто не помнил старую Мембе молодой; говорили, что она родилась не в Теплой воде, а где-то далеко и прожила уже больше тридцати зим, больше, чем пальцев на руках и ногах. Умный Моба имел на этот счет иное мнение, он колотил всех, кто считал, что можно жить вдали от Матери-Крысы. И уж тем более, никто не может прожить больше двадцати семи зим. Потому что вытекают глаза, и кожа больше не держит кровь...

Когда ноги совсем заledenели, Мбуба вспомнил, что хотел сказать Умному, но второй раз решил не идти. Чутье охотника подсказало: не хочешь всю жизнь собирать пиявок — не ходи.

Теперь Мбуба сидел, прижавшись спиной к спине брата, и грыз невкусный хвощ. Все, кто мог ходить, пошли за Умным Моба.

— Куда все идут? — спросил брат, засовывая в рот Дохлую лягушку.

— Искать крыс.

— Крыс? Мы же поймали всех крыс...

— Хочешь пойти собирать пиявок?

— Нет.

— Тогда иди искать крысу.

— Крысы нету. И грибов нету. И лягушек.

— Тогда сиди тихо!

— Надо всем сказать, что крысы нету!

Мбуба выплюнул непрожеванные горькие волокна и поглядел на младшего брата. С голодухи быстрее меня соображать стал, сын паука, подумал он с нежностью. Чем меньше жрет, тем башка лучше работает. Был бы у нас алфавит, записал бы эту мысль...

А вслух ответил:

— Одноногий Мебебе много спрашивал. Ты видишь его?

— Нет.

— Был Большой Момо, были две женщины у Момо. Много спрашивали. Ты видишь Момо?

Брат повертел головой.

— Хо! — Мбуба срыгнул и почесал бороду. — Тут теплая вода. Тут живет Мать-Крыса. Старые жили, где Мать-Крыса. Мы живем. Маленькие будут жить, где Мать-Крыса. Мать не любит, кто много спрашивает. Хочешь много говорить — уходи от теплой Матери.

Мбуба сам удивился умности своих слов и надолго затих, глядя на черную поверхность болота. Молчал и младший. В животах у обоих урчало...

Огогоки пришли утром. Сначала все услышали стук. Умный послал Злого Мбата и еще троих, у кого имелись большие кости, посмотреть. Огогоков было много. Они ломали кусты, кидали их с кочки на кочку, и по кустам вели своих маленьких и женщин. Когда Злой рассказал, никто не поверил. Все перестали собирать хвощи и кору и пошли тоже смотреть. Смотрели долго, пока огонь на небе не прошел половину тропы.

Тогда старая Мембе сказала, что Огогоки идут отнять собранные грибы и сушеных пиявок. Глупый Младший брат испугался и заплакал, а Мембе сказала, что так уже было, и Старые бросали всю еду в Холодную яму, чтобы не досталась Огогокам.

— У нас тогда ведь тоже не будет еды? — спросил глупый Младший.

— Хо! — засмеялась Мембе, и Умный, и другие старые. — Только сын паука может отдать еду плохим. Лучше все скинуть в яму, и всем уйти к Матери-Крысе, чем отдать что-то плохим!

И все закричали, что лучше уйдут к Матери, и Умный прослезился от гордости за свой народ. Тут Мбуба заметил такое, что про пиявок забыли. Огогоки несли с собой плетеные корзины с живыми крысами внутри. В других корзинах они тащили толстых птиц Фа с маленькими и на ходу кормили их червями. Увидав такое дело, Моба позвал старых в самое теплое место, туда, где Мать дышит через воду, и они стали говорить. Остальные слушали, сидя вокруг, а Огогоки стучали все ближе.

Наконец, Умный встал и сказал плохое:

— Огогоки идут отнять у нас Мать, наше Теплое место. Мы будем драться, а кто не будет — тот сын паука и не любит Мать.

Тут все стали кричать одновременно, а Одноглазый Мбико придумал нарвать поганок. Чтоб веселее было драться. И все побежали рвать поганки. Мбуба тоже съел три или четыре штуки, хотя знал, что кушать их никак нельзя; зато ему быстро стало весело, и он побежал за всеми убивать глупых Огогоков.

Он бежал рядом с обоими Младшими и смеялся над бестолковыми Огогоками. Кость Мохнатого несли по очереди. Внезапно оказалось, что больших костей на всех только четыре штуки, остальные куда-то потерялись или сломались. Мбуба немного удивился, поскольку еще утром Умный кричал, что костей у них больше, чем у всех людей Леса, вместе взятых. Умный часто повторял, что у них больше всех костей. Костями было удобно драться, но их нельзя скушать, поэтому обилие оружия никого особо не радовало. Еще Умный не забывал напоминать, что у них больше всего сушеных пиявок и больше всех осоки. От сушеных пиявок резало в животе, а осока вообще ни на что не годилась... Зато их было так много, что другие могли лопнуть от зависти.

Теперь Умный Моба сам слегка обалдел, оценив остатки вооружения, но отступить было поздно.

Добежали толпой до самой Черной трясины, и тут выяснилось, что Огогоки проходят мимо. Они по-прежнему валили кусты, тащили свои корзины, их растянувшийся народ уходил в туман, изгибаясь, как водяная змея. Умный Моба выплюнул недоеденную шляпку мухомора, остановился.

Из колонны врагов кто-то радостно помахал. Потом еще кто-то, Далеко, не видно. Женщина. Младший брат стал смеяться и махать в ответ. Видно, не ту поганку съел. Злой Мбата подошел и стукнул глупого костью по голове. Потом пошел стукать и других, поскольку многие начали махать и смеяться...

Огогоки остановились ночевать у края Высокой травы. Вечером от них пришла женщина и сказала, что она — дочь Большого Момо, которого выгнали давно за лишние вопросы, и в целом они устроились неплохо, только теперь отца зовут Огомомом, а ее — Огомка.

— Так не бывает, — заявил Одноглазый. — Никто не знает своего отца.

— Я знаю. У нас все знают, — удивилась Огомка.

— Зачем знать? — сердито спросил Мбико. Девчонка растерялась:

— Ну... чтобы... чтобы любить...

— Мы любим Мать. Зачем нам знать отца? — Одноглазый победоносно высунул бороду из тины и оглядел остальных.

Все засмеялись. Мбуба смотрел на дочь Большого, вытаращив глаза. Он никогда не видел, чтобы люди прятали ноги в вывернутую крысиную шкуру. И голову тоже.

— Зачем тебе на голове?

— Вода сверху падает — а голова сухая.

— Зачем на ногах шкура?

— Ноги сухие. А зачем вы сидите в болоте?

Все поглядели друг на друга, удивляясь такой глупости.

— Мы здесь живем, тут наша Мать, — вежливо ответил Мбуба.

— Но вы сидите в грязи. Плохо, нельзя! — не унималась Огомка.

— Что такое «грязь»? — спросила Старая. Мбуба тоже не понял слово.

— Ну... Грязь — плохо. Все плохо. Воду пить нельзя. Толстые Фа не живут, крысы не живут. Грязь.

Все опять засмеялись, кроме Злого Мбата. Чувствовалось, ему очень хотелось садануть этой чистюле костью между глаз.

— Отец говорил — иди к моим людям. Скажи моим людям — идите вместе с нами!

— Куда идти? — внезапно проснулся вождь.

— С нами. Мы делаем тропу. В сухое место.

— У вас плохая тропа. Мы не пойдем.

— Почему плохая? — обиделась девчонка. — Все люди прошли.

— Очень глупо делаете, — терпеливо объяснил Моба. — Очень медленно.

— Если не ломать, не делать тропу — никогда не пройти!

— Хо! У нас своя тропа! Не надо рубить, ломать, сушить. Очень просто. Захотим идти — идем через Черную трясины.

— Но там не пройти. Очень плохая вода, маленькие будут тонуть. Пиявки плохие. Зачем идти плохо, если можно хорошо?

— Хо! Если захотим — пойдем там, через трясины, — Умный оглядел торчащие из болота лохматые головы. Все согласно забулькало. — Иди теперь. Скажи своим — у нас всегда будет своя тропа. А захотим — останемся тут!

Огомка закусил губу и поднялась. Мбуба следил, как она уходит, прыгая с кочки на кочку, хотел крикнуть ей вслед что-нибудь хорошее, но ничего не придумалось. Проглоченные с утра поганки туманили голову...

Утром пришел вождь огогоков — Сильный Ога. С ним — еще двое, и опять та же девчонка. Ога принес трех жирных крыс и трех птиц фа. Съели быстро. Умный показал себя великим вождем. Старая Мембе даже заплакала, когда он приказал принести в ответный

подарок всех засушенных пиявок, а женщин отправил на Рыжие кочки за поганками. Мбубе показалось, что гости не очень обрадовались пиявкам. Грибы тоже есть не стали, сложили в корзину. Потом Огуга, женщина Сильного, говорила, как они ищут червей и кормят птиц Фа. А птицы Фа не летают, а живут в корзинах и дают маленьких птиц.

На это все долго смеялись, потому что и глупому понятно — червяков только цапли ищут. Зачем плести корзины и искать червей, если можно просто поймать толстых Фа? Зачем кормить маленьких птиц, если гораздо вкуснее просто съесть яйца? Так сказал Одноглазый, а Мбуба ничего не сказал, но подумал, что давно не встречал в округе ни одной дикой Фа. Огогоки тоже смеялись, все были добрые, потому что сытые.

— Зовите всех своих! — совсем подобрел Мобо. — Будем вместе смеяться.

— Нельзя! — ответили Ога и женщины. — Люди должны кормить крыс и рубить дорогу!

— Дорога — не Мохнатый, в лес не убежит! — подумав, сказал Мбата.

И все согласились. Вождю так понравились эти слова, что он приказал Мбубе их запомнить и впредь говорить каждому при удобном случае.

После Умный сказал позвать ловкого Мбиту, и Мбита показал чужим свои фигурки из красной земли. Чужие очень удивлялись и качали головами. Они не умели делать так.

Тогда Умный сказал женщинам петь, и сестры Мбубы стали петь, и пели долго, у Мбубы даже защипало в глазах от гордости. Чужие толком петь также не умели. Девчонка попыталась рассказать, как они разводят крыс, но ее никто не слушал.

Одноглазый сказал:

— Кушать все умеют, это неинтересно. А кто из вас умеет показать цаплю, или водяную змею, или паука-трупоеда?

Огогоки были сражены. Мбуба обсасывал птичью лапку и радостными, сытыми глазами смотрел на своих соплеменников. Младший брат с другими маленькими смешно показывали, как ходят цапля и паук, вождь огогоков прямо катался по траве от радости.

— Это тебе не лес валить, — говорили ему. — Это тебе не курей разводить!

Всем, кстати, понравилось слово «грязь», и решили впредь называть себя «люди Грязи». Было в этом слово что-то слезливое, что-то гордое и загадочное. Больше хороших слов Огогоки, правда, не принесли. Оказалось, что люди Грязи вообще знают слов гораздо больше. Впрочем, и раньше было понятно, что люди Грязи умнее прочих; ведь ни у кого больше не было такого огромного болота.

Когда все пожевали коры Веселого Дерева, Мбуба сел в обнимку с Огогоками, и полночи учил их правильно говорить «отрыжка дохлой жабы» и «задница потного бобра». Чужие путали все слова, и было очень смешно.

Под утро Умный Мобо до того подобрел, что подарил Огогокам оставшиеся кости Мохнатого, и дубину из дерева, и весь запас шкурок. Тогда Ога, в ответ, велел принести еще мяса. Получилось очень кстати, потому что, пока веселились, еще двое маленьких от голода ушли к Матери-Крысе. Уже два дня никто не собирал даже хвощ и пиявок. Мбуба никогда так не веселился.

Когда огонь на небе в третий раз пошел по тропе, Сильный Ога встал и долго говорил. Он сказал, что никто в его племени не умеет так грустно и долго петь, и показывать змею не умеет. Никто не может делать птиц из красной земли и так красиво говорить о Грязи и о Матери. Тут Сильный Ога заплакал, а женщины тоже начали плакать.

Потом вождь взял себя в руки, высморкался в бороду и позвал всех за Огогоками на Сухую землю. Он сказал, что мяса хватит всем, и шкур на ноги и на голову. Только надо вместе работать. Последнее слово всем как-то сразу не понравилось, многие даже спрятались под воду. Когда Сильный объяснил, что это такое, стало вовсе неинтересно и скучно. Зато проснулся Злой Мбата, переевший Веселой коры. Все стали ждать, что он скажет умного.

— Всех пиявок не соберешь! — сказал Мбата и снова заснул. А Умный приказал Мбубе обязательно запомнить и эту мысль.

— У вас очень красивые женщины! — сказал на прощание вождь чужих. — Мои

мужчины хотят позвать их к себе!

При этих словах сестры Мбубы застеснялись и поглубже зарылись в грязь. Вождь опять заплакал, то ли от избытка чувств, то ли коры за три дня переел, затем махнул рукой и увел своих людей.

Мбуба, наконец, смог спокойно заснуть. Во сне он пел, прыгал на четвереньках, подражал голосам птиц. Потом левая нога замерзла. Просыпаться не хотелось, Мбуба подвинулся, где теплее. Стала замерзать правая нога. Мбуба снова подвинулся, не открывая глаз, уперся головой в мягкое и теплое. Чутье охотника подсказало — сейчас стукнут, и не раз. Так и случилось.

Получив по башке дубиной, Мбуба окончательно проснулся и стал смотреть по сторонам. В голове вертелась умная мысль, но никак не хотела приходить на язык. Мбуба знал, что мысль гораздо легче понимается, если ее удастся несколько раз повторить. Наконец, мысль поймалась, и Мбуба немножко напугался. Потому что оказалось, что он думал о том, как бы уйти вместе с Огогоками.

У них не было Теплой Матери, они хуже пели и медленно думали, зато у них в корзинах сидели жирные птицы.

Вдруг что-то затрещало в осоке. Мбуба напугал до того, что забыл про холод. Он выбрался на кочку, набил за щеку хвоща и стал смотреть в сторону, куда ушли Огогоки. Но вместо Огогоков он сразу увидел такое, отчего хвощ застрял в горле и полез назад.

20

ВРИО ГУБЕРНАТОРА

На полузатопленной тропе, по которой вчера ушли враги, лежал окровавленный мужик. Чужой, не из Огогоков, не из Красноглазых, не из Толстых, и уж точно не из людей Грязи. У мужика были длинные седые волосы, заплетенные в косички, как делают маленькие девочки Красноглазых, зато почти совсем не было бороды. А еще он был одет, целиком одет в вывернутую шкуру Мохнатого. А может быть, совсем и не Мохнатого. Шкура на нем блестела, была разорвана во многих местах и странно, пугающе пахла. Пахла так, как не пахнет ничего в болоте. Еще на одежде спереди и с боков торчали блестящие штуковины, как потом выяснилось, очень твердые и колючие. Мбуба сразу порезался, едва дотронулся. Из мужика текла кровь.

Человек был жив. Непонятно, откуда он пришел и чего хотел. Мбуба побежал будить остальных.

Подобрались близко. Самым смелым оказался Одноглазый Мбико, он издали ткнул мужика в бок тонким прутиком. Тот замычал, подергал рукой, но не поднялся. Старая Мембе указала, откуда он пришел. Посреди Высокой травы остался проход, какой бывает после семьи Клыкастых. Все очень удивились, потому что с той стороны Высокой травы плохая тряпина, но человек не утонул. Затем охотникам мужика удалось перевернуть. Его лицо было почти черное, по нему ползали муравьи, но Старая сказала, что надо полить водой — и будет хорошо.

Полили водой, мужик чуть не захлебнулся. Однако Старая оказалась права, потому что стало гораздо лучше, чем прежде. Кожа у человека оказалась светлая, но темнее, чем у людей Грязи. Еще он был выше и шире даже самых высоких и сильных мужчин народа Грязи.

Умный Мобо вынул из бороды лягушку и сказал, что кожного человека надо убить. Все тут же согласилось со словами вождя. Убить — это просто и понятно. Злой Мбата оживился, приволок свою кость и собрался уже стукнуть волосатого мужика по башке, но тут Мбуба, неожиданно для себя, заступил Мbate дорогу.

Все удивились, а вождь Умный Мобо чуть не захлебнулся от удивления. Чужого следовало убить, пока он не убил кого-нибудь сам. Такое уже было, раза два, но помнили только Старые. Давно проходили мимо мужчины и женщина, заблудились, говорили на

похожем языке. Тогдашний Умный спросил их, зачем пришли.

— Хотите отнять у нас Теплое место? — проницательно спросил Умный.

Мужчина и женщина оглядели чавкающее болото с жадностью, но снова притворились, что сбились с пути. Они сказали, что шли вдоль железной дороги, а потом свернули на дорогу земляную, потому что почуяли тепло.

— Вокруг вас на три дня мертвый лес, — сказал чужой мужик. — Мертвый и холодный, только рыжие кочки. А здесь тепло, здесь жарко, мы удивились и свернули. Как нам теперь выйти к железной дороге? Охотники переглянулись и перемигнулись. Умный приказал окружить чужаков. Теперь все встало на свои места. Ясное дело, подлые враги задумали убить народ Матери-Крысы и забрать Теплое место...

А чужаки говорили смешное и страшное, будто бы человек живет семьдесят семь зим, а не двадцать семь. Будто бы нельзя жить в Теплом месте, потому что Мать-Крыса убивает своих детей, отнимает волосы, кожу и глаза. Будто бы за топью, за Рыжими кочками, есть длинная гора, на которой поют черные железные палки. Мужчина пытался объяснить, что такое «железный», но так и не сумел. Все над ним смеялись; сразу видно, что глупый человек. Мужик сказал: гора такая длинная, что не показать руками, и железные палки длинные, без конца. Если приложить к черной толстой палке ухо, она поет. Женщина сказала, что если идти по горе, между бесконечных железных палок долго, очень долго, вослед за небесным огнем, то можно прийти к другим людям.

Вождем тогда был другой Умный, не Мобо. Он сказал чужим людям, что они бестолковые обманщики. Всем известно, что на горе жить нельзя. На каменной горе нет Веселых деревьев, от которых хорошо, нет пиявок, которые лечат народ от всех болезней, нет даже крыс.

Чужакам не поверили, смеялись, хотели забрать у женщины еду. Мужчина убил четверых и выбил глаз Одноглазому Мбико. Потом обоих чужаков все-таки убили, и песню об этом славном подвиге до сих пор поют маленьким.

Теперь снова пришел чужой. Точнее, приполз с холода.

— Не надо убивать чужого, — сказал Мбуба. — Чужой пришел оттуда, где сухо.

Злой Мбата заворчал и поднял кость. С другой стороны надвигался Мобо с охотниками.

— Дурак! — сказал Мобо. — Зачем нам знать, где сухо, если у нас есть теплая Мать-Крыса? Нам надо забрать шкуры чужака, забрать те блестящие штуки, ими будет удобно ковырять червей на кочках.

Чужой мужик пошевелился и застонал, выплюнул немного воды. Оказалось, что у него есть с собой большой мешок, который вначале не заметили.

Мбуба сказал — нет, не надо убивать.

Мбуба после ночных переживаний все никак не мог прийти в себя. Ему то и дело мерещилось, будто он гуляет вдоль Высокой травы, и ноги сухие, и на сухих ногах — вывернутые крысиные шкурки. А вместе с Мбубой гуляет сухая Огомка и кормит его жирными птицами Фа. А потом они, все так же вместе, ломают палки, кидают листья и делают дальше сухую тропу. Палок и листьев очень много, может быть, придется ломать ветки не одну жизнь жабы, но где-то там, впереди, За Черной трясинной их ждет сухое место, сухое и... страшно выговорить, теплое.

Но ведь Теплое место может быть только одно — там, где дышит Мать! Так Мбуба привык думать с детства, а детство прошло не очень давно.

Мбубе было очень страшно, потому что мысль заявила одновременно в голову и на язык. Если бы такая мысль заявила к нему вчера, Мбуба бы нарвал поганок, прожевал хорошенько, и хворь бы отступила. Потому что старики всегда так учат: пришла лишняя мысль — скорее проглотить поганку!

— Хочешь, дам по башке? — спросил отступника Злой Мбата.

— Иди, собирай пиявок, не то утоплю, — по-доброму посоветовал Одноглазый.

— Не хорошо убивать чужого, чужого надо лечить, — набычился Мбуба.

Впервые он выступил один против охотников, против самого Моба, и от осознания этого факта Мбубе стало совсем нехорошо. Словно что-то хрястнуло внутри, крикнуло, чмокнуло и порвалось.

Охотники вылезали на кочки, обступали с трех сторон. Мбуба споткнулся, вплотную отступил к раненому. Тот пытел, плевался с закрытыми глазами и шевелил рукой. Вот он залез рукой внутрь своей шкуры, вытащил белое, звонко раздавил в пальцах и высыпал похожее на пыльцу себе прямо в рану.

Раны у него были страшные, мясо висело наружу, вокруг мяса кружилось облако гнуса. Мбуба уже понял, что раны нанес не Клыкастый, не Пятнистый, а скорее Ворчун, которого еще называют Хозяином Рыб. Он живет далеко, возле реки, к Теплому месту не подходит. Но Мбуба видел, что происходит с теми, кого Ворчун бьет лапой. Зверь встает на задние лапы, задирает пасть и орет. Лапой из человека можно вырвать кусок вместе с ребрами...

Мбуба загляделся на раненого и чуть не схлопотал по голове. Отскочил, но дальше бежать стало некуда. Охотники окружили, они втягивали ноздрями запах вкусного. У чужого с собой на животе был мешочек, там вкусное. Злой Мбата поднял свое острое орудие. Мбуба зажмурился, прикрывая голову руками, приготовился уйти к Большой Крысе.

Он не боялся. Жрать все равно было нечего. И тут кто-то позади него сказал:

— Ни хрена себе, вышел в тамбур покурить...

Мбуба подпрыгнул, и охотники тоже подпрыгнули. А Умный Моба, который, как и положено вождю, руководил облавой из воды, провалился с головой в цветущую жижу.

Мужик в вывернутой коже уже не лежал, а сидел. Левой рукой он зажимал рану, а в правой держал несколько блестящих острых палочек. Мужик сплевывал воду и очень внимательно глядел на вооруженных Мбику, Мбата и других.

— Елки-палки! — поморщился раненый, отряхивая воду с седой головы. — И как вы в такой вонище купаетесь? Здесь что, грязелечебница, блин?

Мбуба обрадовался, что мужик говорит на языке людей Грязи, хотя слова не все понятные. Но тут, одно за другим, произошло три значительных события.

Охотники закричали, как делали всегда, загоня Мохнатого, и разом бросились на чужого.

Чужой неуловимо быстро переместил в пальцах блестящие палочки, небесный огонь отразился в них, а секунду спустя испуганный Мбуба остался на тропе один. Охотники упали и дергали ногами. Мбата лежал навзничь с палочкой в глазу. Умный Моба плавал ничком, и красное разливалось лужей вокруг него. Одноглазый держался за шею, блестящая палочка пробила его шею насквозь, он упал на колени, говорил что-то, но неслышно. Потом упал в воду. Четверо удирали, булькая и загребая в тине.

— Ну что, заступился за своего президента? — спросил белоголовый мужик. — Молодец, зачтется.

Он встал на одно колено, больно оперся Мбубе на плечо, затем поднялся во весь рост.

— Я не хочу жить в Грязи, — зачем-то сказал Мбуба, потирая занывшее плечо. — Я хочу, где тепло и сухо.

— Правильно, старина, — кивнул чужой. — И я хочу, где тепло и сухо. Может, вместе поищем? Вот только клинки мои соберем...

— Я не старина, — обиделся Мбуба. — Старая только Мембе, еще был старый Момо, но он ушел.

— Не старина? — Чужак покачнулся и снова, громадным своим весом, обрушился на Мбубу. — Сколько же тебе... пацан?

— Восемнадцать зим, — гордо сказал Мбуба.

— Ты за кого меня держишь? — покрутил головой человек с тяжелым именем «президент». — Ладно, давай ныряй за ножами. Смотри, не порежься...

Мбуба послушался. Он и сам не понимал, почему слушается этого страшного, избитого зверями великана. Чужой угнездился на кочке, вылил воду из кожи, надетой на ногах, распахнул клинки по кармашкам. Затем стянул кожаную рубаху и остался в странной

блестящей шкуре, тоже порванной, но несильно. Позже Мбуба вызубрил, шкура называлась «кольчуга». Рваную кожу он забрал себе.

Мбуба порезался только два раза, пока вынимал клинок из горла Мбики. Затем чужой мужик потянул с шеи веревку с мешочком. Из мешочка снова посыпал рану, часть порошка проглотил. Мбуба почувал резкие запахи трав.

— Жарко тут у вас... — устало выговорил президент. — Потому идохнете за пару лет — зараза... Ничего, пацан, это вы еще Желтых болот не видали...

Потом они долго молчали. Мбуба не мешал чужаку дремать. Люди Грязи попрятались. Никто больше не выбегал с дубинами и с глупыми идеями. Иногда булькали пузыри, вздыхала далеко Мать-Крыса, ее дети шуршали в колючей траве. Иногда было слышно, как роют землю Клыкастые и пищат их маленькие. Над логовом Матери-Крысы воздух плясал, тянулись вверх серые струйки. Когда небесный огонь почти спрятался за Рыжими кочками, Мбуба подумал, что скоро дни совсем уступят темноте, а болото покроется льдом. Останется только Теплое место, где под водой дышит Мать.

— Ладно, загостился я у вас... — Чужой хлопнул себя по колену и, кряхтя, засобирався в путь. — Эй, приятель, тут долго сидеть нельзя, отрава. Понимаешь, что тебе говорят? Кстати, тебя друганы не прихлопнут вечером? Может, со мной, за компанию, а?

Мбуба вспомнил вдруг сестер и пожалел, что не родился женщиной. Он бы тогда смог уйти с мужчинами Огогоков в теплые и сухие края. Правда, пришлось бы делать что-то неприятное. Мбуба никак не мог вспомнить колючее слово, которое всем так не понравилось...

— Я не могу, где холодно, — сказал он. — Где холодно — все умирают.

— Умирают такие, как вы! Ленивые уроды, которым нравится сидеть в грязи, — рассердился седой мужик. Он выжал свои волосы, замотал их в грубую косичку и укрепил на голове. — Вы скоро все тут поддохнете, потому что работать не любите...

Мбуба обрадовался. Мужик произнес именно то слово, пугающее и колючее, которое говорили Ога и Огомка.

Работать.

Слово было колючее, но Мбуба обрадовался.

— Пошли, пошли, а то одному мне тяжело, — президент тяжело разогнулся, закашлялся, держась за грудь. Пальцы и кольчуга стали красные. Чужак поманил Мбубу, знаками показывая, что надо помочь. — Нам бы к железке выйти, знаешь, где железная дорога?

Мбуба подумал. Слова складывались знакомо, что-то он слышал...

— Какой тут город близко? — продолжал допрашивать президент. — Понимаешь? Город? Дома, машины, церкви... Иркутск? Улан-Удэ слышал? Чита?..

Мбубу точно подкинуло.

— Чи-та, — повторил он. — Чи-та, Чи-та.

— Ага, что-то искрануло?

— Далеко, плохо, холодно, — Мбуба неожиданно для себя разговорился. — Далеко после Высокой травы. Звери страшные. Люди злые. Больно кидают огнем, не любят Мать-Крысу. Там ловили моего брата, как птицу Фа... — Он показал, как ловили, большой сетью. Слов для дальнейшего рассказа не хватило. Мбуба так разволновался, вспомнив вдруг старшего брата, что слезы навернулись.

— Это нам знакомо, — кивнул президент. — Выходит, они там, в Чите, на вас, как на рябчиков, охотятся? Ничего удивительного, позиционируете себя как... Впрочем, не бери в голову. Пацан ты крепкий, сообразительный, власть законную уважаешь. Слушай, может, тебя губернатором Байкала назначить? Сразу должность не обещаю, ВРИО пока побудешь. Насчет жалованья, думаю, договоримся... Ты как, хочешь быть губернатором?

— Хочу, — сказал Мбуба. И подставил плечо.

Часть третья ПОСТРИГ БЕЛОГО МОРТУСА

21 ДИКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Он родился зимой 1755-го, в год, когда императрица Елизавета Петровна, с подачи любимчика Шувалова, подписала указ об основании Московского университета, а Сенат засел сочинять новое уголовное Уложение...

В тот год Британия и Франция завязли в позиционных боях за южноафриканские территории, Женевский часовщик Жан Вашерон основал одну из известнейших часовых фабрик, а уроженка Бордо Мари Бризар заложила основу ликерной империи...

В тот год Батырша поднял башкиров, но ловкими действиями российского правительства, татарскими грамотами к степнякам, вкупе с казацкими саблями, удалось вытеснить смутьянов за Яик и надолго стравить их с киргизами...

Иммануил Кант защитил три диссертации в родном университете, получил право преподавать и опубликовал свою теорию зарождения Солнечной системы из пылевого облака...

В тот год тридцатиметровое цунами обрушилось на Лиссабон, уничтожив город до основания...

Великие фигуры рождались в разбуженной России.

...Бродяга с нежного возраста трепетал при слове «смерть», при самом невинном его упоминании. Вполне вероятно, известную роль в этом сыграли бездетные, пугливые тетушки, обитавшие в двухэтажном особняке его папеньки. Папенька верой и правдой служил императорской короне, а тетки крутили столики при свечах, хором визжали, заглядывая в чашку с кофейной гущей, шептались с безобразными калеками и странницами. Любимого племянника потчевали апокалиптической литературой, «откровениями» явных психопатов и псевдомасонской белибердой. Удачно, что девятилетний Бродяга открыл для себя щедрую отцовскую библиотеку, проторил туда путь и смог разбавлять кликушеские словопрения родни сочинениями вполне крамольными. В силу перманентных военных кампаний полковнику было не до ребенка, а его мать парализовало при родах младшей сестренки.

Он боялся смерти, но не так, как сверстники-подростки. Боялся до одурения, до резей в животе. Бродяга почти не участвовал в шумных забавах, штудировал науки в имении, в размашистом псевдоантичном доме, благо средства отца позволяли учителей завозить из Москвы. Тщательно обходил кухню с ее острыми ножами и булькающими кастрюлями, поздно начал ездить верхом. Когда подрос, не напрашивался со взрослыми на охоту, избегал диких зверей, а также собак, карнавалов с петардами, катаний на лодках, стрельбы по мишеням, рыбных блюд, петухов, поездок в старопрестольную, портных с иглами, грозы...

Впрочем, существовала у вселенской его трусости иная, неведомая почти никому сторона. Почти никому, за исключением двух чудных товарищей детства, крепостного Илюхи, конюшего сына, и старшего сынка управителя имения, наполовину немца. На первый взгляд выглядело нелепым, что эти трое сблизились, но только на первый взгляд.

Они играли в палачей.

Поначалу рвали крылья жучкам, затем, когда годков одиннадцать Бродяге стукнуло, принялись умертвлять всякую мелочь — жаб, мышат, кротов. Затейнее всего казнить было тех, кто боль свою оплакивал, кто верещал да вырывался. Бродяга цепенел при экзекуциях, сам руками почти не притрагивался, потел, как в бане. После спать не мог, горячечно ворочался, но отказаться от забав по своей воле не получалось. Запомнил надолго, как воробушков умерщвляли, из гнезда выпавших. Бродяга зубы сжал, глядя, как лапки хилые конюхов сын рубит. Тот увлекся, припевал, приговаривал, с носа капля свисала, золотушные ушки подрагивали. Кости воробушков хрустели жалобно потом под каблуком.

Что-то ухало у Бродяги тяжело в низу живота, томление по членам разлилось. Нравилось ему и тошнило в одно и то же время.

Случилось казнь настоящую ему подглядеть, хотя заперли его тетушки. К управителю беглых доставили, связанных. С тряпками в глотках, рожам вниз ворочались на дерюгах, дышали хрипло, чисто волки матерые. Челядь кругом угрюмая собралась, снег валил, люди зябко кутались, дети пищали; но управляющий расходиться не велел. Бродяга через балкон, по морозу, в будуар матушки покойной перебрался, а оттуда — на кухню, и окошко себе в узорах продышал.

Сердечко рвалось, ожидалось дело звериное.

Конные толпу, как масло ножом, прорезали. Галуны, перевязи, блеск палашей. Зачитал худой грамоту, шея вздрагивала, как у цыпленка, чуть из шинели не выпрыгивал. Чудище многоногое, дышавшее в сотню грудей, разом всколыхнулось, бабы вякнули.

Кнутом бить...

Кнутом бить. А после, ежели обстоятельства вскроются, для окончательного дознания сволокут в город, поелику подозрение есть на убийства. Вот так, ограбил кто-то купцов на мызе и зарезал.

Стегали на псарне, привязывая поочередно к столбам. Бродяга крался следом за толпой, утопая в снегу, набрал воды за голенища. Узнал обоих беглых, и тем сильнее затрясло его. Старший, обросший, с вывернутой рваной губой, прежде молоко в барский дом с утра приносил. Теперь дрыгался, за кисти и лодыжки прикрученный, столб раскачивал, крыша едва с псарни не обвалилась. Бродяга смотрел жадно, рот раскрыв, после аж губы потрескались. Смотрел, наглядеться не мог, как по белой спине вытягивается змеиный витой мускул, рвет за собой багровый лоскут кожи, вместе с веером капелек, вместе с воплем нутряным.

Самого вместе с голым мужиком передергивало.

Суки благородные в протопленных вольерах круги наматывали молча, чуя кровь, а снаружи мороз слезы на бабьих щеках в лед обращал. Управляющий покачивался маятником, руки за спину заложив...

Бродяга почувствовал смерть старшего из беглецов еще до того, как об том прознали служивые. Точно кольнуло слева в груди, но не больно, а сладко.

Ему понравилось.

Младшего из беглых мужиков завернули в тулуп, утащили, а старшего оставили тут же, лицо закрыв. Сгрудились шумно, кто-то выстрелила воздух, закричал: «А ну-ка, живо отседова!»... Бродяга стучал зубами, чуть не по пояс в снегу, он слушал, как у того, черного, под тряпкой трепыхнулось замершее было сердце.

Сделал шаг. Сердечко колотило, как барабаны на гвардейских маневрах. Не стоило туда ходить. Темная куча, укрытая тряпьем, и крест-накрест торчащие конечности в рваных гнилых сапогах. Из дыры в левом торчала синяя мозолистая ступня.

Бродяга перебирал ножками, как карась, влекомый за губу рыбацкой десницей. Где-то в омуте времен тетушки выкликали его имя, заливались дворовые псы, голосила старуха. Он подобрался вплотную, потянул скользкую задубевшую попону. Мертвец лежал неловко, боком, будто отдохнуть за чаркой собрался. Снежинки таяли на впалой костлявой груди, нательный крест путался в седых волосах. Пурпурные борозды, оставленные кнутом, обнимали тело, как раскраска африканской лошади зебры.

Бродяга уповал, что это еще не все.

Неведомо откуда, скатилось липкое такое убеждение. И точно, сердце беглого убийцы опять трепыхнулось, как малиновка в силке. Бродяге бы заорать, призвать взрослых, приказать в тепло доставить, а он только сжимал коленки и напряжно глядел смерду в лицо. Зрачки у того закатились, бельмы являя, веревка на руках кожу до мяса перетерла. Вдруг мужик скривил рот, облачко пара выпустил.

Бродяга затаил дыхание.

Позади уже заметили его, с ахами, с охами обоз Целый поспешал. Бродяга на колени

упал, склонился ближе. Запах псины, дрожжей стоялых, лука ударил в ноздри, земля качнулась. И тут мертвец слово выдавил, одно только, на дальнейшее силенок не хватило. Приподнял веки, зрачки как булавки, встретился взором неживым с Бродягой, улыбнулся славно...

— Явлен... — прошептал он и запрокинул бороду. Вот теперь сердце, побоями и голодухой измочаленное, встало окончательно. Слюна потянулась струйкой в розовый снег, а Бродяга внезапно ощутил мощнейший спазм между ног, испугавший его до зубовного скрежета. А за тем спазмом — еще и еще, так что даже на коленях стоять неважноту стало, и влажно сделалось в портах. Он на бок так и плюхнулся, рядом с мертвецом, только недолго пролежал. Сию секунду сцапали поперек живота, закрутили в доху и понесли, как трофей, к дому.

И было славнo, уютно до самой вечерни. Бродяга сидел в дедовой шубе, пятки — в горчишной воде, сосал мед из сот, плевал воском и гадал, что же прозрел вор и убивец в крайний свой миг. Почему вдруг «явлен»? Кто явился? Чем он таким поделиться захотел, что даже не сразу представился и лекаря обдурил?

У Бродяги забрезжила надежда, что, возможно, «там» явится и ему кто-то. Может, ангел, а вдруг вовсе и напpотив...

Никому он не рассказал. А ночью проснулся вдруг потный, приснилось, что лежит с тем холопом забитым заодно в саях, лицом к лицу, и пошевелиться не может. И сковало будто всего, а не проснуться никак. Только вдруг подымает покойничек веки, а под веками глаз-то нету, глаза птицы давно склевали. Однако ж не черно там, в глазницах пустых, а вроде сияния, вроде скважин замочных глаза стали, а за скважинами десятки черных свечей полыхают...

— Явлен... — выговорил мужик и вроде бы выдохнул второе слово, но неотчетливо. Бродяга взвился, прислушиваясь, чуть не вплотную навалился, но мертвец уж начал меняться. Губы осыпались, как листочки скукоженные, внутрь запали, десны черные обнажив с культяпками зубов, а заместо языка в глотке черви белые закопошились, такие же черви, как в котенке замученном, и разом наружу дернулись, прямо к Бродяге...

Отрок с кровати выпал, ноги не держат, до горшка еле добрался, чуть не опозорился. На лампадку крест сотворить намеревался, да не тут-то было. Плетью ручонка повисла. И выплыло из дремы слово. Причастие. Будто причастился сегодня. Только не взаправду, по-хорошему, по божьему закону, а дико как-то.

Не отмыться теперь...

22 АНАТОМ

Котенка он не со злобы замучил. От одной лишь справедливой любознательности, сам себя так после убеждал. Товарищи глупые просто бесились, любо им было на страдания смотреть, а он-то знал, чего ищет. Тот самый миг уловить мечтал, где сходится бытие с небытием, поймать как-то, запомнить, чтобы страх уменьшить.

Но страх не уменьшался. Смерть дышала ему в затылок.

В храме Блаженного, на иконы креститься долго не решался, руку осторожно держал. Сам заметил, что у аналая тяжко дышаться стало, на паперть выскакивал, старух пугая, рот разевал. Воздуха не хватало. Теткам заявил твердо, что молиться с того дня будет один, в собственной часовне. За часовней они соорудили с Илюхой-конюхом кладбище для зверушек, ими же убиенных. Товарищей своих по играм странным вопрошать пытался, почему так легко убить, и не разверзлись небеса над ними, не видать ни столпов огненных, ни десницы карающей. Да разве могли бестолковые ему ответить? Они, пожалуй, и не понимали, чего вздорный барчук хнычет.

На тринадцатую осень он дошел сам. Дошел — и ужаснулся, какая бездна под ногами раскинулась. Ведь ежели буря не просто так, ежели господь кару ему назначил, стало быть,

есть и за чертой бытие, есть и геенна для таких, как он, неправедных, неверующих... Сполз на коленки, под разбитое окно, шептал путано, обещал, что больше ни одной жизни не возьмет, даже в монастырь пострижется, лишь бы в светлый чертог путь заказан не был... Обманывал только себя.

Ему чертовски хотелось взять жизнь, но не кошачью...

Бродягу никто из домочадцев не считал особо трусливым или нуждающимся в помощи психотерапевта. Тогда еще слова такого не изобрели. Ну, тихий вырос, книголюб, аккуратный, вдумчивый, чего еще желать? Отцу докладывали про успехи сына в науках, робко добавляя, что не мешало бы молодому барину задуматься о службе, либо об университете столичном, либо заграничный какой вояж предпринять. Отец пожимал плечами, он служил, кутил, охотился, — а в сыне при встрече узнавал умершую жену. Может, он и рад был как-то направить отпрыска, подтолкнуть, но вся его решимость разом испарялась, стоило завести разговор.

Никому бы не признался бравый полковник, что ребенок пугает его. Ребенок на «вы» обращался, вежливо про баталии с турками выспрашивал, про осады крепостей, про порядки при дворе. Полковник, хоть твердолобостью и отличался, замечал, что сын витает, да только не в эмпиреях романтических, а где-то совсем в иных сферах...

— Отчего солдату не страшно быть убитым? — вопрошал Бродяга.

— Как не страшно, всякому страшно, — крутил ус родитель.

— Отчего же страшно, ежели пав в баталии героем, непременно в божье царство угодишь? — не моргая, настаивал сын.

Полковнику становилось жарко и тесно в вороте.

— Ну... Божье избавление еще когда наступит, а радостей телесных испытать... гм... тоже...

— А может ли быть такое, что рая нет и ада нет, а есть лишь мрак?

— Не может! — кряхтел запутавшийся отец. — Все в руке дающего... Жития разве не читал? Про угодников святых? То-то! Верить следует, а не ханжеской дребеденью глаза портить!

— Но если верить, — бросил вслед уходящему отцу Бродяга, — то тогда стоило бы всем разом поехать с армейским обозом и кинуться туркам на штыки.

— То есть как... на штыки? — слегка обалдел полковник. — Это к чему такая смута?!

— И вовсе не смута, папенька. Ведь тогда все, кому тяжело и печально жить, разом бы в царство христово угодили. В петлю лезть, вестимо, грех большой, а супостата погубить, да самому дух испустить — это ли не счастье?

— Смерти искать — навсегда грех!

— Однако вы на смерть сотни и тысячи солдат послали. Анны удостоились именно за то, что, смерть презрев, отважно первым на реду вражеский ворвались. Стало быть, папенька, вы как в петлю бросились? Стало быть, на вас грех самый больший?

Отец краснел, бледнел, раздувал щеки и, в конечном счете, отсылал за советами к попу.

Повзрослев, Бродяга отца больше не тревожил. Еще пуще он страшился неожиданного разоблачения и могущих последовать репрессий. Ему представлялось заточение в психиатрическую лечебницу, побои санитаров, бритье головы, решетки на окнах, смирительные одежды и крысы, грызущие одеяло. Единственный казус занимал его. Что станет, когда он умрет? Как же это вообще возможно, чтобы и дальше жалили шмели, играли зарницы, хохотали девки на мостках, а его бы вдруг не стало?! И дальше будут звонко и упоительно расточать вечернюю благодать колокола, на пасху будут выпекаться пышные, изюмные дворцы, и кружить будут по льду розовые, стройненькие дамы в кринолинах...

От невозможности охватить взглядом катастрофический сей этюд Бродяга затыкал рот подушкой и выл, выл, выл...

Усадьба располагалась на самых подступах к Москве, подле Серпуховского тракта. Частенько в гости с него сворачивали сослуживцы отца, ученые родственники по графской

линии матушки и церковные чины. Вопрос о жизни и смерти отрок неоднократно задавал, получая вместо ответа вразумительного обрывки проповедей либо, от рубак отчаянных, — смешные утешения эпикурийского оттенку, мол, пей-веселись, и будь что будет...

Люди точно сговорились не замечать очевидного. При первой попытке тетюшек сблизить племянника с выгодной соседкой, адмиральской дочкой, он довел девушку до слез. Вопросал о предметах нелепых, о чуме, о наводнениях, рассказывал о несчастных, коим довелось в гробу проснуться...

Бродяга вдруг уехал в Москву, втихоря поступил в медицинский, чем весьма поразил и расстроил благородных родственников. Он поступил туда наперекор глухому ужасу, клубящемуся в душе, пытаясь заключить с ужасом подобие пари. Робость никуда не делась, стала еще острее.

Особо тяжело пришлось на вскрытиях, проводимых профессурой при значительном стечении учащегося народа. Пока еще Бродяга сам не держал в руках отрезанные части человека, он как-то крепился. Но после первых же практических опытов осознал полную свою неспособность к хирургии. Убедился вкругорядь, что мертвая плоть его не интересует, равно как и живая. Притягивал его лишь переходный миг, момент краткий между тьмой и светом... К счастью, дом состоятельного батюшки был всегда открыт для непутевого студента.

К времени неудавшегося студенчества относится вторая встреча Бродяги с его судьбой...

Толпой задорной, сами себя подбадривая, будущие анатомы наведались в госпиталь, где российская хирургия делала первые осознанные шаги. Анестезия в те годы сводилась к дюжим ручищам санитаров, ремням и стакану водки. Тоскливо вдыхая застойную вонь, слушая о способах и последствиях ампутаций, Бродяга неожиданно столкнулся глазами с пожилым солдатом, кавалером-орденоносцем, мечущимся во время перевязки под руками лекарей. Изжелта-серый, мореный, солдатик явно был не жилец, о чем Бродяга заметил себе вскользь, намереваясь вслед за коллегами двигаться дальше. Он уже перешагнул через несколько пар ног в проходах, морщась от воя и причитаний, не особо вслушиваясь в бульканье профессора-немца, когда раненый кавалер приподнялся, перстом на него указуя, и потребовал:

— Не оставь, родимый...

Товарищи Бродяги не уразумели, к кому сие воззвание относится, благо полно раненых в бреду металось, иных даже привязывали, не позволяя срывать бинты. Бродяга же понял сразу, руки его похолодели, сердце ударило полковым барабаном, он повернулся на девяносто градусов и, как намагниченный, попер, переступая через однорукие, безглазые, безногие обрубки в уланской, драгунской, кирасирской форме, через кротких девушек в крахмальных чепцах, через заплеванные тазы с кусками тряпок и серой человеческой кожи.

Он помирает, помирает, помирает... Билось в висках только это. Тем временем черницы солдатiku сменили повязки, вынесли из-под него судно, положили головой повыше и переступили уже к следующему, что лежал лицом вниз и кровью плевал непрерывно. Казалось бы, этот раненый гораздо ближе стоит к бездне, и параллельным проходом среди коек подбирался уже к нему, подхватив рясу, долгополый со своим инструментом, но Бродяга наверняка чуял, кому первому в этой громадной зале надлежит шагнуть...

Он поспел вместе с солнечным лучом. Вместе склонились они сквозь пыль и боль к тусклым глазам солдатика...

— Вы меня изволили? — начал Бродяга. — Чего хотел, голубчик?

Он путался, не соображая, на «ты» можно, или в особых условиях мужика стоит на «вы» позвать, и корил себя за тугодумность и за внезапно пропавший вопрос. А вопрос следовало задать незамедлительно, ибо вздрогнул уже воздух над бритой, порезанной макушкой ветерана, и начало подыматься к распахнутому окну нечто вроде облачка, только Бродяге и видимого, застилая туманом взор...

— Есть ли там что? — зашептал он, преодолевая клекот сердца и, теперь уже

преотлично знакомую, сладчайшую истому в паху, понятия причем не имея, как ее остановить. На сей раз ударило не в пример горячее, совсем не так, как восемь лет назад. Припечатало к полу, рухнул, кадыком дергая, вмиг мраком зала больничная окуталась.

— Светлый... — улыбнулся орденосеи и умер.

Бродяга очнулся на клумбе, лошадь рядом травку пощипывала. Рождался вопрос. Тот совсем уж запредельным казался, озвучить-то боязно. Одно дело — себя за штурвалом пиратского брига, в треуголке, с пистолем мнить, и совсем другое...

Совсем другое — на жизнь чужую тут, в сонном отечестве, покуситься.

Мучился он не столько от прискорбной измышленной жестокости, сколько от понимания, что не всякая жизнь ему надобна. Жестокие сцены его отвращали, вследствие чего Бродяга себе психические болезни не приписывал, а только раздумывал и так и эдак, сопоставляя, изнуряясь бессонницей.

Он хотел поймать смерть такую же точно, со словом отворяющим на устах, не разумея, правда, что же слова сии отворяют. Поймать же смерть, находясь вдали от соборований, от госпиталей и поля боя, вероятности почти не было. В то же время он с нарастающей тревогой ощущал в себе способность угадать носителя «отворяющего слова» и среди живых, вполне здоровых и юных.

Как бы тогда дожидаться гибели такого человечка? Трепетала душа при мысли... Бродяга тихо сходил с ума.

Он отдавал себе отчет, что единственной, всепоглощающей страстью становится желание приблизиться к смерти. Приблизиться туда, где люди шатаются на зыбком мостке, готовясь породить тайное слово, лишь для него предназначенное.

Что же делать? Неужели и впрямь проникать в больницы солдатские? Глупости это, сам сознавал, что глупости. Особенно тяжко сделалось, когда сам себе признаться в грешных мыслях сумел. До того мерзко заскребло на душе, что едва уксусу не хватанул. Признал себе, что есть оно, чутье, а коли чутье есть, то совсем незачем по больницам заразу ловить...

Можно и так... Живых караулить. Вот только ждать ли их смерти естественной?

Опасаясь сумасшествия, он посетил пару монастырей, побеседовал с настоятелями, известными проповедниками, стремясь укротить свой страх. На какой-то момент мания его отступала, чтобы наутро вцепиться в мозг с удвоенной силой. Он спрашивал священника, указуя на смеющихся девочек в люльке, как такое может быть, что всякая божья тварь тянется к веселью, к жизни, не ведая, что уготован саван и черви. Он спрашивал жадно, какой же тогда смысл в библиотеке, в неразрезанных томах, в глобусе ярком, с тварями океанскими, в английском телескопе, так и не вынутом из ящика, в музыкальном автомате, виданном в кондитерской петербургского Невского проспекта...

Где смысл радостей, если впереди — ночь вечная?

В какой-то момент он, очевидно, окончательно бы рехнулся, имея от роду всего двадцать лет, если бы не события печальные и как нельзя более отвечавшие его безумным предчувствиям.

Мор.

23 ЧУМА

Ранней весной 1771-го усадьба перешла на осадное положение, и очень вовремя. Первым же утром, когда из Москвы донесся истеричный колокольный звон, заперли ворота и не пустили назад даже слуг своих... Очень вовремя не пустили, и благо, что запасались на зиму достаточно. Пусть рыдали снаружи, пусть матери к деткам пустить умоляли, тетки Бродяги проявили железную стойкость. Наблюдали с чердака за пожарами в слободах, пищали держали у окон, картечью заряженные, молились вместе каждой ночью. Летом вмиг две деревни выкосило, одни кошки мявкали да псы подвывали. В Москве стреляло, грохотало. После уж прознали, что у Варварских ворот Китай-города бунт затеялся,

архиепископа зарубили, стражу; богородицу кликали, поджигали, бесились... Когда эпидемия пошла на убыль, Бродяга отважился на вылазки. Он увидел солдатские заставы, перегородившие дороги, костры, куда ворохом кидали одежду, чаны с уксусом на пустых базарных площадях, шеренги колодников в просмоленных балахонах, в адских масках. Он встречал вереницы телег, обкуренных дымом, и трупы на них, сложенные вповалку, как мясные туши, людей с черными голодными глазами и черными бубонами на руках. Он смотрел, как навстречу этим телегам из ворот больниц и просто из подворотен крючьями волокут по грязи трупы. Он увидел, что за месяц стало с ближними их родовыми деревнями, где лаяли теперь ночами шелудивые псы и страшно кричали, распухшие от молока, коровы. Он встречал полные свечами ночные церкви, где охрипшие попы вздрагивали седыми, спутанными бородами, бились лбами об пол. Колокольный звон тоже бился, бился над рвами с шипящей известью...

Обратно возвращался скоро, взбаламученный ум не выдерживал зрелищ небесного гнева, как окрестили мор старухи-приживалки. Перед конюшней скидывал в костер одежду, забегал в баню, потом сидел долго, успокаивая сердце после парной, зажмуривался крепко, читал наизусть молитвы. Иногда падал на колени в часовенке и плакал горячо, допытываясь у бога, зачем красота женская, зачем античные скульптуры, зачем новый иконостас, если впереди лишь яма с известью...

Однажды ранним утром нашел то, что искал. Как ему показалось, совершенно случайно попал к службе в собор и встретил там старца Исидора. Покойных еще отпевали чохом, но уже слегка замедлилась жуткая река. На площади, позади жидкой толпы побирушек, поддерживаемый двумя чернецами, вздрагивал кривым тельцем дремучий отшельник. Бродяга вначале прошел мимо, краем, поставил пару свечей. Затем на обратном пути, по обыкновению не крестясь, а лишь кивнув маковкам, столкнулся с горящим взглядом и остолбенел. Старец, казалось, весь состоял из бороды и глаз, что жгли, как уголья. Немошен был телом, но духом кипуч, неукротим.

— Подь сюда, — негромко подозвал отшельник. — Пошто толчесси среди смрада, аки бродяга? Я ведь тебя третий раз вижу. Жаден до смерти ты, бродяга. Все у ты есть, сытно ешь, мягко спишь, черни полон двор, а не лежится на печи... Чай, бродяжить тянет?

Так его впервые называли Бродягой. Старцу было наплевать на приличия, на дворянские титулы и звания. Он существовал на задворках одного из уральских монастырей, по слухам, втихую поддерживал обряды языческие, но в округе авторитетом пользовался невероятным. В Москву привозим, был трижды, после уговоров долгих и богатых даров на монастырское содержание, и всякий раз коротко пользовал детей аристократов, а сказывали даже, что и к августейшим персонам допущен был...

— Я смерти боюсь, — признался Бродяга. — Чую зерно ее в человеке, в ком спит, а в ком уж проклюнулось. Оттого боюсь еще больше...

Совершенно чужому человеку, полусумасшедшему схимнику открылся. И полегчало сразу. Впервые полегчало, потому что старец не отвернулся, не плюнул под ноги, не замахал крестом истоиво.

— Боисси? — хихикнул старичок. — Чего ж вылез на белый свет? Сидел бы себе, у теток под юбками, на реку бы глядел, на прачек, прости господи...

Бродяга вздрогнул. Как раз вчера он пытался читать в библиотеке, и по давней привычке, взглядывал на пустые мостки. Деревня почти вся полегла, некому стирать было...

— Не умирать боюсь, а смерти, — удивляясь собственному многоречию, пояснил Бродяга. — Хочу понять, для чего жизнь дадена, коли страх вечный грызет...

— Аль согрешить много успел? — усмехнулся в бороду Исидор. — Честно глаголь, зарезать кого хочца?

— Нет, нет, как можно...

Бродяга чуть не сел в лужу. Отшельник трепал языком грубо, по-мужицки, совсем не как святой человек.

— Можно, все можно, — покивал удрученно старец, зевнул широко, не прикрывая рот.

— Чего уставился, я золотых яиц не несу. Кабы можно не было, не душили бы друг дружку, разве не так?

— Значит, вы тоже считаете... — задохнулся Бродяга, — что дозволение на грехи имеется?

— Ни хрена, — опустил его на землю дед. — Никаких дозволений. Ты сам и есть свое дозволение. И нет тебе спасу, кроме как постриг Белого мортуса принять...

И махнул чернецам, чтоб несли его к воротам.

— Что за постриг? — опомнился Бродяга. — Никогда не слышал...

— А ты много чего не слыхивал, — отмахнулся Исидор. — Грамотный больно, а чего грамота ваша? Буковки одни, а... Ну-ка, подсадите меня, братцы...

Позади, за воротами, уже развернулась карета с золоченым гербом на дверце, с лакеями на запятках. Исидора подняли двое в париках, с закрытыми, впрочем, лицами, бережно понесли, монахи кротко топали следом. Бродяга ахнул, прочитав герб.

— Стойте, погодите! — Он неловко побежал за лакеями, заглядывая Исидору сбоку в помятое лицо. — Умоляю вас! Все что угодно, служить к вам пойду, постригусь, деньги, только объясните, как же это...

— Что «как же это»? — блеюще передразнил старик.

— Как же так, чтобы никаких дозволений? Сами руку целовать даете, и сами же ересь проповедуете...

— Стой, — тихо рыкнул Исидор. Монахи замерли. — Ересь не то, что в уши, а то, что в души. Сам ведаешь, бродяга, а врешь... В чем моя ересь? Да только в том, что твердо знаю, а ты мечешься. И Христу готов клониться, и лизать подошвы идолищу готов, пакостник. И убить готов...

— Неправда, я не за себя радею, — в отчаянии воскликнул Бродяга. Он понял тайным чувством, что если упустит сейчас схимника, то все, увезут во дворец, не встретятся больше... — Я смерть загадкой понимаю, которую Господь нам загадал. Стало быть, и отгадка имеется...

— Врешь, — одними губами произнес старец. — Вечно жить хочешь. За то готов удавить весь род людской.

— Пошто напраслину... Я руку ни на кого...

— Это до времени, — отмахнулся дед. — Чую, пару раз уже прелести запретной вкусил? Шо рожу воротишь? Не дрожи, я сам такой был. Сдохнешь, бродяга, али достанут тебя... До конца-то формулу ишо никто не составил, — опять одними губами, почти беззвучно, предостерег дремучий отшельник.

У Бродяги закружилось, сбилось перед взором — сырая площадь, лепешки навоза, наглые галки над колокольной, ободранные дети ниц перед пузатыми господами в треугольных поярковых шляпах и шерстяных чулках...

— Этого бродягу со мной! — вдруг приказал старец. Лакеи робко переглянулись, у Бродяги холодом заныло внизу живота. Из кареты брезгливо глянул короткий, жабьего вида человек в буклях и кружевах.

— Кто будешь?

— Такой-то, такой-то! — почти по-военному отрапортовал Бродяга, невольно вытягиваясь во фрунт.

— Не гляди, сиятельство, что в отрепьях шлепает, — вступился старец. — Не врет он, так и есть, полковничий сын...

Бродягу несколько покорило, что за него просит простолюдин. Похожий на жабу вельможа укрыл лицо платком, отвернулся, махнул соглашательски, устало. Все в империи устали за последний месяц.

В карете Исидор молчал, как истукан, глазами только зыркал. Закатали во двор, мелькнули факелы, шпоры, ограда чугунная. У Бродяги еще пуще заныло в животе, когда на окошке складочку отдернули. Попутчик их, блестя орденами, одышливо сопя, вылез, соскочил на коврик.

— Жди тут, — просто сказал Исидор и раздавил какую-то гниду в бороде. — С их сиятельствами маненько потолкую, уж больно просили за хворыми детками присмотреть, а там, бог даст, затемно и поедем...

Бродяга послушно ждал Исидора в карете. За три часа одиночества он многое обдумал и принял решение. Хитрый старец поймал его в ловушку собственных слов. Он умолял, кричал «все что угодно», и нате вам — придется платить по счетам.

Исидор вернулся угрюмый, еще больше высохший, очи пленкой, как у змея, затанулись, тени скулы облегли.

— С богом! — только и сказал, в тулуп завернулся и уснул.

Во мраке, после часа тряски по колдобинам, вдруг встали. Старец проснулся, ожил, захрипел. Словно удивился, заметив подле незнакомого человека. Бродяга ерзал неловко, стесняясь отросшей щетины, нечистого мужицкого кафтана. Хотел спросить о здравии, да язык словно присох к гортани.

— Ты чего, бродяга? — спросил Исидор. — Неужто в перинку не хочца? Отседова до перинки верст семь, не боле. Давай, чайку похлебай с нами и гони. Коника твою позади привязали, овса щас дадим, и поедешь с богом...

— А как же... как же постриг? — Бродяга не мог поверить, что его обманули. Уста старца одно обещали, а глаза хитрющие, грозные — совсем иное. Монашек отворил дверцу, студёный ветер над облучком фонарик раскачивал. И вправду узнал Бродяга поворот знакомый, за верстовым столбом. И огоньки под горкой сладко моргали. Он понял вдруг — нельзя выходить. Выскочить из кареты легче легкого, только этого и ждут, сунут нож под ребро — и готово дело, к утрёцу волки так обглодают, что свои не признают...

— Я что угодно, какую угодно сумму соберу, лишь бы причаститься, лишь бы стать этим самым... мортусом...

— Цыц, не кидай слова, коих не смыслишь! — негромко прикрикнул Исидор. — Какой тебе постриг... Но, но, не реви, корова! Вижу я, от тебя в миру всем одна морока. Так и быть, заберу к себе. Только помни — насовсем заберу. Людишки мрут, соборовать некому... Чай, смекнул уже, чем платить за избавление от дрожи-то придется?

Бродяга окаменел. Монахи разом перекрестились, зашелестели «отче наш», посмотрели отрешенно, насквозь, точно идола черного дерева из отцовского кабинета.

— Белый мортус косую гонит прочь, покудова стих не составит, — сипло произнес Исидор. — Я свой стих до конца слушать уж не хочу, надоело...

— Так вы тоже?..

— Тоже, тоже...

— Неужто жить надоело? — не выдержал Бродяга. — Грех так...

— А ночами души человечьи пить не грех? — подался к нему старец. Монахи тоже привстали, как псы цепные, готовые за хозяина глотку рвать. — Как первая строка стиха сложится, почитай, ты в капкане. Нет жизни боле... Я отказался, сам. Сколько еще смогу, так проживу, человечьим веком, благодати принесу в мир. Смекаешь, бродяга? Двести лет, почитай, я не мог отказаться, все мнилось, что это и есть главное... А впрочем, ты ведь так и думаешь, что с тебя взять?

Старик глядел из темноты сурово, похожий на лик с иконы.

Двести лет, билось в висках, двести лет...

— А что ж главное, коли не жизнь? — глухо спросил Бродяга.

— Два пути есть у мортусов, бродяга, — продолжал дед, словно не расслышал вопроса. — Либо стих свой мирно составлять, тогда побегут годы шумно, а потом замрут, как лягуха под снегом замирает. Много со стихом дадено Белому мортусу, целить может, на годы вперед видит, металл в земле мастерам дарит... Много дадено, но так же и назад спрошено. Все, что дадено, вдвое возвертать приходится...

— Кому воз... вращать?

— Как кому? — искренне удивился Исидор. — Вестимо, людям. Больше нет господ у тебя...

Бродяга чуть не подавился. Подобную ересь от человека, которому князья доверяют болящих чад, он услышать никак не ожидал. Вместе с тем и тянуло к человеку этому опасному неимоверно...

— Это ж как, нет господ? — дуряя слегка от столь опасной полемики, выпалил Бродяга. — В святой обители обретаетесь, а господа нашего...

«Господа хулить вздумали?» Это он не договорил, спохватился.

— Дурак, — сказал Исидор и глаза кротко возвел.

— А второй?.. — Бродяга от волнения слово «путь» выговорить не смог. Он вообще ничего не понимал, кроме одного, — каким-то чудом с детства открылся ему дивный дар, смерть укрощать...

— Второй... — нехорошо рассмеялся Исидор, и Бродяга вновь ощутил себя на краю гибели. Никакие не монахи, подумалось ему, оборотни клятые, волками смотрят.

— Черным мортусом перекинуться легче всего, — подтверждая худшие подозрения Бродяги, спокойно заметил отшельник. — Рождаются все одинаковы, чисты и невинны, а после, ты глянь, пакость какая... Черный видит хуже, оттого голоден, не ждет стиха, сам убивать начинает. И чем больше загубит народу, тем слепше деется... Вникаешь, бродяга?

— Вникаю.

— Ни хрена ты не вникаешь, прости господи... Ты думаешь, шо я с тобой лясы точу, делать нечего? Белого хочу вырастить, а не Черного... Ошибусь — беда на Русь опять придет, сколько уж можно...

— Так разве я Черный?

— Нет, покудова... Ты как, креститься не можешь?

— Не могу...

— Эхма... В храме худо? Водичка святая жжет?

— Дышать тяжело, теснит словно, — честно пожаловался Бродяга. — Про воду не думал...

— Мокий, притвори, чай не май на дворе, — сварливо обратился старец к одному из своих помощников.

Тот поспешно захлопнул дверцу. У Бродяги слегка отлегло от сердца.

— Оставить тебя тут не можно, — вздохнул Исидор. — Тьма египетская от тебя народится, уж было так... Либо снова грех тяжкий на душу брать, либо учить придется. Дурень ты, ничего не понял! Я такой же дурак был... Мнишь костлявую одолеть? Только ведь, как стих встет в тебя, так жизнь и высосет, опомниться не успеешь. Помяни мои слова — жизнь не ради любования дадена, работать надо...

24 ПОСТРИГ

Ему было двадцать, когда навсегда покинул усадьбу, любимых тетюшек, служивого отца и все планы на благоустроенную московскую жизнь. Он начал бродяжить, но совсем не так, как ожидал.

На второй же день по приезде Исидор велел переодеть гостя в черное, остричь коротко и взял с собой в город.

Они ездили к умирающим.

Старик делал свое дело, исповедовал. Бродяга поначалу зажимался, захлопывался, как моллюск, и страдал до рвоты. Находиться подле смертельно больного, всматриваться в восковые, угнетенные, повязанные платками лица старух, вдыхать слезы безутешные — это все вгоняло его в ступор. Но Исидор знал свое дело славно, выбивал клин клином. Ничего на первых порах не требовал, харчами не баловал, одно лишь настрого заповедал — от родных покойника не прятаться, говорить с ними, ласкать да слушать. Первое дело — слушать человека, пущай себе клянет небо, рыдает или смеется...

Походя, играючись, в одно касание, Исидор лечил детей от несмертельных хворей,

вроде колтунов, заикания, бородавок. К взрослым ездил редко, сам тоже принимал неохотно, уж больно много энергии высасывало из него целительство, а подкачки-то более не было, сам отказался. Впрочем, никому впрямую не отказывал, на памяти Бродяги человек сорок буквально с того света вытащил.

Эпидемии по уральским губерниям стихали быстрее, чем в старопрестольной; вероятно, сказывались особенности сухой зимы или разница в чистоте воды, однако до первого снега Бродяга вместе со старцем исповедал и похоронил человек триста. Это тех, кто не от старости помер. Подсчитать пытался — и сбился в ужасе. Где-то на двадцатом покойнике он привык. Он стал осязать старуху с косой совершенно иначе, его домашние представления рухнули, и вместе с представлениями рухнула тоска по батюшке, по любимым теткам и болезненному, дремотному городу.

Оказалось, что его фобия никому не интересна, что не надо искать сочувствия и соратников, потому что здесь его не поймут. Здесь горюют, но не так, как собирался горевать он, недоучившийся студент, несостоявшийся военный и никому не нужный поп. Исидор не зря зло шутил, что таких никчемных мир от себя не пушает...

Исидора звали часто. Шла молва, будто от старика особая благодать исходит, и что исповедоваться лучше ему, нежели деревенскому батюшке, а еще лучше, если старец соблаговолит к трапезе остаться и прочих членов семьи послушает. Ни советов, ни утешений особых от него не ждали, к этому Бродяга давно привык. Божились, что в семьях, где Исидор проводил кого-либо в последний путь, да еще и осенил, там хвори отступали, и двойни чаще нарождались. И уж точно никого к погосту в ближайшие пару зим не понесут...

Бродяга отрастил гриву, бороду, ладони его задубели от рубки дров, а плечи — от коромысла, щеки ввалились, зубы пожелтели. Исидор курить запрещал, зато велел жевать чеснок и траву, от цинги полезную. Кормили в монастыре не густо, зато в богатых домах, куда брал с собой старец, Бродяга отъедался. Легче жить, однако, не становилось. Раз чуть бес не попутал, случайность спасла. Послал старец с монахами за дровами, тремя подводами выехали затемно, чтобы к обеду возвратиться. Колыхалась рань зябкая, мычали полусонные стада, монахи скрючившись, ноги подобрав, молча вдоль реки ехали, к броду.

Ничего не предвещало беды.

На переправе лошадей напоили, снова двинулись, а как солнце выглянуло — подобрали баб двоих, с девчонкой. Деревенские, но не забытые бабенки, бойкие, смешливые, из вольных. Бродяга до того молча на последней подводе валялся, в небо взор вперив, травинку жевал. Чернецы болтали сказки, порой истории захватывающие всплывали, хоть и с чужих слов, да только Бродягу не трогало.

Его давно ничто стороннее не трогало.

Когда бабы с девочкой подсели на телегу, для монахов ничего не изменилось — как жевали горбушки, злословя лениво, так и продолжали. Бродягу обдало вдруг холодом, словно из парной выпал на колющий снег. Задышал тяжело, чувствуя, как капкан внутри напрягся, в ушах зазвенело. Звон далекий нарастал, катился, уже гремело и трясло, точно привязали его всего, целиком к языку колокольному, и раскачивали, и лупили им о бронзовое нутро тусклого великана...

Девчонке ведомо было. Следующее слово для его стиха, для его бессмертия грядущего.

Он соскочил с телеги, медленно обогнал, улыбнулся, чтобы себя не выдать, незаметно стряхнул пот. Лица ребенка он даже не видел, не сумел бы описать, какова она, во что наряжена, сколько ей годков. Вероятно, лет семь или восемь, не больше. Бродягу прошиб пот, когда он понял, что способность его развилась и усилилась. Он наверняка знал, что из трех особ женского полу именно эта, махонькая, в женскую силу покуда не вошла, а здоровьем, как назло, могла с медвежонком поделиться. Что-то у ней свербило, может зуб молочный, либо заноза, но до багрово-черной полосы далеко ей было, ой как далеко. Багровый горизонт Бродяга наблюдал при желании в каждом встречном, у одних он почти незаметен был за сизой, облачной как бы, дымкой, у других полыхал настырно, проморгаться хотелось от мрачного пламени...

Девчонке суждено было топтать земную твердь еще долго, очень долго. Бродяге показалось, что воздух стал густым, как сметана, забулькал, застрял в трахее. Хуже новости не придумаешь. Девчонка несла слово и собиралась нести его лет шестьдесят, а то и больше...

Он тогда еще не умел с полувздоха определять положенный человеку срок.

Повозки застопорились в узком месте, пропуская почтовую карету с охраной. Поздоровкались, помахали ручками. До полосатых столбов заставы с полверсты осталось. Монахи спешили, кто по кустикам, кто снесь развернул обстоятельно, кто прилег, завернувшись. Илья разгонял уже колесницу, хмарь подымалась с лугов, жужжали слепни. Бабы спрыгнули тоже, похватили мешки, но повернули не к городку, а назад, к реке, к переправе. Позже оказалось — помыть ноги надумали да обувь надеть, чтобы в городе совсем уж за простушек не держали.

Бродяга никого и ничего не слышал, смотрел на девочку. Худосочная, с косицей, под косынку повязанной, в сарафанчике льняном. В руках опорки крепко сжимала, видать, настрого велели обувь беречь, не испортить. Подпрыгивая, она спускалась по влажному песку к броду. Там, под игристыми перекатами реки, метались стаи мальков и рассасывались, как неровные шрамы, следы тележных колес.

Бродяга встал за бабами в трех шагах, куст ракиты его прикрывал. Он видел, что к противоположному, обрывистому берегу неспешно катится повозка, рядом вприпрыжку бежит жеребенок. Возница вдруг натянул поводья, кобыла встала, потянулась губами к орешине...

«Что она такое? — пылая, рассуждал Бродяга. — Ничто, пустая моль, мотылек жалкий... Кто заплачет, кроме матери ее, если мотылька не станет? Никто, пожалуй, да и мать долго горевать не будет. Небось четверо, а то и пятеро по лавкам прыгают, обычное дело дитя схоронить... Боже, помоги мне, останови меня, как же спастись от напасти, Боже?!»

Бродяга не мог оторвать глаз от тонюсенькой ее шейки, от проема между лопатками, от бьющейся жилки, от пушка на левой щеке. Не более двух саженей до нее, до прихваченного узлом затылка оставалось.

Вот еще ближе, присела, жучка рогатого перевернула на песке. Крестьянок уже скрывала стена шелестящих кустов, на том берегу мужичок вовсе отвернулся, исчез за обрывом.

Нет свидетелей, никто не увидит, никто не услышит!

Бродяга до крови укусил себя за руку.

На другой стороне реки возница с переправой не спешил, кормил лошадку из торбы. Жеребенок сосал ее, помахивая хвостом. Бабы вдаль уселись на бревнышке, лузгали семечки, неторопливо тянули разговор, словно горлицы ворковали. Девчонка, отшвырнув прутик, пошлепала в сторону, в самые заросли, в осоку. Откуда-то вынула тряпичную куклу, прижала к груди, спела той колыбельную, затем на сухом мху положила, якобы пеленку младенцу меняя.

Уйдет — второй раз не воротишь...

Девочка ведала слово, слово редкое, ценное, как джокер на остатном раскладе, могущий перевернуть небрежно весь ход игры. Слово, замыкающее строфу...

Надо было только позволить ей провалиться за багровую черту. Он успел бы, ухватил, верил в это истово. Только врезать легонько булыжником, окатышем речным, много ли дитю надо? А мать и не заметит, мать еще нарожает, вон какая крепкая!

— Эй, покати, что ли? — За спиной Бродяги жевал луковицу с салом молоденький послушник. — Игумен осерчает, коли опоздаем. Тебя ждем, обыскались...

И в тот же миг лучик солнца дерзко вырвался из туч, разбился на осколки и словно бы вызвал к движению доселе застывшие предметы. Всполошились кряквы в камышах, стайей взлетели вороны над дальней колокольной, заржали лошади. У Бродяги подогнулись колени.

— Спаситель, спаситель, не оставил меня... — хрипел он, позабыв молитвы, позабыв

благодарность словесную, изливаясь в умиленном раскаянии.

Девчонка обернулась, вздрогнула, заметив вблизи мужчин: одного юного монашка испуганного, другого — смурного, корявого, вовсе страшного, стоящего на коленях, с перекошенным ртом. Бросила куклу, промчалась по воде, притаилась за юбкой матери...

Сама не ведая, что уцелела чудом.

25 СПАСЕН

— Дьявол испытывал? — спросил от порога Исидор, когда с дровами вернулись.

Бродяга заплакал, слезы утирал рукавом, носом шваркал, все текли и текли...

— Ниче, зарастет, — подытожил старец, выслушав сбивчивую повесть о несостоявшемся убийстве. — В знаки не верую, извиняй. Сам осилил бесов, за то благодари заступников небесных... Ниче, случалось и хуже! Спасся седни — к завтраму сильнее станешь, вот и весь сказ.

— Отец, а как не повстречаюсь с ней более? — отважился Бродяга. — Чую я, не просто слово, а особое ведала...

— Дурак, — скривил рот Исидор. — Ну, дурак же! Чутье острое, а разума — ни на грош. А ну, сказывай без утайки, отчего не прибил девку? Нешто пожалел? Мне честно говори, в очи гляди, ну!

— Так это... Не пожалел! — угрюмо отмахнулся Бродяга. — Можешь отлупить меня, отец, но я их никого не жалею...

— Ой ли? — сощурился старец. Гнева, впрочем, не явил.

— Редко когда подступит, редко... — задумался Бродяга. — И эту, на реке, не пожалел бы. Я, отец, вот хоть смейся, весь род человеческий тогда пожалел...

— Говори, говори.

— Да что говорить? — смутился Бродяга. — Как-то не растолкуешь... Глядя на нее, будто уверился, что все мы не просто так рождаемся и мрем, что есть высшая разгадка, есть она... Иначе, ежели разгадки бы не нашлось, так никто бы и не нарождался. Вот что остановило, не жалость...

— Белый мортус, как есть Белый, — удовлетворенно крикнул старец. — Не о себе печется, слава те, господя...

...Умирала мещанка, сорока шести лет, от огня внутреннего, лечению неподвластного. Исидор велел стоять за дверью, с пером наготове, а можно и без пера. Остальных сородичей разогнал, чтоб не мешались под ногами.

— Эта, как пить дать, преставится, — едва потрогав лоб больной, заметил старец.

Бродяга задрожал. Понял, что тощая тетка сегодня помрет наверняка, в который раз ошпарив страхом. И понял, что сегодня начнется нечто.

Придет третье слово стиха, его стиха. Без греха придет, по закону неписаному.

Шепот за дверью прервался, больная захаркала. Исидор отчетливо, не напрягая голоса, как он умел, окликнул. Бродяга толкнулся внутрь, не зная, чего ожидать. Следом сунулась девка с кувшином, глаза любопытные. Исидор замахал на нее черной пятерней, мигом смылась.

— Меня вынеси отсель, а сам слушай, — велел старик, и за локоть, точно клещами, ухватил. — Остатнее слово за тобой... мортус.

Бродяге казалось, что потолок сучками вдруг пророс и вниз и тянется к нему, насквозь прорубить тянется.

Мортус...

— Да как же?.. — взвился он. — Не положено мне, отец...

Больная тяжело застонала; платок на ее груди — словно в крови выстирали. Капли пота на прозрачном лбу висели горошинами.

— Остатнее слово твое, мне не говори. Мне она, что надоть, донесла.

— Спасибо, родимый... — прохрипела женщина. Глаза ее влажными провалами упирались в потолок.

Бродяга вынес деда из натопленной спальни, вернулся, притворил дверь. Писать, однако ж, не пришлось. Спустя минут семь женщина дугой выгнулась, кровью плюнула, затем подняла медленно руку и, перстом в темноту указуя, одно лишь слово произнесла:

— Княже...

Бродяга выбрался, шатаясь. Сила враз ушла, кровь от головы отлила, по ногам мурашки забегали. Вроде дверью за собой звучно не хлопал, а лампы в горнице погасли. Вбежавшая сестра покойной опрометчиво в глаза ему глянула — и отшатнулась, по стене сползла. Девка за ней свечи несла, взвизгнула, назад пятясь. Исидор шикнул, брови сдвинул.

— Ага, проняло... Затвори уста, окаянный. Вымолвишь — проклянута. И себя погубишь, и безвинных...

— В глазах темно... — пожаловался Бродяга, когда уже правили назад. Присыпало снежком помаленьку, воздух хрустко колелся, дышало небо близким морозом.

— Тпру! — сказал лошади старец.

Бродяга скатился с телеги в окаменелую грязь. Снова и снова видел перст скрюченный, небо агатом отдавало, в ушах — грохот дальний, будто гроза за лесом сторонилась. Никак он не мог проморгаться, темень приступила. Вроде впрямую на огонь смотрит, а мнится, будто витраж голландский огонь заслоняет.

— Слепну я, отец... Что за напасть?

— Радость тебе, а не напасть, дурак. Жив остался, а скулишь, как пес. Теперича слушай, бродяга. Знак седни тебе явлен был, навроде ярлыка малого. Знак не от светлого, от иного, строка первая сложилась. Как слова переставить — твое дело. Захотишь отринуть напасть — милости прошу. Всенощную отстоишь, до зари ишо неделю службы отстоишь, попостишься, можа, и полегчает...

— Что полегчает? Как отравы наелся...

— Не отравы. Постриг принял. Благодать тебе сошла, только не от Христа, от иного. Прости мя, Господи, что всеу имя твое упомянул. Не жалею, бродяга. Печать у тебе во лбе ишо раньше горела, сразу тебя признал.

— Да что за печать такая? — Бродяга стонал в подмерзшей луже, держался за глаза, за виски. Лошадка прижимала уши в испуге, сторонилась его, будто волка чужала.

— Мортуса Белого печать... Мало кто об нем наслышан. Книги чародейские от греков завезли, да при Грозном еще спалили, вишь, умники. Спалить легко, а как потом с нечистью управляться, а? Вот славно, что кусок от книги одной, называть не буду, изустно заучили. Потому мало кому ведомо...

— Это я нечисть, что ли? — обиделся Бродяга.

— Ты дурак просто, — успокоил Исидор, плотнее закутываясь в драный полушубок. — Нечисть — это, не к ночи сказано, например, Черный мортус. Тот жизнь сосет, да одной ему постоянно мало. У детей малых сосет, у старых, болезных, кто при себе соки жизни удержать не может, слабые кто... Слушай меня, Бродяга. Я ишо отроком голопузым бегал, приезжал к нам в обитель старец Гаврила с Ильмень-озера. Чудной был человек, но как есть святой, птиц собирал на поляне. Это я сам видел. Птиц собирал на длани и по муравке мог пройти, цветов стопами не сгибая. Он про книги запретные ведал, व्यоношем выучил, изустно передать дальше хотел, да не мог. Не мог сыскать ни по селам, ни среди затворников отрока, кто бы память добрую имел, да к тому тяготение к науке. Было так, что и плевали вослед, и от патриарха псы подметные приползали, погубить хотели...

— Так он тебя сыскал?

— Меня взял, долго учил. По гроб буду ему свечи ставить. Научил много, теперь голова худая стала, забываю... И про мортусов научил. Черные опасны зело, может, от них чума с язвой и идут, тут не проверишь. И разглядеть их простым глазом никак не можно...

— Колдуны это?

— Не всегда. Старец Гаврила на Отрепьева указывал, на самого даже Грозного. Змей

тот был, даром что книги жечь велел... Сами прочитали, заклęcia тайные постигли, а с другими делиться не блазились им. Но те далече, сгинули уж, хоть все не по сроку. Либо казнены, либо отравлены, всяко не своей смертью ушли, и слава богу! Истинным божьим людям давалось зрение великое. Находили Черных даже в утробах материнских, вот как, там и жгли, ага... Да ты не дрожи, Бродяга. Белый мортус не таков, он хучь и родился с ярлыком, а все ж таки без пострига в силу не войдет. Белого одна рана допекает — люто он смерти страшится, и через страх свой может тварям божьим навредить. Пустой внутри Белый мортус, ты уж не обижайся, но пустой. Веры христовой не удержит, да и другой веры никакой. Слоняется так и мучается, пошто жизнь дадена, коли правды в ней ни на грош, а в закате — могила? Оставлять без присмотра Белого мортуса никак нельзя, хоть ведем и не кидаемся. Но разбойничков, лихих людишек из них немало вышло, сказывают. Случайно аль по родству предсмертное слово услышит — и с того момента изнутри вывертом оборачивается. На каторгах самые бойкие Иваны, знашь, кто? Вестимо, Белые мортусы, завсегда заправляют да хозяйничают в делах паскудных. Почему так? Да потому, что пустые внутри, не держит их ничего от резни, от убийства да лихоимства...

Бродяга слушал, затаив дыхание, на себя слова грозные перекладывал, Мурашки по коже от ужаса бегали, словно в зеркало сатанинское заглянул. А ведь и верно, не раз ему в дремоте являлось, что будто бы нету никаких законов, кроме законов его собственных. Где предел его праву и где предел праву иному, от Бога даденному?

Прочитал как-то про упыря трансильванского, про то, как тот жил, удаленно, размашисто, кровью путь свой поливая. Злодей был, конечно, для геенны созданный, а все ж вызывал подвигами своими мрачными в душе трепет приятный.

По наивности своего домашнего воспитания, Бродяга не догадывался оборотиться к примерам злодейств не столь отдаленных, расположенных под самым носом...

— Виноват я перед Гаврилой шибко, — жаловался старик. — Вот помру скоро, а не сыскал себе парня в обучение. Те что сами просились, отворачивались после, бежали... — Он подставил руку для поцелуя проходившим мимо бабам.

— Прости, отец, зябко! — Бродяга подобрался к телеге, стуча зубами, мокрый, взъерошенный. — Дозволь, поедем? Замерзну...

— Сиди тихо! — равнодушно прикрикнул старец. — Никуда не поедем, покудова не ослобонит тебя. Куды тебе в обитель — сгоришь, и золы не останется...

— Как же? Что ж, мне теперь и в церковь нельзя? Вроде прокаженного? — Бродяга в испуге рассматривал грязные свои руки.

— Погодь малехо, все можно будет. Слушай, Бродяга, на ус мотай, другой раз не повторю. Ничего так просто не дается. Сложишь вторую строку — отработаешь сполна. Сложишь третью — вдвое больше отработаешь. А ерепениться, начнешь, обленишься — до земли пахотой согнет... Да садись уже, поедем...

— А если я... — Бродяга облизал губы. Вопрос повис острым валуном на краю обрыва.

— Да не бойся, договаривай, — Исидор чмокнул вожжами. — Хотел спросить — если перекинешься, убивать ради бессмертия начнешь? Тогда — беда великая. Черного мортуса не остановить, покуда в крови не захлебнется...

26 БРОДЯГА

Он потерял короткую память на третий месяц бродяжничества. Старец таскал слушать каждого умирающего, хотя Бродяга отчетливо сознавал, что практически все они — «пустышки».

Обрывки стиха несли единицы, но возлюбить следовало каждого.

Возлюбить грязных крестьян было столь непросто, что ночами Бродяга выл, уставившись на луну.

— Уйдешь? — спрашивал утром Исидор, безошибочно, по набухшим подглазным

мешкам, по серой коже определяя бессонную маету.

На седьмой месяц вдруг принял постриг в монастыре, имя взял, на которое откликнулся, но жить продолжал вне стен, подле духовного отца. Тот чах, слабел все боле, с трудом разминая по утрам двухсотлетние кости. Было ему годов даже поболее, но поминать об том не любил. С тех пор как прекратил стих слагать, дряхлел на глазах. Паломники к нему косяком валили, не успевал всех благословить, монахи уносили на одеяле почти бездыханного.

Когда к Бродяге постучался первый проситель о заступничестве перед Богом, он не запомнил. Вначале онемел, ослабел ногами от такой просьбы, затем устыдился, что угостить в крохотной избенке нечем... Летом пошло легче, после того, как в острог съездил. Троих там послушал перед смертью, но только четвертый слово донес. Старый каторжанин с рваными ноздрями, чуть не всю жизнь провел по каторгам. Лежал неделю, к стене отвернувшись, никого слушать не хотел, а в Бродяге сразу близкого признал. Ухватил за локоть горячечно и помер, слово вымолвив.

После острога намерен был в монастырь возвращаться, когда вдруг понял, что тянет совсем в другую сторону. На юг. До Астрахани дошел и еще южнее, вдоль моря спустился, почти к персидским владениям. Везде кое-как пропитание находил, хоть и не стоял на папертях. Слушал, помогать вызывался бесплатно или за корм, деньги возвращал сразу. По горным тропам намаявшись, к донским станицам двинул, там в компании странников время провел, ни с кем, впрочем, близко не сходясь. Наступил день, когда отважился сам предложить лекарские свои свойства. Помнил, как старец нарочито колдовал, раздувая страхи близких, щеки дул, слова латинские в кучу сыпал, вполовину из молитв, вполовину из стихов римских, в сундучке истлевших. Бродяге казалось постыдным так дурить православный люд, он волхвом древним не прикидывался, оттого прослыл суровым и справедливым божьим человеком.

Сам об эдаких словесных регалиях не знал. Думки все к одному сводились — годы бегут, торопятся, а формулы нет, как не было. Тем удивительнее стала для Бродяги встреча со старым случайным знакомцем из Серпухова; тот в совсем пожилого человека превратился, ходил с одышкой, переваливаясь, волосенки редкие серебром отливали.

Внезапно он уразумел, что не стареет, как другие.

Но радости не почувствовал, словно иссяк источник. Не осталось радости в груди, не осталось ничего, кроме горячего желания продолжать стих. Будучи в лавке, заглянул равнодушно в календарь, отвел глаза, затем снова пригляделся и не поверил.

Десять лет, как один день...

27

НОЖ ГОДУНОВА

В последний путь старца Исидора проводили зимой 1792 года.

...Год звенящий, тревожный, пороховой. В Царском Селе Кваренги вышагивал с карандашом, впереди мастеров-каменщиков, намечая фундамент будущего дворца для внука венценосной Екатерины. Внук пока играл в живых солдатиков и не догадывался о печальной своей судьбе...

В Париже чернь ворвалась во дворец Тюильри, Конвент провозгласил Францию республикой, австрийские войска перешли границу, а комиссары, под «Марсельезу», подняли лозунг «Отечество в опасности!»...

На другом полушарии, в тени могучего платана, под городской стеной, двадцать четыре вольных брокера ударили по рукам, чтобы не считать деньги по кофейням. Позднее, 17 мая стали отмечать как день основания Нью-Йоркской фондовой биржи...

В том же году российская императрица затеяла травлю московского «Ордена злато-розового креста» и горели в кострах книги розенкрейцеров, якобы направлявших неокрепшего Павла в сторону дружбы с Пруссией...

Для Бродяги этот год означил иную веку. Перед самой кончиной Исидора, как почуяли,

к отшельнику наведались трое. По первому взгляду признал в них Белых мортусов, древних, гораздо старше наставника, хотя внешне каждый годков на семьдесят пять тянул. Глаза их выдавали, и то не каждому, а человеку понимающему — жадные глаза. На погост сани с покойничком лошаденка провезла, так все трое вздыбились, взглядами проводили. То есть снаружи никак по ним не заметно: благообразные, степенные старички, но Бродяга-то чуял — жар из них прет. И горизонт багряный внутри у каждого не вдали полыхал, как у рядовой божьей твари, а повсюду, водопадом огненным изливался. Старики приехавшие не лыком шиты, мощь дрожала в каждом великая. Монахи любопытные сунулись ближе рассмотреть, так те не препятствовали, но понять дали, что растопчут. Лениво так намекнули, вроде как, наблюдай, детинушка, да не зарывайся, не то, пыхнем гневом, мозги через уши вытекут...

Бродяга сразу поверил. Припал благоговейно к пластам знаний, которые мудростью обозвать бы не смог, ибо сызмальства поучали его, что мудрость в ином. Белые мортусы глядели на мир холодно и отстранено, не напрягаясь на тяготы, отвлекавшие их от собственного благоденствия. Старцы нисколько не пеклись о сиюминутном, мирском: о постройке дома, о вкладах в биржу голландскую, об угодьях церковных либо о расширении монастырских промыслов. Деньги их занимали как лишний вес в кармане, от которого следовало возможно, быстрее избавиться. Получали щедро от богатых, копеечно — от нищеты и почти сразу раздавали, не пересчитывая. От рассуждений мрачных бурчало у Бродяги в животе, а денег он привык бояться. Смешно считать деньги тому, кто не считает годы.

Игнатию, кажется, принадлежали заводы в Тамбовской губернии, но он и думать о них забыл, отписал давно забытому своему наследнику... Кстати, о наследниках. Дети, и даже внуки, у старичков, в свое время, народились. Поскольку, в отличие от Бродяги, путь свой природный оба позже установили, и покорились ему. Со временем, естественным образом, пришлось мортусам домочадцев покинуть, раствориться пришлось на просторах, дабы не смущать бесконечным присутствием дряхлеющих наследников. Тема продолжателей рода хоть и не табуировалась, однако ж среди старцев не приветствовалась никак, и Бродяге коротко об том намекнули.

Давно уж пора было старцам в могиле лежать, да заклатья не пускали, стих на свете сберегал. Удерживал стих смертушку, да не совсем. Приглядевшись внимательнее, Бродяга заметил, что багровые озера, внутри каждого кипящие, понемножку наружу сочатся. В красках не описать явления, и слов он толком подобрать не умел, да только видел неоспоримое.

Никто из мортусов до финала стих так и не собрал, хотя старики десятки строф ведали и ежечасно повторяли. Тонкими, кипящими каплями вытекало из стариков бессмертие, испарялось тут же, на воздухе, угодив во время текучее. Поймав очередного смертника, выхватывали мортусы ловко из него словечко, затыкали пробойну в багровом котле, на год-другой задерживали приступ костлявой, затем вновь прорывала она оборону, радостно впивалась в ослушников...

С охраной те трое прикатили, с парнями. Только у Игнатия отрок непростой, вроде самого Бродяги, а может, только показалось. Остальные — те вовсе обычные, темные, веры истовой, зато дюжие, положиться на таких можно.

Игнатий, Довлат и третий, согбенный, с Исидором день и вечер провели. Дальше дороги их разбегались, мортус ведь не может на месте, иначе времечко мимо него побежит. Обогнать времечко никому не дано, так хоть рядом пристроиться... Пошептались, никого не пуская, затем Бродягу призвали.

Смотрели строго. Игнатий спросил, сколько слов собрал уже. Бродяга, потупившись, ответил скромно, что восемь, две строки сложились. Старцы переглянулись. Исидор лежал, вытянувшись, в меха зябко закутался, поперек груди кошка лапки распустила.

— А скольких вылечил?

— Да дюжины три наберется... — за Бродягу ответил Исидор. — Кости неплохо сращивал. Я его на рудники брал, когда вода подмыла, там задавленных много откопали.

Идут людишки к нему, идут... Скромн, терпелив, подношений не берет, а что оставят — братии...

— Когтей не точит?

— Да навроде не замечен.

— Мясо парное не ворует? На бойню не тянет, дитя?

— Нет, клянусь, нет...

— На луну не воешь, дитя? — деловито осведомился Довлат.

— Нет уж, бог миловал... — поежился Бродяга.

— Некогда ему выть, гоняю... — усмехнулся Исидор.

— А дальше кто гонять будет? — просто спросил Игнатий.

Вот оно как, встрепенулся Бродяга. Боятся они, что перекинусь, что душисть пойду...

— Где слово ждать, заранее чуешь?

— Не сподобился пока...

— Рано ему, — вступился опять Исидор. — Дитя ишо, сорок годков с малым всего...

Бродяга вздрогнул. Он забыл, сколько ему лет, а точнее — не считал. Давно считать перестал, некогда. Днями гонка бесконечная, а ночами — со свечой стих кромсать. Потом спать как убитый, и снова — в бега, к бедствиям, к смертям... Он не заметил, как уплыло время. То самое время, неуловимая река, из-за которой он так часто плакал в детстве.

Стих был важнее, стих надрывал душу.

— Ликом бел, строен, крепок, — вроде как похвалил пришлый старичок. — Стих-то на память каждый вечер гоняешь, так?

— Повторяю.

— Угу, заметно, поспеваешь за времечком покудова...

Бродяга вспыхнул от радости.

— Черных встречал? — спросил третий, согбенный.

— Нет пока...

Бродяга не забыл наставления Исидора. Старец неоднократно упоминал, что Черных мортусов раз в десять больше по земле русской шарится. Оно и понятно, убийством легче своего добиться. Помнил он также, что Черные себя добрыми делами не отягощают, посему выявить их среди обычных негодяев сложно, да и век их часто недолог. Вот такой парадокс, несмотря на возможности, Черные мортусы гибнут почти с той же частотой, что и рождаются.

— Ты помнишь, дитя, что, встретив Черного мортуса, надлежит убить его? — тихо спросил Игнатий.

— Помню... — сглотнул Бродяга.

— Отчего ж дрожишь? — Игнатий пошевелил кустистыми бровями.

— Так убить же...

— Отнять жизнь у Черного — трижды лучше, нежели младенца от горячки спасти, — рассудительно заметил Довлат. Он сидел в углу, дул на чайники в кружке. — Иначе Черный заберет то, что нам положено, один за многих заберет. Ты знаешь, что Черные мортусы не стареют?

Бродяга открыл рот и снова закрыл. Его словно обожгло плетью. Об этом Исидор не говорил. Бродяга давно смирился с грустной явью, что младость его и зрелые, но бодрые еще лета пролетят в поиске и непрестанном целительстве. Можно на людишек хоть самой лютой злобой исходить, а изволь у ложа смертного за ручку их держать, и хворых целовать, и слова еще утешающие подбирать...

Только тогда, раз на сотню смертников, встретится алмаз сокрытый, изречет слово тайное. И ничего Бродяге другого не уготовано, ни жены ласковой, ни деток малых, ни закровов полных, ни стран далеких, ни службы государевой. Ничего, кроме жизни вечной, но в обличье старческом, немощном. Может быть, ноги откажут, как у Исидора, или глаза, или кости перед дождем ныть начнут так, что сам смерти попросишь...

Черные мортусы не стареют. Он еще раз повторил про себя, ужасаясь открытию и

догадываясь, что не зря открытие сие именно сегодня ему преподнесли.

Проверить вздумали, мелькнуло в голове у Бродяги. Спаси и сохрани, произнес он про себя, но тут же осекся, припомнив, что бог христианский его вряд ли выручит. Исидор не возбранял молиться, сам посты блюл, но за годы ни разу от него Бродяга славословия в адрес Господа не услышал.

— Сам разбирайся, — хмуро советовал старец. — Доживешь до моих лет, поймешь. Не поймешь — стало быть, дурака пригрел я...

Вот и сейчас Бродяга потел под пристальными взглядами старцев, чувствуя себя полным дураком.

— Две строки, неплохо, — прошамкал согбенный старичок. — Вскорости, пожалуй, в силу войдет, расправит крылышки-то...

— Тады ищи-свищи, — задумчиво отозвался Довлат. — Игнат, Лисовского помнишь? Хрен ухватишь таперича...

— Ну дык, а я об чем? — потемнел Игнатий. — И Ивана упустили, и Малюту, гада... Скока яду успели выпустить, аспиды!

— Болотников тоже, и Лисовский, — поддакнул согнутый дед. — Лютовали бы и дальше, да на злато шибко зарились, хе-хе! А воренка я, помню, сам душил, ажио в груди полегчало...

— Отчего не верят мне, отец? — повернулся Бродяга к спасителю своему.

Исидор выпростал отощавшую, костистую руку, не глядя, дотянулся до сундучка, вынул из-под книг длинное, в кожу, перевязанное бечевкой. Еще не размотал, но Бродяга догадался. Нож широкий, загнутый, с зубцами по лезвию. Такими ножами у нас не режут, и в лавках кузнечных не торгуют. В рукояти камень синий, словно его лапа воронья держит, и письмена вдоль клинка.

Магометанский нож.

— Пошли, — проскрипел Игнатий. — Вроде стемнело уж...

Другие старцы тоже поднялись, закашляли.

— Куда... пошли? — Бродяга темноты бояться почти разучился; за годы никто на их нищее житье не покушался, и, кроме благодарности, люди к Исидору других чувств не испытывали. Когда Бродяга уезжал один, то вообще забывал всякие страхи, кроме одного, — не успеть к покойнику...

— Подними меня, — приказал Исидор. Выбрались на свежий воздух. Благодать окрест разливалась, слогом прозаическим не описать. Волновались рощи в сумраке, как стыдливые девицы, готовились сменить осенний наряд. Восходили цветочные ароматы, вздыхали лошади; под горкой негромко, на три голоса, запевали бабы. Чисто запевали, прозрачно, словно ключ сквозь камень пробился...

— Запрягай, — кивнул Довлат своему мальцу. Тот кинулся проворно, сдернул с лошадей попоны, зазвенел сбруей.

Бродяге зябко сделалось, будто простуду подхватил. Недоброе ожидалось, чуял без слов.

Нож из головы не лез.

Уселись, ехали молча. Все вниз, да вниз, к городу. На переправу, однако, не свернули, а покатали снова вверх, по холмам, меж ночных костров, меж усыпающих стад, дымков деревень, запахов куриной похлебки, жженого хлеба и бражки...

— Тута, — Игнатий тронул возницу за плечо.

Бродяга вернулся из тяжких дум своих. На здешней поляне вытоптанной, испокон веков, торговцы и крестьяне ночевали, дожидаясь торгового дня и пропуска в город. Игнатий уверенно шел впереди, остальные поспешали за ним, мальцы поочередно несли на закорках ослабевшего Исидора. Бродяга держался, чтоб не застонать. Точно на закланье влекли его, агнца несчастного.

Почуял он, почуял гадость, точно яйцом тухлым откуда-то потянуло. Только не тухлятиной разило, да и не запах вовсе это был, если честно признать. Пахло, напротив,

вкуснотой позабытой, поскольку старый Игнатий остановился перед веселым костерком. Там мяско в котелке плавало. В круге из четырех груженных подвод, прихлебывая из плошек, сидели, развалясь, мелкие купчишки, у которых не было лишней гривны за постой. Разговор вели неспешный, благо ночь сладко кутала, к беседе располагала.

Бродяга смотрел не на торгашей, азартно лоящих ложками мясо в душистом кипятке. На дальней телеге, под тулупами, обнимая ребенка, дремала чернобровая, черноокая, крепкая женщина. Судя по говору мужчин, прибыли они из донской, станичной вольности. Ребенок — мальчик, лет четырех, почти не замечен под вывороткой. Тщедушный, но в кости, в суставах крепкий, изворотливый не по годам, вороватый, сердечко здоровое, дыхание чистое, поджарый, как косуля. Да и внешне на дитенка косульего похож, глаза влажные, раскосые, а зубы торчат вперед. Черный мортус...

Мальчик нес на будущее не слово для стиха. Внутри него смерть еще не проклюнулась, не полыхало багровым, не вскипало озеро, пожирающее часы и годы. Внутри младенца, посреди свежих, незамутненных представлений, посреди наивных радостей, зачинался кокон крохотный. Не разросся покудова в паутину, что весь мозг пропитать должна, что соки добрые сбраживать после станет и всякое внешнее добро перевернет для мортуса, как в злом зеркале кривом... Бродяге в темноте протянули нож.

— Как же?.. — попробовал протестовать он. — Как же грех такой? Отец, за что меня так?

— Везет тебе, дурню, — сухо рассмеялся Исидор. — Мне вот, в твои годы, четверых безвинных порешить пришлось...

Мужики у костра мигом подскочили, оружие нашаривая. Пошаливали в округе, оттого почивать в чистом поле без ружья никто не отваживался. Женщина на телеге тоже всполошилась, поднялась, прижимая теплое тельце ребенка.

— Откель сталь у тя, ведаешь? — усмехнулся за спиной невидимый Игнатий. — Бориске Годунову сталь енту с кровушкой в вину ставили... хе. Знатный булат, ржа не берет... Убей Черного, немало душ христианских спасешь!

— Наверное-то знать не можете! — визгливо выкрикнул Бродяга.

Торговцы, кто с пистолетом, кто с кнутом, отложили ложки, обошли костер, обступили гостей насторожено. Огонь полоскался на лезвии в руке Бродяги, вспыхивал глаз в рукояти.

— Дурак ты, — привычно осадил Исидор. — Кабы знать наверное, где кости сложишь, рассудком бы все помутились.

Третий из старцев, друзей Исидора, согбенный, выполз бочком на поляну. В ноги поклонился ближайшему из торгашей, здоровому, бородатому мужику. Тот в растерянности опустил длинный, инкрустированный пистолет. Старец же вспорхнул легко, словно и не нагибался, перстом толкнул детину в лоб, шепнул скоренько, невнятно.

Бородатый выронил оружие, повернулся, будто в удивлении, и упал бочком. Мягко упал, травы не потревожив. Сотрапезники и приятели его только глаза выпучили, а дедок уже следующего настиг. Так же в лоб толкнул, прошамкав: «Спи, спи, хороший...»

Игнатий мигом очутился подле костерка, нежно взял под ручку высокого парня в исподней рубахе. Тот замахнулся кнутом, да так и разжал ладонь. Не успел еще кнут змеей у ног свернуться, как парень дрых уже, стоя и прихрапывая, задрал кадык, жидким волосом поросший. Товарищ длинного проворнее оказался, курками щелкнул, на Игнатия ствол навел и, назад отступая, рот распахнул для крика. Видать, пробрало мужика изрядно при виде трех немощных разбойничков. Так и отступал спиной, пока в телегу с мешками не воткнулся. У самых босых ног черноокой молодки, что ребеночка качала. Бродяга зажмурился поневоле, ожидая выстрела и смерти Игнатия неминуемой. Старец же, улыбаясь, увещевал купца негромко, точно ручеек по камешкам, речь его лилась, и ружье уже отводил ловко...

Женщина так и не вскрикнула. Застыла, точно заколдованная. Пятого купца уложил бережно Довлат.

— Шахматы, шах... и кто кого! — Исидор закашлялся, — Черные пожрут Белых, коли не опередить...

Мальчик проснулся, вылез у матери из-за пазухи, поглядел Бродяге в глаза. Никуда больше, только на него, точно ждал расправы.

— Черный... — прохрипел Бродяга и поднял нож.

28 ШАХМАТЫ

Шахматы на том не закончились.

Троих зарезал скиталец спустя время. Не жалел, хотя сам нарочно не ловил. Все трое в Петербурге встретились. Правду предрек Исидор, в силу столица входила, тянулось к ней воинство темное. Не жалел Бродяга об убитых, каждый раз словно кровь быстрее по жилам струилась, подтверждая, что он орудием выбран, и судьей, и прокурором...

О паспортах особо печься приходилось, дабы на возраст внимания не обращали. Старый — он и есть старый, блаженного к тому же стал играть помаленьку — ни к чему ему было привлекать внимание. Пусть лучше за дурака держат. Ездил теперь далеко от столиц, по Дону, по Уралу мотался. За границу, впрочем, так и не выбрался. Не то чтобы скучно или паспорт не мог выправить.

А не так в Европах людишки мрут. Живут иначе и мрут иначе. Чувал Бродяга, ему и доказательств не надо было. И, поразмыслив, не пошел за русской армией в Париж, хотя звали, и место в обозе для старца нашлось бы непременно. И в дальнейших войнах участия счастливо избегал.

В России смертей хватало.

Бродяга порой кружил, возвращался туда, где раньше хлебосольно угощали, где бурлило, где хохот девок помнил, гиканье игривых детей на бережках, крестные ходы шумные...

Лишь ветер вечный свистел в ракетах, да криками грачей оживлялись вспаханные просторы. Бродяга наблюдал тусклым глазом за ходом облаков, вздыхал, принохивался к ветру, выбирая дорогу. Не особо напрягаясь, он различал теперь людей за несколько верст, различал, что за людишки, полу какого, возраста и на что гожие. Болезных враз определял, темные душонки тоже; впрочем, все почти темным отдавали. На пальцах перечесть, сколько раз он встречал в странствиях своих мужей честных, светящихся изнутри. Разбойников не боялся, зверье от него само шарахалось. Во дворы, к цепным псам, не оборачиваясь входил, чем ввергал хозяев в оторопь. Скажем, на ночлег попроситься либо водицы испить. Стукал калиткой и пер, спокойно глядя сквозь выскочившую челядь. Труссы приседали, слабые в коленках. Собаки и вовсе прятались. Несли Бродяге безропотно еду самую сладкую, квасы, чай; холопы баню топили...

Чуяли смертную силу Белого мортуса.

Лечил, ободрял, наставлял, как по писаному. На ноги поднял сколько, уж не сосчитать. Вослед бежали, кланяясь, ступни лобызали, порой богатства все приносили, скотину закладывали, лишь бы поехал к дитяте хворому...

Хохотал внутри Бродяга. Наверняка богаче всех кесарей мира стать бы мог, ежели Исидора приказ бы нарушил. Но не имел ничего лишнего. Только то, что на одни плечи накинута мог и в один рот положить.

Столетие свое встретил равнодушно, да и вспомнилось-то по случаю торжеств московского университета и молебнов во светлую память Михаиле Ломоносова.

Потерял вообще всякий счет времени.

В родное поместье возвращался, впрочем, дважды, но много позднее, когда никто его уже не смог бы признать. Окаменел, как Исидор и предсказывал. Некого спросить стало, ушел Исидор, с почестями, с плачем, а других Белых мортусов Бродяга видеть не желал. Ночами иногда прихватывали видения дивные, соблазны являлись, но долго не держались. Слышал Бродяга о монахах, что секли себя нещадно, в пустынях плоть терзали, на воде месяцами сохли, и все ради чего? Ради победы над слабым телом.

Не испытывал он подобных невзгод. Насчет шахмат, впрочем, не забыл. Последний раз посетил имение в, славной памяти, восемьсот двенадцатом году, буквально спустя месяц после исхода врага из тлеющей еще Москвы. Бродяга равнодушно созерцал разор в селе и в графском доме, испоганенные залы, превращенные давно в лазареты. Лазареты переходили от одного войска к другому, не меняя, кажется, сестер милосердия. Равнодушно, вслед за льстивым незнакомым священником, прошествовал в обугленную часовню, зевнул на развалинах псарни, где когда-то впервые причастился вечности...

Его занимал только стих, ничего более. Стих пока не сложился, хотя уже готовы были шесть строк. Иногда Бродягу охватывал трепет, при мысли, что он не успеет или обессилеет, состарившись. Финал же такой, как у старца Исидора, его не привлекал вовсе. Испытывал он к почившему спасителю своему самые уважительные чувства, но слабости оправдать никогда не мог.

Нет, уж он-то не отступится, он свое возьмет!

Делегацию знатную из синода прислали, кланялись, медоточили, призывали в Петербург. Кем же там осяду, рассудил Бродяга. Никак ему не улыбалось при дворе почетным шутком в рясе обозначиться, а к тому дело шло.

Не поехал бы в столицу, отказал бы архимандритам, тем более что голод великий на Волге намечался. Бродяга предвестия его заранее, за два года встречал, да никому не говорил.

А зачем пророчествовать? Будто кому полегчает, будто изыщут зерно в камнем засохшей почве. Господь рассудил, кому жить, а кому на корм червям, и быстрее в чертог небесный, так как же Господа послушаться?

Разучился он жалеть.

Но, проторчав до петухов у оконца, во флигеле собственного дома, отважился и дал согласие на переезд. Вспомнил про шахматы, про кровь убиенных младенцев вспомнил. Никто ведь не знал, что в сундучке, от Исидора по наследству перешедшем, хранится. Чувал Бродяга, пригодиться еще может. Правду сказал Исидор, никогда не обманывал. Обагвив руки кровью, вместо раскаяния, просветлился Бродяга и веселее по жизни зашагал.

В спину старцем великим, святым даже, подобострастно окликали. Смущался сперва, неуютно казалось, даже бороду хотел сбрить. После, раз в зеркало глянул — точно ведь старец.

Стих твердил по три раза за день, поскольку память сдавать помаленьку начала. Отказывала память, выпадали даты, лица редкие выпадали, которые не прочь бы упомянуть. Жил не худо, ловкие мастера справили третий уже документ, с новым именем и годом рождения. Без лишнего размаху при монастыре обретался, но прислугу держал, стол порядочный, баньку свою, выезд, приемную для просителей. Дурацкой нищеты, как у наставника Исидора, не признавал, угнетение лишнее плоти блажью полагал, уж никак Богу не угодной.

Мастера хитрые, по наследству друг дружке фальшивые делишки передавая, Бродяге бесплатно бумаги творили. За то он им предсказывал кой-чего, тоже безвозмездно, и всегда верно. Не могла полиция ловких мастеров поймать, как ни старалась.

Пожалуй, этим криминальная деятельность его надолго ограничилась. Он рыскал по Петербургу, ведь город славный для мортусов Петр выстроил. Сырой, промозглый, хвори сквозь гранит так и сочились. По ночам зубы стучали, вода по мостовым плескала. Трижды Черных встречал и дважды уничтожал ловко. Все сотворил, как Исидор наставлял. Только ножом, и только на улице — не положено Белому в хате сталь обнажать. Если честно, то Черных встретил больше, но те выросли, издали волком зыркали, и глиста черная внутри них подросшая уже была. Чувствовал Бродяга, что Исидор прав — со взрослым Черным мортусом не потягаться. Отползал, скалясь, стороной обходил. Оттого что зло — оно всегда сильнее.

На третий раз он легко к гадам подступиться не сумел, министерская семейка оказалась. Сынков обоих в карете вывозили, до гимназии и обратно. Отец их в статских

советниках ходил и напуган был здорово недавними бомбометателями. Самый разгул народовольчества пришелся, но Бродяге до бомбистов, до газет и народного гнева дела не было. Только стих его занимал.

Ужас грыз всякий раз, и зависть неистовая в душе поднималась, когда встречал карету тайного советника, лакеев хмурых при регалиях, адъютантов подозрительных, что зыркали исподлобья на прохожих, а ладонь в перчатке держали на палаше. Из деток советника Бродягу младший занимал, одиннадцати лет. Не только руки чесались, зудом весь исходил, стоило увидеть младшего, стройненького, в форме. Мог бы, конечно, охрану раскидать, не руками, а ловкостью иного рода, уже давно за собой силу знал. Мог бы погром устроить в доме вельможи — но невидимкой не мог обернуться. Засекли бы старца непременно, в городе огромном глаз полно...

Он придумал.

Те же ребята, что паспорта готовили, помогли дело шито-крыто справить, свели святого старичка, любимого в больницах и приютах, с бомбистами.

Вечером в ямщицком трактире на Литовском ожидал его темный человечек, глазки скользкие, картуз мятый, нож в сапоге. Поманил за собой, долгонько пробирались дворами. Бродяге смешно стало, не выдержал, прыснул, когда леший в картузе условленно в оконце стучал. Тот обернулся, хорьком ощерился, веселья не разделил. Внутри квартиры накурено, хоть плыви сквозь дым, все носятся с бумажками, в проходной, на длинном столе — самовар ладят, тут же — патроны, порошок в банке, барышня пухлогубая, щекастая, за грудой книг. Бродяге все еще смешно было, когда подскочили двое, студенты, сурьезные, как святые с иконок.

— Перовская... — представилась барышня. — А-а-а, вы и есть тот самый замечательный доктор? — проникательно поглядела.

Бродяга вдруг смутился: какой там доктор? Впрочем, его отвлекли тут же, за деньгами подошли. Присвистнули, затихли, когда пачки на стол вывалил. Бродяга огляделся уже внимательнее, не только студенты, имелись и трепаные, битые мужчины постарше.

— Морозов, Желябов... — представились нервно интеллигенты, в очечках, с бородками. Бродяга слегка растерялся, туда ли он попал, ведь убийцев косорылых ожидал встретить. — Наслышаны о вас, грандиозно. Спасибо.

От бокового стола, от комплекта металлических деталей поднялся молчаливый человек, коротко поклонился.

— Кибальчич...

— Друзья, да что ж вы полным именем, как можно? — укорил из кухни усатый, с папироской.

— Ну, полно, Василек, полно, — отмахнулся нервный Морозов. — Такие средства швырять шпикам не по карману... Извините нас, батюшка.

Бродяга хотел возразить, и смех словно проглотил — второй раз пальцем в небо тычут. То дохтуром, то попом обозвали. А, впрочем, наплевать, лишь бы подсобили с Черным... Нелепое чувство он меж ними испытывал, особенно на барышню гладкую, пухлогубую глядя.

Скорая кончина ей никак не шла.

Отмахав больше столетия, Бродяга впервые близко словно бы ощупал людей, чуждых ему, словно бы они и не современники ему вовсе, а соскочившие со стен портреты благородных рыцарей и дам. Назначение каждой минуты они понимали наоборот, не так, как он.

Бродяга панически стремился к жизни, только и мыслил, что о стихе, затем и Черного прихлопнуть мнил, а они не цеплялись за земное, себя к кончине приучили, изготовились к каторге и виселице. Смерть голубоглазой барышни Бродяга чуял так же, как аромат карамельных сладостей, от нее исходивший. Недолго ей осталось.

У него на секунду возникла шальная мысль схватить дитя несмышленное за руку, встряхнуть, призвать к бегству. И должно быть, прислушались бы строгие, нервные эти

люди, ибо слава о нем шла как о прорицателе и заговорщике болезней. То есть наверняка бы прислушались и поверили.

Но он промолчал. Потому что барышня и так все знала. Бродягу передернуло, точно сквозняком ледяным обдало. Сотню лет преодолел как по лезвию, а этим, молодым, — словно наплевать. Страшно вымолвить — словно жизнь не самое ценное, что творцом дадено...

— Отчего же такой выбор? — недоуменно выступил бородатый, блестя очками. — Все не по жандармской линии чин, да и к тому же... Впечатление, извините, словно здесь наемная шайка. Зачем вы так?..

И понесся бы дальше, гордо раздуваясь, да его пухлогубая осадила, отвлекла.

— Извините, — сказал усатый басом, — плохие новости, товарищей наших на юге арестовали. Мы слышали про вас, но не ожидали... Видимо, это знак свыше. Постараемся придумать... Прошу, чая не желаете?

...Разыграли картинку славно, под грабеж. Прижали экипаж на Фонтанке. Слабая граната полетела под брюхо лошади, затем подскочили трое, размахивая револьверами. Ранили служаку на запятках, кучер бросил вожжи, кинулся в бег. Одна лошадь билась с распоротым животом, вторую несильно посеколо осколками, она взбрыкнула, поволокла карету юзом.

Советница запищала, сыновей к себе прижимая. Бродяга торопился от экипажа народников, по льду скользил. Бомбисты выволокли советника, манишкой в грязь, пенсне на роже разбили. Беднягу еще в карете контузило, да вдобавок он линзами порезался. Подслеповато моргал, на коленях в луже качаясь, кровь растирая. Даже не уразумел толком, что за ересь ему зачитывают.

Уже свистели, гоготали на Невском, студент на козлах махал своим товарищам, чтоб поспешали. Старший из бандитов бросил советнику бумажку с приговором в лицо, дважды выстрелил. Сорвались с места. Бродяга ужом нырнул в атласную теснину кареты, подивиться успел вкусному французскому парфюму, ножом ткнул Черного мортуса в грудь. Убить не страшился, знал уже, что такие нелегко с жизнью расстанутся. Мог, конечно, убить ласково, остановить сердце мог. Но тогда слова заветного уже не дождешься, упорхнет вместе с астралом...

Советница полезла на него, выставив кулачки. Бродяга оценил трезво — баба грузная, воевать с такой несподручно. Он нагнул револьвер вниз, пальнул ей в платье, наугад, туда, где носки туфель под платьем. Женщина подпрыгнула, Бродяга тут же руку ей сжал, спать приказал. Старший отпрыск советника вбил острый задом в щель между седушкой и дверцей, на рожицу белее снега стал, с дымящегося дула глаз не сводил.

Экипаж народников рванул с места. Бродягу окликнули пару раз, но вылезать за ним не стали. Развернулись, пронесли мимо галопом, грязь в окна швыряя. Где-то тетка завывала, топот нарастал, Бродяге слышалось бряцание шашек городских о брусчатку. Советницу он усыпил одним прикосновением; пышной копной осела она, складки кружевные облаком вздыбив. Склонился над пареньком русым. Тот, запрокинувшись, лежал, дышал часто, кулачок к дырке в груди прижимая. Смотрел вверх, сквозь матерчатый потолок кареты, сквозь низкое суровое небо. Бродяга сотни раз встречал такой взгляд, затухающий, последний. Сердце еще бьется, но боль выскочила из человека, уступая место благодати вечной. Бродяга склонился к устам юного мортуса, прислушался.

— ...Изваянием... — выдавил мальчик, и все для него кончилось.

Бродяга плащом прикрылся, шустро метнулся в подворотню, к резервному экипажу. В висках счастье билось. Успел, успел, ах как славно все устроил...

Отпустил возницу заранее, дабы не вычислили дружки-народники, спрыгнул во мраке вечернем. Легко по набережной шагало, воздух он полной грудью вдыхал, и колени почти не болели. Пока не мог сочинить, куда слово новое вставить, но, кажется, в последнюю строку ложилось идеально.

Об убитом отроке не вспоминал. О стихе думал, как всегда. Мальчиков таких завтра

дюжину к нему принесут, родичи в ногах станут валяться, чтоб исцелил. Идиоты! Не понимают, что исцелить Белый мортус может только тех, кто сам тщится здоровье получить или вернуть. А таких мало!..

Бродяга не переставал удивляться, до чего мало воли в человеках. Вроде дышать хочет всякая зверушка, цепляется, нос высовывает, а человек, венец творения, по образу и подобию сотворенный, и не может себя заставить, скажем, водку не пить. А когда им глаголешь, что надо, к примеру, зимой одежды скинуть, да босиком по снегу, чтоб дрянь болочая в землю сползла, еще и спорят, упираются! Растолкуй им, отчего именно так, а не иначе! К примеру, отчего полета пчелиных укулов вытерпеть надобно или почему одним отваром почечным, горьким до косоглазия, неделю питаться требуется. Им подавай микстурки сладкие, немецкие, да блины жирные — вот и вся больница...

За что им жизнь, никчемным?

Да и на что им жизнь? Сколько раз спрашивал, пыхтят только, библейские разумности затвердили и повторяют...

Потому с чадами юными так вольготно: они не супротивятся помощи. Детишки больные не вызывали у Бродяги раздражения, слушались его безропотно. Их хотелось спасать, воля их спасению не противилась. И вообще... Бродяга никому этого не говорил, благо не нашлось бы ему собеседника, но все чаще приходил к мысли, что дети до периода брожения — они словно из иного материала скроены.

Они к иному стремятся, нежели родители их, а после — как подменяют их...

Давно Бродяга не чувствовал себя так бодро, моодчески. Тем сильнее было его разочарование в сложившемся вечере, когда подле арки ворот монастырских приметил замызанную донельзя карету, с полуживой четверкой лошадей.

Екнуло сердце, старец замедлил и без того неспешные шаги.

Кучера он видел впервые. Хотя тысячи людишек мимо глаз текли, не оставляя в памяти зарубок, но нужных людей он помнил. Кучер новенький, а вот экипаж уже встречался. Бродяга обошел его, приблизился. Что толку хорониться, ежели по его душу приехали?

— Явился, дитя? — глухо спросили из темноты. На окошке кареты показалась сморщенная, пергаментная рука, больше похожая на птичью лапу.

Бродяга ахнул. Игнатий!

Сколько ж лет прошло, а все бродяжит? Посчитал кое-как, выходило, что не меньше четырех столетий отшагал по Земле один из бывших наставников, приятель Исидора. Страшным и странным показалось ему такое совпадение, что в один день Черного изловил, слово вырвал и тут же гостя дорогого встретил.

— Вот уж воистину гость дорогой! — Бродяга подался навстречу объятиям.

Обнявшись, проливая слезы, стояли на студеном ветру два длиннобородых, невероятно старых человека. Бродяга всматривался, точно игрушку свою детскую подобрал или дагерротип матушкин. Уже не чаял, что нежности столько проснется. Ведь все время один, сам с собой. Давно Белые к нему не заглядывали, давненько...

— Цыть, ребра не ломи! — шутливо пригрозил Игнатий. Только тут заметил Бродяга, насколько Белый мортус отощал. Кажись, очи проворные, желтые, да крест на морщинистой шее — вот и все, что под шубой осталось. Тело мелкое в меху вовсе терялось.

— Некогда чаи пить, — строго заявил пустынный на запоздалое радушие. — Почивать тоже не стану, земля под ногами горит... Э, да ты, смотрю, как пьяный седни. Похвалы достоин, дитя; верно я угадал? — глянул хитро, бочком. — Ладно, вот что. Лихие времена настают, дитя. Аль сам не чуешь, как трещит?

Бродяга вздрогнул.

Трещало, правду сказал Игнатий. Трещало не первую уже ночь. Вначале Бродяга внимания не обращал, на сырость в стенах списывал. Потом ночевать у купчихи довелось, в Шувалове, так там тоже, еще отчетливей затрещало. Искал он источник звука, и хозяйке бестолковой попенял. Но купчиха, да и челядь вся ее ничего не слыхали.

Тогда он понял, что звук премерзкий — для него. Но что он означает? Вот бы кто

поведал.

— В Симбирск еду, — пошептал беззубо Игнатий. — Там недавно Черный родился, гадалки сказывают, допрежь не было такого. Что-то мы неверно сделали, идет век Черных, прорва их народилась, словно жаба икру наметала... Послушай совета, спасайся в Сибирь, дитя...

И уехал, только фонари мигнули.

Бродяга озяб, провожая. Что говорил Игнатий — неважно. Оба чуяли, что больше не свидятся, что не успеть старому мортусу стих собрать.

Черная эпоха упырем кралась по Руси.

29 ГРИГОРИЙ

Бродяга не сразу послушался, хозяйствовал в Петербурге до 1915-го. Кошмарный и плодovitый год для планеты выдался.

В тот год в ущелье Кемах озверевшие курды, направляемые богатыми эфенди Османской империи, вырезали полтора миллиона армян...

А на другом конце планеты маленький человек в потешных туфлях и рваном котелке поставил свои лучшие фильмы...

В апреле месяце в районе Ипра немцы выпустили в направлении французских окопов 180 тонн ядовитого газа...

Это был год великого отступления русских армий, и одновременно — великого подъема духа и военной промышленности империи...

Черные мортусы тянулись к крови соотечественников. Затаившись в сытной Европе, в теплых запечных углах, грабили втихую банки, почты и биржи, готовились, копили силы. А главный их написал в том году страшное свое пророчество о возможности построения социализма в отдельно взятой стране...

Бродяга тянул до последнего.

Уж больно завлекательно становилось, костлявая хохотала в лицо, пыжилась, и чем больше пыжилась, тем сильнее Бродяга себя внутри ощущал. Эшелоны с ранеными стучали по рельсам, пересвистывались на товарных станциях. От кладбищ потянуло сырой землей и поповскими благовониями, звенел невский воздух от разноголосицы зауспокойных хоров и визгов патриотов. Новшества по технической части Бродягу занимали на час, он привык к трамваю, к телефону, к электрическим лампам, один из первых в городе завел авто с шофером. Правда, выезжать стеснялся, но деньги у больных уже брал, чуть не по таксе.

Окреп потому что.

Окреп, и обнаглел. Было такое.

Уловил момент пограничный, когда по рукам получил. Покупал второй уже дом, на Каменноостровском, с садиком внутренним, с гаражом, с конюшней во дворе. Жильцы приличные все, верхние этажи генерал снимал, банкир. С банкиром коротко довольно сошелся, насколько вообще Бродяга мог с кем-нибудь сойтись. Так или иначе, до пятидесяти тысяч вложил старец в бумаги ценные, железнодорожные, по совету сановного жильца, и еще в два раза больше, противу первой цифры, в Транссибирский путь вкладывать собирался.

И вдруг забыл слово...

Распустил прислугу, авто больнице подарил, переехал в скромную квартирку, подле Нарвских ворот, стал снова принимать с шести утра до полуночи и брал скромно, натурой. Очереди выстраивались, на снегу, у костров мужики спали, в санях...

И отпустило. Вспомнил слово, уложил, как в лузу шар, легко и гладенько.

Однако ж, наука. Скромнее надоть, верно в Библии сказано, от гордыни всяческие беды проистекают. А вскоре случилось с Бродягой непредвиденное, едва он не погиб, но спас его человек, сам на погибель империи явившийся...

Поскольку Бродяга по городу ходил редко, почитай, на улицы зимой не вылезал, то и новости до него криво доходили. Да на кой хрен они, новости, когда он сквозь стены слышал, как трещит? На кой знать ему о положении на фронтах, об убийствах министров, о рабочих Советах, о гапоновской вылазке, о развале очередной Думы...

Трещало сквозь стены, сквозь пол потрескивало, точно жернова кружили. Да только скал никаких не наблюдалось, само время вокруг Бродяги сжималось. Рвались связи, вспомнил он из книги, связь времен рвется. Фраза вылупилась, а откуда взялась — уже не припомнил. Да и не до того было, четверо пациентов лежало постоянно по лавкам в прихожей, дюжие молодцы еле успевали самых наглых отпихивать. Опять же, околоточный явился, харя красная, сабля по порогам гремит.

— Их благородие очень просят уговорить народ, чтобы перед домом огней не жгли и ночевки не подстраивали, а не то разгонять придется насильно!..

Уговорил Бродягу выйти на двор. Тот как чуял с утра, даже с ночи, что сегодня не резон выползать. Дома, за ставенками закрытыми, за охраной плечистой отсидеться бы не грех.

Недоброе ждало на улице.

Не взглянул Бродяга в окошко как следует, поверил полиции. А следовало бы внимательней быть к бегающим глазкам околоточного, чай, не первый год жил на Земле. Лады, сказал Бродяга, прикрыл простыней чахлую девку, над которой руки держал, и подставил спину лакею под шубу. Ноги тяжело гнулись, суставы по ночам спать не давали, убегало время в дырку незаметную, не успевал удержать. Мертвецов много случалось, а слова нужные — все реже и реже. Прав наставник был, чем старше, тем колесо быстрее крутить приходилось, прямо как белке бешеной.

Во дворе его окликнули.

Бродяга медленно повернулся, козырьком ладонь приложив, холодным потом покрываясь. Вмиг отодвинулось все, сгнуло в тумане: и бурчащие вонючие странники, и конные жандармы на проспекте, и герани жухлые на окнах напротив. Видел одно — автомобиль. Длинный открытый автомобиль замер поперек проезда, на противоположной стороне улицы, в тени, блестел, ослабившись блестящей решеткой радиатора. Мотор не глушили, пыхало бензином, мальцы голодраные у колес крутились, спицы трогали. За рулем сидел усатенький, чисто крыса ученая, в крагах, в кожаной кепке. Дальше еще трое помещались: один — широкий, на свинку похож, розовый, глазки смеются, богато одет; другой — молодой, изящный, в костюмчике английском, с тросточкой, зевал сучающе, папироску потягивал.

Бродяга шагнул. Он уже узнал третьего, самого скромного с виду.

Тот его и позвал с крыльца. Позвал, единого слова не вымолвив. Не потребны ему слова были. Бродяга с тоской подумал, что жизни теперь спокойной не будет. Этот вот зря бы не приехал. Три раза от «этого» приходили корявые послания, чуть ли не на салфетках изложенные, с приглашениями посетить квартиру на Гороховой, отобедать вместе. Читал Бродяга и выкидывал, настрого указав дюжим молодцам близко «этого» не подпускать.

Третий пассажир ловко выбрался наружу: борода торчком, волосы зализаны, одет неброско, по-мужицки. Не лицо — морщина сплошная, возраста не угадаешь, под старика играет. А вот очи не жалкие, замирать очи заставляют.

— Что же ты, милый, хороший? — спросил морщинистый мужик, склонившись набок, являя ласковость полнейшую. — Что же не ответишь мне?

— Не о чем говорить, — издали откликнулся Бродяга.

Шорох прокатился, мигом признали бородатого, и точно похолодало вдоль проспекта, точно поземкой улыбки и смех выдуло.

— Ох, зазря ты так, милый, — ласково протянул мужик, прихлопнув дверцу машины. — Пойдем, посидим, что ли. Воняет от железа, никак не привыкну, воротит...

Бродяга послушно поплелся за моложавым старцем, угнездились на скамеечке под сиренью.

— Григорий Ефимович, мы поедem? — лениво потянулся молодой хлыщ из машины. — Вырубова велела не опаздывать...

— А, князь, погодит Анечка. Позволь маненько от вонючки отойти, со святым человеком посидеть... — извиняясь, произнес тот, кого называли Григорием. И, доверительно к Бродяге склоняясь, продолжил: — Мало, что воняет мотор, весь день тошнит от него, так еще шофера из сыскного подсадили. Вон, дурак-то, Хвостов, даром что министр, со мной ездит, подпевает, а сыскаря подсадили. Они там думают, Григорий — блаженный...

— Что тебе надо? — простонал Бродяга. — У нас с тобой дел нет.

— А ведь я теперь знаю, кто ты, — невозмутимо продолжал Григорий. — От преподобного выведал, давеча в Лавре у него обедали. Ты из Белых, из страдальцев, ага...

— Тихо, тихо же! — оборвал Бродяга, озираясь. Ему показалось, что ненавистный собеседник слишком громко последнюю фразу выкрикнул. Мог бы, конечно, силушку напрячь, сбить спесь с деревенщины, а то и пришибить обманщика насовсем. Мог бы, но...

Григорий не был мортусом.

Убить можно только Черного мортуса, да и то пока он в зрелость не вошел. Даже случайное убийство стороннего человека могло уничтожить Белого мортуса за неделю. Добрейший учитель Исидор сто раз предупреждал, приводил Бродяге ужасающие примеры. Как у одного удачливого Белого цыганенок кошель увел и, по случайности, под железный наконечник посоха угодил. Помер цыганенок, а Белый мортус другойдень с ума сошел, потому что стих весь позабыл, за сотню лет собранный...

Григорий смотрел, улыбался. Не мортус, не выверт, не блаженный. Нельзя было с ним рядом покой вкушать; его либо любить требовалось, горячо, самозабвенно верить в него, либо ненавидеть.

Бродяга ненавидел. С того самого раза, как первый раз, в Лавре, у преподобного, повстречались. Тогда божий человек Григорий за руку горячо ухватил, взглянул пристально — так, что мурашки по коже. Этими самыми мурашками напугал Бродягу сильнее, чем словами. Давно уверился мортус, что напугать его ничем нельзя, а вот поди ж ты...

— Звали ведь тебя, милый, во дворец, к мальчику? — пропел тогда в Лавре божий человек. — Ты не ходи, не надо...

Бродягу вторично передернуло. О том, что его втайне намерены были пригласить к больному наследнику престола, ведомо во всей столице было троим, максимум четверым. Сама Александра Федоровна была не в курсе замыслов фрейлин. Бродяга еще и колебался, взваливать ли на себя такую ношу. Ибо положительный результат лечения непременно привел бы к ненужной вовсе славе, к дальнейшим обязательствам и слежке. Отказаться твердо тоже, в общем-то, неприличным казалось, ибо приходили от государыни дважды, подолгу наблюдая, как он лечит, и обмануть бы не позволили...

— Ересь несешь, дитя! — осадил тогда божьего человека Бродяга. А сам кулаки за спину спрятал, так и чесалось нос тому грубый разбить. — Какой еще мальчик? Да ты, вообще, кто будешь, дитя?

— Я-то буду Григорий, пришлый из святой Руси, — непонятно ответил мужичонка. — И мальчика, бог даст, исцелю, и тебе помогу. Только не ходи ко дворцу, погубишь себя... Тебе ль не знать, что насильно нельзя лечить? Нету в мальчике воли к жизни, только высосет тебя...

— Если нет воли, как же ты пользоваться его собрался? — едко спросил Бродяга.

— Там воля к иному есть, — кротко ответил странник. — Я, милый, Сибирь вдоль-поперек прошагал, в степях такие обители посещал, что тебе и не снилось. Мне господь являлся, дарствовал милость великую... Вижу ясно, что станется с каждым, да не скажу. Тебе скажу — не ходи к мальчику, соври складно, Бог простит.

И отошел тихонько.

Бродяга тогда послушался. Что-то неистовое, праведное таилось в говорящих глазах сибирского мужичка. После мужичок славой оброс, газетенки надрывались, помоями его поливая, да только Бродяга газетам не верил. Он и без газет странную двойкость чувствовал.

Одновременно ненависть — и тягу послушать мужичка еще раз. Давно так не случалось, чтобы Бродяге что-то интересно стало, кроме стиха. Крутились ведь вокруг гадалки, предсказатели, карты раскидывали, звали столики крутить — всех Бродяга отметал. А этого Гришу запомнил.

Теперь ждал, чего скажет, раз уж сам пожаловал.

— Уезжай, пока пятки не подпалило, — нутряным голосом, почти не разжимая губ, веско произнес Григорий. — Ты услугу мне оказал, отступился от мальчика, а я добро помню. Мне мало кто добро делает. Вьются вокруг, аки коршуны когтистые, отщипнуть кусок пожирнее норовят. Думают, Гришка блаженный, за всякую тварь перед Александрой Федоровной заступится...

— С чего бы мне уезжать? — пробурчал Бродяга. — Я долгов не занимал...

— Слушай, один раз скажу, после не свидимся, —дохнул перегаром Григорий. — Мне не жить долго, чую, скоро уже венец приму... А ты спасайся, беги, мертвяков на твою долю всюду станется. Скоро, скоро придут Черные, придушат тебя ночью. Сам знаешь — твоя силушка, она при ясном дне, при солнышке раскрывается, а эти закут ищут, закут и мрак. Ночь им станет подруга, милый... Числом возьмут, нахрапом. Для них ничего святого не будет.

— Да как я уеду? — сердито растерялся Бродяга. — Митрополит верит мне, в больницах ждут... А тебе то какая радость угождать? Чай, поперек дороги не стою, в святые не лезу... — вырвалось некрасиво; сказал и прикусил язык. Вышло так, словно журнальные басни собирал.

Сибирский мужичок покачнулся грустно, страдание в лице изобразил. Либо притворялся умело, либо и вправду почти святость обрел, мелькнуло в голове у Бродяги.

— Видение мне было, — не шевеля губами, заговорил Григорий. — Тебя вдали видел, с улыбкой, но в тревоге. Тебя видел, и с тобой царь белый, будущий спаситель. Крепкий, белолицый, власы в косицы сплетены, на престол венчанный, да только не из Романовых... Тихо, тихо, самому страшно! Не спасешься сейчас — не спасешь потом государя, а вместе с ним и всю святую Русь проворонишь...

Нагнулся к самому уху, произнес невнятное, страшное. Мол, с белым царем компания еще веселая будет. Синий карлик да девка при оружии...

Из мотора снова окликнули. Шофер порывал двигатель, дети отпрянули с визгами.

— Григорий Ефимович, умоляю! — сложил пухлые ручки Хвостов. — Анне Александровне снова к вечеру нехорошо станет...

— Прощай, — не подавая руки, отвернулся Григорий. — Каждый свой крест несет... Бродяга.

Услыхав имя свое запретное, Бродяга столбом застыл.

— Много ли времени у меня? — выкрикнул в спину.

Не поворачиваясь, Григорий два пальца показал. Весной шестнадцатого года, не дожидаясь агонии.

Бродяга укатил в Читу.

30 ЧИТА

Черные бал на Руси правили, и не хватало сил с ними справиться. Тот же Исидорушка говаривал, что в прежние века редко когда равновесие сбивалось, успевали Белые мортусы Черных в колыбелях перерезать, избавляли Русь-матушку от проходимцев, родства непомнящих. Зато уж когда сбивалось равновесие, кровь рекой лилась, мор и глад бревном Русь утюжили...

Ужас беспрестанный, тоска лютая терзали потомков витязей. Насколько уж далек Бродяга от политики был, и то захлестнуло, изгадило всего, от носу до пят. Бродяга забирался все восточнее, а по пятам за ним, мутной волной катило бесправие, рассыпая

трухой мирную, сытную жизнь миллионов православных.

Суды честные обернулись вдруг клыкастыми ревтрибуналами, выговорить-то тошно. Повсюду тряпки красные повисли, а прочтешь, что на тряпках написано, — удавиться впору. В самой захолустной вотчине новые князья повылазили и свирепее стократ прежних мздоимцев за вымя народное взялись. Кто был ничем — тот ничем и остался. Кто подлецом гулял, тот выбился в начальство. Бродяга тягостно обозревал смуту бесконечную, внутренне все больше тревожась, — когда же сдохнет гидра? Когда же образумятся люди, восстанут против очевидной бессмыслицы, против пьяного сна, захлестнувшего страну?

Не образумились. Раза три Бродяга сам на волоске висел, губернское, а затем уездное ЧК вплотную подбиралось. Монастыри громили, дьяконов прямо у стен родных расстреливали, мочились на поверженные кресты, иконы жгли.

Бродяга бороду сбрил, в который раз сменил документы, пристроился на иждивение в дом инвалидный. Не скопил толком ничего, прежние сбережения по ветру вместе с банками разлетелись, да, впрочем, он и не горевал. С Богом отношения всегда непросто у него строились, подташнивало в церквях Бродягу, от святой воды воротило, однако гонения перенести он спокойно не мог. Вразумился быстро, что старец Игнатий в Симбирске дела не закончил. Не добрался, стало быть, до ирода рыжего, погиб в дороге, хотя опыта ему не занимать. Однако очень скоро такие пошли трясения, что не до убийца симбирского стало. Лезло и лезло, чисто пруссаки, со всех щелей, отребье голимое, страх потерявшее.

Одно хорошо — покойников искать не приходилось. После восемнадцатого года Бродяга даже слегка растерялся — словно ржавым серпом русский народ выкосило. Холера догоняла тиф, расстрельные команды складывали стеллажи трупов вдоль плетней, деревеньки целиком в леса, к атаманам разбегались. К нему шли и шли по старинке. За шесть революционных лет, не напрягаясь, собрал Бродяга три строчки заклатья.

Немыслимо.

После, за закрытыми ставнями, поклоны бил и не знал, кого благодарить. То ли Его, то ли иного, не называемого к ночи. За сто пятьдесят лет такого не собралось, как за месяцы красного террора. И шпион германский, рыжий отошел на задний план. Как водится, не прожил Черный мортус долго, неосторожен, жаден слишком оказался. Гораздо опаснее был наследник кавказский, о котором до смерти рыжего мало говорили.

Бродяга же о нем пронюхал задолго. Тот Черный кавказец родился, как скала над миром, как гроза всему существу; а вослед за ним, тут же, змеиным клубком, прихлебатели посыпались. Лизали ему сапоги, попутно в слизь, в дрань народ перетирая, да сами же мортусам на корм шли.

Эпоха черная сгустилась, продыху не стало. Бродяга метаться устал, хотя жизнь в нем ярко бурлила, через край плескала. Когда потянули колючую проволоку, повезли в тридцатых эшелоны скотных вагонов, у него седой волос выпал, каштан завился снова, как в юности далекой. Десны окрепли, кровоточить перестали, глазам зоркость вернулась, в руки сила пришла.

Не удержался, хотя естество психическое сопротивлялось. Пристроился вольным рабочим в лагерь, при лазарете. Кого еще такой тяготой заманишь? Устал Бродяга метаться, отупел вконец, предсмертные жалобы слушая.

Аспиды окружали, brave наружи, кровь с молоком, хари не перецелуешь, гимнастерки плечами распирает, а внутри трухлявые. Гнусь внутри, гниль смрадная, выпала при родах душа у людишек этих. Бродяга внешне смирился, ему ли не знать, как скоро хари улыбкивые портретиками на крестах кладбищенских заменятся...

Только вот барышню-бомбистку и приятелей ее чаще вспоминал. Уйдет, бывало, за грибочками в тайгу, приляжет на травке, и тут же навязчиво лица их в башке закрутятся.

Лица, а не хари, как у этих...

Белых мортусов раза четыре встречал, раскланивались, обнимались со слезами. А Черные в спину глазищами жгли, только успевай отскакивать. Бродяга в деревеньке, у поселения ссыльного обретался, нож царский в полovice держал, в другом оружии не

нуждался. Что сотворить могли со стариком, которому по документам девяносто стукнуло? Дальше Читы и ссылать-то глупо...

Тем более в оружии не нуждался, что на двухсотом рубеже знания новые открылись. Внезапно многое объяснилось, о чем Исидорушка и другие старцы говорили, а он по младости пропускал мимо. От людей недобрых одним взглядом наострил отбиваться, память им враз отшибал. Черные, кстати, в один момент насторожились, как псы прибитые, зубы казали, а близко не подходили.

Убить мог Бродяга теперь. В секунду, без увещаний. И позабыть стих не боялся. Потому что Черных жизнь мало стоила. Сами они в других и в себе одинаково жизнь не ценили, нисколько. Такого на святой Руси со времен смуты не было, чтобы жизнь дешевле краюхи стала...

Двухсотую свою годовщину Бродяга встретил, пожалуй, не равнодушно, а в страхе великом. Прав вещей Игнатий оказался, да и редко мортусам небеса лгут. В 1955 году вроде бы полегчало, разжал зверь пасть, в которой народ задыхался. Славный год прокатился...

После Никиты полегше стало, а Черные мортусы, семя змеево, сами себя поистребили здорово. Кровью их земля на сажень пропиталась и, точно насытилась, замерла. Бродяга врачевал, как до революции, путая порой седьмое имя свое с прежними, десяток младенчиков Черных на совести имея, стих сложив едва на треть.

Окаменел окончательно.

Ни песни, ни шутки более не трогали, на пустословие минуты не тратил. Что нового могли сообщить ему люди? Все одно и то же, мелкие их, жадные устремления, завистливая злоба взаимная, никчемные желания. Кресло в районе потеплее захватить, товарища загнობить, чтоб не мозолил глаза достатком, чужой кусок прихватить, да пожирнее. И не просто прихватить, чтоб деткам досталось, а тут же сожрать, не раздумывая! Потому как, не сожрешь сразу — наутро сам бос и гол окажешься... Скверно жили.

В нем же плескалось неумно, горело огнем одно — успеть, подхватить стих! Не пропадало желание жить, никуда не пропадало. Принимал больных, отовсюду катили, хотя рекламы не давал, сарафанная реклама устоялась, да и то невпроворот дел. Летели отовсюду: из столицы, из других стран даже, ехали поездами, автобусами, на своих машинах, вереницей за селом скапливаясь. Бродяга догадывался, что на нем неплохо руки греют и совхозные начальники, и милицейские чины, и партийцы городские, не говоря уж о мелких дуриках, что в помощники набивались. Этих во все годы с избытком вокруг вертелось. То дом чинить кинутся, то обеды поставлять, то постой гостям обеспечивать и в три шкуры с несчастных драть. Иные в ученики себя записали, с тетрадками в избу прошмыгнуть норовили, под разными предлогами, иные даже книжонку выпустили, и не одну, где якобы методы лечения раскусили, и тайны великие страждущим всем за пару целковых продавали. С угрозами тоже порой забежали, но реже и реже, скисла власть.

Все труднее Бродяге хвори стали поддаваться. Со скользкими людишками и болезни соскальзывать с рук начали. Бывало, опустит руки на грудь занемогшей женщине, а внутри нее, вместо жажды к счастью, чувствует пустоту. Еще родня суетится, рублики мятые для нее собирает на проезд, на подарки старцу-чудодею, а сама болящая от права на жизнь отказалась. Как таких несчастливцев врачевать? Только сердце от них болело, и кисло во рту делалось. Вроде богатели помаленьку людишки, да счастливее не становились. Пели о счастье, а сами выли, в петли вешались, кровников со свету сживали...

Утречком, по росе, навстречу алым первым сполохам, выползал Бродяга, и слезы подступали. До чего сладко, до чего вольготно и празднично можно было существовать на щедрой, красивой и вечной сибирской земле!

И до чего люто, скaredно, подло вели себя обитатели ее. Транжирили скудные деньки свои, как забулдыга, что швыряет последнюю горсть мелочи кабатчику, оправдывая себя тем, что обречен на гибель при любом раскладе...

Наступил день, когда Бродяга слышал нечто, похожее на рокот дальних речных порогов. Ночами, вместо глухого, неясного бормотания, различать стал непрерывный,

холодящий душу гул. Уже не перекаты на горных студенох ручьях мерещились, а широкий, вздувшийся пологом брызг водопад.

Как-то утром, зимой, получив очередное слово, понял, что дальше так не может. Следовало передохнуть, разобраться в собственных ощущениях. Кликнул шофера, охрану, поваренка и укатил в лес, к запасной своей дачке.

Ревело в ушах.

Водопад стал гораздо ближе. Теперь не сплошным рокотом рисовался, а выдавались наружу отдельные всплески, бормотания, точно выкрики, визги. Бродяга кожей ощущал, как вздрагивал вокруг него воздух, как смолистый, медовый аромат тайги принял в себя тревожную, сырую составляющую.

Он не выдержал грызущей тоски, в рубахе одной разбудил челядь. Те переминались, моргали робко, словно провинились. Никто ничего не слышал. Да как же, досадовал Бродяга, если щекой к срубам приложишься, и вот оно, потряхивает мелко!

Но не дано было другим.

В ванне спустилось озарение, на четвертый день одиночества. Это был не водопад. Это обещанный Армагеддон надвигался, закат племени двуногих. Не вода по скалам грохотала, радуги семицветные, на потеху детворе, рождая. Это сыпались в пропасть безвременья миллионы заблудших душ.

Бродяга выбрался из пены, прошлепал, сутулясь, по коврам, неловко ткнул мокрым пальцем в пульт от плазменной панели. Штуковина, губернатором края подаренная, стенку от окна до окна занимала.

«...Первые двенадцать контейнеров с американской вакциной третьего поколения разгружены сегодня на военном аэродроме, вблизи Читы, — зачитывала по бумажке юная дикторша. — Теперь, с достижением межправительственного соглашения, появляется надежда, что эпидемию удастся остановить».

Бродяга не понимал новые русские слова. Слова резали слух, скрабали душу, как грубый наждак. Он отвернулся к календарю, который заботливо перелистывала для него прислуга.

14 февраля 2024 года.

До катастрофы оставалось меньше трех лет.

31 ВОСЬМОЙ ГОРОДОК

Теперь он не боялся шума. Он понял, что шум и дрожание производит само время, трещащее по швам, проседавшее под грузом опостылевшего человечества.

Бродяга возлагал на приближавшуюся беду немало надежд. Смертей должно было навалиться столько, что последние строфы составятся без труда, только успевай запоминать. С другой стороны, его с каждым днем все сильнее тревожило, что же будет с ним, если людишек не останется вовсе.

Получалось, что собирать стих для себя одного — тошненько...

Теперь он чаще смотрел новости. Он понял, отчего люди умирали раньше, чем прекращали дышать и ходить. То самое, с чем он не мог бороться, называлось длинно и запутанно, синдромом иммунодефицита. Чаще всего оно никак себя не проявляло, не полыхало конкретной точкой, жгутом воспаления, внутренним жаром. Оно отталкивало его руки, как невидимая пружина, как гуттаперчевая клетка, внутри которой чудовище продолжало жрать зараженного человека. И таких случаев вал нарастал.

Бродяга гадал, где же светлоликий царь с седыми косицами. Точно в царе том спасение для оскудевшей души хоронилось.

Потом гадать стало некогда. На улицах возникли солдаты в масках, а в больничных дворах — штабеля трупов. Бродяга еле успел бежать из пригорода, забился в глухомань, в заранее припасенную зимнюю дачку, где постоянно обитали сторожа, верующие старички.

Ему смутно припоминались эпидемии прошлого, с кострами, колокольным звоном, шеренгами молящихся, с иконами наперевес.

Нынче все изменилось. Голоса по радио утверждали явную ложь, и слушать их было, все равно что впускать гадюку в дом. Но голоса принадлежали тем, кто командовал империей. Они обещали, что скоро наступит полное спасение, а со стороны города стучали пулеметные очереди. Из города потянуло гарью, ночами небо алело от пожаров, а на постой кучками и поодиночке просились беглецы. Оборванные, злобные, бились в ворота, сулили поджечь, умоляли вынести воды. Охрана особняка отвечала предупредительной стрельбой, берегли патроны.

Бродяга слышал, как отстреливали коров и скручивали головы домашней птице. Эти подлые людишки оказались умнее старца. И раньше-то, веками, жили как в последний день, гуляли до последнего рубля, вызывая у него почти рвотное отвращение, а нынче выяснилось, что правы были голодранцы. Как в последний день...

Только так, не иначе. Потерялся смысл в накоплении богатств, когда любое утро могло стать последним. Холоп и князь гуляли с одинаковым босяцким размахом, до последнего рубля.

До бессознательного, которым так гордятся... Спустя две недели затворничества умерла домоправительница его дачи. За женщиной скончался муж, и пошло косить без разбору. Сторожа разбежались, прихватив оружие, они верили в самую новую, по слухам, — чудодейственную вакцину. Однако четверо засели с Бродягой в доме, сохраняя верность чудотворцу, преданные ему не за жалованье, а за прежние его заслуги. Готовились держать круговую оборону на втором этаже, в крайнем случае, выпустить старца через подземный отнорок, а самим отстреливаться до последней пули. Но отстреливаться до последней пули не пришлось.

Бродяга раньше их всех уловил, что «водопад» накрыл город, страну, да и всю планету. Тихо стало, тихо везде. Радио замолчало, телевизор показывал китайский канал, да и то сплошную музыку, от соседей не кричали, не стреляли.

Он предпринял вылазку и встретил только котов, перевернутые машины и тлеющие сады. Вдоль центральной аллеи дачного поселка рассыпались разбитые телевизоры, покореженные плееры, кухонная техника. Залежи пластика покрывал блестящий налет из перемолотого хрусталя и фарфора. В канавах смердели раздутые трупы. Дымом заволокло горизонт, метался пух из подушек, стенали ошалевшие кошки, чернели останки стен. Из трех десятков домов уцелело всего пять.

Зачем поджигали? Зачем не поленились разбить даже стекла в сараях? Кому мстили?

Бродяга понял, что уходить нельзя. За последующие два месяца он похоронил, а точнее, сбросил в колодец всех своих приживалок, всех четверых.

Каждый, словно в благодарность, принес ему по заветному слову.

Промчала зима, на редкость мягкая, сердобольная. Детишки бы порадовались хмурому безветренному небу, полепили бы баб из лежалого, впитавшего снега, погоняли бы в санях по узким сугробным коридорам...

Бродяга выходил, махал недолго лопатой, пока сердечко позволяло. Слышал вой ветров, скулеж зимних лисиц, хруст наста под копытами сохатого семейства. В глубине промерзшей почвы, под килотоннами снега, не прекращался треск; рушились шахты, сминались рукотворные пещеры, заполнялись водой. Мать-земля, освободившись от господства детишек, вонзавших ей иглы под кожу, готовилась к новой жизни.

Готовилась породить много нового...

Наступило утро, когда он отважился на дальнюю вылазку. Отыскал велосипед, но очень скоро понял, что тощие стариковские ноги не смогут крутить педали. Автомобиль так и не освоил; пришлось двигаться к городу пешочком.

Читу не узнал. Вначале думал — что с глазами? Неужто сгорел дотла город? Быть того не может, чтоб дома высотные рухнули!..

Долго понять не мог, издалека глядел, как вороны над завалами кружат, как молодые

деревца с треском, сквозь железо и кирпич лезут. Когда дошло до Бродяги, не выдержал, на колени упал.

Истинно, конец света наступал, коли на глазах плавно, как в торфяную топь, целиком кварталы сползали. Много позже он услышал от лесных колдунов выражение «звонящий узел», и узнал, что под Читинской товарной станцией, после разлива нефти, собрались три Слабые метки. Словно лужа невидимая под площадями и домами разливалась, пожирала все новые куски жилых и заводских территорий. Впрочем, какие там жилые!.. Бродяга по сопке кругом город обошел, едва десяток живых душ учуял. Иногда разливалась, будто кипятком плескала в укрепленные берега, срывала мостки, зимовавшие суденышки закинула на крыши гаражей и магазинов. Опоры передач стояли обломанные, точно бураном скрутило. Потом ветер стих, и вдвое быстрее зашелестела зеленая поросль. Бродяге почудилось, как волнуется земля под ногами, это Слабые метки начинали последний, жуткий свой хоровод, затягивая обломки цивилизации в подземные, базальтовые жернова. Наружу, там, где простирались мощенные белым камнем проспекты, лезла из люков, из раскрытых щелей зеленая вонючая марь, несла в себе тучи ядовитого гнуса, туман и болезни.

Бродяга дышал полной грудью. Он был стар, но силен, как никогда раньше. Пока брел по взбесившимся улицам, между кряхтящих, оседающих девятиэтажек, напали на него дважды. Первый раз Бродяга увидел, как трое лупили одного ногами, катали по раскрошившемуся асфальту. Тот верещал, драться уже не мог, но прижимал к груди сверток. Среди нападавших была молодая женщина, но Бродяга не сразу ее отличил от мужиков, столь одинаково изгваздались они в болоте и обросли, как неандертальцы. Женщина и прикончила лежащего противника, несколько раз проткнула ему шею огрызком трубы. Мужик со свертком выгнулся, плюнул фонтаном крови в рожи своим мучителям и затих.

Троица набросилась, как волчата, вырвали сверток. Теперь Бродяга видел, что там несколько упаковок импортных сухарей, его охранники, царство им небесное, тоже с удовольствием грызли такие ванильные хлебцы. Убийцы тоже заметили старца, напряглись, съежились...

«Словно волчата», — оценил Бродяга. Он не хотел уходить, потому что истекавший кровью звереныш, не особенно отличавшийся от своих, более удачливых, приятелей, нес в груди заветное слово.

Бродяга не смел преступить запрет на убийство. Он ждал, пока три звериные морды вытянутся перед ним, совсем рядом, пока на него не повеяло смрадом их ртов и гениталий, пока коротконогий, с топориком, не зашел трусливо сзади, не кинулся под колени.

Они рванули к нему слаженно, молча, как привыкли уже нападать, и так же слаженно, молча, разлетелись, царапая затылками асфальт, от одного его взгляда. Тут же стошнило всех троих, вывернуло наизнанку. Мортус так им приказал, что будет тошнить до вечера, до полного обезвоживания.

Не убийство, милосердная кара. Впрочем, он их не за сухари, не за нападение на товарища наказывал. Белому мортусу было наплевать на разборки детишек, но на него руку поднимать твари не смели. Бродяга перешагнул через корчащегося в рвоте налетчика, опустился подле раненого.

— Царь белый... — всхлипнул разодранным горлом звереныш и помер. Лет семнадцать, про себя равнодушно отметил Бродяга и тут же спохватился. Два слова разом, редкость неслыханная! Царь белый...

А ведь и точно, царя ждать предстояло. Вот что мешало Бродяге покинуть Читу. «Царь белый» легло в стих чисто, сказочно просто легло, а он-то гадал, откуда сложный оборот такой отыщет! И засветилось заклинание долгое, засияло в шестнадцать граней нетронутым бриллиантом. Не совсем еще верно свет божий в нем преломлялся, но основная, каторжная работа завершилась.

Бродяга заплакал. Промокая глаза, заспешил дальше, обходя поваленные столбы, перевернутые автобусы, куски ценной мебели, разбитые рояли, сброшенные откуда-то сверху...

Оказалось, что уцелевших в городе порядочно, но Бродяга рано радовался. Те кто уцелел, вели себя очень странно. Он видел ненормальных, пробивавших топорами опрокинутые цистерны с соляжкой, видел вопящих теток, режущих руки о витрины с золотом. Видел целое шествие, с факелами, противогазами, с повязками на рукавах. Высокий мужик с подвязанной левой рукой взобрался на кабину лежащего на боку КамАЗа и жестикулируя правой, призывал «резать китаезов, от которых и пошла вся зараза». Толпа факельщиков отвечала ему пьяными воплями. Двоих китайцев они приволокли заранее, связанных, жалких, привязали их к днищу опрокинутого полуприцепа, суетились вокруг с бензином.

Бродяга не остановился. Потом встретил трупы многих самоубийц. Бродяга раздумывал, мысли его катились тяжело, как колеса состава, трогającegoся в гору. Самоубийц он не понимал никогда, даже не пытался вникнуть в их объяснения. Всегда находились такие, кто трактовал суицид уделом людей волевых, но для Бродяги это были тяжело больные. Единственным исключением, тревожившим его дух, стало поведение незабвенной пухлогубой барышни-бомбистки. Как ни старался, не мог мортус позабыть активистку «Земли и воли». Вот ведь, тоже, можно сказать, самоубийца...

По бетонке выбрался к воротам со звездами. Здесь было опрятнее, распускались на клумбах одичавшие цветы, собирали мед пчелы, и жилые пятиэтажки не сгорели.

«Чита-8». Военный городок.

Бродяга протиснулся через КПП и зашагал по главной улочке городка, между нелепых стендов с образцами военной формы. Через час он нашел место, где предстояло жить дальше.

Уткнулся в похожее на египетский мавзолей, прямоугольное, застекленное спереди здание, с надписью по фасаду: «Дворец культуры. Ночной клуб».

Он обернулся и поманил тех двоих оборванцев, что крались за ним от площади. Вероятно, они покушались на полупустую сумку с едой. В сумке Бродяга нес немного сала, сухари, луковицу, вареные яйца. Оборванцы застыли в отдалении, изготовившись к драке. Бродяга посмотрел в пустые глаза, он был поражен. Один из звероподобных дикарей носил драные генеральские брюки с лампасами и китель без рукавов. На груди его гордо сверкали десятки десантных значков, вперемешку с медалями. Второй, гораздо старше, обросший, кутался в женскую соболью шубу, зато держал в руках заряженную двустволку. Бродяга всегда определял безошибочно, заряжено оружие или нет.

Он повернулся и вошел в клуб. Внутри пахло неожиданно вкусно. Пылью, тканью, начищенным паркетом. Бродяга догадался, в чем дело. Из зрительного зала почти нечего было таскать. Здесь не водилось еды, здесь зимой было холодно спать, здесь сложно держать оборону против других двуногих.

Бродяга прочел эти соображения, и еще многое другое в головах преследователей своих прочел, когда они проникли за ним в зал. В зале висела гулкая, трагичная тишина, ощущаемая, как эпитафия на могиле искусства. Пыль кружила в редких световых лучах, ударявших с потолка, крысиные норы под полом были раздавлены колебанием почв вместе с пометами.

Лучшего места не найти!

Бродяга неторопливо прошествовал между пустыми рядами кресел к сцене. Потрогал запахнутый занавес, уселся на краю, свесил ноги и достал пожитки. Он показал кравшимся за ним аборигенам сухари и вскрытую консервную банку со скумбрией. Тот, что носил женскую шубу, заворчал и поднял ружье.

Бродяга пожал плечами и приступил к еде. Спасибо доброй помощнице, управлявшей всеми его личными вопросами, — во рту Бродяги, взамен давно выпавших зубов, стояли новейшие американские имплантанты. За пологом занавеса он с удивлением обнаружил жилую комнату, со шкафом, столом и широкой постелью. Декорации последнего спектакля, которые с осени некому было убрать. В левой кулисе валялись два трупа, обглоданных собаками, пыль взлетала в воздух свалявшимися комьями, часть кресел в зале, поливаемых

дождем сквозь дыру в потолке, прогнила насквозь.

Предстояло провести серьезную уборку, нечистот Белый мортус не терпел. Зато он с удовлетворением представил, как в театр начнут стекаться нуждающиеся в помощи, как он снова начнет исцелять и получать в ответ слова. Слова, снова и снова слова, потому что хрупок, ненадежен был выстроенный в памяти бриллиант...

Он щелкнул пальцами, приказал дикарям сложить оружие и приступить к уборке. Рыжий в генеральских погонах заартачился и был жестоко наказан. Бродяга показал ему, будто в животе изнутри грызет клещ и терзать будет до ночи. Катался нечестивец по полу, кровь и слизь выхаркивая, выл, раздирая себе брюхо вшивое ногтями. Бродяга не торопясь кушал, думал о своем. Ему еду приходилось долго разжевывать, изуродованные титаном десны ныли.

После те двое, как и остальные, кого он подобрал и выдрессировал, не раз еще кидались, проверяя, не дал ли старик слабину, и ему приходилось размазывать мерзавцев по стенке. Но Бродяга не удивлялся и не обижался. За триста почти лет выучил наверняка, что порода людоедская не меняется, хоть в какой кафтан обряди. Ждал от холуев неверующих только удара в спину, терпел.

Если верно Григорий нагадал, царь белый всем им веру вернуть должен...

Чита-8 прекратила тонуть. Звонящий узел сам собой распался, ведь не было еще Качальщиков, не выросли. Много позже повстречал Бродяга людишек разумных, колдунов лесных, но близко не сошелся, хотя звали к себе. Разве может бог олимпийский коротко со смертными сойтись?

Он царя ждал.

И дождался.

Бродяга сидел на сцене, в креслах, меж трех очагов, сооруженных по его приказу людьми атаманши-Варьки. Варька верховодила четвертый год, похоронив папашу. Папаша ее помер на руках Бродяги с тремя арбалетными стрелами в груди после штурма Храма. Бродяга предупреждал его, чтоб не трогал Храм и заговорщиков, небось сами бы с голодухи повылезали. Но папаша Варьки мечтал править в «восьмерке» единолично, отступники ему были как кость в горле. Вот и нарвался, и сам погиб, и сына погубил. Приняла Варька командование.

Бродяге было глубоко наплевать, кто из них считает себя князем Читы-8. Князя, атаманы и самопровозглашенные губернаторы менялись с мультипликационной быстротой, не успев порой даже толком сочинить обряд инаугурации и пообещать избирателям новую жизнь. Одно время Бродяга возлагал серьезные надежды на Варькиного двоюродного деда, папу Малиновского. Тот подчинил дикие племена, живущие к западу, заключил мирные союзы с тремя таежными военными поселками, где жили ракетчики, и наладил торговлю с Улан-Удэ, а оттуда — и с уральскими городами. Папа сумел уговорить мамочек без насилия рожать каждый год. Лучший кусок им от добычи отрезал, потому и поднялась молодая поросль, не так, как в соседних поселках, где старики одни бал правили. А уж Варькино поколение девок, к радости всеобщей, почти все родящее стало. При папе Малиновском торговый караван, впервые после Большой смерти, достиг Москвы, возвратился оттуда со знатной прибылью и верительными грамотами от президента Ивана. Президент Иван на Сибирь ручонки не замахивал, признавал предел своей власти, но предлагал папе Малиновскому добровольно принять пост губернатора всей Восточной Сибири, от Читы до Владивостока. Папа посмеялся наивности московских властей. Его скромная власть распространялась вокруг города километров на семьдесят; дальше орудовали вконец одичавшие буряты, изгнанные из города китайцы и еще невесть кто.

Страшные вещи шепотом рассказывали охотники у костров охранения. Якобы раскинулись гиблые мари там, где раньше завсегда сухота стояла, засасывало человека вместе с конем на два счета да светилось желтым по ночам. За перевал соваться боялись, хотя зверья ценного развелось там немерено. А что толку, если среди бела дня люди пропадали, без звука, без крови. На мишек грешили, на тигра даже, но те всегда след

оставляют. То есть звук был, навроде свиста. Так свистуном и прозвали. Кто говорил — нечисть развелась, лешаки из дупел повылазили, где, как мишки, тыщу лет лапы сосали, а кто божился, что бабы каменные, тунгусами зарытые, эту самую нечисть извергают.

Свистуна живьем так никто и не приметил, а вот с тигрой встречаться приходилось. Ведь невозможно в обороне сидеть, в складах военных жратвы не наберешься, а лето сибирское коротко, мало земля родит. С тиграми встречались, да примечали среди полосатых, нет-нет да белая тварь встретится, чисто альбинос, с шеей длинной, и лапами, как почти у ящери. Не верили сперва, пока не одолели одного. Бродяга нарочно от камина любимого оторвался, спустился поглядеть. Аж передернуло от вида жуткого...

А еще, шастали по болотам синекожие дикари, словно мертвяки, язык позабывшие, вконец обнаглевшие, в стаи сбивались. Охотники утверждали, что восточнее, к Якутску, вообще зарево колышется над землей, вроде полярного сияния или пожара, не обжигает, но забредать туда не стоит. Забрeдeшь ненароком, за зверем непуганым погонишься, тут тебя и прихватит! Сердечко задержается, отбивая двести ударов в минуту, дышать станет нечем, коленки ослабнут. Иной, кто покрепче, выкрутится, выползет, седой весь, сразу лет на десять постаревший.

Выползет, если дорогу назад вспомнит. Лихие там дорожки, по топи бескрайней, перелески все одинаковыми кажутся. Одинаковые, да с отличием. Бог ведает, что там со временем, под сиянием деется; может, вообще, в другую сторону течет, и годков через пятьсот Китеж-град из тумана покажется, сияющий, свежоотстроенный, прозрачный, словно росой умытый...

А пока там — смерть.

Папа Малиновский заслал в Москву второй караван, и на этом торговое сообщение с Европой прервалось. Спустя два года третий караван, укрепленный взводом военных, не добравшись сотни километров до Улан-Удэ, наткнулся на Желтое болото. Тогда погибли многие, просто ушли ночью, повинуясь зовущей песне глубин, побросали оружие. Командиры спохватились на второй день, когда от каравана осталось не больше половины людей. Решили не возвращаться, идти в обход, по насыпи железнодорожной магистрали.

В Читинский городок доползли по весне три человека. Точнее, их подобрали охотники. Трое из сотни. Их почти сразу приволокли к Бродяге, чтобы хоть как-то поддержал жизнь, чтобы услышать правду. Караванчики умерли, продержались неделю. Двое так и не пришли в разумное состояние, бормотали о железном звере с шипом во лбу. Будто зверь убивал людей, как бабочек, прокалывал насквозь и таскал на шипе, издавая вопли...

На востоке папе Малиновскому тоже не повезло. Партия отчаянных парней, согласившихся торить путь к океану, пропала. Почувяв, что у губернатора не осталось военных, мигом воспряли противники. Папу закололи в здании городской библиотеки, которую он забрал под резиденцию, надолго затеялась смута.

Пожалуй, за десятки лет «замороженного» безвременья Бродяга нашел кому посочувствовать. Малиновский ему глянулся, невзирая на жестокости и пьянство. Да и то сказать — а где на Руси без водки и звериного боя власть ставится? И вот, не стало папы, порезали друга дружку немало, гарнизонные после власть держали, вояки то есть, затем их вырезали китайцы, затем китайцев вырезал папа Варьки со своими, называвшими себя казаками. Эх-хе, качал головой Бродяга, видали б вы, засранцы, настоящих казаков!

Он ждал царя белого, ни с кем не спорил.

Как и предугадывал, понесли очень скоро мясо и злаки, молоко и шкурки, дрова и водку, все понесли, чем даровиты огороды и сопки Читинские. Придумал хитро, как себя поставить среди банд. Цену ломил высокую, особенно когда после вооруженной стычки, бегом к нему, на носилках раненых таскали. Не начинал врачевать, пока оплату не притащат, жестко постановил. Закона не стало, так хоть в одном пусть закон будет, так Бродяга решил. И вызвал к себе немалое уважение. Что дарили — тут же раздавал, по бедным и сироткам. От глупой щедрости уважение снова терял, кто же будет дурака-то уважать? Однако щедростью отвлек интерес мародеров. Во всей Чите и окрестностях, на два дня пути, знали, что у Деда

из восьмого городка поживиться нечем, что щедро награждает сирых, себя не жалуя.

Вокруг клуба ходили без шума, без крика.

Как святого, правда, уже не почитали, от прежней веры пшик остался, но совещаться по всякой малости к нему бегали и неоднократно принять мирской пост упрашивали. И русские, и китайские мандарины, сбившие банды крупные, по тысяче ножей и больше. Китайцы с юга накатывали, по холодам, уговаривали с собой, в Тибет.

Бродяга хохотал только.

Начальники доморощенные злились.

— Чего ржешь-то?

— Да как мне не смеяться, дитя? Ты мнишь себя великим человеком, четырех жен завел, законы пишешь, а играешься, как дитя малое...

Князьки районов, главари улиц зубами скрипели, не решаясь слова поперек молвить. Памятно было, как налетали дикарские банды, как заманивали их в устье перегороженной аллеи, ложным отступлением заманивали. Выходил Бродяга один против толпы и, руками впереди себя дернув, всех укладывал, вместе с лошадьми, собаками, медведями и прочей живностью. Точно воздух гармоникой сжимался и выстреливал гулко, прорежал толпу, дальше, нарастая, катил, срывая все, что плохо лежит, убегал по склонам вверх, деревца пригибая. Кровь у дикарей из ушей хлестала, валялись на колени, головы зажимая, а Бродяга поворачивался, уходил во чрево театра своего, шаркая, сутулясь. Ни разу не остался досмотреть, оценить, как городские парни за ним работу мокрую завершают.

Или железо из врагов вытряхал, когда настроение магнитное складывалось. Гвозди из сапогов вытягивало, ружья с ремней заплочных срывало, патроны и наконечники стрел сквозь прорехи карманов выпрыгивали, устрашая неприятеля больше, чем артиллерийские редуты вокруг города.

Приезжали на черных жеребцах Хранители, вежливо говорили, кланялись. Городок вымирал, когда колдуны на околице объявлялись; всех сдувало в погреба, в лес, даже сторожевых на вышках. Хранители все равно находили атаманов, терпеливо ждали, накручивая пчелиное облако, пока к ним не выходили переговорщики. Колдуны не требовали провиант, золото или оружие, их интересовала только бесплатная рабочая сила. Дикари, а попросту рабы. Атаманы скрипели зубами, в бессильной злобе пригибались под гудящим пчелиным облаком, однако противиться не смели, выделяли отряды для поимки болотных людей. Пчелы — это ерунда, по сравнению с Плевком сатаны.

Китайцы, дурные, накинулись как-то внезапно, сотней на двоих Качальщиков, когда те у реки коней поили. Точнее, думали, что внезапно. Выскочили с гиком из высокой травы, ножами порхая, а седобородый старичок у воды, не вставая, перекатился и плюнул.

Заживо, на бегу, человек сорок зажарил.

Напарник его, тоже в белом и в косичках, жеребца расчесывал, по колени в воде стоя. В седло запрыгнул, рукавом махнул, дунул — только черная паленая яма осталась от отряда Железного Дэна, лес еще неделю тлел.

Китайские воры надолго покинули Читу, а Качальщики потребовали у горожан сорок невольников, запас семян и два пуда трав, какие росли только на здешних болотах. Заявились к Бродяге, чинно попили шиповника, отдали дань варенью. С собой уже не звали, наслышаны были, что на Урал не пойдет. В деревушках Качальщиков умирали редко, болели того реже, Бродяга зачих бы скоро без смертей.

Он ждал царя.

Быть хотелось вместе с волчьими стаями, что кружили у крайних домов. Глядел вниз, на огоньки свечные, на керосинки самодельные, на дворики. Там хозяйки белье полоскали, детей грудью кормили, мужчинам своим помогали мыться, на головы мыльные сверху поливали. Хохотали, плакали, дрались, мирились, рожали в муках, хоронили, обнимались, детей лупцевали, скотину резали...

Они жили.

— Все у Бродяги было, и ничего не было. Он позабыл, для чего царя ждет, да и не был

уже уверен, что именно царя. Хватался за нитки истончившейся памяти, наматывал в кулак и вроде держал твердо, а не нет! Просачивались образы, расплетались, тускнели...

Он дождался.

32 ЦАРЬ БЕЛЫЙ

В то утро Бродяга проснулся — и сразу уловил изменение в восходящих токах воздуха.

Царь статный, седобородый, лицом молодой, но не белый, а напротив, медный, загорелый, вошел в лес, который раньше был парком. Царь был серьезно ранен медведем, гнил изнутри, но волей могучей сдерживал гной.

Бродяга, еще не вполне поверив, отбросил шубу, заковылял к окну. С некоторых пор он полюбил греться на втором этаже, перед стеклянной стеной, открывающей ему восточную часть городка.

Царь спустился в парк с востока. Бродяга не мог ошибиться — этот зрелый, отошавший мужик ступал и вел себя, как истинный властитель, хотя шел босиком. Он ласково улыбнулся хозяйшкам, выгонявшим коров, приласкал, не глядя, увязавшихся голодных кобелей, кинул яблоко сидевшему на дереве мальчишке. Кобеля стайные, до одури злые, ходока не тронули, улеглись. У Бродяги морозно на спине сделалось. Такая повадка со зверьем только лесным колдунам, Качальщикам, была свойственна.

Затем белый царь, не ускоряясь и не замедляя шаг, приблизился к сторожевой башне. Влево и вправо от башни, заслоняя подступы к Старому городку, бывшему кварталу офицерских «хрущевок», тянулись надолбы из нестроганных бревен.

Бродяге не надо было присутствовать рядом, чтобы рассмотреть царя. Лицо его старца и не занимало сильно, вот изнутри оценить человека — это занятно. Он подумал, что если путник с седыми косами — тот, о ком он думает, то парней Варьки на заставе он легко обедеет вокруг носа.

Иначе — какой же он властитель?

С царем прилепал еще один, ноги перепончатые, хворый, необычный, того Бродяга издали разглядеть не мог, но чуял болезнь нелепую. Сердечко у мелкого колотилось, как у птахи, в кулаке зажатой. Долго с таким боем сердца на белом свете не продержаться, да птахи и не живут долго. Мелкий жрал — не в коня корм, и дрых по три часа, сжигал себя на корню.

Мелкий нес заветное слово, да не одно. Бродяги слюна пропала во рту, когда прислушался да пригляделся. Нельзя такого огольца упускать, никак нельзя, авось помрет...

Высокий улыбчивый мужик погребел кольцом у сторожевых ворот. Не стал бочком обходить, подметил Бродяга, хотя мог бы пролезть восточнее, через буреломы.

— Чего долбишь? — угрюмо спросили мужика изнутри. — Вишь, припрутся и долбят...

Потом сторожа выглянули и сообразили, что человек только что пришел из тайги. Чужой человек, раненый, незаметно чтобы с оружием, и с ним, на пару, лысый урод, из этих, из синих, болотных...

Мама родная!

— Мне нужно пройти к лекарю, к врачу, — вежливо доложил мужик с косичками. — Я ранен, и я хорошо заплачу. Проводите меня...

После слов «хорошо заплачу» сторожа загоготали, а синекожий абориген с ворчанием спрятался за спину своего рослого покровителя.

— Откуда сам взялся?

— Из Петербурга, — не повышая голоса, ответил гость. Нарочно говорил тихо, чтобы заставить вояк примолкнуть. И ведь примолкли, прислушались. — Мне срочно нужен травник. Есть у вас травники?..

— А? Чего? Чего вякнул-то?

— Глянь-ка, сапоги какие справные!

— И рубаха железная!

— Эй, парень, кто тебя рвал? Косолапый, чай?

— Ты с «девятки», аль с «шестерки»? С шестого городка, что ль? Тебя спрашивают!

— Я из Петербурга, — терпеливо повторил мужик. — Проводите меня к травнику.

Его словно не слышали.

— Где уroda подобрал? — распотешились добры молодцы. Сытые, распаренные, вылезли поразмяться по утреннему холодку. Хоть какое-то развлечение наметилось, все не давить вшей! Вокруг города дикарей давно не видали, колдуны почти всех к себе в тяготу перетаскали, обороняться стало не от кого, разве что волков бить.

Теперь Бродяга лучше рассмотрел спутника царя. Он слышал, что в марях обитают уродцы, но впервые встретил такого живьем. Охотники рассказывали о десятках мелких племен, о людях, которые плодились быстрее кроликов, но с той же скоростью умирали, и потому не успевали осилить никакую науку. Кожа у несчастного отливала голубым, сосуды змеились среди влажных прыщей и редкого седого волоса. Широченная борода лопатой закрывала половину разбойничьей рожи, глаза торчали, как у рыбыны, а узловатые ручки едва не волочились по земле. Бродяга вспомнил виданную когда-то картинку, еще в эпоху действующих телевизоров показывали облученных обезьян.

Спутник русского царя явно пострадал от чего-то похожего. Бродяга внутренне расслабился. Смерти уродца недолго ждать, не выдюжит сердечко при таком ритме, сорвется...

— Эй, мужик, покажь, что в мешке? — попытался кто-то залихватски пнуть мешок, свободно висящий на плече царя, да, к потехе остальных, промахнулся, плюхнулся задницей в бурьян.

Вскочил красный, оторопевший, второй раз всерьез кинулся. И снова промахнулся, на сей раз рожей в стену бревенчатую влетел. От стены отлип и в сантиметре от носа увидел лезвие.

Стражники разом стихли.

А меднолицый, голубоглазый этот, сам-то на колдуна смахивал повадкой, только в сторону шагнул незаметно и с петелек манжетных клиночки достал, поиграл на солнце. Тут Варькины ребята притихли, задевать не посмели. Такие же клиночки метательные у Качальщиков, не к ночи помянуты, видали.

Без звука пропустили в город, а сами Варьке кинулись докладывать.

Бродяга засмеялся у себя в клубе, изрядно напугав прислугу. Заметались, впервые смех старческий его услышав. Он связал воедино далекий татакающий звук, приснившийся несколько дней назад, и сегодняшнее явление. Никто, кроме Бродяги, не слышал, как стучит поезд. Для четырех тысяч жителей Читы-8 железная дорога служила лишь Рубиконом, условной границей, за которой вольготно охотились парни Железного Дэна и бурятские кланы.

Бродяга следил, как странная парочка ковыляет по проспекту. Раза два спросили дорогу, собрав позади себя небольшую толпу. Голубоглазый мужик в кожаной куртке поверх кольчуги и брезентовых штанах заметно прихрамывал, опираясь на плечо своего вонючего приятеля.

Белый царь шел босиком, не обращая внимания на рассыпанные всюду острые осколки. Как и следовало ожидать, направлялся к очагу культуры.

— Фекла, кипяток готовь, — не оборачиваясь, приказал Бродяга. — Степан, тех троих, язвенных, вниз отнесите, а тут свежую постель стели...

— Да как же? — растерялись служки. — Куды мы их? Внизу-то, после стрельбы с бурятами, все занято...

— Плохо слышал, Степан? — искры метнул Бродяга, мигом повергнув «младший персонал» в трепет. — Так, полы мыть с мылом. Проверю, хреново помоешь — языками лизать заставлю. Печку сюда, холста, спирт живо, обормоты!

Вниз глянул. Там обоих путников снова остановили. На сей раз Варькин внутренний патруль. Бродяга минуту колебался, не вступить ли, затем остыл. Против правил не попрешь, нейтралитет он обязан держать до последнего...

— Этого... этому не положено, — огромный мужик в ватнике, подпоясанный двумя портупелями, твердо загородил дорогу синекожему коротышке.

— Это мой друг, — голубые глаза смотрели безмятежно и доброжелательно, как будто и не было только что стычки. — Он вам не опасен. Скажи, приятель, ты здесь старший? — Лесной мужик безошибочно уперся взглядом в десятника Коляна.

Тот поежился, ощутив себя вдруг голым посреди толпы. Колян был почти на голову выше и вдвое шире пришлого, но почувствовал себя очень неуверенно.

— Ну я...

— Фамилия?

— Чего-о? — Десятник выпучил глаза. С ним еще никто так нагло, в присутствии ребят, не смел базарить. Варька, атаманша, конечно, могла и наорать, она баба бешеная, но чтоб чужой!

— Я спрашиваю, как твоя фамилия, солдат? — ледяным тоном повторил лесной пришелец. — Меня зовут Артур Кузнец, я свое имя не скрываю и хочу знать твое. Ты несешь дежурство пьяный, это раз. У тебя нечищенное оружие, грязная одежда и с собой ты носишь самогон. В таком виде ты не имеешь права патрулировать улицы.

Услышали все, человек тридцать набежали к клубу. Женщина, незадолго до того вызвавшаяся проводить президента к целителю, затряслась и бочком засеменила в сторону. Патрульные ошалело переглянулись. Их было четверо, каждому не больше тридцати, кровь бурлила, у каждого топоры, ножи. Десятник гордо носил на поясе пистолет, у длинного Волоши за плечом качался автомат.

— А хобот у слона не хочешь занюхнуть? — оскалился длинный Волоша, ища одобрения у командира. Он сплюнул, попал чужаку на голую ногу. Тот заявился босиком, ну прям как настоящий болотный мертвяк, и пытается учить, когда им водку пить!

Уже тянулись пальцы к ножам, уже заискрило в непросохших, с вечера, головушках, предвкушение потехи, но... потеха иная получилась.

Голубоглазый дернул кистью, прихватив двумя пальцами длинного Волошу за мизинец. Тот взвыл тонко, зайцем заверещал, на бок, в грязь заваливаясь.

— Сука, пусти, пусти, сука...

Босоногий путник коротко ткнул пальцем Волоше куда-то под горло; тот больше не поднялся. Громадный Колян опомнился, махнул своим топором, но только публику насмешил и чуть башку другому своему подчиненному не снес. Босоногий странник пропустил руку десятника над собой, тут же повис на ней, поджав ноги, выворачиваясь, увлекая громилу вниз.

Колян очнулся, приложившись затылком к острым камням. Хотел вскочить, но одно стальное жалыце уперлось в глаз, а второе прокололо штаны между ног.

Тут синекожий дикарь, о котором все забыли, неожиданно себя проявил. Короткой тупой дубинкой дважды, взад и вперед, как поршнем, толкнул в пах двоим воякам; те мигом сдулись, осели, пузыри пуская.

— Медленно снимай с пояса нож, — приказал Коляну царь. — Теперь медленно расстегни штаны. Снимай... Снимай, я сказал!

Когда десятник, пунцовый от стыда, лишился нижней части одежды, гость города приказал соратникам связать его и в таком виде доставить к атаманше Варьке. А Варька уже подъезжала сзади, с тремя парнями дюжими, те за пушки, за арбалеты схватились, но атаманша отмашку дала.

Варька на парней цыкнула, сама глядела на белого царя, как ни на кого до сих пор не глядела. Ни слова не произнесла, однако губки трепетали. Как диковину какую, пришлого изучала, шею вытянув. И ведь ничего особенного, если сердцевину не почуют, мужик как мужик. Влюбилась, дуреха, прошептал Бродяга, и в тысячный раз подумал о неведомых

никому путей, predeterminedенных свыше. Чтобы девка эта бешеная, кровь не с молоком, а, пожалуй, с брагой, да в кого-то втюрилась? Здесь, в Сибири, бабы покруче мужиков росли, не то что коня, а, пожалуй, табун останоят, и топором сутками махать способны... Варвара встретила с царем белым глазами, тот поклонился вежливо, подождал. Народ вокруг примолк, но Варька разумно себя показала. Уже ясно, что сулила встреча с метателем ножей, ни к чему позориться перед своими. Лишний раз Бродяга в уме девки бедовой убедился. Не позволила первому позыву власть над собой взять...

Белый царь шагнул на ступени Дома культуры. Никто не заметил, как сверху, сквозь грязное стекло усмехнулся старец. Все сходилось, как шепнул когда-то в Петербурге Григорий. На ушко шепнул, неслышно. Мол, ты, Бродяга, царю послужишь, и веселая компания. Да, компания веселая подбиралась. Девка больная, психопатка, и урод синий.

Читинцы меж тем хохотали, над патрульными потешались.

Бродяга не потешался. Потом мужик в рваной кольчуге поднял взор, они встретились глазами, и Бродяге смеяться сразу расхотелось. Он вспомнил, что еще нашептал Григорий насчет белого царя-самодержца.

Избавление тот нес. Избавление от проклятой жизни.

33

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ

Артур увидел дряхлого дедушку, по виду — неизлечимо больного, с трудом влачащего последние дни. Дедушка походил на уставшее дерево, покрытое коростой, изъеденное жучком, давно потерявшее корни. Старика хотелось пожалеть, накормить и приголубить. Он сидел в глубоком кресле, скорее похожем на походный трон, со скамеечкой для ног, укрытый ворохом медвежьих и соболевых шкур. Подле, на стопке ковров, щерились три волкодава.

Пока Артур оглядывал залу, дедушка в кресле не пошевелился. Он словно дремал, свесив набок сморщенную, птичью головку, усеянную бородавками, пигментными пятнами и останками зеленоватых волос.

— Так ты и есть — новый русский царь? — неожиданно сильным, высоким голосом осведомился старец.

— Если ты имеешь в виду будущую династию, то я не царь, — выкрутился Артур. — Мой сын на престол не сядет. А ты — Бродяга?

— Так меня звали когда-то. Ты был Клинком?

— Я учился у Хранителя силы Бердера. Ты слышал о таком?

— Вот как... Мне говорили о тебе Качальщики, я не верил...

— Они здесь? — подпрыгнул Коваль. — Ты можешь свести меня с ними?

В залу, коротко переступая, внесли корыто с горячей мыльной водой.

— Кровь в тебе гниет. Не лечить сейчас — помрешь, — сменил тему мортус.

— Не удивил... А ты не похож на травника.

— А я и не травник.

— Я просил указать мне дорогу к...

— Тебе нужна помощь, ты ее получишь.

Бродяга поднялся с кресла, коротко глянул в окно. Внизу Варька, крепкая, грудастая, розовая, заводя себя яростью, отчитывала понурившихся патрульных. Простой люд не расходился, глазел.

— Так ты знал, что я появлюсь именно здесь?

— Тряпки скидывай, — распорядился Бродяга. — Коли наговоры ведаешь, знать бы должен, что от когтей раны наговорами не снимешь...

— Эта женщина внизу... Она здесь верховодит?

— А, заметил? Да уж, девка ладная, как раз по тебе...

— Отчего по мне? — нахмурился Артур. — Если такой зоркий, мог бы заметить, что я

женат...

Но в окно еще раз высунулся, сам на себя удивляясь. Вроде и не красавица, да и не время ухлестывать, выжить бы в передрыге, а зацепила. И вправду зацепила. И не торопилась уезжать.

— Одно другому не помеха, — пробурчал старец. — Коли суждено, никуды друг от дружки не денемся, язви их в душу... Раздевайся, что ль?!

Артур оглядел двух бабушек с полотенцами и мочалками наготове, вдохнул хвойный аромат, поднимавшийся из корыта, и решительно потянул завязки кольчуги...

...Спустя трое суток он готовился уходить. Сидел у зеркала, укрытый до пояса не слишком чистым одеялом, недоверчиво ощупывал грудь. Следов от когтей практически не осталось, а после отваров, поднесенных бабусями, хотелось выпрыгнуть в окно или зашагать по потолку. Кровь бурлила, сила не находила выхода. Только бесцеремонное зеркало подсказывало, что молодость давно прошла.

— Хранитель меток мне когда-то рассказывал о таких, как ты... — Артур с трудом перевел дух, добравшись до дна литрового ковша с отваром. — Если честно, не особо верилось в вечных старцев... Скажи, тебе самому разве не хотелось встретить прежних своих друзей?

— У меня нет друзей... — Морщинистая кора на лице мортуса чуть дернулась. Слезящимися глазами он неотступно смотрел вдаль. Тучи гнуса кружили возле окон, залетать им мешали клубы дыма из расставленных вдоль стен горшков. — Искал бы дружбы, остался бы в столице...

— Постой, постой... — опомнился Коваль. — Мне вот что непонятно. Ты тут столько лет торчишь только потому, что умирают быстро?

— А, эти-то? — Бродяга бородой небрежно указал на синюшного дикаря, жмущегося к костру. — Конешна, а как иначе? Быстро мрут, и тридцати годов не живут, отцов не помнят...

— Живут мало оттого, что химии наглotalись, — мрачно заметил Артур. — Странно вообще, что выжили...

— Ась? — наклонил ухо старец. — Странно, говоришь? Ничо странного, так повинно быть. Человека чтоб сгубить, бесам сто шкур спустить надобно. Человече — тварь живучая, так и лезет, так и лезет...

— А нормальные люди вокруг Читы есть? Не зараженные?

— Ась? Нормальные? — Бродяга пожевал полустертыми протезами. — Китайцы, буряты когда наведаются, но близь не входят, робеют... Видал, вокруг ограды берегов сколько навешали? А этих-то полно, мелюзги всякой... Иные слова промолвить не могут, к таких не пользую. А те что говорят — тех навещаю, дитяток лечу, да...

— Но тебе же выгодно, чтобы они умирали?

— Ась? — Старик словно засыпал на ходу. — Отчего умирают? Дык надоели мы матушке-земле, хуже редьки горькой. Замучилася с нами, непотребными...

Коваль разглядывал пустые стены клуба. Щуплый дикарь Буба чуть ли не стонал от восторга, вплотную приблизившись к огню. Сквозь его синюю, прыщавую кожу проступали сосуды.

«Долго не протянет, стареет на глазах», — подумал Артур. Ковалю передернуло от ужаса, когда он представил себе, каково пройти жизненный путь за двадцать пять лет. Сгореть, как бикфордов шнур, не успев запомнить родителей, не набрав знаний предыдущих поколений, не выучив даже все слова, которые гуляли в племени...

— Не жалец твой Буба... — словно расслышав мысли президента, проскрипел Бродяга, — Не горюй, другого найдешь...

— А ты уверен, что собрал всю свою поэму? — полюбопытствовал Коваль.

— Ни в чем я не уверен... — искренне поделился мортус. — Время — штука скользкая, сквозь пальцы утекает.

— А что будет, когда соберешь? — спросил президент. — Ты станешь бессмертным?

— Боюсь... — прошамкал старик. — Не успеть боюсь...
— Боишься?! Столько лет живешь, не отвык еще бояться?
— А тебе рази помереть не страшно? — Мортус повернулся всем телом, задышал тише.
— Страшно, еще как, — кивнул президент. — Но так, как ты жить — я бы с тоски помер.

— А как надо жить? — озаботился мортус, затрясся мелко. — Ну-ка, ну-ка, поделись, а то я молодой, не нюхал порошу. Как жить, под пули лезть, вот как дурочка та? — Бродяга имел в виду молодую атаманшу городка.

— Мне девка эта шальная все равно ближе, чем ты, — Коваль посмотрел за окно, на бывший гарнизонный плац, где атаманша, уперев кулаки в бедра, зычно материла подчиненных. — Она слышит, она видит, она живет, старик. А что видишь ты?

— Знаешь, почему тебя не прибили? — сменил тему Бродяга. — Глянулся ты Варьке, не велела стрелять. А могли бы и пульнуть, во как...

— Я заметил.

— Что ты заметил, дитя? Она ведь теперь тебя так просто не выпустит. Мужики толковые в городке в цене.

— Выпустит, куда денется... — Коваль поймал себя на том, что издал любовается Варькой. Кажется, атаманша ни минуты не сидела на месте. То руководила выгрузкой дров, то снаряжала бригаду копателей на углубление рва, то чихвостила патрульных. — А не выпустит, с собой возьму!

— Ты ж говорил, женат, а президент? — хихикнул старец.

— Жену не променяю, — улыбнулся Коваль, цепко вглядываясь в мини-парад на плацу. — Семью никогда не променяю, а вот генералов толковых у меня мало...

— Не бросит она Читу... — покачал головой мортус. — Да и не верит никто, что отсюда выбраться можно. Мари кругом, там дрянь всякая...

— В том-то и дело, — встрепнулся Артур. — Ты ведь лучше их всех знаешь, что болота кругом сжимаются. Если не прорываться, городок погибнет. Знаешь, а сидишь! Кстати, остались еще такие, как ты?

Бродяга пожал плечами.

— Черные, может, есть, такие как... неважно. Ежели к трону бы не лезли раньше времени, составили уже стих, это точно...

— Завидуешь им?

— Им легче, вот что. Легше им стих собрать. Поздно понял я...

— Так еще не поздно? — зло подначил Коваль. — Силищи-то в тебе за десятерых! Что тебе стоит всех местных по克罗шить? Глядишь, стихок и составится, на Олимп вознесешься!

Бродяга невесело хохотнул.

— Потешаться изволишь? Я на белое обречен, человеке. Сколь угодно ненавидеть могу людишек, зубами скрипеть, а слова не добьюся... Токмо через покаяния, через мирные проводы, через ласку благодать мне дается...

Старик кутался в шубу, его тощие ноги казались отеками из-за нескольких пар вязаных шерстяных носков. Глубокие морщины его коричневых щек навсегда пропитались дымом костра, глаза затянуло пленкой, как у змеи.

«Сколько же ему лет? Даже подсчитать непросто... Я бы рехнулся, повесился бы тут один! Живет, живет, ничем не болеет, ни зверь его не берет, ни огонь, ни пуля... Живет, собирает свой стихок и уже забыл, для чего живет... Так, по инерции...»

— И долго тебе еще последние слова собирать? — спросил Артур.

Бродяга почесался, промычал неопределенно, отправил в рот пригоршню ягод.

— Слушай, мне надо дойти до Байкала, — приступил с другой стороны Артур, — Одному трудно, лошади нет, и грудь еще не заросла. Там, в Улан-Удэ, буддийский дацан, школа, слышишь? Там мне помогут, найдут дракона, найдут друзей. Я в тайге не боюсь, но здесь не тайга, а черт знает что...

— Пошто врешь-то?

— Не вру... — опешил Коваль.

— Аи, молод еще мне башку дурить, — старик приподнял палец, крепыш по имени Лука тут же подсыпал ягод. — Ведомо мне, что ты за мной пришел... Вот только не уверен, идти ли с тобой.

— Отчего же не уверен?

— Оттого что ты сам не ведаешь, куда нам надо. Нагадали мне, что царь белый явится, верно нагадали. Да только не такого царя я ждал. Царь — он над будущим властен, хоть немного, да властен. А ты, как слепой котенок, в ведре барахтаешься.

Артур только крикнул. Вот уже второй... ну, не второй человек, так второй собеседник ему пеняет на хаос государственного планирования, и вообще... на хаос идеологии, скажем так.

— Слушай, отец, меня на президента не учили, — сказал Коваль. — Я ведь не идиот. Понимаю, что из стороны в сторону порой носит, то либеральничаю, то волком кидаюсь. А что делать прикажешь, когда каждый надурить норовит? Ворье сплошное, а кто не вор — тот тюфяк, к управлению не годный. И так кручусь, язык набок, а ты еще призываешь пророком стать?

— Пророком тебе не дадено, а чутье у тебя и так неплохое, — Бродяга рассмеялся, снижая накал спора. — Вот ты за мной пришел, даже сам не поймешь, как в тайгу свалился. Где твои Малахитовые врата?

— На востоке... — вздохнул Артур. — Я бы точную засеку оставил, не сбился бы, кабы не медведи. Пещера там низкая, очень большая. Меня как будто выплюнуло наружу, очухался среди костей, среди кишок непереваренных. Холод собачий, еще и стукнулся обо что-то, света нет... Видимо, эти врата давно привалило, там от скважины до потолка с метр расстояние. Только с мыслями собрался — на тебе, медведи...

— Так он не один был? — изумился старец.

— Если бы один. Мамаша с двумя здоровенными сынками. Я одному из них прямо в пасть вылетел, напугал беднягу до смерти...

— Так ты всех троих убил?

— Медвежат убил, но один меня здорово зацепил... И мамашка с охоты прет, тут уже не до засеки стало, унести бы ноги. Сутки от нее уходил...

— Ты ж это... Ты ж вроде Клинком обучен, сам говорил. Я вот все спросить тебя хотел, как же с топтыгиным не сладил?

— Потому и не сладил, что при ней детей ее прикончил... — Коваль скривился, как от зубной боли. — Так что эти врата найдем вряд ли. К тому же там явная отравка, радиация, и вода в болотах желтоватая... не нравится мне это. Кони не пройдут, это точно, я по кочкам жердины клал. А на руках я тебя не дотащу.

— Однако ж ты вышел! Как вышел, если бы чутья не было?

— К людям выбрался, это точно, но второй раз туда ни за какие коврижки не сунусь. Радиация там, и насекомые такие... Хорошо, что травы с собой, на теле носить привык, так и те извел на разазу...

— Стало быть, проверить слова твои нельзя. Вроде есть врата, а вроде и нет...

— Зря язвишь, Бродяга. Другие врата у озера Байкал есть, только змей нужен, или команду нанять, чтоб тропу пробили. До Улан-Удэ доведи меня, а там я разберусь.

— Так говоришь, будто я уже согласился. Прыткий ты, однако...

— Если не согласишься, пойду один. Все равно сюда вернусь, на паровике, когда магистраль потянем. Тогда никуда не денешься, ковер до твоего Дома культуры расстелю...

— Ох, насмешил... ну, прыгну я, и что?

— Не знаю, — честно признался Коваль. — Но ты должен как-то урегулировать вопрос с арабами. Напугать их, или напротив, соблазнить... Мне ж не разорваться одному!

— Да уж, тебя и так хотят убить, я знаю, — коротко вставил старик.

От неожиданности Артур лишился дара речи.

— Кто хочет убить?

— Слышал я, китайцы с монголами побратались. До поры, конечно... — Бродяга осторожно вынул из очага кружку на длинной ручке, разлил чай по пиалам. Запахло ароматными лесными травами, ягодой; у Артура чуть слюнки не потекли. — Побратались вроде, кто их, косоглазых, разберет? Их-то много осталось, не повымерли, как русские-то. Вот монголы-то империю назад задумали строить, и буряты с ими, ханов выбирают...

— Кто тебе сказал, шаманы нашептали? — нахмурился Артур.

— Заранее ничего знать не можно, — рассудительно заметил коричневый старик, подвигая гостью очередную дымящуюся пиалу. — Сказывали людишки лихие, мол, наслали буряты шаманов своих, чтобы президента сгубить... Да только сбег президент, не словили, хе-хе...

— А тебе все равно? — начиная закипать, осведомился Артур. — Тебе наплевать, что будет со страной?

— Ты лишка-то не спытай, надоешь быстро, — осадил Бродяга, — Страна, государь, дума, учредительное, сенат... Я дряни этой наслушался во как, человеке... — Он выразительно постучал по горлу, там, где извивался высохший червяк кадыка. — Мне без разницы, что вы там грызетесь... Потопчи с мое землю, поймешь, что нету смысла ни в чем. Да и врешь ты мне...

— Где же вру?

— Не монахов ты ищешь, не змея. Что-то иное, в земле запрятано. И от меня тебе надо темного добиться...

— Почему ж так сразу — темного?

— Мне игры ваши — что забавы дитячи, — устало поморщился Бродяга. — Темного ты хочешь. Хочешь, чтобы я себя Черным мортусом проявил, врагов твоих за море распугал. Только что мне до них, а?

«Хрен старый, такого действительно не напугаешь, надо помягче...»

Мбуба урчал у костра, как кошка. На подоконнике расхаживали вороны, долбили клювами сухой шиповник. Сосны шумели в проемах окон, заглядывали в комнаты.

— Извини, — Коваль поднес с губам аппетитное варево, втянул ноздрями пряный цветочный аромат. — Мне очень нужна помощь. Ты ведь знаешь, как безопасно пройти к Байкалу. В Улан-Удэ у меня есть верные люди. Пойдем вместе, разберемся с халифами, я верну тебя в Питер, поживешь по-человечески.

— Зачем мне это? — криво улыбнулся старик. — Здесь я хвори отгоняю, собираю стих. Зачем мне в город? Мне ничего не нужно, человеке... Все, что мог иметь Крез, я уже имел. Вон оно, злато, камешки, россыпью... Тут, под нами, казначейство, теперя крысы жируют, хе-хе... Вот она ваша власть, бабы ваши, парусники... Чего уставился, как кабан голодный? Не нравлюсь — вали отседова, места много... Что ты мне предложить можешь? Турка воевать? А, то-то...

Артур мелкими глотками допил чай. Он ясно чувствовал, что Бродяга нарочно провоцирует на грубость, сам втайне дожидаясь какого-то важного аргумента в пользу похода.

Джинн не сказал, зачем нужен Бродяга. Предстояло догадаться. Либо уговорить старца к сотрудничеству, чтобы тот сам сделал встречное предложение.

Еще через день он потерял надежду.

Бродяга был непреклонен.

...На улице Артура уже ждал маленький Буба. Он не возражал против исчезновения буквы «М» из своего нехитрого имени. Гораздо больше синекжего сына болот занимал новенький рюкзак, подаренный Бродягой. Буба сидел на ступеньках, перебирал многочисленные подарки, по большей части съедобные, а вокруг, соблюдая трусливую дистанцию, толпились дети Читы-8. Уже прокатился слух, что если синекжего потрогать, то к утру покроешься волдырями.

— Подожди, Кузнец, поговори со мной... Артур еще не успел обернуться, но уже знал, кто там сзади. Огольцов как ветром сдуло. Варвара, атаманша, круглая, сама похожая на

молодого медвежонка, ступала тихо, только с виду неповоротливая, неловкая. Грамотно рассудила, что личного друга Бродяги лучше не злить, лучше потерпеть странное двоевластие. Никуда не денется, уедет...

И вот излеченный, заштопанный человек, которого за глаза стали называть Белый царь, уезжает. Старец велел выделить ему и болотному чуду коней, боевых псов, отсыпать пороха и стрел.

— Ты уже уезжаешь, Кузнец?

— Я вернусь к вам, Варвара. Мы приедем из Петербурга на поезде. Привезем машины, привезем семена и скот.

— Ты не дойдешь до Байкала. Наши лучшие охотники погибли...

— Что ты предлагаешь, Варвара? Круглолицая девушка закусила губу. Ее мозолистые широкие руки лежали на рукоятках сабли и пистолета. Атаманша не отпускала оружия даже во сне. На долю секунды Артур попытался представить Варвару без одежды. Без одежды, но с пистолетами. Забавно...

— Чему ты улыбаешься, Кузнец?

— Тебе. Ты мне нравишься, — не задумываясь, произнес он и заметил густой румянец, расплывающийся по ее щекам. — Буба, запрягай! Помнишь, как я тебя учил?

— Я поеду с вами, — Варька махнула рукой, паренек в треухе бегом подвел ей двух коней. Одного увешенного поклажей, другого — налегке, с двумя обрезами, укрепленными на седле.

— А как же твои люди? — поразился Артур. — Ты же не можешь просто так бросить город?

— Я не бросила. Ночью курень собирала. Братку моего выбрали.

— То есть... Ты больше не атаман Читы?

— А ты не врешь? — вопросом на вопрос ответила девушка. Варвара стояла прямо у них на дороге, мешая Бубе выносить пожитки.

— Насчет чего?

— Я спорила с мужиками... — Варвара говорила глухо, прятала глаза. — Тебя предлагали убить, издали, отравленной стрелой. Тут все испугались, сказали сначала, что ты пришел меня прогнать, чтобы править тут. Ты умеешь приказывать собакам, такого у нас не видели. Такое только Бродяга умеет, и шаманки, но шаманки живут в лесу. Я мужикам тебя убивать не велела... Бродяга мне волосок твой дал. Я пошла к шаманке Тулеевой, пороса ей зарезала. Пока тебе раны зашивали, Тулеева камлала, волосок твой нюхала, в котел кидала. Тулеева сказала — этого человека нельзя нам убить. Убьем его — он опять вернется, огонь на нас найдет, всю тайгу пожжет. Шаманка в ногах у меня валялась, просила, чтобы мы тебя не трогали. Я пошла к Бродяге. Он сказал, что ты — белый царь, что тебя нельзя прогнать. Скажи, ты действительно царь всей страны?

— Не царь. Президент... Впрочем, для вас это одно и то же.

— Я поеду с тобой, иначе не выйдешь. Звала наших мужиков, никто не хочет. Бояться.

— А ты не боишься?

— Мне шаманка нагадала жизнь. Двух детей нагадала... — Варвара снова покраснела, отвела взгляд.

Коваль открыл рот... и почел за лучшее промолчать. Его собиралась защищать девчонка, это стоило записать для истории. Кроме того, его собиралась защищать девчонка, нелепо втюрившаяся в него.

— Я верю Бродяге, я верю шаманке... Зачем тебе старик?

— Мы ведем войну... Это сложно. Он может помочь спасти многих.

— Да, он умеет спасать. Но он не хочет с тобой идти.

— Я не могу его заставить. Я вернусь сюда на паровике. Мы починим дорогу, я вернусь за ним. Может быть, старик согласится ехать в вагоне.

Варька удовлетворенно кивнула.

— Все так... Шаманка никогда не врет. Тулеева сказала, что старый лекарь не идет с

тобой на войну, потому что чует смерть. Ты принес ему смерть, Кузнец.

У Артура нестерпимо чесались руки вытащить зеркало, в котором прятался Хувайлид, и шарахнуть о ближайший булыжник. Похоже, джинн так и не избавился от пагубного черного юмора. Зашвырнул президента из Греции в Сибирь, и нет чтоб в город, а прямо в лапы голодному медвежонку! Еле справился со зверем, чуть от потери крови не помер, потом дикари хотели на салат пустить... Страшно представить, что сейчас творится в греческой пещере, возле Малахитовых врат. Ребята, наверное, с ума сходят, потеряли его окончательно...

А может статься, прошло уже несколько месяцев, или даже лет, война давно закончилась, Карамаз захватил Украину, в Питере в думе перестреляли друг друга и выбрали нового президента...

Зеркало честно отражало рваные тучи и темно-зеленый мох надвигающихся сопот. Подлый джинн, судя по всему, ковырялся со своими электрическими личинками.

Лошадь Бубы ступила в распахнутую калитку городка. На заостренных кольях забора блеснули капли свежей смолы, стрелки на башне шептались, показывали пальцами. Бородатые стражники салютовали отставной атаманше, готовясь немедленно воткнуть на место тяжелое бревно. Вдоль улиц, двумя колоннами, безмолвно стояли жители Читы-8, Откуда-то все узнали, что страшный человек уезжает и с ним уезжает Варвара.

— Тебе лучше остаться, — предпринял последнюю попытку Артур. — Они теперь ненавидят нас, за то, что мы тебя забрали...

— Они трусы, — жестко бросила девушка. — Трусы! Паршивые псы!! — Она остановила коня в воротах, презрительно сплюнула в сторону часовых. Здоровенные мужики попятились, пряча взгляды.

— Стойте!!

Мгновенно аллея пришла в движение, словно кто-то отпустил кнопку «пауза». Люди загомонили, точно испуганные галки. Хором залаяли собаки, под Бубой встала на дыбы лошадь. Синий дикарь от неожиданности выпустил стремя и кувыркнулся в пыль. Но никто над ним не смеялся, десятки глаз смотрели в другую сторону. Со стороны Дома культуры донесся дробный стук копыт. Четверка широкогрудых мохнатых жеребцов, закованных в латы, рысью влекла громышащий тяжелый экипаж. Артур не сразу сообразил, что же ему напоминают глазницы выбитых фар...

К воротам мягко подкатила кабина роскошного американского тягача. Это был белый монстр из семейства Кенвудов, на сносной резине, в устрашающих байкерских картинках, с вертикально торчащей, хромированной трубой, с решетками на окнах, со спальным отделением, кухней и двумя пулеметами. Один ствол торчал из задней стенки жилого отсека, другой свободно покачивался на турели поверх двигателя. На широком бампере, укутанный с головы до ног в частую кольчугу, важно восседал один из подручных Бродяги. Он держал в руках вожжи и хлыст, управляя конями. Позади, на платформе полуприцепа была задом наперед укреплена кабина грузовика поменьше, ободранная, оббитая снаружи броней. Из вырезанного в кабине верхнего люка наполовину высовывался еще один парень в кольчуге и шлеме. Два длинных почерневших ствола под его руками выдавали огнем.

Судя по реакции горожан, сей устрашающий экипаж они увидели впервые. Стражники попрятались за створками ворот и выглядывали оттуда, как испуганные сурки из нор. Отчаянные мальчишки перешептывались за спинами матерей. Стало слышно, как позвякивают на тяжеловесах кольчужные пластины. Благодаря шипам на неуклюже согнутой броне, лошади походили на фантастических ежей.

Дверца в кабине тягача распахнулась, толпа ахнула.

— Бродяга... — От волнения у Варвары пропал голос.

Старец коротко постригся, переделался в толстые штаны, болотные сапоги и широкую брезентовую попону. Судя по его скованным движениям, под попоной почти наверняка скрывалось нечто понадежнее.

— Что уставился, дитя? — улыбнулся старец одним лишь краем рта. — Давайте уж оба

сюда залезайте. Чай, удобнее тут, покуда дорожка позволит. А синему своему, болотнику, вели коней позади привязать, пушай с Лукой в башне хоронится. Ну, долго ждать-то?!

— Отец... отец...

— Отец, как же так, на кого оставляешь? — захныкали в толпе.

— Не покинь, спаситель, как мы без тебя?

— Что ж променял нас на этого?

«Еще немного — они опомнятся и перекроют нам выезд», — отстранено подумал Коваль, незаметно освобождая ноги из стремян. Он заметил, что Варвара уже держится за притороченный за спиной арбалет.

— Я вас не променял, — старец хлопнул кулаком по металлу. — А только мне теперь, братцы, самому спаситель надобен.

— Ты с нами, Бродяга? — не в силах сдержать радость, заулыбался Артур.

— Не дай тебе бог обмануть меня! — наставил на него острый палец старик. — Ежели не окажется там Малахитовых врат, о которых мне песни пел, — прокляну, мало не покажется! Мне гулять некогда!..

— Мне тоже некогда, — согласился Артур и галантным движением подсадил оробевшую атаманшу в кабину.

Лука хлестнул лошадей. Бронированные тяжеловесы рванули с места. Буба запрыгнул на платформу.

— Вот и славненько, — проскрипел за пазухой президента джинн. — Экипаж в сборе, от винта!

— Ах ты сука! — с чувством произнес Артур. — И все это время ты притворялся, что нет связи?

— С кем это ты? — изумился Бродяга.

— Что с тобой, Кузнец? — отодвинулась Варвара. Огромные колеса Кенвуда подпрыгивали на шоссе. Лошадки резво несли к лесу. На запад вела прекрасно сохранившаяся бетонка.

— Тут такое дело... — кашлянул Артур, доставая зеркало. — Короче, все равно придется познакомиться. Как бы помягче вас подвести?.. Вот ты, Варвара, бабочек любишь? Тогда чур не орать...

Конец четвертой книги